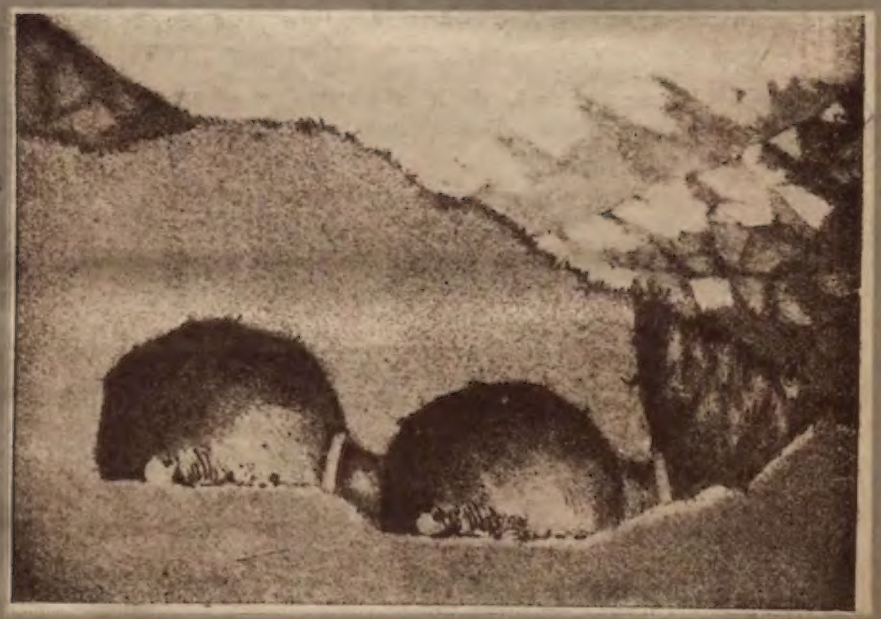
Готье.
Железный в...
в Восточ.
Европе.
Я 36/323

Я
32

3 рубля

ПРОФ. Ю. ГОТЬЕ

ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ



ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ★ 1930

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА—ЛЕНИНГРАД

КУЛЬТУРА ДРЕВНЕГО ВОСТОКА

ХЕТТЫ и ХЕТТСКАЯ КУЛЬТУРА

Статьи Ж. Контено и проф. А. Захарова. Тексты хеттских законов (перевод). Редакция и предисл. проф. И. Н. Бороздина. С рис. и картою хеттского мира. Стр. 152. Ц. 50 к.

СОДЕРЖАНИЕ: Предисловие И. Н. Бороздина. Хетты. Статьи Ж. Контено. Перевод с французского Н. Хлебниковой. Хеттская культура. Статьи проф. А. Захарова. 1. Очерк изучения хеттов. 2. Памятники хеттов. 3. Происхождение и язык хеттов. 4. История хеттов. Хеттские законы. Пер. А. А. Захарова.

Крживицкий, Л. Хозяйственный и общественный строй первобытных народов. В сокращенном изложении В. П. Друнина. М.—Л. 1925. Стр. 288. Ц. 40 к.

Липперт, Ю. История культуры. С дополнениями и примечаниями Н. Н. Андреева и Л. В. Щеглова. С 98 рис. в тексте. „Прибой". Л. 1925. Стр. 261. Ц. 50 к.

де-Морган, Жак. Доисторическое человечество. Общий очерк доисторического периода. Перев. с франц. В. Худадова. С пред. проф. В. А. Городцова. С 190 рис. и картами в тексте. М.—Л. 1926. Стр. XIV + 315. Ц. 1 р. в/п. 1 р. 35 к.

Тан-Богораз, В. Г. Распространение культуры на земле и основы этнографии. 1928. Стр. 316. Ц. 3 р. 50 к.

ПРОДАЖА ВО ВСЕХ МАГАЗИНАХ И ОТДЕЛЕНИЯХ ГОСИЗДАТА

Книга имеет:

Выпуск	В переплети. един. соедин. №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служебн. №	Наклад и исписка
			2		26	67

758

Шифр
Инв. № 11477
ВСЕР. НАУЧН. АССОЦИАЦИЯ ВОСТОКОВЕД.

Проф. Ю. В. ГОТЬЕ

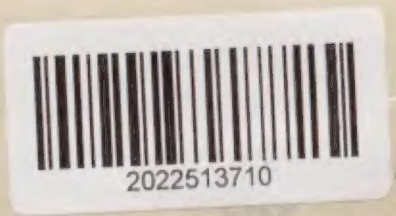
36
323

ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

Научно-политической секцией Государственного ученого совета допущено в качестве учебного пособия для вузов

МОСКВА — ЛЕНИНГРАД
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1 · 9 · 3 · 0

Отпечатано в типографии Госиздата
«КРАСНЫЙ ПРОЛЕТАРИЙ»,
Москва, Краснопролетарская, 16,
в количестве 3 000 экземпл.
Главлит № А — 62081
Гиз С—70 № 37352
Заказ № 247
17½ п. л.



Взамен утр.
книги

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Предлагаемая книга охватывает последний период доисторической жизни Европейской части СССР, обнимая собою время приблизительно от Геродота до конца первого тысячелетия хр. эры. Она посвящена анализу явлений, происходивших во внутренних областях страны, так как железный век в Причерноморском крае, совпадающий с развитием скифо-сарматской культуры, уже рассмотрен мною в другой работе. Почти полное отсутствие письменных источников, которые освещали бы внутреннюю жизнь страны в рассматриваемый период времени, естественно заставило положить в основу работы материал вещественный — памятники материальной культуры. Последнее обстоятельство не могло не оказать определенного влияния на самый характер изложения.

Основываясь на археологическом материале, можно дать иногда широкую, иногда более ограниченную картину быта материального и на основании ее строить некоторые выводы экономического и социального характера. Редкие упоминания об отдельных событиях имевших место в восточно-европейской равнине в первое тысячелетие хр. эры, дошли до нас исключительно в письменных памятниках чужеземных, более цивилизованных народов; такие известия рассматриваются в работе как материал подсобного характера. Кроме общей бытовой картины, вещественные памятники, т. е. главным образом остатки жилья, разного вида могильники и монетные клады, нередко дают возможность представить общий очерк народных передвижений и колонизационных процессов, совершавшихся в рассматриваемую эпоху в нашей стране. Это в особенности касается, с одной стороны, славян, с другой—тюркских народностей, занимавших юго-восток Восточной Европы.

В самом конце работы сделана попытка осветить при помощи археологического материала «норманнский» или «варяжский» вопрос, имеющий столь солидное прошлое в нашей ученой литературе.

Предлагаемая книга имеет тесную связь с книгой автора «Очерки по истории материальной культуры Восточной Европы», вышедшей в 1925 г., и завершает рассмотрение общих вопросов доисторической эпохи Восточной Европы, поставленных в первой книге. Обе книги сложились постепенно, в ходе занятий автора по систематической обработке археологических курсов, читанных в разное время в I МГУ.

Выпуская в свет свою работу, автор отчетливо сознает, что некоторые из поставленных в книге вопросов разрешены им в порядке

гипотез и что некоторые из его выводов встретят возражения со стороны археологов и историков. Автор, однако, остается при твердом убеждении, что его предположения формулированы с полной осторожностью и что дальнейшие специальные исследования в области до-истории Восточной Европы внесут в выводы автора необходимые поправки и дополнения.

Автор сожалеет, что необходимые территориальные обозначения ему приходилось давать применительно к устаревшей и на территории С.С.С.Р. уже недействующей административной терминологии. Совершенно неотвратимой причиной необходимости поступать так является то обстоятельство, что этой терминологией пользуется почти вся существующая специальная археологическая литература; применительно к прежнему административному делению и по тем же причинам дается в большинстве случаев и территориальное обозначение важнейших археологических находок в нашей стране.

Выпускаемая книга имеет в виду прежде всего нужды научной смены, изучающей прошлое Восточной Европы и до сих пор не имеющей в своем распоряжении обобщающего очерка доисторической эпохи в нашей стране; автор убежден, что быстро развивающаяся у нас краеведческая наука также найдет в предлагаемой книге некоторые ответы на свои многочисленные и многообразные запросы.

ГЛАВА I.

ЮГО-ЗАПАД ОТ ГЕРОДОТА ДО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ.

Изучение железного века внутренних областей Восточной Европы много труднее и сложнее, чем изучение того же периода юга С.С.С.Р., куда проникал исторический свет из мира классической цивилизации; оно, может быть, даже труднее, чем изучение эпох предшествующих. Памятники бронзового века, поскольку они до сих пор нам известны, составляют определенные острова или островки; ни к ним, ни тем более к памятникам каменного века мы не можем приурочивать каких-нибудь догадок о племенном составе или происхождении носителей каждой данной культуры. По отношению к носителям культуры железного века, которые оставили следы своего пребывания по всему широкому лицу нашей страны и хронологически уже близко стоят к историческим временам, является не только искушение определить их имя и национальность, но нередко становится уже обязательным ставить и посильно разрешать такой вопрос. А между тем письменных источников почти нет, а памятники археологические, вещественные, продолжают быть очень редкими или же остаются до сих пор недостаточно известными. В частности это приходится сказать об археологических памятниках местностей, прилегающих с севера к области распространения скифо-сарматской культуры, и почти ко всей русской равнине за время, непосредственно исследованное за исчезновением и сарматов и греческих поселений на русском юге. Чтобы достигнуть сколько-нибудь удовлетворительных результатов при научном исследовании, приходится призывать помощь отовсюду, откуда она только может притти, и помимо изучения вещественных остатков пользоваться всеми возможными данными, как бы они ни были скудны и бедны. Это тем более необходимо, что на смену сарматам в сумрачном хаосе великого переселения народов появляются славянские племена, будущие прочные насельники восточно-европейской равнины, которые ранее несомненно обитали где-то неподалеку от областей скифо-сарматской культуры. Вместе с ними, точнее, даже ранее их, появляются мимолетно задевшие в своих странствованиях Восточную Европу племена германские. Задания расширяются; вопросы, подлежащие решению, становятся глубже и шире, а между тем средства, которыми располагает исследователь, еще скуднее, еще ограниченнее. Все это заставляет быть еще более пытливым и вместе с тем еще более осторожным, нежели ранее.

Северо-западная часть Скифии была, как мы знаем, занята населением полуоседлым или оседлым, самая единоплеменность которого со скифами подвергается сомнению. Как скифы-пахари, так и особенности подвластные скифской державе племена, жившие далее за ними в пределах бывш. Подольской и Киевской губерний и ведшие торговые сношения с приморскими греческими колониями, сохранили какие-то своеобразные черты, которые смутно сохранились в их погребальных сооружениях, несмотря на то, что во многом эти погребальные сооружения родственны и по ритуалу и по инвентарю скифским могилам южных степей. Едва ли северные и северо-западные политические границы Скифии были очерчены точно. И политическая власть и культурно-бытовое влияние Скифии постепенно уменьшались по мере отдаления от ее степного центра. Во всяком случае приблизительно на широте современного Киева, где замирают последние волны скифского и греческого культурных влияний, мы встречаем уже за несколько веков до христианской эры жилые археологические памятники, нежели те, которые мы относим к скифской культуре.

Среди этих памятников прежде всего встречается много городищ, т. е. остатков жилья, которые неопровержимо указывают, что здесь в первом тысячелетии до христианской эры жило оседлое население. Одним из наиболее интересных городищ этого рода является городище Жарище или Пастерское, расположенное около с. Пастерского б. Черкасского уезда Киевской губернии; оно, как и некоторые другие подобные ему городища, было исследовано В. В. Хвойко в конце XIX и начале XX вв. Пастерское городище расположено в виде круга на двух холмах, разделенных р. Сухой Ташлык; разделенное таким образом на две неравные части, оно в общем занимает площадь размером до 35 тыс. *кв. м* и окружено глубоким, прекрасно сохранившимся рвом и насыпным валом, доходящим местами до 20 *м* в вышину, а у основания до 12—14 *м* в толщину, с четырех сторон в нем проделаны обширные въезды. Верхняя часть наружного вала была покрыта комьями или сплошными слоями выжженной глины; в насыпи часто замечались толстые обугленные бревна в горизонтальном положении и остатки обугленных, торчавших из земли кольев. Вся внутренняя часть городища, составлявшая пахотное поле, усеяна множеством черепков, костей, рогов домашних животных и комков обожженной глины. Местами в юго-западной, большей половине городища были обнаружены кучи золы, под которыми были расположены площадки из выжженной глины со сглаженной поверхностью и остатками стенок, пространством несколько более квадратного метра. У одной из таких площадок уцелели все четыре стенки, образуя нечто вроде склепа, доступ в который возможен был только сверху. На поверхности площадок лежали пережженные человеческие кости, большей частью черепные; на площадке была сосредоточена и большая часть найденных на городище предметов. Это показывает, что описанные площадки служили местами погребения с обрядом сожжения и что для праха умерших сооружались глиняные склепы, быть может слегка напоминающие погребения процветавшей когда-то в этих же местностях трипольской культуры.

Инвентарь, найденный как на этих площадках, так и около них, очень богат и разнообразен. Так, здесь было обнаружено множество черепков глиняных сосудов, особенно нижних частей остродонных греческих амфор, греческих расписных терракотовых ваз с черной глазурью на коричневом или белом фоне и, наконец, частью разбитые, частью цельные сосуды скифского типа. Все это уже нам знакомо по древностям юга С.С.С.Р., но керамика Пастерского городища дала и нечто новое: в ней заметное место принадлежит обломкам сосудов, образцы которых найдены на так называемых полях погребений, которые мы будем подробно изучать ниже. Здесь же были найдены обломки грубых статуэток, много бронзовых и железных наконечников стрел, ножи (один бронзовый, остальные железные), серпы, ножницы и топоры различной формы и обломки железного оружия—мечей и копей. Очень часто попадались различные украшения, например: гладкие бронзовые браслеты, серьги, колечки, мелкие вещи из бронзы, серебра и даже платины, фибулы, с изображениями звериных и птичьих головок, разного вида бусы, в том числе одна золотая, бронзовые бляшки и части бронзовых сосудов, иголки и другие мелкие орудия, нередко поврежденные огнем. Между прочим здесь были найдены и два каменных топорика. Тут же на юго-западной половине городища в особых ямах на глубине 50—80 *см* были найдены каменные зернотерки, железные земледельческие орудия и предметы домашнего обихода—серпы, лемехи, ножницы, топоры, лопаты, гвозди, как будто относящиеся к значительно более позднему времени.

В северо-восточной, меньшей части городища было обнаружено 26 мест, в которых нельзя было не признать остатков жилищ. На 30—50 *см* под уровнем земли, в слое чернозема, открывалось внутреннее пространство жилья в среднем около 20 *кв. м*, покрытое кусками обожженной глины с отпечатками кольев и хвороста; несколько ниже находилась заменявшая кухню яма в 2—3 *м* длины, 1—1½ *м* ширины и 1½—2½ *м* глубины, наполненная слегшимся слоем перемешанных вместе земли, кусков глины, золы и угля. Кроме костей здесь встречались железные ножи, топоры, серпы, лопаты, каменные зернотерки и песты, обломки глиняных сосудов, фибулы, браслеты, серьги, привески, кольца и другие украшения из бронзы, сплава янтаря, стекловидной массы и кости; попадались и отдельные мелкие золотые вещи. На самом дне каждой ямы неизменно обнаруживались остатки развалившейся печи или круглого очага, несколько возвышавшегося над полом ямы. В одной из ям, более обширной и глубокой, были найдены обломки глиняного столба, верхняя часть которого представляла круглое углубление, что заставило предположить в нем род жертвенника; вокруг него лежали черепки разбитой миски и несколько других сосудов скифского типа, а в окружающей почве попадались обугленные желуди, орехи и зерна пшеницы вместе с обгоревшими костями и значительным количеством золы и угля.

Пастерское городище далеко не единственное в своем роде. В том же Черкасском уезде было исследовано громадное Мотронинское городище; в соседнем Каневском уезде—городище при с. Хмель-

ной; такие же городища—Великобудовское, Локнянское и Песчанское—обнаружены и исследованы также на левом берегу Днепра, в б. Роменском уезде Полтавской губернии. Все они дали инвентарь, схожий с инвентарем Пастерского городища; к предметам, перечисленным выше, можно добавить еще бронзовое оружие очень раннего времени и еще более древние предметы—каменные орудия и статуэтки, подобные трипольским.

Уже краткое описание киевских и полтавских городищ ставит нас лицом к лицу с памятниками очень сложного типа. Прежде всего эти городища служили обиталищем людей в течение очень долгого времени,—каменные орудия, статуэтки и обстановка погребений внутри самих городищ указывают на какую-то преемственную близость с культурой погребальных площадок или трипольской, стоящей на границе неолита и первой эпохи металлов; обломки греческих чернолаковых сосудов и довольно обильные предметы скифского происхождения не оставляют сомнения, что жизнь в этих городищах существовала одновременно с лучшим временем греческих колоний и Скифии, т. е. в течение V—VI вв., предшествовавших христианской эре. Особенно большое количество предметов именно этого времени дает повод думать, что последние века до христианской эры были может быть временем процветания жизни днепровских городищ. Но скифо-греческая культура не была в них безусловно преобладающей; доказательство этого—особый, новый ритуал погребения и наличность сосудов, типичных для иной обстановки погребений, к изучению которой мы сейчас перейдем. Обращает внимание и то, что в них попадаются и очень поздние предметы: украшения того стиля, который пришел с востока, распространился среди сарматов и в позднем Боспорском царстве и был воспринят германскими племенами эпохи великого переселения народов, например готами, и, наконец, предметы несомненно славянского происхождения, времени, близкого к великокняжеской Киевской Руси. Но если даже оставить пока без внимания и корни и конец культуры этих городищ и остановиться только на раннем железном веке, современном существованию греческих колоний и скифской державы, то можно ясно видеть, что люди, жившие в описанных выше городищах, по своей культуре существенно отличались от обитателей южно-русских степей. Особенности их культуры станут еще яснее, когда мы изучим их погребения.

При раскопках городища Пастерского или Жарища с южной стороны была обнаружена группа курганов, числом 19, большею частью очень низких—результат распашки. Раскопки этих курганов показали, что обрядов было два: зарывание покойника в землю и сожжение. Первый из этих обрядов почти вполне воспроизводит уже хорошо знакомую нам обстановку скифских погребений среднего по богатству типа; лишь в некоторых могилах можно было наблюдать небольшие варианты, удаляющиеся от основного скифского типа; но в пограничных местах северо-западной оседлой Скифии такие варианты нередки, и в свое время они были отмечены. Обычным и знакомым представляется и инвентарь этих погребений. Совсем иную картину представляют могилы второго типа

с обрядом сожжения. Под невысокой, не превышающей 1—1½ *м* насыпью, от 30 до 50 *м* в окружности, обыкновенно на уровне земли находился местами сплошной, местами раздробленный слой выжженной глины, ставшей почти кирпичом; в этом слое попадались обгоревшие человеческие кости. Вокруг них обычно были находимы черепки двух или трех разбитых глиняных сосудов и некоторые предметы обихода, например: железный нож, каменный брусок, бронзовая шпилька, бронзовый браслет, железный топорик. В одной из подобных могил было четырехугольное углубление, стенки которого были выжжены докрасна; на полу его, на гладком сплошном слое выжженной до кирпичного цвета глины, лежали почти пережженные человеческие кости с небольшим количеством сухой золы. При них стоял небольшой глиняный сосуд с высокой ручкой и глинцовитой темносерой поверхностью; здесь же находились черепки еще трех сосудов, в том числе миски. Как кости, так и сосуды были прикрыты сверху толстыми пластами глины, с одной стороны гладкими, а с другой—носившими отпечатки толстых кольев. Восстанавливая обстановку похорон, можно представить себе, что покойника сжигали на уровне земли или в яме, обложенной глиной, причем с ним вместе ставили и глиняные сосуды; наиболее огнеупорные сохранялись невредимыми, другие распадались. Присутствие железных предметов в бедном инвентаре, сохранившемся в этих могилах, позволяет датировать их приблизительно той же эпохой, как и ближайшие погребения, т. е. относить их за несколько веков до христианской эры.

Типичными чертами курганных могил с обрядом сожжения является глиняная площадка, несколько напоминающая глиняные обмазки трипольской культуры, и очень небогатый инвентарь. Последний, равно как и самый обряд сожжения, существующий одновременно с погребением, сближает их с новым видом могил, который нам предстоит теперь изучить,—с так называемыми полями погребальных урн, распространенными между прочим и в том крае, где находятся только что рассмотренные городища. Но прежде всего, что такое поле погребальных урн? Поля погребальных урн или поля погребений представляют собою более или менее обширные могильники без всяких признаков насыпей, расположенные на плоских возвышенностях и отчасти на их склонах. В них встречаются совместно оба погребальных обряда—сожжение и зарывание покойника в землю. Погребения первой категории, за некоторыми исключениями, находятся обыкновенно на незначительной глубине от поверхности земли, начиная от 20 *см* до 1 *м*. Сожженные кости, иногда перемешанные с уцелевшими, но по большей части поврежденными огнем металлическими предметами (фибулами, шпильками и т. п.) и кусками расплавленного стекла, наполняют обыкновенно урну или другой сосуд, при котором стоят остальные сосуды; последних иногда довольно много, причем они бывают часто очень различной формы—в виде мисок, чашечек, горшочков и т. д. Иногда кости находятся в урне без всяких предметов; последние лежат тогда возле нее или между другими сосудами. А в некоторых случаях остатки обожженных костей, зола и уголь вместе с другими пред-

метами лежат непосредственно на глиняной площадке, обставленные сосудами, расположенными вокруг них или сгруппированными в стороне.

Погребения второго рода находятся гораздо глубже, от 1 до 3 и даже до $3^1/_2$ м. Направление скелетов различно—на запад, северо-запад, юг и юго-запад; они лежат на спине, в вытянутом положении, с различным расположением рук; преобладающим является параллельное туловищу. При них имеется по нескольку сосудов, расставленных обыкновенно вдоль всего тела с левой стороны, иногда у поясницы или в ногах и в особенности у головы. В одном из сосудов, чаще всего имеющем форму миски, а иногда и под ним, находятся в большинстве погребений кости барана, при которых нередко бывает воткнут в землю железный нож. Количество сосудов при отдельных погребениях колеблется от 3 до 12; среди них попадаются иногда стеклянные. Инвентарь полей погребальных урн очень небогат, особенно если его сравнить с инвентарем богатых скифских погребений. Он состоит из бус сердоликовых, янтарных, стеклянных, коралловых, сделанных из раковин. В составе его встречаются подвески из морских раковин с продетыми в них бронзовыми кольцами, верхняя часть которых заканчивается плетением и несколькими узелками. Как исключение встречаются подвески серебряные. Очень часто находят на ногах погребений серебряные, бронзовые и железные фибулы, по большей части по одной или по две на левом плече, и такие же поясные пряжки, также по одной или по две; не менее часто встречаются бронзовые и серебряные гладкие пластинки различной формы, служившие, вероятно, украшением какого-то кожаного или деревянного предмета, бронзовые иглы, шилья, кольца, шпильки и браслеты из расплющенной проволоки, наконец ножи и серпы. При погребениях обоего рода весьма часто были находимы также костяные гребешки разной формы и величины, украшенные бронзовыми и железными кружочками и резным орнаментом в виде кружков или волн. По большей части они лежали у головы, иногда у поясницы, а иногда в одном из сосудов (рис. 1).

Такова общая картина полей погребальных урн, найденных и исследованных на территории Восточной Европы. Чтобы выяснить их значение среди других разнообразных археологических памятников нашей страны, надо по возможности точнее определить эпоху, к которой они относятся, и географические пределы их распространения. Недалеку от б. австро-русской границы, в Бродском уезде, в Галиции, близ с. Чехи, находится обширный могильник изучаемого типа, в котором львовский проф. Шараневич[1] и украинский ученый М. С. Грушевский[2] раскопали и исследовали несколько сотен могил, расположенных на поле без признаков внешней насыпи. Общая обстановка могил не отличается от вышеприведенного описания;

[1] *J. Szaraniewicz.* Cmentarzyska przedhistoryczne we wsiach Czechy i Wysocko w powiecie Brodzkiem, Lwow 1848; его же Das grosse prähistorische Grabefeld zu Czechy (Mittelungen der Centralcommission zur Erforschung der Denkmale, Wien 1991).

[2] *М. Грушевский.* Похоронное поле в с. Чехах, «Зап. Научного товарищества им. Шевченко», XXXI—XXXII.

в с. Чехи представлены как сожжение, так и погребение в землю, но по составу утвари отдельные могилы сильно отличаются. Древнейшие, правда не особенно многочисленные, погребения переносят нас в обстановку каменного века: вместе со сделанными от руки горшками в них были находимы кремневые пилки, молотки, ножи, стрелки. Этот же могильник дал множество погребений с предметами из бронзы и столь же много других с ясно выраженным инвентарем железного века. Если в подобных случаях мы не имеем дела с каким-нибудь сознательным архаическим пережитком, с обязательным ритуальным употреблением каменных орудий в позднее время, то это обстоятельство говорит о том, что могильник в с. Чехи, воз-

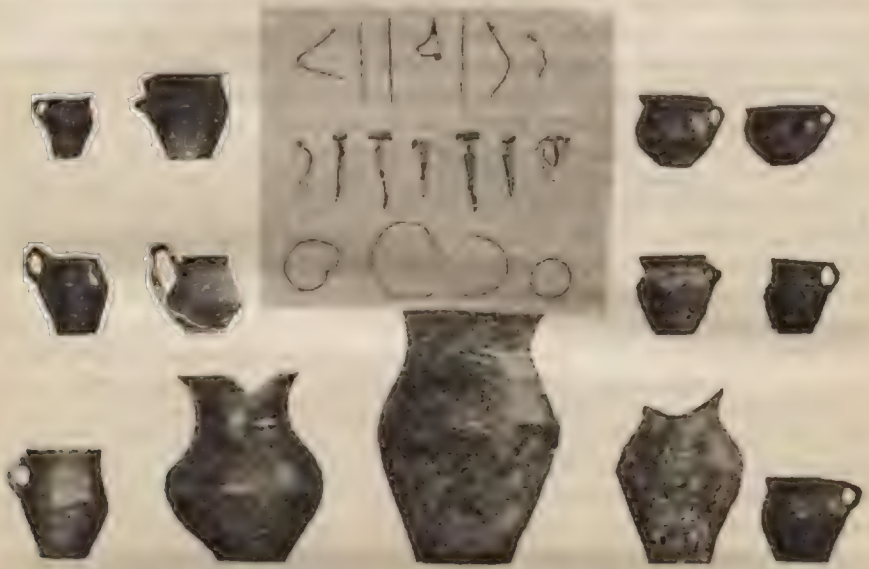


Рис. 1. *Инвентарь полей погребальных урн.*

можно, служил для погребений в течение очень долгого времени и что начали погребать там на заре эпохи металлов, которая в этом сравнительно тихом уголке, вдали от больших дорог, могла наступать и довольно поздно. Однако мы едва ли ошибемся, если древнейшие могилы в с. Чехи отнесем за несколько столетий до христианской эры, между тем как наиболее поздние из известных уже могил относятся к первым векам хр. эры.

Описанные выше могилы и городища б. Киевской губ. с курганной насыпью, свидетельствующие об обряде погребения, схожем с обрядом, наблюдаемым в бескурганных погребениях похоронных полей, ставят нас лицом к лицу с периодом, современным скифской культуре. Следы подобных обрядов встречаются и в некоторых курганных могильниках, расположенных отдельно от городищ, например, в некоторых погребениях могильника при с. Прусы, б. Чигиринского уезда Киевской губ.[1].

[1] *Бобринский.* Курганы и случайные находки близ местечка Смела, II, 69—70.

Погребальное поле при с. Зарубинцы б. Каневского уезда, той же губернии, дало бронзовые фибулы гальштадского типа. Наиболее древние предметы керамики, найденные на этом поле, сделаны от рук и близки к скифскому типу. Сходные предметы дают и погребальные поля, открытые и исследованные по левому берегу Днепра в б. Остерском уезде Черниговской губернии и Переяславском уезде Полтавской. Есть поля погребальных урн еще более молодые. Таковы могильники при с. Черняхово б. Киевского уезда и с. Романки б. Васильковского уезда. Здесь, кроме уже знакомых нам предметов, встречающихся при обоих обрядах погребения, находимы были предметы римской императорской эпохи и, что самое интересное,— серебряная монета с изображением императрицы Фаустины, жены Марка Аврелия, относящаяся к 70-м годам II в. хр. эры. Этот факт говорит о том, что могильник продолжал еще служить для погребений и тогда, когда эта монета, может быть после долгих странствований, попала в скифские степи, т. е. в III—IV вв.

Так изучение хронологического периода, к которому относятся поля погребальных урн, приводит к весьма важным и интересным наблюдениям: их хронологический размах очень велик—взятые вместе, от древнейших до самых младших, они обнимают время, превышающее тысячу лет и доходящее вплотную до великого переселения народов, которое коснулось и территории полей погребальных урн. Из могил тех погребальных полей, которые известны до настоящего времени, огромное большинство относится к II—IV вв. хр. эры. Черепа, находимые в погребальных полях, дают очень устойчивый и определенный длинноголовый тип, что как будто указывает, что поля погребальных урн, равно как и более редкие курганные погребения, указывающие на схожий обряд, принадлежат одному племени, которое в течение долгих веков до христианской эры и после неизменно оставалось на насиженных местах.

Если это так, то тем более интересно по возможности точно определить территорию их распространения. Говоря об этом применительно к России, знаменитый чешский археолог Л. Нидерле в начале XX в. находил, что для изучаемой области археология, в то время как на Западе и «на Висле местности достаточно изучены, в Восточном Закарпатье, от Северного (Западного) Буга к Днепру, исследование остается сильно запоздавшим»[1]. Он ссылался при этом на мнение видного представителя русской археологической науки А. А. Спицына, выразившего мысль, что после скифской эпохи «в наших сведениях следует огромный пробел, так как от медного или бронзового века мы должны перейти непосредственно к памятникам не ранее II—I вв. до р. Х.»[2]. С тех пор, однако, кое-что было сделано и некоторые новые материалы добыты. С помощью их уже можно обрисовать в общих чертах ту территорию, где быть может с незапамятных времен и до великого пере-

---

[1] *L. Niederle*, Slovanské starožitnosti, I, 492.

[2] *А. А. Спицын*. Обозрение некоторых губерний и областей России в археологическом отношении, «Записки Русского археологического о-ва», XI, 1—2, Новая серия, 1899, 253; там же, 279.

селения народов была распространена культура, отражением которой являются погребальные поля. Правда картина остается еще очень нечеткой, и препятствием к ее уточнению являются как раз свойства изучаемых памятников: лишенные курганных насыпей, поля погребальных урн открываются только случайно. Если за последние 20 лет нам сделались известными некоторые новые памятники этого типа и если накопленный материал возможно теперь сближать и сопоставлять с некоторыми курганными могильниками, современными полям погребений, все же, даже при самых благоприятных условиях исследования, пройдут очень долгие годы, пока можно будет нанести на карту все поля погребальных урн, находящиеся на территории Восточной Европы.

До сих пор на территории, занятой русским племенем, поля погребальных урн обнаружены и исследованы в следующих местах в направлении с востока на запад: в б. Полтавской губ. —Ромненского уезда при с. Малые Буды; Переяславского уезда при селах Койлове и Рудакове;—при селах Пуховка; Погребы, Бортничи и Вишенки Остерского у. Черниговской губ.; в бывш. Киевской губ. того же у. при с. Черняхове, при деревне Залесье Радомысельского у.[1], при местечках Триполье, Ржищево, селах Тростянцы и Романки Васильковского у., при селе Зарубинцы Каневского у.; в б. Подольской губ. при с. Кринички Балтского у. и предположительно, так как не было произведено систематических исследований,—при с. Сенява Новая Литинского у. и при с. Говоры Уманского у.[2]; на Волыни в урочище Круча близ деревни Ленесовка б. Кременецкого у.[3], в урочище Карниловка б. Овручского у. и в предместье города Луцка—Вульке[4]; в Галиции—при селах Чехи, Плесписка, Высоцкое и Ясенево Бродского у. и при селах Раковый Кут и Увисло, в Гусятинском уезде по долине р. Збруча[5]; в б. Гродненской губернии при селах Вистины, Рогачи, Мотыкалы, м. Клещели и Брянск и наконец при д. Скорбичи; последняя местность находится к северо-востоку от г. Бреста; остальные—к северу и северо-западу, по большей части неподалеку от течения р. Бута. Если к этим данным прибавить еще городища и курганы с обрядом сожжения, найденные в б. Черкасском уезде Киевской губернии, то намечается широкая

---

[1] *Беляшевский*, Поле погребальных урн эпохи Ла-тэн в Радомысельском у. б. Киевской губ. (Археологическая летопись Южной России, 1904, № 1—2). Опираясь на найденную здесь настоящую Латэнскую фибулу, исследователь относит обнаруженное им погребальное поле к самому концу Латэнской эпохи, примерно около наступления христианской эры; он полагает, что фибуле нужно было иметь время, чтобы перекочевать в глушь нынешнего Киевского края.

[2] О погребальных полях б. Подольской губ. см. краткие указания у *Сещинского*, Археологическая карта Подольской губ., Труды XI археологического съезда, I, 215—216, 255—256, 303, и в Записках Русского археологического общества, XI, Новая серия, 278.

[3] Отчет Археологической комиссии 1905 г., 76, быть может такие же находки в том же уезде: отчет 1909—10 г., 201.

[4] *Антонович*, Археологическая карта Волынской губ., Труды XI археологического съезда, I, 19—49.

[5] *Грушевский*, Похоронное поле в с. Чехах, «Зап. Н. Т. им. Шевченка», XXXI—XXXII; Zbiór wiadomości do antropologii krajowej, XV, 27—43.

дуга, которую можно считать примерно за южную границу области полей погребальных урн. Начинаясь на левом берегу Днепра, неподалеку от устьев Десны, она захватывает северо-западную часть б. Полтавской губернии, идет на юг или юго-запад, переходит на правый берег Днепра, захватывая местность близ устья Роси, и идет к западу примерно по 49° северной широты; далее она как будто загибается на север, направляясь, также примерно, вдоль течения Западного Буга, где поля погребальных урн прослежены до местности к северу от Бреста.

Это, конечно, пока только приблизительные очертания области погребальных полей на территории, занятой в настоящее время русским племенем. Можно не сомневаться, что поля погребальных урн будут во множестве найдены в пределах Волыни, где они, по мнению лучшего исследователя этого рода памятников в России, В. В. Хвойко[1], должны быть очень распространены. Немногие данные, которые приводились выше в подкрепление такого мнения, косвенно уже теперь подтверждаются многочисленными находками римских монет начиная с I в. хр. эры на территории Волыни[2]. Мы думаем, что по надлежащем исследовании всей этой местности мы в состоянии будем сказать, что весь край от Полесья до южно-русской степи в эпоху, обнимающую несколько веков до христианской эры и последующее время до V века, носит следы единой господствовавшей здесь культуры. Другой вопрос—заходила ли эта культура в области к северу от Полесья. Пока мы можем сказать это только о местностях по правому берегу Западного Буга; ни в восточной части б. Гродненской, ни в б. Минской губерниях следов существования погребальных полей пока не найдено. Но это не значит, что их там нет, а только то, что на них здесь еще не напали. Это объясняется отчасти и тем, что территория Минской губернии, особенно в ее южной и средней части, лесной и заболоченной, сравнительно мало исследована в археологическом отношении. Однако, принимая во внимание самый характер края в бассейне р. Припяти, можно предположить, что культура, современная полям погребальных урн, не переходила за южную границу Полесья и распространялась далее на север только значительно западнее по р. Бугу, которую можно примерно считать за западную границу непроходимого Полесья. Возможно также, что будущие исследования покажут, что культура погребальных полей охватывала Полесье кольцом, загибавшимся от Среднего Буга.

Если пока остается неясным, продолжалась ли культура погребальных полей к востоку от среднего течения Западного Буга, то мы можем достоверно сказать, что она простиралась далеко на запад. Поля погребальных урн хорошо известны на территории прежнего Царства Польского, Западной Галиции, а также по южному склону Карпат, в Познани, Силезии, Моравии и Северной Чехии, наконец

[1] *Хвойко*, Древние обитатели Среднего Поднепровья, Киев 1913, стр. 45.

[2] *Антонович*, Археологическая карта Волынской губернии (Труды XI археологического съезда, I, 28 Новогр.-Волынск. у.; 43—46 Ровенский у.; 60—61 Ковельский у.; 67 Дубенск. у., 79 Кременецкий у.; 91—95 Острожск. у., 97 Изяславск. у; 106 Старо-Константиновск. у.

еще далее на запад—в Лужицах и в Бранденбурге, где они доходят до Эльбы. В культуре погребальных полей во всех этих странах есть некоторая разница если не в самом ритуале погребения, то в характере утвари, т. е. главным образом керамики, которая одна только и представлена более или менее полно в этом виде могил. Несомненно керамика западных групп погребальных полей богаче и разнообразнее, нежели керамика погребальных полей в польских и русских землях. В керамике западных полей погребальных урн чувствуется влияние гальштадтской культуры и того обстоятельства, что области по Эльбе и Одеру лежали вдоль «янтарных» торговых путей, где происходили оживленные торговые сношения до великого переселения народов, т. е. до IV в. хр. эры[1]. Чем далее на восток, тем керамика беднее и по технике и по художественной работе.

В подробностях культуру погребальных полей все еще нельзя считать достаточно исследованной; поэтому трудно решить с достаточной достоверностью и вопрос о том, где она существовала территориально в наиболее древнее время. При современном состоянии наших знаний можно только с достаточной степенью вероятия предполагать, что наиболее древние погребальные поля находятся в Галиции: доказательством могут служить могильник в Чехах, корни которого, быть может, заходят в последний период каменного века, и могильник в Поповке (в Западной Галиции), где найдено очень небольшое количество бронзовых орудий и где часть сосудов сделана от руки.

Какое же заключение можно вывести из только что сделанного обзора полей погребальных урн? Сходство ритуала и общей обстановки этих археологических памятников заставляет предполагать единство культуры, которая существовала в течение первого тысячелетия до христианской эры и в первые века после нее и дожила до великого переселения народов. В целом эта культура обнимала очень широкую область от Северной Чехии и средней Эльбы до средней Вислы и Полесья, а южнее — до среднего Днепра и даже до левобережной Украины включительно; заходя на юг в Моравию, за Карпатский хребет и до среднего Днепра, она на севере захватывала часть Бранденбурга, почти всю Познань, почти все прежнее Царство Польское, по крайней мере по линии Западный Буг—Висла, в том месте, где эти реки текут с востока на запад, и охватывала местности к северу и востоку от Брест-Литовска; далее к востоку границу погребальных полей составляет Полесье, севернее которого этих памятников пока еще не обнаружено.

Можно думать, что колыбелью, из которой она распространилась, была Западная Галиция, т. е. северный склон Карпат и верхнее течение Вислы, Сана и Западного Буга, а может быть и край к востоку до Днепра. Единство культуры может привести также к мысли о единстве народа, который был ее представителем. Если так, то,

---

[1] О культуре погребальных полей в Средней Европе см. *Нидерле*, Человечество в доисторические времена, русск. пер., М., 1898, VI и VII; его же «Slovanské Starožitnosti», I, XV, Praha 1904 и *C. Schuchhardt*, Vorgeschichte von Deutschland, München—Berlin 1928.

следовательно, долгое время до великого переселения III—V вв. хр. эры очерченная сейчас местность должна была быть населена каким-то уже в то время многочисленным племенем. На востоке оно примыкало к скифской культуре, на западе достигало областей с ясно выраженными признаками галльштадской и более поздней латенской культуры, а на севере соприкасалось с богатой бронзовой культурой и с погребениями в каменных ящиках с обрядом сожжения и без курганной насыпи. В этой последней, северной культуре, распространенной к западу от нижней Вислы, в Померании, отчасти в Познани и Силезии, в Бранденбурге и далее к западу, современные германские археологи склонны преимущественно видеть древнейшую культуру германцев [1]. Однако предположение о едином племени, олицетворяющем культуру погребальных полей, встречает непреодолимые трудности на пути к своему признанию. Во-первых, мы не имеем никаких дополнительных данных, которые бы освещали вопрос о составе населения теперешних восточно-германских и западно-славянских земель до христианской эры; во-вторых, мы знаем, что во II—V вв. все эти области неоднократно меняли свое население. Вопрос открыт, в нем много загадочного, и при теперешнем состоянии наших знаний он не может быть разрешен в утвердительном смысле.

Обзор наш был бы не полон, если бы мы не отметили, что только упомянутые бескурганные могилы северной культуры, не имеющие насыпи и содержащие обычно несколько урн с пеплом, встречаются и в крае, где господствуют погребальные поля. Эта могила без насыпи представляет ящик из каменных плит, обложенных снаружи камнями; сверху она прикрыта также плитами и обычно находится неглубоко под поверхностью земли. В ящике стоят несколько погребальных урн с остатками трупосожжения. Предметы, находимые в этих могилах, очень своеобразны: из бронзовых предметов особенно характерны кольца с ушками и медные обручи, состоящие из нескольких друг на друга наложенных колец, соединенных сзади. На погребальных урнах нередко встречается грубо изображенное, стилизованное человеческое лицо, а крышка урны имеет вид как бы шляпы с полями. И керамика и бронза носят влияние южных стран, которое заносилось в бассейн Балтийского моря благодаря торговле янтарем. Основная область распространения ящикообразных могил указана уже выше; но такие же могилы с приблизительно однородным, хотя иногда и более бедным инвентарем встречаются, как я уже сказал, и на территории погребальных полей. Они встречаются целыми островами, как, например, в предгорьях Карпат в Восточной Галиции и далее на восток до Днестра. Они встречаются в прежнем Царстве Польском и спорадически на Волыни и в б. Киевской губернии, например в окрестностях Острога и в бассейне р. Ирпени. Там, где они занимают сплошную площадь, как, например, в Восточной Галиции, их можно представить как след влияния далекой северной культуры, и остается лишь попытаться объяснить их связь с этой последней; гораздо труднее определить

[1] См. об этом у *Kossinna*, Die deutsche Vorgeschichte, 3 Aufl., 1923.

происхождение отдельных могил в Польше и в России; пока они являются для нас загадочными.

Изучая новые виды археологических памятников, возникших в местностях по соседству с областью скифо-сарматской культуры за тысячелетний период времени, протекший от путешествия Геродота до конца великого переселения, мы не можем не обратить внимания на особую погребальную культуру, распространенную на очень небольшой территории — у крайнего южного предела скифо-сарматской культуры, в крымских горах и по южному берегу полуострова, приблизительно в тех самых местах, где распространены могильники, относящиеся к туземному племени тавров. Новая культура, которую нам предстоит изучить, географически далека от культуры погребальных полей; она далека от нее хронологически, ибо возникла, как увидим ниже, не ранее III в. хр. эры, просуществовав несколько столетий. Однако для успешного изучения культурной истории юга и запада нашей страны в тот самый темный период времени, о котором мы сейчас говорим, знакомство с этой новой культурой, параллельно с культурой погребальных полей, необходимо.

Памятники ее в виде могильников, иногда очень обширных, найдены по южному берегу Крыма—в Кекенезе, Кореизе и Ореанде,— к западу от Ялты; близ Ай-Даниля—между Ялтой и Гурзуфом; в Гурзуфе и его окрестностях, например в местностях Гугуш, Бал-Гота и Суук-су, в Артеке; в окрестностях Алушты, в Бахчисарае и на территории г. Керчи. Есть полное основание думать, что аналогичные могильники существуют также внутри горного Крыма. Очень близки к этим могильникам также некоторые недавно исследованные могильники Кавказского побережья между Новороссийском и Геленджиком [1]. Могильники состоят из памятников нескольких отличающихся один от другого типов. Прежде всего это простые земляные могилы, крытые первоначально досками, следы которых кое-где сохранились. Могилы, глубиною от 0,90 до 2,15 *м*, содержат часто по 2 и 3 костяка, обычно в вытянутом положении, на спине. В качестве разновидности этого типа могил встречаются земляные подбойные могилы, расширяющиеся книзу; их глубина доходит до 2,5 *м*. Далее можно видеть небольшие земляные склепы, вырытые в земле на глубине более 3 *м*; они имеют форму квадратной комнаты с закругленными углами, с потолком в форме полукруглого свода. В склепы, длиною до 2,65 *м* при высоте до 2,30 *м*, ведут или пологие сходы, или прямые колодцы; закрывались склепы каменными плитами. В склепах лежат по 2 и 3 костяка в истлевших деревянных гробах. По всем признакам склепы служили родовыми усыпальницами. Другой разновидностью погребальных сооружений являются земляные могилы, крытые плитами. Они расположены на глубине около 1 *м* от поверхности, имеют обычные размеры могил и глубину от 0,20 до 0,50 *м*; костяки в этих могилах лежат по одному. Последний тип могил — каменные гробницы в виде ящиков из правильно отесанных плит; расположение могил в земле и их размеры схожи с земляными

[1] *Сагинов*, Раскопки на Северном Кавказе, «Известия Археологической комиссии», вып. LVI, 1914.

могилами, крытыми плитами; в них лежит от одного до 6 костяков, а в одной их оказалось даже 15. Положение костяков во всех могилах схоже с их положением в первом их типе: они лежат в вытянутом положении, почти всегда, за некоторыми исключениями, головой на запад.

Одною из характерных особенностей людей, похороненных в только что описанных могильниках, были деформированные черепа, которые встречаются во всех видах могил. Деформирование достигалось особым перевязыванием черепа в детстве, что искусственно удлиняло череп и делало его более высоким (рис. 2). Нормальные черепа, найденные в этом же могильнике, принадлежат большею частью к среднеголовому типу. Насколько можно восстановить по скелетам облик живущего здесь племени, оно было и русым и темноволосым (судя по волосам, сохранившимся на двух черепах); лицо было длинное и узкое, нос большой, узкий, выступающий вперед;

Рис. 2. *Деформированный череп из готских могил.*

никаких признаков принадлежности к какой-нибудь алпийской монгольской расе это племя не имело [1].

О времени, когда жило изучаемое нами племя, можно судить по найденным в могилах монетам. Так, в могильнике Суук-су были находимы монеты Боспорского царства конца III в., Юстиниана Великого (527—565), Маврикия (582—602) и Льва VI (886—912), а в верхнем слое этого могильника, образованном насыпной землей и покрывшем основное кладбище, монет хотя и не было найдено, но сходство некоторых предметов с поздними — херсонесскими позволяет датировать этот слой IX—XI вв. В могильнике Джуневис, близ Кекенеиза, была найдена монета императора Маврикия (582—602). Таким образом могильники должны принадлежать племени, появившемуся в Крыму довольно рано, быть может во II—III вв. хр. эры, и продолжавшему там держаться еще в XI в. Что племя это было

[1] Повидимому, характер, сходный с могильниками близ Гурзуфа, имели также некоторые из могил, раскопанных в 1886 г. В. Ф. Миллером в окрестностях Алушты (Древности, Труды Московского археологического об-ва, XII).

христианским, ясно доказывают кресты, сохранившиеся на некоторых каменных плитах, кресты, попадающиеся среди могильного инвентаря, и кресты, выгравированные на перстнях.

Что же это было за племя? Чтобы окончательно разобраться в этом, рассмотрим инвентарь могил. Он невелик и не слишком богат, однако интересен. У костяков мужских встречаются серьги золотые и серебряные, поясные пряжки, серебряный набор ременных украшений, перстни, небольшие железные ножи в виде оружия и кремни, служившие огнивом. Наряд женщины богаче: серьги, большею частью золотые, в виде колец с репейком, украшенным гранатами или цветными стеклами; богатый подбор бус, в числе которых особенно много янтарных; кроме янтарных есть немало стеклянных, сердоликовых; на шее попадаются также ожерелья из раковин, зубов, а также из золотых треугольников, состоящих из спаянных трубочек; на плечах — литые из меди и серебра фибулы, служившие застежками для верхней одежды, вероятно плащей. Фибулы состоят из дужки, к которой прикреплен полукруг, украшенный орнаментом, окружность снабжена шипами или рядом стилизованных птичьих головок, с другой стороны дужка оканчивается стрелкой удлиненной формы, также орнаментированной. Конец ее всегда представляет стилизованную головку. Орнамент состоит из двух кружков, один в другом, с точкой посредине, или из завитков (рис. 3). На пальцах рук надеты серебряные и медные перстни; обе руки украшались браслетами медными или серебряными, обычно массивными, очень простыми и почти без орнаментации. У таза женских костяков обычно находят большие пряжки, которые вместе с фибулами, серьгами и янтарными бусами составляют наиболее характерные предметы инвентаря интересующих нас могил. Пряжки состоят из толстой литой четырехугольной пластинки, украшенной орнаментом и инкрустациями из альмандинов и стекол или стилизованным изображением зверя. Один конец пластинки вытянут в форму стилизованной птичьей головки. На другом конце — овальное кольцо на шарнире, украшенное орнаментом и вставками всегда из альмандинов; язычок, обычно орнаментированный, представляет клюв птицы с двумя вставками из альмандинов в виде глаз (рис. 4.). Железные ножи встречаются и при женских погребениях. Кресты, попадающиеся у костяков обоего пола, нами уже отмечены. Посуда найдена в виде исключений

Рис. 3. *Готские фибулы.*

Как уже можно видеть из приведенного сейчас описания инвентаря, наиболее характерными его чертами следует считать звериные и птичьи стилизованные изображения и обилие цветных камней и стекол, служащих для украшения предметов. Эти черты, принесенные с востока и выступающие в предметах, фабриковавшихся в области Босфорского царства, начиная с I—II вв. хр. эры, очень заметны еще во времена господства в Южной России сарматов. Вспомним диадему Новочеркасского клада.

О чем же говорит обилие янтарных бус? Откуда могли иметь так много все еще очень ценимого янтаря сравнительно бедные варвары? Не принесли ли они его с собой издалека, с северо-запада, с берегов Балтийского моря, где его издавна добывали? Распространение предметов из золота, серебра и меди с изображениями зверей и с украшениями из цветных камней не ограничивалось в первые века христианской эры областью Босфорского царства и его соседей — сарматов. Этот стиль очень быстро проник на запад и завоевал себе господство почти у всех германских племен — франков, аллеманов и других. Особенно характерно его распространение в тех странах, где проходило и пребывало может быть самое знаменитое, из германских племен — готы. Клады с предметами данного стиля, нередко называемого готским, были находимы и в городищах среднего Поднепровья, где готы могли властвовать в III—IV вв., и в Венгрии, по пути отступления готов перед натиском гуннов. Наконец этот же стиль отразился на ювелирном искусстве вестготов в Испании, и вотивные короны, в том числе одна короля Реккесвинта (652—672), найденные в половине XIX в. в Гуарразаре, в Испании, носят черты неоспоримого сходства с новочеркасской диадемой, которая старше их не менее чем на 4—5 вв. [1].

Рис. 4
Готская пряжка.

Кому же все-таки могли принадлежать только что описанные крымские могильники? Какой народ мог там появиться в III—IV вв. хр. эры, носить янтарные бусы, заимствовать восточный звериный стиль и засесть там на долгие века? Это могли быть только готы. Ветвь остготов — грейтунги — действительно поселилась оседло в горах и на южном берегу Крыма и просуществовала там до XVI в., а быть может и долее. Остальная большая часть готских племен, державшаяся некоторое время по берегам Черного моря вместе с крымскими готами, переняла здесь восточный звериный стиль с цветными камнями и передала его далее на запад своим сородичам, а затем, переселяясь, донесла его до Испании, где он продолжал еще существовать в конце VII в.

[1] *F. de Lasteyrie*, Description du trésor de Guarrazar, Paris 1859.

Если для полного определения культуры погребальных полей необходимы дальнейшие изыскания, то культура крымских могильников III—XI вв. поддается определению очень легко, легче чем, громадное большинство археологических культур; ее мы смело можем назвать готской.

Из двух рассмотренных нами в настоящей главе культур одна, начинаясь в очень отдаленные времена, дожила до великого переселения народов; следы ее теряются в этот смутный для всей Европы период. Другая, которую мы назвали готской, наоборот, началась около времени великого переселения народов и продолжала существовать несколько столетий после. На всем юге и юго-западе С.С.С.Р. мы не найдем третьей заметной культуры, которая захватывала бы эпоху переселения и обнимала бы страны, бывшие театром народных переселений в такой степени, как юг и юго-запад С.С.С.Р. Во всем обширном пространстве от Черного моря до северных границ степи и от Карпат до бассейна Дона нет археологической культуры, которую бы можно было отнести к периоду от IV по VI—VII вв. После исчезновения сарматских народностей степи долго не знают ничего сколько-нибудь устойчивого ни в населении, ни в его культуре. Это широкая река, по которой племена текут, не оставляя по себе хотя бы самых незначительных материальных следов. Туман, расстилающийся в это время над всем югом С.С.С.Р., начинает рассеиваться только с появлением на юго-востоке хазар.

Устойчивых и определенных вещественных памятников нет; приходится поэтому довольствоваться самыми случайными из всех покоящихся в земле остатков прошлого, т. е. отдельными находками, которых нельзя приурочить ни к жилью, ни к погребению. К таким находкам принадлежат клады. Первые века христианской эры дали не один интересный клад: вспомним новочеркасский клад, найденный в 50-х годах XIX в.; их немало было найдено по пути следования кочевых племен по направлению к Западной Европе, в Нижне-дунайской низменности и в древней Паннонии. Так огромный клад был найден в 1837 г. в селении Петроссы, между Букарештом и Галацем; громадные клады, приписываемые готам и гуннам, были открыты в Венгрии еще в конце XVIII в.; из них особенно замечателен клад в Надь-Сент-Миклош, близ Сегедина, так называемое сокровище Аттиллы [1]. Русская территория пока дала только один действительно выдающийся клад, происхождение и содержание которого можно относить к туманному времени, когда неуспокоившаяся еще волна переселения не дала возможности создаться на нашем Юге новым культурам и когда общая неустойчивость положения заставляла прятать сокровища и не всегда позволяла владельцам снова их отыскивать [2]. 11 июня 1912 г. пастухи с. Малая Перещепина, в 13 *км* от г. Полтавы, случайно открыли в песчаных дюнах огром-

[1] *Hampel*, Alterthümer des früheren Mittelalters in Ungarn, Braunschweig 1905. Описание клада Szilagy-Somlyo: II, стр. 15—39, клада Nagy-Szent-Miklos: II, стр. 401—423.

[2] Вероятно, что драгоценные предметы так называемого готского стиля, добытые в 1928 г. на территории Курской губернии и хранящиеся в музее б. Оружейной палаты, такого же происхождения.

ный клад золотой и серебряной утвари, который удалось уберечь от расхищения и почти в полном его составе доставить в музей Эрмитажа. Клад состоял из нескольких серебряных блюд, серебряной вызолоченной амфоры, золотых массивных ваз, чаши, кубков, ритона из листового золота, оружия, браслетов, перстней, блях и других украшений (рис. 5 и 6). Самый древний, более или менее датированный предмет клада, — это серебряное вызолоченное блюдо персидской работы с изображением персидского царя Сапора II из династии Сассанидов (рис. 7). О сассанидских блюдах и о другой утвари персидской работы нам придется еще много говорить ниже в связи с восточными влияниями, господствовавшими в нашей стране до конца первого тысячелетия христианской эры; здесь же оно имеет значение прежде всего для датировки клада. Затем в хронологическом порядке следует самое большое из блюд, с клеймами императора Анастасия I (491—518); блюдо, кроме того, носит еще следующую надпись: «из ветхости возобновлено Патерном, достопочтенным епископом нашим» (рис. 8). Патерн, епископ г. Томи на Черном море, близ нынешней Констанцы, два раза упоминается в византийских хрониках — по случаю Халкедонского собора 519 г. и по случаю замещения патриаршего престола в 520-х годах; следовательно он был современником Анастасия. Далее клад датируется византийскими клеймами VI в., имеющимися на других предметах, монограммами VII в. на некоторых перстнях и наконец византийскими монетами, датированными от 612 до 668 г.

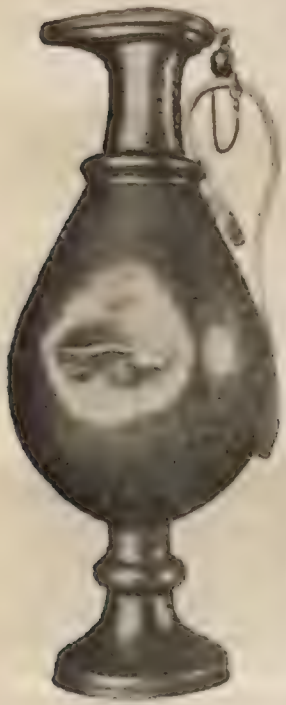


Рис. 5. *Золотой кувшин из перещепинского клада.*

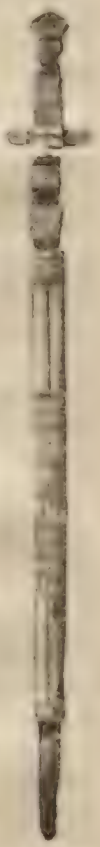


Рис. 6. *Меч.*

Мы, конечно, не можем точно установить, как блюдо Патерна, блюдо Сапора и другие предметы очутились в песчаных дюнах Полтавской губернии, однако общую картину нарисовать возможно. В течение VII в. варварские племена, сначала авары, одни и вместе со славянами, потом болгары, не раз опустошали северные пределы империи, доходившие в то время до Дуная; не раз они стояли под Томи, и можно предположить, что священные сосуды и драгоценная утварь были собраны жителями Томи как выкуп от наседавших на них варварских полчищ. Вместе с византийскими предметами пошло и сассанидское блюдо, когда-то, может быть, привезенное как трофей из походов Юсти-

нана или Ираклия. Это должно было происходить после 667 г. и, можно думать, до 679 г., когда вся область вокруг Томи перешла в длительное и постоянное владение кочевой орды болгар, впущенных в Нижнюю Мизию императором Константином IV. Аварская или славянская шайка увезла выкуп в край к северу от Дуная и далее до среднего Поднепровья, которое в это время по всем данным было населено славянами, но входило в то же время в состав аварской державы. Неустойчивые отношения, набеги, борьба между славянами и аварами или какая-нибудь междуславянская усобица были причиной последнего события в истории этого сокровища. Смертельная опасность, неизбежная гибель или необходимость бежать заставили владельца зарыть его в землю, где оно пролежало более 1 000 лет, пока не вышло вновь на свет в виде клада. Увоз богатой добычи из византийских пределов, позднейшее зарытие ее в землю, и наконец исчезновение владельцев или во всяком случае невозможность для них вновь открыть клад по миновании опасности — явления очень характерные для смутной эпохи, когда водоворот переселений и постоянная смена племен создавали на русском юге полное отсутствие сколько-нибудь определенных и устойчивых форм жизни.

Рис. 7. *Сассанидское блюдо.*

Для изображения жизни юго-западных областей С.С.С.Р. до эпохи великого переселения и всего русского Юга за это бурное время вещественные памятники дают, мы можем теперь сказать, довольно мало. Данные, почерпаемые из археологических источников, недостаточны, они не дают и сотой доли того, что археологические источники дают для воссоздания скифской культуры. Тем более, следовательно, необходимо привлечь к исследованию письменные памятники цивилизованных народов того времени. Много ли, однако, дают они и можно ли на них рассчитывать? Уже изучение истории греческих колоний и быта скифов и сарматов показывает, что

известия греческих и римских писателей становятся очень бедными, когда дело касается окраинных областей греко-римского мира или варварских земель, смежных с пределами эллинского и римского влияний. Если даже в истории и быте таких сравнительно крупных и богатых центров, как Босфорское царство, столь многое остается неизвестным греческим писателям, то чего же можно ждать от античной письменности при изучении жизни народов, обитавших где-то далеко за Скифией, или же при изучении событий, развертывавшихся в областях прежней скифской культуры в то время, когда западная

Рис. 8. *Блюдо Патерна.*

империя уже пала под ударами германских варваров, а восточная едва находила в себе сил, чтобы обороняться от наседавших на нее тюркских и славянских племен. Можно заранее сказать, что и письменные источники дадут нам не слишком много.

Для изучаемого времени есть впрочем еще один подсобный источник, которым приходится пользоваться при слабости источников основных. В противоположность более ранним эпохам мы будем теперь иметь дело по большей части с племенами, нам определенно известными. Чем далее мы будем итти, тем чаще мы будем встречать племена, которым мы знаем не только имена, но и языки, и не обрывками, в виде отдельных слов, как, например, язык скифов, а более или менее полно. Так сохранившийся перевод священного

писания, сделанный в IV в. готским епископом Ульфилой, дает нам знание готского языка. Хотя славянская письменность явилась много позднее, но и она дает ключ к знанию славянских наречий почти на заре исторической жизни славянского племени. Язык такой же живой организм, как и сам народ; наблюдения над языком в эпоху его развития позволяют следить за развитием самого племени, за распадением его на различные ветви, сопряженным с переселениями. Соседство и общение племен вызывают заимствование в области языка и нередко открывают возможность проследить взаимное влияние народов. Вот то, что могут дать наблюдения лингвистические. Однако и здесь возможности небезграничны. При помощи филологических наблюдений легче всего устанавливается самый факт известного общения между отдельными племенами и народами, но трудно, почти невозможно точно определить время и место, когда это влияние проявлялось. Так разностороннее приходится вооружаться для дальнейшего исследования и повествования; но надо заранее сказать, что всех перечисленных средств оказывается недостаточно для полного выяснения событий изучаемой нами темной эпохи и бытовой обстановки народов, к изображению жизни которых мы теперь приступаем.

ГЛАВА II.

ДВИЖЕНИЯ НАРОДОВ ДО ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ И В СВЯЗИ С НИМ.

Археологические источники достаточно ясно показывают, что к северо-западу от области скифской культуры в первом тысячелетии до христианской эры уже обитали какие-то племена, объединенные одной общей культурой. Племена эти занимали пространство между Днепром, Карпатами, Полесьем и Вислой. Возможно, что местные корни культуры этих племен заходят еще далее вглубь и что поля погребальных урн имеют какую-то преемственную связь с погребальными площадками неолитической трипольской культуры. Однако при современном уровне археологических знаний вопрос этот не только не поддается решению, но не может даже быть поставлен достаточно научно. Археологические источники, устанавливая факт существования культуры погребальных полей, начавшейся не позднее скифской и продолжавшейся, укрываясь в лесостепи, до времени великого переселения народов, не могут однако определить, какие племена хоронили своих покойников в полях погребальных урн и курганах с трупосожжением, найденных в окрестностях Киева: они не могут установить, кто населял городища, разбросанные близ границы лесов, служившей приблизительным пределом скифской власти и влияния. Ответ на эти вопросы надо искать в письменных источниках и прежде всего у Геродота, который постарался собрать все сведения, имевшиеся в его время не только о скифах, но и о народах, живших с ними по соседству.

«Начиная от Торжища Борисфенитов (Ольвии) первыми живут каллипиды, являющиеся эллино-скифами, а выше их — другое племя, которое именуется алазонами. Выше алазонов живут скифы-пахари, которые сеют хлеб не для собственного употребления в пищу, а на продажу. Выше их живут невры, а страна к северу от неиров, насколько мы знаем, не населена людьми» [1]. «Первая река у скифов — Истр, а за ним следует Тирас, который течет с севера и берет начало у большого озера, служащего границею земли скифов и неиров» [2]. «Третья река Гипанис берет начало в земле скифов» [3]. Если подниматься по Борисфену, то в течение 11 дней путь лежит по

[1] *Геродот*, IV, 17.
[2] Там же, 51.
[3] Там же, 52.

стране скифов-земледельцев. «За ними на обширное пространство раскинулась пустыня; за пустынею живут андрофаги, особое племя, вовсе не скифское» [1]. «Местности, лежащие к северу от царских скифов, занимают меланхлены, особое, не скифское племя» [2]. «За рекою Танаисом уже не скифская земля; первый из тамошних участков принадлежит савроматам. Выше савроматов на втором участке живут будины, занимающие местность, сплошь покрытую разнородным лесом» [3].

Положение невров вполне отвечает территории полей погребальных урн, ибо они, по словам Геродота, обитают к западу от Днепра до Карпат, где граница между скифами и неврами проходит близ верхнего течения Днестра. Течение Южного Бута, по мнению Геродота, принадлежит еще Скифии. Проводя линию от верховьев Днестра и через верховья Бута к Днепру, мы должны будем вести ее приблизительно вдоль 49-й параллели, т. е. как раз там, где проходит южная граница полей погребальных урн. Оставив пока в стороне другие народы, жившие во времена Геродота к северу от Скифов, посмотрим, что говорит он о нравах и обычаях невров. «У невров обычаи скифские. За одно поколение до похода Дария им пришлось покинуть всю свою страну из-за змей; земля их произвела множество змей, а еще более явилось их сверху из пустынных земель, пока одолеваемые ими невры не поселились вместе с будинами, покинув свою родину. Можно думать, что эти люди колдуны; по крайней мере по словам скифов и живущих в Скифии эллинов, каждый невр по разу на несколько дней становится волком и затем опять принимает прежний вид. Мне не верится, чтобы эти рассказы были справедливы, но тем не менее так говорят и даже под клятвою» [4]. Баснословным рассказам о неврах не верит сам Геродот; если и ему они кажутся сказкой, то нам подавно нет нужды разбирать их критически; Геродот сомневается и в передвижении невров на восток к будинам, тем более что в его время оба племени разделены меланхленами и андрофагами; он не доверяет рассказу о превращении невров в волков, потому что он утверждает, что у невров обычаи скифские. Последнее обстоятельство очень важно, так как оно также может быть согласовано с некоторыми археологическими данными: мы знаем, что влияние скифо-эллинской культуры чувствовалось и в стране погребальных полей; это доказывает наличность погребений скифского типа в б. Киевской губернии севернее 49-й параллели.

Можно ли ближе определить невров и установить их связь с каким-нибудь народом, нам определенно известным? Еще Шафарик считал невров за предков славян [5]. Из тех аргументов, которыми он доказывает свое мнение, особого внимания заслуживают два: «название земли неврон, положение которой не подлежит никакому сомнению, навсегда осталось за ней и употреблялось как в средние

[1] *Геродот*, IV, 18.
[2] Там же, 20.
[3] Там же, 21.
[4] Там же, 105.
[5] *Шафарик*, Славянские древности, пер. Бодянского, I, 322—330.

века, так и теперь полякам». Однако сохранение названий местностей не всегда доказывает сохранение в данной местности древней народности. Если название «Нурская земля» долго держалось за местностью между средним течением Вислы и Западного Бута, если в Галиции и прежнем Царстве Польском встречаются названия рек и населенных пунктов вроде «Нуры», «Нурец», «Нурник», «Нур», то это еще не значит, что в этих местах неизменно сидели и сидят потомки геродотовых невров. Гораздо важнее то, что «в этой земле с незапамятного времени обитал народ славянского происхождения и никогда оттуда не выселялся». Хотя и не без трудностей, но опираясь то на памятники письменности, то на памятники вещественные, можно установить, что на пространстве между Вислой, Карпатами, Полесьем и Днепром полной переставновки населения не было приблизительно со времени, когда Геродот именно в этой местности поместил невров. Во всей Средней и Восточной Европе это одна из очень немногих местностей, о которой такое утверждение возможно. Вот почему мнение, высказанное Шафариком, удержалось и сохраняет силу до сих пор. Его поборником является лучший современный знаток славянских древностей проф. Л. Нидерле [1]. Его разделяли и разделяют большинство современных ученых, подходящих к вопросу как со стороны археологии и истории, так и со стороны науки о языке. Так, например, Томашек определенно говорит, что «тождество невров и позднейших славян теперь получило общее признание. Действительно, это мнение имеет все за себя» [2]. Того же мнения держится русский лингвист Ф. А. Браун [3] и английский археолог Мине [4]. Возможно, что смутный след этого явления следует видеть в краткой и отрывочной фразе нашей летописи: «от сих же 70 и 2 языку быть язык словенск от племени Афетова, поляне, еже суть словене» [5].

Так, невры или нуры должно было быть древнейшим из известных нам названий славянского племени. У древних авторов после Геродота имя невров встречается редко, причем в большинстве случаев сведения, о них сообщаемые, повторяют известия Геродота. Наиболее поздние упоминания о неврах — у Плиния, который говорит, что в их стране находятся истоки Днепра [6], и у Птолемея, который отмечает народ наваров в соседстве бастарнов, роксолан, хунов и амадоков, ниже «сойменных» им гор, т. е. где-то на юге С.С.С.Р., а город наваров указывает в долине р. Керкинитиды, впадающей в Азовское море. Известие Птолемея о наварах вносит некоторое замешательство в ясное и стройное представление о неврах, как предках славян, искони населявших один и тот же край. Объ-

[1] *L. Niederle*, Slovanské Starožitnosti, I, 266 и сл.

[2] *Tomaschek*, Kritik der ältesten Nachrichten über den Skythischen Norden (Sitzungsberichten der Ak. der Wissenschaften zu Wien, 1888, CXVII).

[3] *Браун*, Разыскания в области гото-славянских отношений. 1893, 82: «Что невры славяне, в этом не может быть сомнения».

[4] *E. H. Minns*, Scythians and Greeks, 1913, 102. «Невры, быть может, самые интересные из соседей скифов, так как мы едва ли можем сомневаться, видя в них предков славян».

[5] Лаврентьевская летопись, 3 (Полное собрание русских летописей, 1).

[6] *Плиний*, IV, 12, 88.

жение здесь может итти по двум направлениям. Возможно, что певры, мимоходом упоминаемые Птолемеем, вовсе и не были невра-ми; с другой стороны, во времена Птолемея славянские племена постоянно разумелись в латинской и греческой письменности уже под другим названием — венедов или виндов.

Название венедов впервые появляется у Тацита в его сочинении о Германии, написанном в самом конце I в. хр. эры. Писавший более чем за полвека до него Страбон еще не говорит о них; впрочем осторожный Страбон избегает говорить о неведомых странах Средней и Восточной Европы, неоднократно указывая на полную неосведомленность свою об этих краях [1]. Тацит, говоря о народах, живущих далее к востоку за германцами, сомневается, причислить ли племена певкинов, венедов и фенов к германцам или к сарматам. Певкины или бастарны, о которых мы будем говорить ниже, были германским племенем, занимавшим во времена Тацита теперешнюю Буковину и Молдавию до устьев Дуная; фенны—финские племена, живущие в глубине северо-восточной Европы, впервые под пером Тацита выходят на свет истории. Венеды живут между ними, т. е. приблизительно там же, где жили геродотовские невры, с тою лишь разницей, что территория, ими занимаемая, должна была простираться далеко на север за Полесье. Тацит говорит, что венеды «заимствовали многое из обычаев певкинов-бастарнов; они совершают свои разбойничьи набеги во всех лесах и горах между певкинами и феннами» [2].

Гораздо труднее определить территорию, занимаемую различными племенами Восточной Европы, по описанию Птолемея. Его сочинение было написано во второй половине II в., причем он опирался на недошедшее до нас сочинение географа I в. Марина Тирского; таким образом в его труде мы имеем собрание сведений I и II вв. хр. эры, причем не всегда легко разобрать, что именно внесено самим Птолемеем и что взято им у его предшественника.

По описанию Птолемея Сарматия имела границами на западе Вислу и Сарматские горы (Малые Карпаты), на севере—Венедский залив Сарматского океана, на юге Черное море и Дунай. Ее восточную границу составляет условная линия, проведенная от устьев Дона до Сарматского океана (Балтийского моря). Линию эту Птолемей представляет себе сравнительно короткой, и таким образом Сарматия для него представляется в форме прямоугольника, длинные стороны которого идут вдоль ее южной и северной границ. Прямоугольник этот населен «великими» (megista) и «меньшими» (elattona) народами. К числу первых он относит венедов — по всему Венедскому заливу, певкинов или бастарнов — выше, т. е. севернее Дакии; языгов и роксолан — по берегу Меотиды, амаксобиев (живущих в повозках) и алано-скифов—внутри страны, идя от берегов Меотиды. Певкины-бастарны действительно жили на границе Дакии, вдоль северо-восточного склона Карпат (о их расселении и передвижении речь будет ниже). Территория языгов, роксолан и алан, т. е. кочевых сарматов,

[1] *Страбон*, VII, 2, § 4; 3, § 4.
[2] *Тацит*, Германия, 46.

нам уже известна; на долю венедов, грубо говоря, остается внутреннее пространство к северу от бастарнов и сарматов, т. е. приблизительно то же, которое отводит им Тацит.

Общая картина заселения Сарматии затемняется самим Птолемеем, когда он переходит к длинному ряду «меньших» племен, живущих, по его мнению, частью внутри Сарматии, частью по ее окраинам. Некоторые из этих племен размещены Птолемеем совершенно произвольно по явному недостатку сведений и одновременному желанию найти место для всех народов, когда-либо упоминавшихся в Сарматии. Так, ничего не зная о финнах, он относит их к «меньшим» народам и помещает около нижней Вислы, а некоторые из племен, упоминаемых Геродотом в качестве северных соседей скифов — гелонов, меланхленов и агафирсов, — указывает где-то около неясной и условной восточной границы Сарматии. Между тем агафирсы обитали по р. Марису (ныне Марошу), т. е. в Седмиградии, и были, вероятно, предками позднейших даков. Объяснение «меньших» племен у Птолемея осложняется еще и тем обстоятельством, что наряду с фантастическими и неверными известиями, подобными вышеприведенным, он действительно сообщает известия ясные, достоверные, а иногда, сравнительно с сообщениями более древних писателей, совершенно новые и свежие. Таковы его известия о германских племенах, в частности о готах-гифонах, соседях венедов по Висле, о различных племенах частью фракийского, частью, вероятно, кельтского происхождения, сидевших в карпатском нагорье и на верховьях Вислы, наконец о впервые упоминаемых племенах литовской группы, например галиндах и судинах [1].

Возвращаясь к венедам, необходимо выяснить происхождение этого наименования. По признанию современных лингвистов оно не может быть объяснено из германских языков, которые с первых моментов, когда венеды становятся нам известными, называют этим именем славян. Отсюда две возможные гипотезы, которые одинаково находят сторонников в лингвистической науке. Или это название дано славянам кельтами, с которыми они должны были соприкасаться в очень ранние времена где-нибудь близ Карпат и верховьев Вислы и Одера, или же оно явилось в среде самих славян.

Предыдущее изложение приводит к выводу, что с незапамятных времен значительное племя, имевшее все признаки единства, обитало между Вислой и Днепром с южной границей приблизительно около 49-й параллели и с очень неясной северной границей. Древнейшее известное нам имя этого племени невры; оно продержалось примерно до хр. эры. Позднее появляется название венедов, которое в VI—

[1] *Птолемей*, III, 5. Мы не входим в подробное объяснение всех названий народов, приводимых Птолемеем. Почти о каждом из этих народов существует целая литература мнений и контроверсов, между тем как отсутствие объективных и несомненных данных препятствует выяснению истинной природы явлений; для примера можно сравнить остроумные соображения Л. Нидерле, доказывавшего славянское происхождение костобоков, и такие же соображения Ф. А. Брауна, доказывавшего, что они были даки (*Niederle*, Slovanské Starožitnosti, I, 400 и сл.; *Браун*, Разыскания в области гото-славянских отношений, 151 и сл.). Впрочем мнение Брауна нам представляется более близким к правде.

VII вв. уступает место названию «славяне», удерживаясь впрочем на некоторое время частью у самих славян и укрепившись навсегда у западных и восточных соседей славянского племени; германцы продолжали называть славян вендами, а финны — венами.

Археологические памятники определенно устанавливают южные и юго-восточные пределы расселения невров-венедов-славян (мы говорим о культуре погребальных полей, изученной нами выше). Археология пока молчит, когда дело заходит об областях к северу от Полесья. Известия древних авторов и данные лингвистической науки позволяют установить очень раннее, вероятно исконное соседство славян с германцами, с одной стороны, с финнами — с другой, и предположить с большей долей вероятия, что славянская прародина простиралась несколько к северу, где славяне непосредственно примыкали к своим ближайшим родичам — литовцам, которых древние авторы вероятнее всего разумеют под именами эстов, эстиев и айстов. Таким образом северной границей славянской прародины следует считать примерно среднее течение Днепра, бассейн Припяти и южный бассейн Немана.

Остается еще один неясный вопрос. Как объяснить сходство в археологической культуре на территории невров и далее к западу в нынешней Германии и Чехии в эпоху до хр. эры. Мы уже имели случай сказать, что предполагать здесь единство племенное нельзя. Надо искать других объяснений; вполне удовлетворительных пока нет. Ограничимся лишь тем, что приведем мнение проф. Л. Нидерле, который полагает, что ранние поля погребальных урн в Силезии, Лужицах и Чехии следует приписать кельтским племенам, которые здесь, несомненно, когда-то обитали, или же, что менее вероятно, отдельным славянским поселениям-колониям, которые протянулись сюда в первом тысячелетии до хр. эры, но потом были вытеснены надвинувшимися с севера германцами, так же как были вытеснены и кельтские поселения [1]. Настоящее движение славян из их прародины на запад до Эльбы и даже за нее и в Богемский горный четырехугольник, а также к Дунаю и далее на юг началось только в IV—V вв. хр. эры. Движение это стоит в тесной связи с движением германских племен. Мы должны теперь обратиться к этому последнему, поскольку оно касается Восточной Европы.

Первые ясные следы германцев в Восточной Европе относятся к началу II в. до хр. эры. В это время вдоль северо-восточного склона Карпат появляется воинственное племя бастарнов, — «alkimotaton genos», как называет его Аппиан, современник императоров Адриана и Антонина [2]. Впервые они вступают на сцену истории как союзники последних македонских царей в их борьбе с Римом. Царю Персею они выставляют 20 тыс. вспомогательного войска. У них нет политического единства, они распадаются на мелкие племена и только на время войны выбирают общего предводителя. Сочинение I в. до хр. эры, приписываемое Скимну Хиосскому, называет их «peludes» — пришлецами [3]. Древнейшие писатели, сооб-

[1] *L. Niederle*, Slovanské Starožitnosti, III, 2, Praha 1918.
[2] *Аппиан*, Митридат, 69.
[3] *Скимн*, стих 795.

ющие сведения о бастарнах, нередко смешивают их с кельтами-галатами, которые в своих миграциях достигали Прикарпатья и частично оседали на нем. Об опасности нападения галатов на Ольвию говорится и в хорошо известной ольвийской надписи в честь Протогена. Можно предположить, что и ольвиопы того времени не всегда разбирались в разнице между кельтами и германцами. Однако более поздние писатели, начиная со Страбона, определенно причисляют бастарнов к германцам [1]. Наиболее ясное указание находим у Тацита: «Певкины, которых иные называют бастарнами, в отношении языка, обычаев, поселений и жилищ сходны с германцами» [2]. Название певкины, часто заменяющее название бастарнов, происходит от острова Певки; так назывались острова, образующие дельту Дуная, самый южный пункт, которого достигали поселения бастарнов. От их языка дошло всего семь слов; из них одно — Аталинг, бастарнское название Днестра, носит довольно отчетливые признаки германского происхождения. В первые века христианской эры бастарны не раз сталкивались с Римской империей, пока наконец императоры Проб и Галерий не вынесли их за Дунай, где они замирились и сделались верными подданными Рима.

Для нас бастарны интересны прежде всего как первые представители движения германцев на восток, о чем свидетельствует их история и ясные признаки принадлежности к германскому племени; они интересны по тем отношениям, которые у них установились к неврам-венедам-славянам, и по тем вещественным памятникам, которые могли от них остаться. Их отношения к славянам уловить довольно трудно. Возможно, как это и хотят видеть некоторые ученые [3], что баснословный рассказ Геродота о змеях, которые за одно поколение перед походом Дария заставили невров передвинуться на восток в страну будинов, таит в своей основе известие о вторжении каких-то врагов в земли невров. Такими врагами могли быть германцы-бастарны, которые могли отодвинуть невров-славян от Карпат на восток; это конечно, только гипотеза, частичное подтверждение которой можно видеть в лингвистических данных: славяне могли быть оттеснены от Карпат какими-то германскими племенами и уже в германской форме Harfadha-Harfatha (Харвата) переняли название Карпат, сохранив его до наших дней в имени славянских племен. (Наша летопись именно около Карпат помещает племя хорватов белых.) Что касается вещественных памятников, то было бы очень заманчиво видеть следы германцев-бастарнов в погребениях в каменных ящиках, которые распространены как раз в Галиции между Карпатами и Днестром. Однако на этом пути встречаются очень большие препятствия. Во-первых, эти погребения занимают территорию значительно меньшую, чем та, которую должны были занимать бастарны; во-вторых, возможно, что они относятся ко времени еще более древнему, нежели то, к которому мы имеем право относить появление здесь

---

[1] *Страбон*, VII, 3, 17.
[2] *Тацит*, Германия, 46.
[3] Например *Ф. А. Браун*. Разыскания в области гото-славянских отношений, 243 и сл.

бастарнов; в-третьих, мы знаем, что подобные погребения спорадически встречаются далее к востоку, на Волыни и под Киевом, где предполагать пребывание германских племен в долговременном оседлом состоянии и в столь раннее время нет никакого основания.

Следующий момент появления германцев в Восточной Европе — это вторжение готов. О нем сохранилось гораздо более известий, и следы, оставленные готами в нашей стране, весьма интересны и значительны. В преданиях, которые еще были живы среди самих готов в VI в. и были записаны сначала Кассиодором, потом Иорданом, ходил рассказ о том, как в стародавние времена предки готов отплыли на трех кораблях из Скандинавии под предводительством короля Бериха; пристав к устью Вислы и потеснив туземцев — ульмеругов, они поселились на восток от нижней Вислы, примерно до Прегеля, и на юг, примерно до Буга. В этом предании наиболее ценным и достоверным является указание на факт переселения: готы и здесь уже не были туземцами, а пришли из какой-то другой страны.

Единственный источник для возможных предположений, откуда явились готы на берег Вислы, — это сравнение древне-готского языка со скандинавскими наречиями. Определенного решения вопроса до сих пор не достигнуто, но данные языка как будто указывают на близкое родство готов с гутами, древнейшими жителями острова Готланда. Те же предания готов говорят, что при пятом короле после Бериха — Филимере, сыне Гадариха, готы двинулись далее на юг. Так как готы появляются в Юго-восточной Европе в III в., то занятие ими низовий Вислы приходится относить приблизительно к I в. хр. эры. Готское предание объясняет дальнейшее движение народа на юг тем, что население увеличивалось и ему надо было искать новых мест оседлости; возможно, однако, что такое объяснение принадлежит ученым книжникам VI в.—Кассиодору и Иордану. В рассказе о движении готов на юг обращает на себя внимание место, где говорится, какие трудности пришлось преодолеть готам при движении через непроходимые болота и трясины. Географически это могли быть болота по Бугу и Нареву или топи Полесья. Перейдя эти препятствия, готы добрались до пределов Скифии, до страны, называемой «Oium», где утвердились после победоносной борьбы с несколько загадочным народом споланами или спалами, имя которых, вероятно, сохранилось в славянском слове «исполин». Вероятнее всего, что под споланами надо подразумевать бастарнов [1]. Передвижение готов на юг происходило, повидимому, во второй половине II в. Здесь, на юге, готы уже делятся на несколько отдельных ветвей; главные из них: вестготы — визиготы или тервинги (древляне) — и остготы — остроготы или грейтунги (степняки). Первые заняли местности между Днестром и Дунаем, вторые разместились от Днестра на восток; за ними расположилось близкое к готам племя герулов.

Возникает вопрос о судьбе, которая постигла народы, жившие по пути готов и в новых местах их жительства. Об участии славян мы будем говорить ниже; сейчас речь идет о тогдашних обитателях Скифии — различных сарматских племенах. По Птолемею, языги,

[1] *Иордан*, Гетика, IV, 25—28.

самое западное из сарматских племен, уже отчасти успели выселиться на запад. Языги-переселенцы живут, по его словам, у Карпат и в Дакии, но остальная их часть вместе с роксоланами сидит вдоль Меотийского моря [1]. Знает он и алан. Мы совершенно не можем сказать, какой участи подвергались эти народы; возможно, что появление готов ускорило дальнейшее движение западной ветви языгов, которые кончили свое историческое существование в Паннонской низменности между Дунаем и Тиссой; но правдоподобнее всего думать, что сравнительно небольшое сарматское население осталось на местах, понемногу размешавшись в громадных пространствах Южной России вместе с готами, и на время попало в зависимость от новых пришельцев.

Гораздо важнее те последствия, которые повлекло за собой появление готов для пограничных областей Римской империи. Первое мимолетное столкновение готов с римлянами имело место кажется еще при императоре Каракалле (212—217). Позднее император Деций, пытаясь положить предел набегам готов на Мизию и Фракию, погиб в битве с ними (251). С 255 по 275 гг. готы производят морские набеги и опустошают берега Черного, Мраморного и Эгейского морей. Сначала они нападают на Питиунт и Фасис на Кавказском побережьи и подвергают разгрому богатый Трапезунд. Несколько лет спустя они разоряют западный берег Черного моря, доходят до Византии и проникают в Пропонтиду. В 262 г. они ограбили знаменитый храм Дианы Эфесской и побывали во Фракии и Македонии; в 264 г. набеги их захватили северные области Малой Азии; в 267 г. их опустошениям подверглись острова Эгейского моря; они выжгли Афины, Коринф, Спарту и Аргос. С таким же размахом набеги их продолжались и в следующем году, когда наконец император Клавдий разбил их сухопутное полчища при Нессе (Нише). Впрочем морские отряды готов продолжали еще грабить побережья: их последний поход через Малую Азию до берегов Киликии имел место в 275 г. Очень характерно, что первые свои морские походы готы предпринимают, захватывая суда прибрежных жителей, но привычку к морю и умение строить суда они приобретают не сразу.

III век хр. эры — смутная эпоха в истории старых греческих поселений на Черном море. Появление готов у ворот Ольвии, Херсонеса и Босфора должно было во всяком случае тяжело отозваться на этих городах. В частности для Ольвии появление готов едва ли не было одним из решающих этапов к ее окончательному упадку.

Набеги готов имели для них самих очень важные и притом положительные последствия; они быстро сжились с некоторыми элементами классической культуры; а через пленников, приводимых из областей империи, они познакомились с христианством, которое очень быстро пустило у них глубокие корни. Наконец — это особенно близко касается остготов-грейтунгов — утвердившись на всей территории, тянувшейся к Босфорскому проливу, они и здесь усвоили характерные особенности полуэллинистической, полуиранской культуры последнего.

[1] *Птолемей*, III; V, I, 7.

Прекращение набегов готов на владения империи следует объяснять не только частичными военными успехами императоров Клавдия, Аврелиана и Тацита, но и их политическими мероприятиями. Первое из них состояло в заключении союза с готами, условиями которого были военная помощь готов империи и уплата денежной и продовольственной субсидии готам со стороны Рима. Второе и самое важное было оставление Аврелианом Дакии. Из оставленных земель было выведено за Дунай не только романизованное население, но также и остатки бастарнов, которых отвел за Дунай преемник Аврелиана император Проб. Для расселения готов открылись теперь новые края, и вестготы-тервинги через Карпаты и Трансильванию стали продвигаться к Средне-дунайской низменности.

В течение 125 лет, отделяющих первые набеги готов на Империю от нового еще более сильного движения, толчок к которому дали гунны, имел место мимолетный, но, повидимому, значительный расцвет могущества остготов-грейтунгов, связанный с личностью короля Эрманариха. Готское предание о царстве Эрманариха, который властвовал над многочисленным народом, называемым венедами, антами и склавенами, над эстами (т. е. литовцами), обитавшими вдоль берега Германского океана, и над другими народами, жившими где-то внутри теперешнего СССР, среди которых упоминаются имена Merens и Mordens, т. е. мери и мордвы [1], почти не находит признания в современной науке. Указывается, что интересы готов были слишком определенно направлены на юг, тогда как завоевания Эрманариха, если верить преданию, охватили исключительно северные страны. Наряду с тем, что в этом предании есть очень много смутного и не совсем понятного, следует все же заметить, что оно передает традиционные известия о временах гораздо более близких ко времени записи их в латинской письменности, нежели предания о переселении готов на Вислу и с Вислы на юг; кроме того в числе народов, покоренных Эрманарихом, наряду с названиями искаженными и непонятными есть названия народов впервые упоминаемых, но в то же время действительно существовавших, которых ни предания, ни авторы, впервые его записавшие, не могли выдумать. Вот все, что мне кажется возможным почерпнуть из предания о державе Эрманариха; оно не дает оснований верить на слово Иордану, сравнивающему своего национального героя с Александром Великим [2], но в то же время ни в его редакции, ни в обстоятельствах того времени нет ничего, что бы ему противоречило в корне. Как раз во время предполагаемых завоеваний Эрманариха прекращаются столкновения готов с империей и ее причерноморскими владениями. Тишина на юге, где остготы господствовали до моря, и устремление вестготов, не подвластных Эрманариху, в Карпаты и за них, могло как раз обратить все еще громадный запас остготской энергии на север и северо-восток, тем более, что и в степях царило в то время спокойствие, перед великой бурей.

---

[1] *Иордан*, Гетика, XXIII, 117, 120.

[2] Там же, XXIII.

Движение готов на юг надо рассматривать как одно из проявлений общего стремления к расширению своих пределов, которое овладело германскими племенами перед наступлением христианской эры. На западе они были надолго задержаны мощной военной организацией Римской империи; к вторжению в Восточную Европу препятствий не было; этим и объясняется его успех. С точки зрения теперешней южной части СССР натиск готов был как бы переселением народов с северо-запада; в IV в. южно-русская территория испытала новый, еще более сильный натиск с востока; он надолго определил судьбы не только южных степей и приморских окраин, но в значительной мере и областей, прилегающих к степи с севера. Если за степями СССР установилось в истории значение коридора, по которому переменно проходили кочевые народы из Азии, то это имеет силу именно для данного периода. Никогда не было такой быстрой смены кочевых орд, как между IV и VII вв. Все они не только не оставляли следов в культуре страны, но способствовали по мере сил и удачи одичанию ее и исчезновению в ней следов прежней цивилизации. Мы не будем поэтому подробно останавливаться на фактической их истории и ограничимся лишь упоминанием о важнейших эпизодах этой эпохи.

В 375 г. гунны, первые из целого ряда народов тюркского монгольского племени, появившихся в Европе в IV—VI вв., перешли Дон под предводительством своего царя Баламера и, столкнувшись с остготами, сокрушили их, причем по рассказам, переданным в различной редакции Иорданом и Аммианом Марцеллином, Эрманарих не пережил катастрофы. Дойдя до Днестра, гунны разбили вестготов и заставили их частью отступить далее в Паннонию, частью перейти Дунай и укрыться в пределах империи. После некоторой заминки гунны двигаются также в Паннонию, которая и делается центром их мимолетного могущества, окончившегося вместе со смертью их национального героя «бича божия и молота вселенной»—Аттилы в 453 г.

Нашествие гуннов—несомненно самое бурное из нашествий азиатских кочевников как по опустошениям, которыми оно сопровождалось, так и по последствиям, которые оно повлекло за собой,—может дать типичную схему относительно судеб тех народов, которых оно коснулось. Схема эта частично могла быть наблюдаема и ранее при движениях скифов и сарматов; она повторяется и позднее при движениях аваров, мадьяр, печенегов, половцев и татар, но никогда она не проявляется так ясно и резко, как при гуннах. Первый момент ее—натиск и прорыв. Сопротивлявшиеся разбиты, частью перебиты, частью покорены. В данном случае такова судьба готов, господствовавших на юге. Судьбу готов разделяют и те, кто им были подчинены, т. е. часть сарматских племен. Другая часть этих племен, равно как и временно подчинившиеся гуннам остготы, покорившись завоевателям, некоторое время двигаются далее вместе с ними, усиливая собою гуннские полчища. Наконец некоторая часть прежних жителей страны, наводненной гуннами, жмется к стороне, давая проход волне победителей. Мы не знаем, насколько такое явление имело место на севере от пути гуннов. Однако ниже мы увидим, что некоторая часть алан подалась далее к лесной сто-

роне и примкнула к тамошним оседлым племенам, совершенно так же, как это было много веков спустя с частью печенегов и узов торков, ставших на Руси «своими погаными». Во всяком случае так было к югу от пути следования завоевателей, где природа образовала два защищенных естественными преградами убежища для народов, искавших укрытия от более сильного противника. Это были, с одной стороны, северные предгорья Кавказа и дельта Кубани, к которым прижалась часть готов и алан, и Крымский полуостров, особенно недоступная для кочевников его горная часть, давшая убежище другой части остготов и небольшой части алан. В дальнейшем поступательном движении завоеватели не только увлекали за собой прежних насельников, подпавших под их власть, но и толкали вперед тех, кто отступал, не желая им подчиняться. Такова была ранее судьба остатков скифов, скучившихся где-то у устьев Дуная, судьба язигов, загнанных в Средне-дунайскую низменность; в данный момент это была участь вестготов, которые, перейдя Дунай, начали новую фазу своей бурной истории, доведшую их до Испании. Еще позднее ее испытали печенеги и половцы. Немного спустя, во второй половине V в. тем же путем пошла большая часть остготов, чтобы в Италии основать королевство Теодориха Великого.

Мизия и Паннония, Нижне- и Средне-дунайская низменности бывали не только последним убежищем отступавших племен: они еще чаще бывали последним этапом победителей. Кочевники вместе с подвластными племенами, шедшими за ними волей и неволей, докатывались до последних богатых низин, где могли развернуться их конные отряды. Попытки продвинуться далее при известных частичных успехах, какие можно наблюдать, например, в походах Аттилы на Галлию и Ломбардию, в набегах авар и болгар на Балканский полуостров, в набегах авар и мадьяр на Германию вверх по Дунаю или в походе Батыя на Чехию были обречены на неминуемую конечную неудачу вследствие иных природных условий стран, в которые попадали кочевники. Участи этой не миновали и гунны, предводимые Аттилой. Ослабевшие от постоянного напряжения, лишенные вождя, они частью растаяли в Паннонии, частью возвратились под начальством младшего сына Аттилы Ирнаха, или Эрнака, обратно к устьям Дуная и уступили первенствующее место другим тюркским племенам—болгарам и аварам. Имя болгар появляется впервые в конце V в.; в 482 г. император Зенон призвал их на помощь против остготов; с этого времени начинаются их нападения на Византию, продолжающиеся до половины VI в., когда их почти на целое столетие сменяют авары. И то и другое племя тюркского происхождения и, вероятно, родственное гуннам.

Византийские писатели указывают, что кочевья болгар были в степях к северу от Меотийского озера, т. е. Азовского моря. Возможно, что болгары скрываются в более раннее время под различными названиями племен, близких к гуннам,—кутургуров, утургуров, оногуров и др., которых греко-римские источники помещают неизменно в южных степях СССР. С половины VI в. болгары подчиняются новым пришельцам—аварам. Имя последних также впервые

появляется в V в., когда они кочуют где-то около Каспийского моря. Авары в VI в. быстро продвигаются на запад по тому же пути, по которому за полтораста лет до того прошли гунны, и оседают в Паннонии; отсюда они до 626 г. громят империю вместе с подвластными племенами, в числе которых не последнее место занимают славяне. Их держава в VI и VII вв. обнимает, кроме Паннонии, также значительную часть юга и юго-запада СССР. (Их отношений к обитавшим здесь славянам мы еще коснемся, когда будем говорить о судьбах славян в это время.) В первой четверти VII в. могущество аварской державы уже было сломлено соединенными силами восточной империи и варварских племен, ранее подвластных аварам; среди последних видная роль снова принадлежит болгарам. С этого времени владения аваров ограничиваются Паннонией и, вероятно, некоторой частью закарпатских областей. В Паннонии они господствуют до Карла Великого, который окончательно разрушил остатки их былого могущества.

Судя по сохранившимся остаткам языка древних болгар, можно сказать, что он был ближе всего к языку современных чувашей, которых с достаточным вероятием можно считать потомками древних камских болгар. Это обстоятельство укрепляет мысль о родственной связи между камскими и дунайскими болгарами и дает веру рассказу, приводимому в сравнительно поздней хронике византийского историка Феофана (758—816). По смерти болгарского князя или хана Кубрата (между 660—670 гг.) его пять сыновей, несмотря на завет отца, разделились. Двое со своими ордами ушли к аварам в Паннонию; один остался на старых местах, положив, как можно думать, основание черным болгарам, долго жившим вдоль восточного берега Азовского моря. Другой перешел за Дон, и направился к северу, где, надо думать, основал Камскую Болгарию. Средний из братьев, Аспарух, занял местность «Ногл» («Onglos») между Дунаем и Прутом, откуда по договору с императором Константином IV в 679 г. перешел на правый берег Дуная и положил основание государству, сохранившему имя Болгарии до нашего времени[1]. Уход болгар от побережья Азовского моря едва ли был добровольным. И движение Аспаруха к Дунаю и движение его братьев за Дон и к Волге было вызвано напором с востока хазар, которые начали новую страницу в истории юго-востока нашей страны.

Прорвавшись в южно-русские степи и победоносно пройдя их до Карпат, гунны оставили на севере от своего пути оседлое население венедов-славян, к которым, может быть, присоединились обломки остготов и алан, а на юге остатки сарматов и готов. Нам необходимо теперь рассмотреть судьбы и культурную жизнь славян и готов до конца изучаемого нами периода; что касается судеб и культуры прижатых к Кавказу алан, то мы рассмотрим их ниже в связи с культурой хазарского Юго-востока.

Что сталось с народностью, которую мы определили как с незапамятных времен обитавшую от Карпат до Днепра к Полесью и от него на север и которую другие народы последовательно на-

[1] *Феофан*, I, 546—547 (Corpus Scriptr. Hist. Byzantinae, ed. Classen, 1839).

нывали неврами, венедами, а в V—VI вв. хр. эры также еще антами и словенами, склавинами и склавами? Изучая древнейшие городища б. Киевской и соседних губерний, из тех, которые стоят в близкой связи с полями погребальных урн, мы уже видели, что они должны были служить обиталищем народа несомненно оседлого, давно и долго жившего в данной местности, народа с определенным кругом верований и обрядов.

«Судя по находимым при погребениях костям, в числе имевшихся у них домашних животных были овцы, свиньи, куры: самый выбор этих животных, принадлежащих к употребляемым в пищу, указывает или на совершение тризны, или на принесение съестных припасов в жертву. Отметим при этом общие характерные черты полей погребений—отсутствие оружия, скудость и мелкий размер украшений при сравнительном богатстве керамики и однообразный тип погребального обряда, почти не представляющий уклонений от установленного порядка, к какой бы эпохе ни принадлежали могильники. Вместе с тем мы встречаем здесь, повидимому, пережитки древних обычаев, как, например, погребение скорченных скелетов, которые относят обыкновенно к каменному веку, но в данном случае одинаковая с прочими сохранность костей не оставляет сомнения в одновременности их остальным покойникам. Такая же устойчивость традиций выражается, может быть, также в том, что в могилы клались кремневые и костяные предметы, бывшие уже и тогда памятниками старины: иначе нельзя объяснить присутствия указанных предметов совместно с остатками более высоко развитой культуры»[1]. Если к этому описанию прибавить наличность обломков земледельческих орудий и колосья пшеницы, находимые в соответствующих погребальным полям городищах, мы можем сказать, что древние невры-венеды-славяне, по крайней мере в южной, наиболее близкой к цивилизованному миру, области, были народом оседлым, земледельческим, с не особенно богатой материальной культурой. Круг их верований, т. е. доступная нашим наблюдениям область их духовной жизни, определяется господствующим при погребении обрядом сожжения, что обычно указывает на отделение понятия о загробной жизни от представления, будто душа продолжает жить в могиле, ведя прежний образ жизни и вмешиваясь в жизнь живых людей; анимизм, видимо, уже уступает место дальнейшим ступеням верований. Народ этот не был в центре торговых путей варварской Европы, однако предметы греко-скифского происхождения, а в более позднее время многочисленные римские монеты, найденные на территории, когда-то им занятой, показывают, что торговые сношения между ними и цивилизованным Югом существовали.

Городища указывают на поселения оседлые и укрепленные, на настоящие городки, существовавшие у древнейших славян. Птолемей со своей стороны указывает на ряд городов, лежавших по течению Борисфена, и даже определяет их точное географическое положение. Это Метрополь, Серим, Сар, Амадока и Азагарий по самому Борисфену, Ниосс, Сарбак и Лепи по берегам рукава его, вытекающего

[1] *Хвойко*, Поля погребений в Среднем Поднепровьи, 16, 17.

по словам Птолемея, из озера Амадока[1]. Было бы, однако, по нашему мнению, неблагодарной задачей пытаться приурочить эти города к определенным городским поселениям более позднего времени. Названия эти лишь говорят, так же как и городища, что в стране невров, венедов или славян действительно существовали города. Может возникнуть лишь вопрос о Киеве, место которого было обитаемо еще в каменном веке, вероятно с того самого времени, когда человек впервые появился на среднем Днепре. Древностей, характерных для полей погребальных урн, доселе на территории города Киева, кажется, не обнаружено, но они хорошо известны в его окрестностях, а позднее Киев делается средоточием жизни славян на Днепре. Едва ли будет слишком смелым предположить, что городское поселение на месте нынешнего Киева могло существовать в эпоху культуры погребальных полей и в эпоху переселения народов, как оно, несомненно существовало ранее и позднее. Очень возможно, что поселение это существовало даже непрерывно, хотя пытаться отождествить Киев с каким-нибудь из городов, названных у Птолемея, было бы предприятием слишком смелым и мало на чем основанным.

В какой мере исконные места жительства славян были изменены или нарушены нашествием готов? Это прежде всего стоит в зависимости от того, двигались ли готы сплошной массой, вытесняя прежних насельников, или же распространялись между этими последними, подчиняя их своей власти. Точный ответ невозможен, но различные соображения заставляют склониться в пользу второго предположения. Скорее наоборот, опустевшие старые места оседлости готов по Висле могли привлечь соседних славян и стать таким образом первым этапом позднейшего распространения их на запад. Нет никаких оснований думать, что готы, двигаясь к Черному морю, сдвигали славян с места, особенно, если принять во внимание, что одно племя готов, даже со всеми своими разветвлениями, не могло быть особенно многочисленным по нашим теперешним понятиям. Между тем оно властвовало в течение $1^1/_2$—2 веков над огромным пространством от Карпат до Дона и от берегов Черного моря, вероятно, до области мери и мордвы. Нельзя поэтому не притти к заключению, что готы и среди венедов-славян и среди сарматских племен выступают как властители и организаторы временной военной державы, которая имела некоторое внешнее сходство с древней скифской державой, хотя германцы-готы были, может быть, и мало похожи на иранцев-скифов. Готы собирали дань с подвластных им народов, требовали вспомогательных войск, водили и сарматов и славян за собою в походы. Вероятно, готы захватили в свою власть и оседлые поселения в Поднепровьи: в городищах б. Киевской губернии были находимы вещи, подобные тем, которые во множестве обнаружены в готских могилах Крыма; но где был центр их державы, сказать невозможно. Позднейшие норманские саги смутно говорят о каком-то городе на Днепре—Danprstadis; очень часто в этом «днепровском городе» хотели усмотреть Киев;

[1] *Птолемей*, III, V, 14, 15.

нет возможности категорически отрицать это, но нет также никаких оснований решать этот вопрос положительно.

В последнее время М. И. Ростовцев высказал мысль, что именно готам Поднепровье обязано было большим оживлением; по его мнению, римские монеты II—IV вв., найденные в Юго-западной части СССР, говорят о торговле, которую готы вели с Империей. Готы строили здесь города,—и во всяком случае владели теми городами по Днепру, в которых позднее поселились славяне; сами готы были гораздо многочисленнее, чем это обычно принято думать [1]. Это очень остроумные предположения, но доказать их пока нет возможности; современное состояние памятников, как письменных, так и вещественных, заставляет повременить с точным решением вопросов, связанных с отношением готов властителей к славянам, которых они покорили.

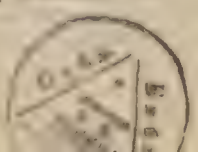
Однако во всяком случае в очень долгий период, начавшийся с появлением в южной России готов, венеды-славяне остаются в тени, оттесненные на задний план народами-завоевателями. Они остаются в тени и в бурную эпоху великого переселения. Их подчиняют и водят за собой гунны и авары. Отряды славян вместе с гуннами появляются у ворот отживающей западной империи; вместе с аварами они громят Балканский полуостров. Как объяснить такой поразительный факт: «Великий народ венедов», как называет его еще Птолемей, несмотря на свою многочисленность, позже других народов, значительно уступавших ему в численности, выходит на самостоятельное историческое поприще. Между тем венеды воинственны и храбры не менее, чем другие варварские народы того времени. Легенды о славянской миролюбии давно оставлены. «Начиная сражение они в полном строю бросаются на врага, держа в руках небольшие щиты и дротики. Они не надевают рубашки, ниже не имеют и плаща, но бросаются в состязание с врагом, одетые в одни только шаровары. Они проворны и очень сильны» [2]. Можно думать, что разгадка лежит в ином. Тогда как и у готов, и у гуннов, и у аваров мы находим ясно выраженную и прочно организованную власть военного вождя или хана, имеющую военно-деспотический характер,— славяне «не повинуются единому вождю, но с древних времен живут в народовластии, вследствие чего у них сообща обсуждается и горестное и полезное» [3]. Следовательно, славяне вступают в историю в анархическом строе, не чуждом славянству и в его позднейших судьбах. Единение создает силу; отсутствие единения ведет к противоположному: храбрые не менее своих соперников, численно очень сильные, славяне, не умевшие создавать прочных союзов, а тем более крупных военных деспотий, неизменно подпадали под власть лучше организованных, хотя, может быть, и меньших по численности соседей-врагов. Если славяне лишь понемногу и с большим опозданием начинают принимать участие в активной жизни Восточной Европы, то, все же,

---

[1] *Rostovtzeff*, Iranians and Greeks in South Russia, Oxford 1922, Ch. IX: «Origin of the russian state of the Dnieper», 210—222.

[2] *Прокопий*, О готской войне, III, 4.

[3] *Прокопий*, О готской войне, III, 18.



нельзя отрицать, что совокупность событий, известная под именем великого переселения народов, заставила их очень существенно изменить и расширить границы их древнейшей родины.

Движение славян к западу началось, быть может, вследствие ухода готов с Вислы; оно во всяком случае продолжалось и развивалось в связи с тем общим передвижением германских племен, которое заставило их в V в. вторгнуться в пределы западной римской империи. Движение славян на запад, предпринятое вслед за уходившими германцами, не отмечено никакими памятниками; оно, кроме того, лежит за пределами нашего исследования. К первой половине VI в. относятся первые вполне достоверные известия византийских писателей о напоре славян на дунайскую границу восточной римской империи. Наши главные источники этого времени — Прокопий Кесарийский, равно как и его современник, историк готов Иордан — упорно различают две ветви славянского племени — склавен и антов. По словам Иордана, первые занимают край от Дуная до Вислы и от города Новиетунума и озера, называемого Мурсианским, до Днестра; вторые, «самые сильные из них, там где берег Понта загибается, простираются от Днестра до Днепра» [1]. В настоящее время можно считать вполне установленным, что склавены были предками нынешних югославян, а анты — предками славян восточных или русских [2].

Филологическая наука точно устанавливает факт большей взаимной близости языков юго- и восточно-славянских, нежели близость тех и других к языкам западно-славянским. Это объясняется тем, что западная ветвь, надолго сохранившая у соседей название венедов, отделилась от общего ствола ранее, нежели югославяне отделились от восточной ветви.

Где и когда могло произойти разделение склавен и антов? Это в значительной степени зависит от того, где искать город Novietunum, или, вернее, Noviodunum и Мурсианское озеро? Шахматов полагает, что речь идет о Новиодунуме около нынешнего города Исакчи на низовьях Дуная, а Мурсианское озеро считает нужным искать на юге Молдавии или Бессарабии [3]. Нидерле, соглашаясь с определением Новиодунума, склонен отождествлять Мурсианское озеро с озером Нейзидлькским на границе Австрии и Венгрии [4], что существенно меняет дело. По Шахматову, разделение склавен и антов должно было произойти в начале VI в., т. е. незадолго до того, когда писали свои труды Прокопий и Иордан, где-нибудь на Днестре; от Днестра склавены пошли на юго-запад, на Балканский полуостров, а анты остались на месте [5].

Если принять мнение Нидерле, в свою очередь опирающегося на мнение крупнейшего авторитета в области славистики — Ягича, южная ветвь славян из общей закарпатской колыбели шла к Балканам и Адриатическому морю не одним, а несколькими путями. Словенцы

---

[1] *Шордан*, Гетика, V.

[2] Новейшую сводку мнений см. у *Шахматова*: «Древнейшие судьбы русского племени», 9 и сл.

[3] *Шахматов*, Древнейшие судьбы, 10.

[4] *Niederle*, Slovanské Starožitnosti, II, 292—293.

[5] *Шахматов*, Древнейшие судьбы, 11, 12, 13.

и сербо-хорваты должны были итти через карпатские проходы Яблуников, Дуклу и др., а предки современных болгар — восточным путем, вдоль северо-восточного склона Карпат через Молдавию и Валахию [1]. Нам представляется второе предположение более вероятным. Легче себе представить широкую волну славян, двигавшихся на юг через Паннонию, нежели длинную вереницу переселенцев, огибавших всю дугу Карпат, чтобы дойти до Адриатического моря. А если так, то и начало разделения говоров южной и восточной ветвей надо относить ко времени соседского жития в закарпатской колыбели, быть может, на столетие или более вглубь сравнительно с тем временем, к которому относит это разделение Шахматов.

Если, с другой стороны, сравнить пределы первоначальной территории, занятой славянскими племенами, как она намечается археологическими памятниками, с позднейшим временем широкого расселения, то мы должны будем признать, что древнюю колыбель сохранили за собою частью западные славяне, а именно восточные племена поляков, частью восточные славяне — западные племена русской группы. Для южных, более близких к восточным, нежели к западным собратьям, места на древней территории не нашлось вовсе. Они ушли на Дунай и за Дунай, причем хорваты унесли с собой к Адриатическому морю испорченное, но уже в то время древнее, название Карпатских гор. Среднее, переходное между восточной и западной ветвями племя белых хорватов сохраняло то же название еще много веков позднее, обитая на северных предгорьях средних Карпат. Здесь в исконной родине славянства вероятнее всего назрело распадение сначала на две—западную и юго-восточную—ветви; последняя в свою очередь немного позднее также распалась на две; одна из них сохранила за собою восточную половину прародины и, как увидим ниже, только отчасти выдвинулась в первое время на юг, другая ушла без остатка, причем на новые места уходила разными путями. Самый восточный из этих путей шел между Карпатами и Днестром, и здесь дольше всего сохранились близость и почти полное единство между склавенами и антами.

[1]То анты были предками восточных славян, т. е. славян русских, в этом сомневаться не приходится. За это говорит территория, которую отводят им Прокопий и Иордан: они обитают в широких пространствах между Днестром и Днепром и за Днепром к северу от Азовского моря; Прокопий называет их бесчисленными. Но в VI в. восточные славяне на некоторое время, вероятно в связи с бурями народных переселений предшествующих веков, выдвинулись к юго-западу гораздо дальше, чем ранее и чем в эпоху Киевской Руси: отсюда в VI в. происходят частые столкновения Византии не только со склавенами, но и с антами. Различая антов и склавен, Прокопий говорит, что «прежде они составляли один народ; и теперь еще они говорят одним языком и не отличаются друг от друга внешним ви-

[1] *Niederle*, II, 329—332; *V. Jagić*, Рецензия на книгу И. И. Филевича «История древней Руси» (Archiv für slavische Philologie, XIX, 230—240), его же «Zwei Streitfragen. Eine einheitliche slavische Ursprache» (Archiv für Slavische Philologie, XXII, 11—38).

дом»[1]. Этим определяется и подчеркивается все еще близкая связь между двумя ветвями славян, разделение которых было явлением еще очень свежим.

Здесь мы расстанемся с юго-славянами, как выше мы расстались со славянами западными. С VII в. упоминания об антах у византийцев становятся все реже; восточные славяне как будто отходят от юго-западного угла нашей равнины. Около этого времени начинается то медленное и постепенное распространение их к северо-востоку, которое составляет коренной процесс русской истории. За этим движением нам придется долго и много следить в дальнейшем изложении.

О культурной жизни славян до конца VI в. едва ли можно прибавить многое к тому, что уже сказано выше. О их воинственности и храбрости, которые в них пробудились в эпоху переселения народов и которые отмечают византийские писатели VI в., мы уже говорили. IV—VI в. — для них время передвижений, колебаний, неустойчивости, когда старый патриархальный быт, которым они жили долгие века на своей прародине, был нарушен, а новые формы еще не могли установиться. Прокопий говорит о склавенах и антах, что они чтут единого бога-громовержца, повелителя всего видимого мира, и приносят ему быков и другие жертвы. Власти рока они не знают и не приписывают ему никакого влияния; когда они или в болезни или в сражении видят приближающуюся смерть, то дают обет богу, если избегнут ее, приносить постоянно жертву за спасение своей головы; избавившись от опасности, они исполняют то, что обещали, и считают, что приносимой жертвы они искупили свою жизнь. Кроме того они поклоняются рекам и нимфам и некоторым другим божествам, всем им они приносят жертвы и во время жертвоприношения занимаются гаданиями. Они живут в очень плохих, разбросанных на далекие расстояния хижинах и постоянно меняют места жительства. Образ жизни их, подобно жизни массагетов, незатейлив и груб, и все они, как и те, всегда покрыты грязью. Нрав их, однако, не суров, ни лжив[2]. Вожди, конечно, должны были несколько отличаться от рядовых членов племени, главным образом большим богатством, но мы уже знаем, что основной чертой общественного быта славян было слабое развитие единоличной власти. Это был народ в общем бедный, ибо богатства, вроде найденных в Перещепинском кладе, могли у них быть только в исключительных случаях, одаренный, судя по словам Прокопия, менее жестоким, чем некоторые другие варварские народы; характерным его свойством была неорганизованность, которая парализовала его силы и была особенно заметной при сравнении с готами или гуннами, у которых единоличная военная власть получила очень большое развитие.

О материальной культуре славян до эпохи великого переселения уже можно было судить по инвентарю погребальных полей и современных им городищ юго-западной части СССР. Небогатые оседлые

---

[1] *Прокопий*, О готской войне, 499.
[2] *Прокопий*, О готской войне, 498.

земледельцы, имевшие некоторые культурные, точнее — торгообменные сношения с соседними народами,—вот как можно определить древнейших славян. Как раз к тем же выводам приводят и данные лингвистики, которые говорят нам, что славянам в этом периоде их жизни уже были известны почти все термины оседлого земледельческого обихода, причем эти термины еще в очень раннее время были ими частью заимствованы от германцев и, может быть, от кельтов.

Вещественных памятников пребывания готов в Поднепровьи и вообще в средней полосе СССР, равно как и в русских степях почти нет, если не считать отдельных предметов того характерного стиля, к которому принадлежат вещи из готских могил в Крыму. Но отдельные единичные находки говорят очень мало; предметы, о которых идет речь, были найдены на городищах, каждое из которых могло быть в известное время занято готами, хотя у нас нет никаких доказательств того, что оно должно было быть занятым непременно ими, так что вещи сами по себе могли принадлежать и не готам. Делать выводы из археологических памятников можно только тогда, когда мы имеем дело с ясно выраженной, определенной и цельной культурой, чего в данном случае совершенно нет. Надо признать, что пребывание готов в восточной Европе, длившееся около 200 лет, не оставило следов в материальных памятниках, или по крайней мере таковых до сих пор не найдено.

Иначе обстоит дело с той небольшой частью остготского племени, которая засела в Крыму; она была заперта в нем гуннским нашествием, которое отрезало этих готов от остальной массы их соплеменников, сдвинутой на запад и скоро ушедшей из пределов нашего вига. О крымских готах, которые просуществовали как отдельное самостоятельное племя, сохранявшее свой родной германский язык, во всяком случае до XVI в., мы знаем довольно много как по памятникам вещественным, так и по свидетельствам письменным, преимущественно по византийским источникам. Те и другие вместе позволяют познакомиться с их судьбой и с их культурным состоянием в ближайшие века после того, как они основались на Таврическом полуострове.

Трудно сказать, какие местности Крымского полуострова были заняты готами при первом их появлении в III в. Однако можно с полным вероятием утверждать, что ослабевшее к тому времени Босфорское царство было поставлено в какую-то зависимость от готов и что кораблями Пантикапея и соседних городов пользовались те готы, которые по словам античных авторов производили свои набеги со стороны Меотийского озера. В самой Керчи и в ее окрестностях было находимо немало оружия и украшений одинаковых типов с теми, которые встречаются в готских могилах южного берега. Одной из самых замечательных находок надо бесспорно считать богатое погребение, открытое в 1926 г. в с. Мордовке, к западу от Керчи, давшее золотые предметы, украшенные сердоликами [1]. Это обстоятельство также подтверждает пребывание готов на территории Босфора. Вероятно, одновременно с Босфором была занята и крымская степь и

[1] *Марти,* Сто лет Керченского музея, Керчь 1926.

благодатные долины горного Крыма вместе с большею частью южного берега. Из прибрежных городов, повидимому, только Херсонес оставался непрерывно во власти империи. И в степи и особенно в горах готы должны были встретить остатки более древних племен—потомков тавров и скифов; прижатые и укрывшиеся в горах, вероятно немногочисленные представители этих народностей, надо думать, подчинились готам и постепенно стали сливаться с новыми пришельцами. В 70-х годах IV в., если верить упорно передаваемым византийскими писателями несколько легендарным рассказам, в Крым вторглась часть гуннов; пройдя через степную часть полуострова, они должны были увлечь за собой часть жителей крымской степи и способствовать большему сосредоточению крымских готов в области горного Крыма. Вместе с тем эти события навсегда отделили исторические судьбы крымских остготов от судеб основной и большей части их племени.

По словам Прокопия [1], одно из гуннских племен, возвращаясь с запада на восток через Крым и Керченский пролив, увело за собой часть готов, которые, перейдя на кавказский берег, поселились на кубанской дельте и далее до Анапы, а может быть, судя по инвентарю Борисовскаго могильника, раскопанного в 1911—1912 гг., частично и далее до Геленджика [2]. Эти готы, вероятно очень немногочисленные, сохраняли свою национальность еще в VI в., а вероятно, и позднее. Греческие писатели присваивают им название готов-тетракситов. Название это долго служило предметом самых остроумных догадок со стороны представителей лингвистической науки, пытавшихся объяснить его. Однако попытки эти до сих пор остаются тщетными. В самое последнее время проф. А. А. Васильев [3], ссылаясь на то, что в некоторых рукописных списках сочинений Прокопия вместо «тетракситы» стоит «трапезиты», выдвигает предположение, что правильным надо считать именно это последнее название, которое должно было произойти от горы Трапезуса, как еще Страбон называет Чатыр-даг, или от города Трапезунта, который Иорданом упоминается как существующий в Крыму [4].

Переселившиеся на восточный берег Керченского пролива готы сохранили название, которое, вероятно, ранее прилагалось ко всем таврическим готам. Отмеченное сейчас событие должно было произойти в начале V в.; за последующие сто лет судьбы готов в Крыму остаются для нас темными. Новый свет бросают сведения, сообщаемые историком Юстиниановского царствования, Прокопием. «Когда,— пишет он,— Юстиниан узнал, что стены Воспора и Херсона, приморских городов, лежащих на берегу за Меотийским озером, за таврами и тавроскифами, на крайних пределах римской империи, совершенно пришли в упадок, то он снова привел их в прекрасный и прочный вид. Там же он построил два сторожевых укрепления: так

[1] *Прокопий*, О готской войне, IV, 4—5.
[2] *Сапанев*, Раскопки на Северном Кавказе, Известия Археологической комиссии, вып. VI.
[3] *Васильев*, Готы в Крыму, Известия Российской академии ист.-мат. культуры, I.
[4] *Иордан*, Гетика, V, 32.

называемый Алустон и укрепление в Горзувитах. В особенности же он упрочил за собою посредством крепости город Воспор, который уже издавна сделался было варварским городом и находился под властью гуннов и только при нем был опять возвращен Римской державе. Есть там одна страна на морском побережьи, по имени Дори (Δόρυ); в ней издавна живут готы, которые, не последовав за шедшим в Италию Теодорихом, добровольно остались здесь и еще при мне продолжают быть союзниками римлян; они вместе с ними ходят на войну против их врагов, когда пожелает того император. Число их простирается до 3 тысяч; они прекрасные воины, а также деятельные, искусные земледельцы и отличаются наибольшим гостеприимством между людьми. Самая область Дори лежит высоко, однако она не слишком дика и сурова, напротив, приятна и богата прекрасными плодами. В этой стране император нигде не строил ни города, ни крепости, потому что тамошние люди не терпят, чтобы их запирали в стенах, но всего более любят жить в полях; только в тех местах, которые казались легкодоступными для неприятелей, он заградил входы длинными стенами и освободил готов от всяких опасностей» [1].

Название «Дори» легче всего объяснить искаженным в устах готов названием «Таврия» — изменение в произношении согласных довольно обычно в германских языках. Страна эта лежит при море там, где находятся Алустон-Алушта и Горзувиты-Гурзуф. Вне ее находятся Херсонес с одной стороны и Сугдея (ныне Судак) — с другой. Это — горная страна; выходы из гор в степи усилены искусственными укреплениями. Так определяются границы страны Дори, которую византийцы позднее называют также Готией и Готскими Климатами; это — Крым горный и приморский от Херсонеса или, точнее, от Балаклавы до Судака. Так как важнейшие пункты на морском побережьи были в руках империи, то готские центры надо искать в других местах: на море важнейшим средоточием готов была местность между Ялтой и Аюдагом, где рядом с занятыми византийцами Горзувитами и Алустоном у них был город («торжище» emporion) Партениты у подножья Аюдага и другое «торжище» — Курасанты, вероятно, нынешний Корбек. Припомним, что как раз эта местность особенно богата готскими могильниками. Где-то внутри страны находился другой готский город — Фуллы, быть может нынешний Карасубазар или Старый Крым. Но главный центр готов, их укрепленная твердыня, существовавшая у них, несмотря на противоположное утверждение Прокопия, был город или крепость внутри горного Крыма, носивший также название Дори, позднее измененное в Феодоро. Это неприступный массив, в настоящее время известный под названием Мангуп или Манкуп-Кале, несколько к западу от дороги между Ялтой и Бахчисараем. Теперь необитаемый, он окружен остатками стен и покрыт развалинами средневековых построек. С Дори-Феодоро-Мангупом соединяются последние события самобытной жизни готов в Крыму. С владетелями этого города вели сношения итальянцы, основавшиеся на южном берегу, начиная с XII—XIII вв.; с последним из них вел переговo-

[1] *Прокопий*, О сооружениях. III, 7.

ры великий князь Московский, Иван III, пока в 1475 г. Феодоро не пал под напором турок. Там же в горах крымские готы, которые еще в XVI в. говорили на родном языке, доживали последние времена своего национального существования [1].

Мы не будем следить подробно за историческими судьбами крымских готов после VI в. Общее положение, создавшееся в царствование Юстиниана, продолжалось без особых изменений до того времени, когда в VII в. готы вместе с большей частью Крыма подпали под власть хазар. Мы будем иметь случай еще раз встретиться с готами в связи с изучением хазарского культурного мира.

Внутренняя организация крымских готов почти неизвестна. Судя по тому, что монархическое начало было развито у готов еще тогда, когда они всем народом явились в степи восточной Европы, а также по тем готским князьям, которые существовали в Крыму в последние века готской самостоятельности, можно думать, что у крымских готов с самого начала были свои племенные потом феодальные вожди, вокруг которых собирался весь этот немногочисленный, но стойкий и сильный народ. В житии Иоанна Готского, жившего в VIII в., говорится о «господине Готии и его властях и всем его народе»; там же говорится об особом «господине» города Фулы, в котором можно видеть что-то вроде вассала верховного владетеля Готии [2]. По отношению к Римской империи их можно назвать союзниками, которым оказывают покровительство, принимая в то же время против них некоторые меры предосторожности. Юстиниан, которому они поставляли до 3 тысяч вспомогательного войска (эта цифра может косвенно дать понятие об их общей численности), помогал им укреплять выходы из гор в степи и в то же время учреждал наблюдательные военные пункты в Алуште и Гурзуфе.

Как известно, готы очень рано приняли христианство. В основной своей массе и вестготы и остготы долго оставались арианами. У крымских готов христианство распространилось еще в III и начале IV вв. В противоположность большинству своих соплеменников крымские готы остались в стороне от арианской ереси. В VI в. Прокопий, говоря о готах-тетракеитах или транезитах, такими словами рисует их религиозный быт; слова его, думается, можно распространить и на всех готов Черноморья. «Хотя они немноголюдны, но не хуже других хранят свои христианские уставы, которым следуют. Были ли упомянутые готы (тетракеиты) когда-нибудь арианами, подобно другим готским племенам, и вообще какая другая религия была у них прежде, — этого я не могу сказать, да и сами они не знают. Известно только, что теперь они с большим простодушием и доверчивостью преданы христианству. Незадолго перед сим (я разумею 21-й год правления Юстиниана) они присылали в Византию

[1] Раскопки, веденные в 1929 г. в пещерном городе Эски-Кермене, расположенном к ю.-з. от Мангупа, и ранние готские древности, найденные в тамошних погребениях, привели к предположению, что древнейший город Дори соответствует Эски-Кермену, а Мангуп стал столицей готов только в более позднее время. Окончательно решить этот вопрос возможно будет только по окончании работ в Эски-Кермене и опубликовании их результатов.

[2] *Васильевский*, Житие Иоанна Готского, Труды, II, 397, 398, 399.

четырех послов с просьбой дать им епископа, так как бывший у них до того священник умер»[1]. При императорах-иконоборцах крымские готы остаются, подобно своим соседям херсонесцам, верными иконопочитанию. «При императоре Константине (V) тогдашний епископ Готии, вызванный на собранный против святых икон собор, склонился и подписал (постановления иконоборческого собора 10. Г.) и за то был поставлен от царя митрополитом Фракийской Гераклеи. Поэтому православные в Готии, не принимая участия в нововведениях беззаконного собрания, но оставшись притом без пастыря, предложили в пастыри сего преподобного (Иоанна)»[2]. Готы стойко и неуклонно держались православной веры, и позднее они сохранили ее даже дольше, чем свою национальность, ибо когда в конце XVIII в. паства готского митрополита переселилась на северные берега Азовского моря, то в составе его были только люди, говорившие по-гречески.

Говоря о готской культуре за время пребывания их в Восточной Европе, надо различать два вопроса: более узкий — о культуре крымских готов, судьбы которых только что были изложены, и более широкий — о том значении, какое вообще имели готы в культурной жизни нашей страны, обитая в ней всем народом от III до V в.

Если собрать все скудные сведения, которые можно почерпнуть, с одной стороны, из раскопок, выполненных на готской территории, а с другой — из византийской письменности VI—VIII вв., то крымских готов можно представить в виде небогатого земледельческого народа с своеобразными обычаями, который и своей одеждой и вероятно всем своим внешним видом отличался от соседнего греческого и иного населения. Своеобразный стиль предметов, находимых в готских могилах, нам кажется, ясно на это указывает. Их военная сила не находит себе подтверждений в вещественных памятниках, так как готские могилы дают почти исключительно небольшие кинжалы и ножи, но за нее говорят и та роль, которую остальные готы сыграли в истории Европы, и прямое свидетельство такого добросовестного и умного писателя, как Прокопий. У готов существовало социальное расслоение и притом, вероятно, довольно глубокое. Помимо известий общеготского происхождения это доказывается известиями о готских «господах» или князьях, находимых в житии Иоанна Готского и относящихся к VIII в., и наконец готскими могилами, которые по характеру своего устройства во всяком случае говорят о расслоении экономическом, а следовательно, и социальном. Мы ничего не знаем о какой-либо крупной торговой аристократии готов, каковой и не могло образоваться ни на южном берегу Крыма, ни тем более в Крымских горах; классовое расслоение возможно объяснить только наличностью феодальной аристократии. Она должна была образоваться еще в общеготскую эпоху; возможно, что следы ее сохранялись до самого конца существования Готии, если судить по известиям о готских князьях XV в.

---

[1] *Прокопий*, О готской войне, IV, 4: 21-й год правления Юстиниана—543 г.
[2] *Васильевский*, Житие Иоанна Готского, Труды, II, 326.

Небольшая по пространству Готия состояла из деревень, рассыпанных по южному берегу и по горным долинам; природные условия вполне подтверждают известие Прокопия о готах как о народе земледельческом. Для небольшого по численности племени занятая им территория могла дать все необходимое, хотя обогатить его она не могла. Кроме деревень Готия имела и города; это были горные замки вроде Дори-Мантура или Никермана и открытые города. О том, что представляли собою готские города в Крыму, дают косвенное понятие развалины базилики, раскопанной в Партените на берегу моря. Это, вероятно, остатки монастыря, который был основан епископом Иоанном Готским во второй половине VIII в. и где, кажется, была и его гробница: трехабсидная базилика занимала пространство в 12 *м* ширины и 18 *м* длины; окруженная по византийскому обычаю нарфиком, она была устлана прекрасным мозаичным полом; остатки колонн и капителей указывают на ее богатую первоначальную орнаментацию[1] (рис. 9). Существование этой прекрасной базилики в готском поселении не может не указывать на некоторую степень благосостояния и благоустройства, которыми в VIII—IX вв. продолжала пользоваться маленькая область готов.

Мы возвратимся к общему значению, которое имело для европейской культуры пребывание всего народа готов в Восточной Европе. Нигде оно не сказывается так ярко, как при сводке всеобщих известий о их пребывании здесь в III—V вв. хр. эры. Захватив весь юго-запад и юг нашей страны до Дона и Керченского пролива, они ввели в сферу своего политического влияния Боспорское царство, с одной стороны, и весь район его культурного влияния — с другой. Мы знаем, что за своеобразный облик имело Боспорское царство в эпоху Римской империи. Здесь греко-римский мир причудливо сочетался с азиатским, в частности с иранским влиянием, которое, направляясь из оживших при Сассанидах Персии, приходило сюда через посредство малоазиатских таваней, Кавказа и сарматских, т. е. таких же иранских, племен, заселявших пространство между Черным морем и Каспием. Мы знаем, к каким глубоким последствиям привело такое сочетание в области нравов, обычаев и материальной культуры. Именно здесь еще до появления готов сформировался тот оригинальный, хотя и не слишком тонкий, стиль утвари, который характеризуется обильными украшениями из цветных камней и заметным развитием зверинного орнамента. Сюда приходили из Персии и подлинные произведения тамошнего, расцветшего при Сассанидах искусства; особенно типичными для этого искусства являются художественной работы серебряные блюда, в изобилии расходившиеся по югу и востоку России, равно как и по областям Византийской империи. Образец сассанидских блюд мы уже видели в перещепинском кладе; с прямыми заимствованиями с Востока мы не раз еще встретимся и ниже.

Готы, сидя по берегам Азовского и Черного морей и поселяясь в IV в. на Киммерийском Босфоре, вошли в непосредственное со-

---

[1] *Репников*, Партенитская базилика, Известия Археологической комиссии, вып. XXXII, 1909.

прикосновение с иранским влиянием; владея степями и областями, прилегавшими к степям на нашем юго-западе, они на короткое время и в политическом и в культурном отношениях повторили роль, которую когда-то здесь играли скифы. В то же время они до известной степени предвосхищали будущее значение русской Киевской державы, объединявшей в известные моменты своего существования обладание Поднепровьем, с одной стороны, господство на Черном море и в Тмутаракани на Керченском проливе—с другой.

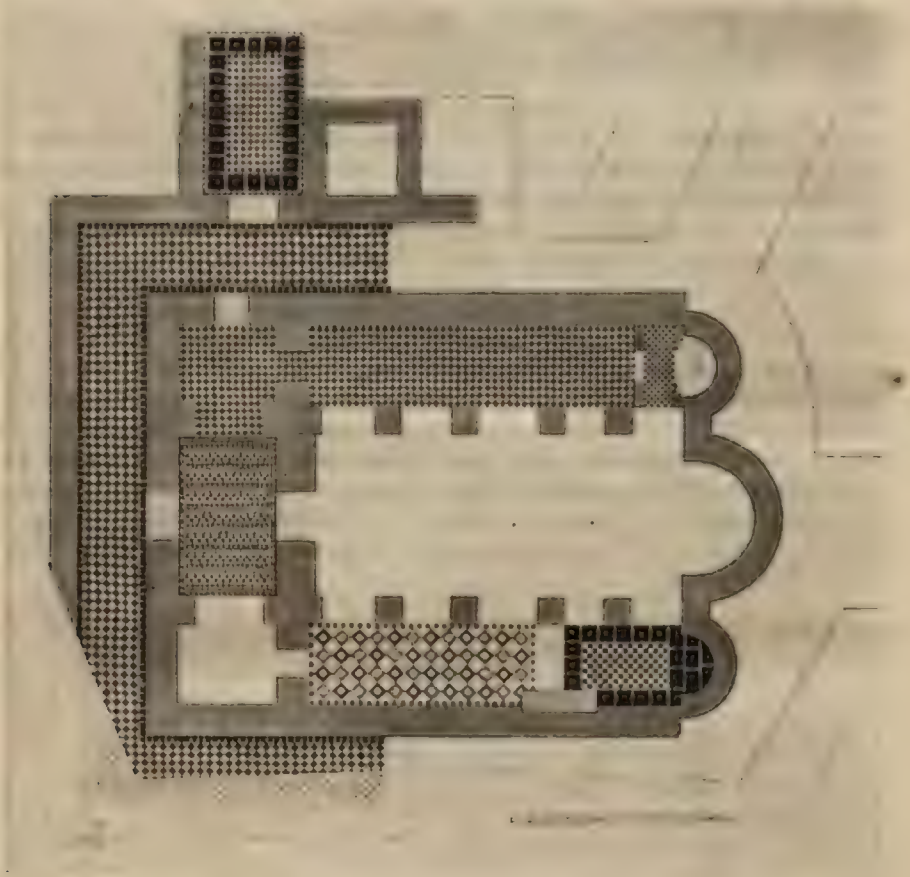


Рис. 9. *План партенитской базилики.*

Владея внутренними областями и господствуя на морском побережье, они опять, как скифы, втянули в этот обширный край до среднего Днепра и Карпат ту культуру, которую они нашли на Босфоре. Насколько можно судить, они это делали энергичнее и удачнее, нежели различные сарматские племена, которые властвовали здесь в промежуток времени между скифами и ими. Они сделались посредниками между Востоком, который так ярко чувствовался на Босфоре, и более западными странами, и в этом опять можно про-

вести параллель между готами и русской Киевской державой. Одним словом, готы заплатили свою дань тому непререкаемому историческому закону, который от каменного века до русского государства требовал, чтобы степной юг был связующим элементом между Востоком и Европой. Как очень даровитый и способный народ, готы, несмотря на всю кратковременность своего господства в Причерноморье, сыграли свою роль ярче и отчетливее многих своих предшественников и преемников.

Когда главная часть готского племени двинулась на запад, готы распространили по Европе характерные черты той смешанной с восточными влияниями культуры, которую они успели усвоить в своем соприкосновении с Босфорским царством. Мы уже говорили выше о том, как при помощи готов и вместе с ними по Западной Европе, которая в V — VI вв. вся сделалась варварской, распространился особый стиль в утвари и в предметах прикладного искусства. Его называли и называют готским, меровингским, варварским. На самом деле это именно тот стиль, который еще до готов образовался в Боспорском царстве и вокруг него. Готы и здесь оказались посредниками, а так как их миграции по Европе представляют едва ли не единственное в истории народов явление, то и их культурное посредничество в конечном своем итоге захватило неизмеримо большее территориальное пространство, чем такое же посредничество более древних скифов и более поздних русских. Та же часть готов, которая долгие века обитала в узкой полосе Крымских гор и южного берега, сохранила, как это показывают готские могильники, все основные черты материальной культуры, заимствованные в раннее время всем готским народом у его восточных соседей. Утварь готских могил VI—XI вв. только подчеркивает это крупное и интересное явление.

ГЛАВА III.

ЮГО-ВОСТОК В VI—X ВВ. ИСТОЧНИКИ ИССЛЕДОВАНИЯ.

Культурная жизнь юго-востока нашей страны от Кавказских гор, Каспийского моря и нижней Волги до течения Северского Донца за довольно долгий период, который тянется примерно от эпохи переселения народов до времени возникновения Киевской русской державы, обычно связывается с господством над всем очерченным сейчас краем племени хазар. Однако сами хазары, племя тюркского происхождения, родственное гуннам и болгарам, не занимало нашего юго-востока сплошной массой. Ведя полукочевой, полуоседлый образ жизни, они жили главным образом в степном пространстве от Кавказских гор вдоль Каспия на север до нижней Волги. В обширном крае, который можно объединить под названием Хазарской державы, кроме самих хазар жили и другие народности. Это особенно важно отметить, приступая к изучению памятников материальной культуры юго-востока СССР VI—X вв. Наибольшее число таких памятников, и притом самые интересные, находятся как раз в тех местностях, где обитали не сами хазары, а другие народы, которые в той или иной мере должны были признавать господство хазар.

Первая из таких местностей находится на Северном Кавказе; она занимает теперешнюю Осетию и хорошо известна по своим обильным и богатым памятникам бронзовой культуры. Древнейшая северо-кавказская горская бронзовая культура, которую мы по месту наиболее типичных находок называем Кобанской, должна была возникнуть примерно за тысячу лет до хр. эры, под сильным культурным влиянием, шедшим с юга из-за Кавказских гор. Пользование железом в целях украшения показывает, что бронзовая Кобанская культура возникла почти на рубеже железного века. Это вполне подтверждается исследованиями многочисленных погребений Кобанского и других могильников Осетии, относящихся ко времени более позднему, захватывающему примерно все первое тысячелетие до хр. эры. Общий характер инвентаря меняется очень мало; но железо и здесь завоевывает постепенно то преобладание, которое переходит к этому металлу в остальном культурном мире. В последние века до хр. эры погребения Кобани и других современных им могильников, сохраняя свой прежний характер, как будто беднеют. Прежняя культура, господствовавшая здесь целых тысячу лет, как будто ослабевает. Представителей ее мы не можем он-

ределить; можно, однако, предполагать, без достаточных данных, чтобы вполне подтвердить такое предположение, что около этого времени прежние жители уступили место каким-то иным людям. Последние, заимствовав часть культуры и материального инвентаря у своих предшественников, испытали на себе различные новые культурные влияния. Постепенно видоизменяясь, но все же сохраняя некоторые черты глубокой древности, северо-кавказская культура, угнездившаяся в предгорьях главного хребта, просуществовала на старых местах еще более тысячи лет. Возможно, — но это также только предположение, которого нельзя еще подтвердить, — что новые пришельцы, явившиеся сюда в конце дохристианской эры слились со старым населением: тогда легче поддается объяснению преемственная связь между древнейшей бронзовой и железной Кобанью и более молодыми могильниками Осетии.

Нам предстоит теперь рассмотреть те новые черты, которые отличают более позднюю археологическую культуру теперешней Осетии от более ранней, в другом месте исследованной нами.

На 22 *км* от Владикавказа, по Военно-грузинской дороге, и 2 *км* от аула Чми, в урочище, называемом местными жителями Воровской Балкой (Суаргом), расположен могильник, состоящий «из катакомб, вырытых в глинистом слое возвышенности, окруженной с запада и севера крутыми обрывами. Наибольшее скопление катакомб обнаружено на южном склоне возвышенности. Катакомбы занимают пространство в длину около 130 аршин, а в ширину — около 100 арш.; откопано около 150 катакомб. Они расположены одна возле другой и одна над другою, представляя от подошвы до ее вершины около десяти катакомбных ярусов. Самые верхние помещались на глубине от одного до двух аршин от поверхности, самые нижние — на глубине 12 аршин. Вход большинства катакомб обращен на юг и представляет собою узкую траншею от одного до 8 арш. длины, около одного аршина ширины и различной глубины — от одного до 9 аршин. Траншея заканчивается обычно плитою, закрывающею собою отверстие, ведущее в могильное помещение; за этим отверстием открывается катакомба от одного до 3 аршин длины, от $1\frac{1}{2}$ до $2\frac{1}{2}$ арш. ширины и от $\frac{3}{4}$ до 2 арш. высоты. На стенках ее часто встречаются выемки, в которых помещались кости домашних животных, седла и уздечки, сосуды и иногда оружие. На дне найдены остатки человеческих костяков, совершенно истлевших, в вытянутом положении. В катакомбах помещался иногда один, а чаще два или три покойника. При женских остовах встречены серьги различных форм и состава, разнообразные ожерелья, браслеты, кольца, фибулы, подвески различных форм, иногда изображения животных. При мужских остовах — остатки вооружения, остатки сбруи, кожаные пояса, украшенные различными бляхами и пряжками» (рис. 10). «Всего интереснее в содержании этого могильника — богатство монет, точно определяющих его время. Из монет, найденных в катакомбах, оказалось возможным определить византийскую золотую императора Маврикия (582 — 602), 4 сассанидских Хозроя I (531 — 579), 7 — Хозроя II (591 — 628) и 11 сассанидских дирхемов VIII в. Следовательно, катакомбный могильник около аула Чми относится

к VII и VIII вв. до хр. эры»[1]. О древней эпохе в катакомбах Чми напоминают характерные еще для бронзового века оригинальной формы топоры и большое количество предметов звериного стиля. Однако бо́льшая часть найденного здесь оружия относится, несомненно, к более позднему времени, современному эпохе могильника. Керамики много; ее типичная форма—горшки-кувшины с одной ручкой, широким основанием и более узким горлышком; с древнейшей эпохой некоторые из них сближает имеющийся на них, втертый белой краской, орнамент. Очень характерны найденные в Чми стеклянные сосуды, вероятно, восточного происхождения; на восточное происхождение указывает и характер многочисленных бус, найденных в Чми.

Рис. 10. *Катакомбы Чми.*

Катакомбы, подобные имеющимся в Чми, открыты также около станции Балта Военно-грузинской дороги, несколько севернее Чми. В других могильниках погребения нередко имеют несколько иное устройство. Очень богатый могильник, расположенный на холме верхней Рутхи, недалеко от аула Кумбулты, в западной части Осетии — Дигории, дает следующую картину. «Холм представляет значительное количество каменных камер, крепко и изящно сложенных из огромных плит на извести и глубиной приблизительно в сажень. Изящество погребальных камер, драгоценность найденных в них предметов, значительное количество янтарных и яшмовых

[1] *Уварова,* Могильники Северного Кавказа, Материалы по археологии Кавказа, VIII, 111—114.

буса»[1] составляют особенность этого могильника, который, будучи в большей своей части разграблен местными жителями, не мог быть научно исследован в достаточной мере. Тем не менее могильник Рутхи дал большое число драгоценных предметов как раз того же восточного стиля, распространившегося на юго-востоке Европы в первые века христианской эры и отсюда разнесенного великим переселением народов по всей Европе. Среди драгоценностей, найденных в Рутхе, обращает на себя внимание онал с мужским изображением и пехлевийской[2] надписью VI в. Мы не будем задерживаться на остальном инвентаре Рутхи, так как он в общем повторяет главнейшие типы могильника Чми.

Совсем иной тип представляет могильник близ уже упомянутого выше аула Кумбулты. Вот описание одной из тамошних могил. «На небольшом откосе, после снятия первого слоя земли, на глубине одного аршина найдена плита, на которой лежали кости животного. Под плитой найдена совершенно сгнившая доска, украшенная с внутренней стороны тонкими пластинками золота. Под доской лежал вполне истлевший скелет головой на юго-запад. Внутренность могилы была обложена речным камнем. Возле головы скелета, с правой стороны, найдено 7 бус, железные удила с бронзовыми кольцами и четырехугольный колокольчик; с левой стороны возле черепа—3 бронзовых сердцевидных украшения, одна буса и глиняный горшок. На груди скелета—2 булавки длиною в 40 *см* с завитками, одна бараньей головкой, две фибулы. От груди до тазовой кости тянулись 4 серебряных круглo-выпуклых украшения. На поясе с правой стороны—золотая пластинка с овальным стеклышком, прикрепленным к бронзовой пластинке; бронзовое украшение с двумя лошадиными головками, бронзовая пряжка и патиновое зеркало; у пояса с левой стороны—два железных кольца, железный кинжал, два бронзовых браслета и части бронзовой цепочки; на левом бедре—украшение из тончайшего золота, прикрепленное к коже, и спиральное бронзовое кольцо; с правой стороны у колен—бронзовый звездообразный наконечник булавы, 8 бус и остатки бронзовых серег»[3].

Кумбултский могильник обнимает очень большой хронологический промежуток. Более молодой, чем древнейший Кабанский, он, однако, своими корнями заходит в пограничье бронзового и железного веков. Он, однако, служил местом погребения и в первые века христианской эры, и погребения этого времени схожи с теми, которые нами описаны для Чми и Рутхи.

Аул Камунта, подобно предыдущему, расположен в западной Осетии, в бассейне реки Уруха. Погребальное поле лежит на склоне горы. «На могилах никаких насыпей не встречается. Могильник был открыт случайно в 1876 г., когда во время половодья река размыла берег и обнажила золотые предметы. В 1879 г. часть могил была

---

[1] *Уварова*, Могильники Северного Кавказа, Материалы по археологии Кавказа, VIII, стр. 235—238.

[2] *Пехлеви*. Среднеперсидский литературный язык времени Сассанидского царства в III—VII вв. хр. эры.

[3] *Уварова*, Могильники Северного Кавказа, Материалы по археологии Кавказа, VIII 211—212.

научно исследована проф. В. Б. Антоновичем. В могилах встречались по одному и по нескольку костяков». Вот описание одной из могил. «На глубине 1,40 *м* найдены два кувшина, стоявшие вверх дном, из бурой глины, каждый с ушком. На глубине 1,7 *м* оказались части верхней человеческой челюсти с 3 коренными зубами, черепок сосуда, бронзовая пряжка, олений коренной зуб и кусок обугленного дерева. Непосредственно за этими предметами (на глубине 2 *м*) показался ряд плит из известкового плитняка и шифера, составлявших как бы двери и закрывавших собою вход в пещеру, в которой помещалась гробница. Внутри гробницы найдены два скелета, оба лежали один за другим на правом боку, руки вдоль тела; под обоими скелетами была подстилка из угля. Головы скелетов обращены к N-W, ноги—к S-O. У первого из скелетов, ближайшего к плите, найдены следующие вещи: у шеи—три бусы из глиняной композиции с эмалью и одна из стекла, позолоченная, бронзовое колечко, серебряная серьга, бронзовая буса и зеленоватый прозрачный камень в бронзовой оправе; у левой руки—тонкое бронзовое колечко. У второго скелета: на черепе—две серебряные серьги, при одной заметны следы ткани; на шее—три бусы из глиняной композиции с эмалью; у ног—железный ножик».[1] Описанная могила характерна для Камунтского могильника по своему устройству. Это искусственная пещера, немного напоминающая катакомбы Чми и довольно сильно отличающаяся от могил Кумбулты, особенно более древних; она характерна и по двойному погребению, там найденному. И это явление напоминает Чми. Но описанная могила довольно бедна и в этом отношении далеко уступает другим Камунтским погребениям, давшим очень большое количество золотых вещей, среди которых немало предметов хорошо известного нам восточно-варварского или «готского» стиля; много добыто вещей с разноцветной финифтью, которые по своим формам и расцветке близко подходят к тому же стилю. Оружия в Камунтском могильнике мало; наиболее интересными надо считать чрезвычайно вычурные топорики древне-кобанского типа. Очень богат Камунтский могильник резными камнями в меньшей части греческого, в большей части сассанидского типа. Мы не останавливаемся на остальном инвентаре Камунтских могил; в основных своих очертаниях он повторяет то, что нам известно из обозрения других могильников этого края. Камунтский могильник может быть датирован с таким же приближением, как и могильник Чми. Византийские монеты, попадающиеся в могилах, обнимают период от императора Анастасия I (493—518) до Михаила I (811—813); монеты восточные — от 521 и до конца VIII в. Таким образом можно с уверенностью сказать, что большинство погребений в Камунте относятся к VI—IX в. хр. эры, т. е. относятся как раз к изучаемому нами времени (рис. 11).

Приведенное описание могильников Осетии, которое можно было бы пополнить описаниями других одновременных памятников этого края, свидетельствует, что в VI—IX в., т. е. когда весь юго-восток на-

[1] *Уварова*, Могильники Северного Кавказа, Материалы по археологии Кавказа, VIII, 294—296.

шей страны входил в состав Хазарской державы, в предгориях Кавказа существовала очень яркая, сильная и своеобразная культура. Корнями своими она уходила в глубь веков, являясь и по существу и географически преемницей древней бронзовой культуры, обычно связываемой по имени с аулом Кобань. Однако в изучаемое время культура предгорий Кавказа успела отразить на себе многочисленные и разносторонние влияния, шедшие с Востока и из ближайшего культурного центра—Босфорского царства.

Перенесемся теперь на другую окраину Хазарской державы. В самом начале XX в. около с. Верхнего Салтова Волчанского уезда Харьковской губернии, где имеется очень большое древнее городище, был открыт местным учителем В. А. Бабенко обширный могильник, исследование которого продолжалось много лет. Могильник обнаружен на большом пространстве по различным оврагам, спускающимся к Донцу и к его ручьям, впадающим в него; лежат эти овраги между селами Салтово и Рубежное, километрах в $1^1/_2$ от городища. Некоторые из могил были обнаружены случайно: в склонах оврагов, размытых водами, открылись входы в могильные камеры. При систематических раскопках исследовалась земля по тем же склонам оврагов. В местах, где она была перерыта, находили или остатки погребальной камеры или наклонный, ведущий к ней, узкий проход, приблизительно 60—70 *см* ширины. Проход образует род коридора, иногда очень глубокого и далеко идущего в глубь земли. Стенки и пол всегда хорошо заметны, но присутствие потолка нигде не было обнаружено; вероятно, это были открытые сверху канавы. Пол проходов идет наклонно и заканчивается вертикальной стеной, иногда до 5—6 *м*. Внизу стенки, при самом конце прохода, вырывалось отверстие около 70—80 *м* высоты и во всю ширину прохода; отверстие вело в самую камеру. Пол камеры почти квадратный, обычно около 2 *м* в обоих направлениях, высота приблизительно такая же, потолок камеры сводчатый. Камеры были вырыты или по крайней мере отделаны небольшими орудиями, возможно теми широкими ножами, которые часто находятся в могилах. Вход в камеру обыкновенно закрывался каменными плитами или же глиной; доступ к камере засыпался землей, сама же камера не засыпалась. Значительная часть камер ориентирована входом на восток с уклонением к югу. При разрытии могил одной за другой обнаружилось, что погребальные камеры располагались в правильном порядке рядами, приблизительно на расстоянии 4—5 *м* одна от другой, причем ряды могил расположены таким образом, что проходы начинаются с поверхности в тех местах, где между ними на глубине оказывались

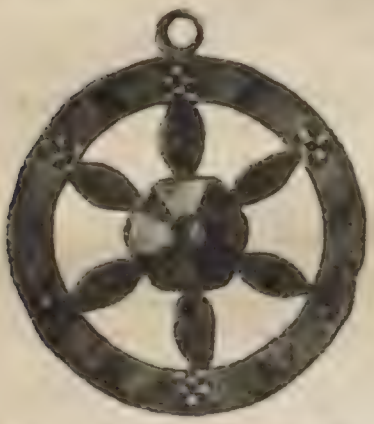


Рис. 11. *Привеска из Камунты.*

катакомбы предыдущего ряда. В нескольких случаях встречались общие могилы в несколько соединенных одним проходом катакомб, причем центральная располагалась против прохода, а другие—по бокам его. Как раз такие же явления иногда отмечены были и в катакомбах Чми на Кавказе. В каждой погребальной камере заключалось несколько погребений; чаще всего встречалось три скелета; в других случаях—один или два; в отдельных случаях были найдены общие погребения из 4, 5, 6 костяков. Обычно при одном мужском скелете встречались один или два женских; встречались и иные сочетания—два мужских, женский и два детских и т. д. Погребение совершалось на голом полу камеры, без гроба, в отдельных случаях на подстилке из толченого угля или бересты. Костяки ле-

Рис. 12. *Могильник в Салтове.*

жали неизменно в вытянутом положении почти всегда поперек входа. Оригинальной особенностью Салтовского могильника представляют погребения, где скелеты положены с соединенными руками, что заставляет думать, что оба покойника погребены одновременно. А если так, то вполне допустима мысль, что мы здесь встречаемся с намеренным умерщвлением одного из них после смерти близкого человека, например с убийством жены по смерти мужа (рис. 12).

Погребение совершалось в одежде, от которой остались обрывки тканей и много нашивок и украшений; около мужских скелетов клалось оружие. В головах, по большей части в переднем левом углу, ставился глиняный сосуд и около него кости животного—быка или барана. Часто рядом с глиняным кувшином и костями животного находили металлическое зеркало кавказского, камунтского типа. Все остальные предметы, составлявшие инвентарь могилы, всегда были находимы или на скелетах или около них (рис. 13).

Совсем особое явление представляют погребения лошадей; одно из подобных погребений найдено в нетронутом виде, в двух-трех случаях были найдены остатки таких погребений. Описаем первое. Лошадь была погребена отдельно от камер, в яме, куда она была введена и убита, предварительно опущенная на колени; при этом голова ее была сильно загнута вверх. Конский убор положен отдельно. На шее перекинуты железные стремена с прямой нижней пластинкой и высокой петлей для ремня. Убор, повидимому, состоял из ремней и был украшен различными бляшками из низкопробного серебра, центральную часть которых занимал большой нагрудник, напоминавший формой тюльпан; тут же найдены крупные бубенчики и железные удила с прямыми мундштучными частями.

Рис. 13. *Предметы из Салтовского могильника.*

В Салтовском могильнике найдено немало монет. По составу своему—это исключительно аббасидские или сассанидские диргемы VI—IX в. хр. эры. Таким образом в Салтовском могильнике хоронили покойников как раз в то самое время, когда существовали на Северном Кавказе могильники Чми, Камунты и другие, современные им.

Между Салтовским могильником и современными ему северо-кавказскими могильниками замечается не только одно хронологическое совпадение. Вышеприведенное внешнее описание салтовских погребальных камер не могло не поразить ясными чертами сходства с катакомбами Чми и Балты. Их устройство, сообщение между камерами, расположение покойников, соединение нескольких покойников в одной могиле—все это черты, близко роднящие Северный Кавказ с областью среднего Донца. Еще большее сходство и близость между двумя местностями, разделенными не менее чем тысячью километров по прямой линии, открывается из сравнения их могильного инвентаря. Можно утверждать, что почти все типы могильного инвентаря северо-кавказских могильников VI—IX вв. повторяются в Верхнесалтовском могильнике. Полное сходство представляет керамика. И здесь и там мы встречаем или кружки небольших размеров, с узким горлом и слабо выраженным корпусом, или более высокие сосуды (15—20 *см*), с широким корпусом, переходящим в узкое удлиненное горлышко, снабженное носиком. И те и другие обычно снабжены небольшой ручкой. И салтовские и кавказские сосуды нередко имеют незатейливый, но сходный орнамент. В противоположность Кавказу в Салтове найдено очень мало стеклянных сосудов; но то, что есть, и по форме и по времени тождественно. Как известно, в северо-кавказских могильниках—от глубокой старины, от древнейшей Кобани, до самых поздних времен—устойчиво сохраняются своеобразной формы топорики, составляющие осо-

бенность могильников Осетии. В далеком от Осетии Салтове мы находим совершенно тождественные формы. Наконечники стрел трехгранной и плоской формы, найденные в обеих местностях, совершенно одинаковы. Такое же сходство представляют плоские лопаты и железные навершья палиц.

Из мелких предметов обихода самое большое сходство представляют серьги, браслеты, перстни, фибулы, привески, поясные наборы и зеркала. При этом Верхне-салтовские наконечники ремня с изображением человеческой фигуры почти в точности повторяют такой же наконечник из Дзивгисского могильника на северном Кавказе.

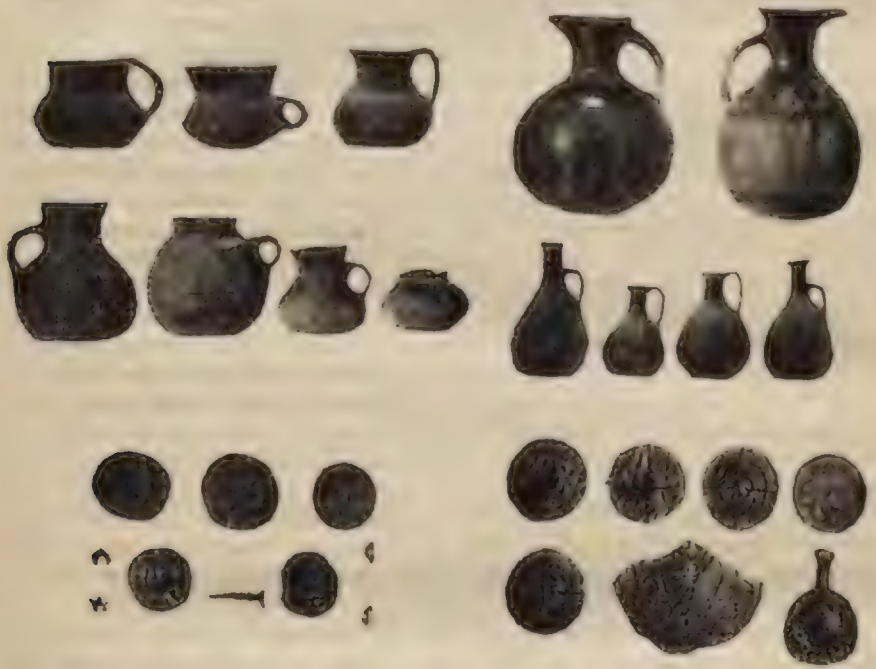


Рис. 14. *Сравнительное изображение предметов из могильников салтовского и кавказских.*

Если и есть какая разница между Кавказом и Салтовом, то она не качественная, а количественная: в отношении украшений Салтов гораздо беднее, чем какой бы то ни было из кавказских могильников. Такое же сходство, как предметы металлические, представляют и бусы, очень многочисленные и разнообразные как на Кавказе, так и в Салтове. К тому, что уже сказано, добавим, что в Балтеком могильнике в Дарьяльском ущелье было найдено отдельное конское погребение, совершенно тождественное с тем, которое было раскопано в Салтове (рис. 14).

Сходство бьет в глаза и не оставляет никакого сомнения, что одновременно в VI—IX вв. на Северном Кавказе и по течению Дона существовала та же самая культура; что люди, обитавшие в Салтове, жили, одевались, веровали и хоронились совершенно так же,

как очень далеко обитавшие от них жители современной Осетии. Эта ветвь кавказской культуры на Донце не была ни слабой, ни хилой, лишь в отношении украшений салтовская культура была слабее; салтовские люди были, вероятно, несколько беднее своих кавказских собратьев.

Мы уже знаем, как много памятников для интересующей нас культуры дал Салтовский могильник по течению Донца, но для правильной оценки силы и значения этой культуры нужно привлечь два новых могильника, обнаруженных при последовательных раскопках в окрестностях древнего Салтовского городища.

Эти могильники не были до сих пор систематически обследованы, но то, что они дали, только подтверждает данные основного могильника—Салтовского. Ждет подробного исследования и само Салтовское городище, еле тронутое наукой, как ждут его другие и, повидимому, столь же древние городища, расположенные по тому же Донцу: Донецкое (близ Харькова), Волчанское, Белгородское, Чугуевское и на притоке Донца — Осколе гор. Нежегольское. Возможно, что и вблизи этих городищ когда-нибудь будут открыты соответствующие им могильники. Близок к Салтовскому могильник Зливинский, в б. Изюмском уезде, хотя инвентарь его гораздо беднее[1]. Видимо, Салтов был одним из центров культуры, территория которой обнимала значительную площадь на юге бывшей Курской и в восточной части б. Харьковской губ.

Возможно, что эта культура захватывала также и часть б. Воронежской губ. Так, в 1895 г. в б. Луганском уезде при железнодорожных работах был обнаружен могильник с вещами кавказского или салтовского типа. К сожалению, систематического исследования сделано не было.

Наконец, несомненно к той же культуре относится Маяцкое городище при впадении Тихой Сосны в Дон. Это городище вместе с могильником, расположенным близ него, было исследовано в 1907—1909 гг. П. Е. Макаренко[2].

И кавказская и донецкая археологические культуры, только что нами обследованные, существовали далеко от той местности, где был центр Хазарской державы. К сожалению, материальные остатки, найденные до сего времени в этом центре, очень малы, бедны и заставляют желать многого. Из двух столиц Хазарского царства—«Итиль, вероятно, смыт Волгою», а более ранняя—Семендер—до сих пор не найдена; «следы этого города указываются в Дагестане у Дидера, а может быть, он и ниже»[3]. По другим предположениям Семендер лежал около теперешнего Киляра[4]. Но это только предположения, за которыми пока не стоят факты. Также не определено и местоположение третьего большого хазарского города—Беленджер-

---

[1] *Городцов*, Результаты археологических исследований в Изюмском уезде, Труды XII археологического съезда, I, 211—213.

[2] Известия Археологической комиссии, вып. XXIX и XLIII, 1909—1911.

[3] *А. Спицын*, Археология в темах начальной русской истории. Сборник статей, освященных С. Ф. Платонову, 6—7.

[4] *Вестберг*, К анализу восточных источников о Восточной Европе, Журнал министерства народного просвещения, 1908, № 3.

ра: вероятнее всего он, лежал на нижнем течении Сулака[1]. Из немногих городов, существование которых несомненно связано с самими хазарами, достоверно известны только развалины их пограничной крепости Саркела или по-русски—Белой Вежи, обсерегавшей течение Дона и северо-западные пути к центрам Хазарского царства.

Саркел или Белая Вежа, по известию Константина Багрянородного, был построен в царствование византийского императора Феофила (829—842), посланным для этой цели по просьбе хазарского хакана правителем Херсонеса Спафарием Петроною. Город был построен «у реки Танаиса, которая отделяет печенегов с сей, а хазар с той стороны», в расстоянии 60 дней пути от Дуная. Неясность такого определения дала повод к очень многим домыслам, пока вопрос не был разрешен исследованием двух городищ, находящихся по обеим берегам Дона близ станицы Цимлянской. Первое описание городищ было сделано еще в 1824 г. Городище, находящееся с левой стороны Дона, делилось на две части: собственно укрепление, или город, обведенный кирпичными стенами, и предместье, вдвое больше города, с одной стороны, примыкавшее непосредственно к городу, а с другой—укрепленное валом и широким рвом, в который, очевидно, напускалась вода из старого русла Дона, теперь принявшего другое направление. Самый город пересекался внутри кирпичною стеною. Кирпичи, из которых построен был город, имели квадратную форму от 24 до 29 *см* в длину и толщину в 4 *см*; на некоторых из них были надписи и клейма. В конце XVIII в. на этом городище были найдены три обломка мраморных колонн. Остатки стен укрепления имели в длину с западной стороны 177 *м*, с восточной—170,4 *м* и в ширину с северной стороны—68,2 *м*. Пересекавшая укрепление стена находилась от северной стороны в 106,6 *м*. В XIX столетии стен укрепления с южной стороны уже не было, вероятно, они были смыты водою. С западной стороны неукрепленной части городища—довольно большое число курганов.

Другое, правобережное городище находится на господствующей высоте, на самом берегу Дона в нескольких километрах к западу от предыдущего. Защищено оно с одной стороны Доном, с двух других—глубокими и крутыми балками; с четвертой—неглубоким поперечным оврагом, соединяющим обе балки. Укрепление состояло из трех неравных частей. Главное укрепление имело внутри в длину 64 *м* и в ширину в одной стороне 32, а в другой 42,6 *м*. Оно было защищено с юго-западной стороны боковым укреплением в виде треугольника, а с северо-запада—особым передовым укреплением в виде четырехугольника, имевшего внутри 25,5 *м* вдоль и 14,9 *м* поперек. Все укрепление было окружено рвом в 3,1 *м*. Глубина его в 40-х годах XIX в. была 1,4 *м*. Остатки разрушенных стен из белого мягкой породы камня имели 4,2 *м* в ширину и до 1,4 *м* высоты. Окружность городища с внешней стороны имела 385 *м* (рис. 15).

В 80-х годах прошлого столетия оба городища были исследованы В. И. Сизовым. Раскопки левобережного городища обнаружили фундаменты многочисленных построек, причем более древние, видимо, были построены более крепко и солидно; между прочим была от-

[1] Там же.

крыта стена какого-то здания, имевшего, повидимому, закругления; близ нее были найдены два креста-складня, отлитые из меди. Возможно, что это были развалины церкви. Во всяком случае уже после раскопок Сизова в этом городище было действительно открыто основание христианской церкви. Из отдельных предметов обратили на себя внимание крупная бронзовая привеска в форме лунницы, богато украшенная рельефным орнаментом византийской работы не позднее IX—X вв., и медная монета Романа II (959- 963). Некоторые из глиняных сосудов напоминают греческие амфоры; другие сосуды

Рис. 15. *План Саркела.*

заставляют думать о восточных влияниях. Среди кирпичей был найден один с орнаментом, составляющим точную копию орнамента на резном камне из Камунтского могильника в Осетии. По мнению исследователя, раскопки левобережного городища дают право делать предположения о торговом значении этого города, о его разнообразном населении, о различных скрещивающихся влияниях при первоначальном преобладании влияния византийского.

Очень непродолжительные раскопки правобережного городища дали весьма мало предметов обихода и довольно много железного оружия и обнаружили в средине главной части укрепления основания какого-то здания, служившего, вероятно, жилищем. Однако исследования Сизова с полною ясностью подтвердили чисто военный, крепостной характер правобережного городища. Кроме главного укрепления при нем были еще некоторые дополнительные сооружения:

от городища идут в степь на большое расстояние особого рода сооружения из такого же белого камня, как и сама крепость, имеющие основания форму круглой башни. Раскопка одной из этих построек показала, что погребального значения они не имели. Вероятнее всего они служили сигнальными наблюдательными постами над степью со стороны запада.

Среди находок, сделанных в цымлинских городищах после исследования их Сизовым, можно назвать мраморные колонны, схожие с херсонесскими, много крестов византийской формы, крест с изображениями князей Бориса и Глеба и русскими надписями имен этих князей, киевскую серебряную монету, так называемую «Владимирово серебро» и т. д. Почти все эти находки были сделаны на площади левобережного городища.

Сопоставляя все находки, сделанные на обоих городищах, с открытыми там сооружениями и с общим характером местности, можно мы думаем притти к таким заключениям: оба городища дают предметы не старше IX—X вв., таким образом, нет основания относить их возникновение к более раннему времени. Оба городища, разделенные пространством в несколько километров, тем не менее составляли одно целое. Левобережное, на отлогом побережьи, расположено было в свое время на берегу Дона, который с течением времени отошел от него. Это был торговый город, с пристанью на реке, часть которого была укреплена, но далеко не так сильно, как правобережное поселение. Последнее было сторожевым замком, охранявшим город от задонской степи. Выстроенное из белого камня, оно состояло из главного укрепления и двух вспомогательных, из которых одно вероятно охраняло вход в замок. Оно господствовало над рекой, а при помощи вынесенных в степь сторожевых укреплений оно было в состоянии оберегать подходы к реке и к переправе. Последняя находится в $4^1/_2$ *км* к северо-востоку от него: здесь еще недавно сходились два чумацких шляха, один с Волги, другой из маныческих степей, и скотопрогонная дорога с Кавказа в Северную Россию. Нет ничего более постоянного и устойчивого, чем такие первобытные дороги, и мы с полным основанием можем видеть в них пережитки торговых путей времени очень от нас отдаленного. Наличность таких путей уясняет и значение торгового города и значение замка, защищавшего и его и пути к нему — речной и сухопутные. Правобережный замок, сложенный из белого камня, и должен был быть Белой Вежой, выстроенной хазарами для защиты пограничного торгового города и ведших к нему путей.

Древности, открытые и найденные в торговом городе, дают ему своеобразный облик. В этих древностях нет ничего оригинального, местного. Здесь найдены предметы, происхождения и характера византийского, восточного, русского; есть здесь, повидимому, и некоторое количество вещей сродных кавказской и салтовской культурам. Словом, все окрестные культуры здесь представлены, а своего, отличного от каждой из них, нет. Изучаемый нами город был караван-сараем, где сходились торговые люди; торговые люди приносили с собою культурные влияния своих стран. Но что же вносили хозяева города? Повидимому, ничего, — в культурных остатках, в матери-

альных памятниках их не заметно. Можно думать, что хозяева были военными стражами и торговыми посредниками. А это были именно те черты, которые были свойственны хазарскому народу, судя по тому, что мы знаем о его истории.

Для истории культуры юго-востока нашей страны в изучаемое время письменные памятники являются необходимым источником. Только с помощью их возможно осмыслить и осветить то материальное наследие, которое оставили обитавшие здесь народы. Переходя к характеристике этих источников, приходится прежде всего сказать, что мы находимся почти в таком же положении, как и относительно скифов, сарматов и народов, населявших юго-запад нашей страны до переселения народов и после него: туземных памятников письменности нет, за исключением двух, на которых мы остановимся ниже. Таким образом, приходится прибегать к иноземным источникам, которые хотя и помогают приподнять завесу, но все же жизнь страны, находившейся под державной властью хазар, освещают недостаточно, односторонне, урывками. Хазарская держава соседила с Византийской империей, с арабским халифатом, с Грузией и Арменией, где культура и письменность успели к VI—VII вв. хр. эра достигнуть значительных успехов, и наконец с Киевской Русью. К литературе всех этих стран нам и надлежит обратиться.

Византийские авторы начинают говорить о хазарах с царствования Ираклия (610—642); последнее упоминание о них относится к царствованию Василия II (976—1025). В течение 400 лет греки ведут постоянные сношения с хазарами; большей частью они с ними дружат, считая их союзниками против общих врагов—кочевников южно-русских степей и арабов. Два раза, при Юстиниане II (685—712) и при Константине V (741—775), византийские императоры роднятся с хазарскими хаканами. Из Царьграда в Хазарию отправляются посольства и миссии, то с целью обращения их в христианство (миссия Константина-Кирилла в половине IX вв.), то с целью оказать им помощь военного характера (постройка Саркела византийскими инженерами). Все византийские историки, передавшие нам события VII—XI вв., говорят о хазарах, сообщая о политических отношениях между Империей и Хазарским царством, о внешних политических событиях, происходивших в далекой Хазарии; таким образом сочинения Феофана (VIII—IX вв.), патриарха Никифора (VIII—IX вв.), императора Константина Багрянородного (X в.) и других византийских писателей, современных хазарам, а также сочинения более поздних историков, например Зонары и Кедрина (XI—XII вв.), являются главными источниками для знакомства с историческими деяниями хазар. Но из них можно почерпнуть сравнительно очень немного данных о внутренней истории интересующей нас страны, о ее культурной истории, о взаимных отношениях народов, подвластных хазарам. Рассказ о культурной миссии Константина-Кирилла, переданный в его житии, принадлежит к сравнительно редким исключениям.

Арабские источники более всего говорят о войнах с хазарами и о попытках пропаганды ислама среди последних. Таков общий характер известий, сообщаемых арабскими историками Мохаммедом-

эль-Табари (922—923) и более поздним Ибн-аль-Эсиром Джезери (1160—1233). В многочисленных географических сочинениях и в путешествиях, столь распространенных у арабов (Масуди, Ибн-Хаукаль, Ибн-Даста, Ибн-Хордадбе-Ибн-Фаддлан—IX—X вв.), находятся мало известий о стране хазар, об их быте, об отдельных событиях, происходивших там, но связного повествования, которое сколько-нибудь объяснило бы нам внутренние исторические процессы, развивавшиеся в Хазарской державе, мы не найдем и у арабов. Такие же внешние факты, касавшиеся главным образом походов хазар на Грузию и Армению, сообщают грузинские летописцы и армянская история халифов Гевонда [1].

Русское летописание начиналось тогда, когда Хазарское царство было уже в упадке и его историческая роль была сыграна. В нашей летописи есть очень ценные указания на отношения хазар к славянским племенам в эпоху, предшествовавшую образованию великого княжества Киевского, и на войны первых русских князей с с хазарами, не оставшиеся без влияния на судьбы Хазарской державы.

Всего этого мало. Недостаток известий мог бы быть пополнен только памятниками, написанными самими хазарами или возникшими в Хазарии. К сожалению, мы имеем только два памятника этого рода. Первый из них—письмо царя хазарского Иосифа к ученому испанскому еврею Хасдаи-Ибн-Шапруту в ответ на послание последнего. Второй—недавно открытый документ, содержащий отрывок подобного же письма, написанного приблизительно в одно время с первым; однако и автор и адресат остаются неизвестными. Хасдаи-Ибн-Шапрут жил при дворе кордовских халифов Абдурахмана III (911—961) и Хакама II (961—976) и занимал там почетное положение финансового советника. Повидимому, около 960 г. он отправил послание к хазарскому царю, о котором он узнал от послов и путешественников, приезжавших в Кордову с востока, и в котором он думал видеть независимого еврейского государя. В послании Хасдаи просит хазарского царя сообщить ему всевозможные сведения о его государстве: «дабы я знал начало и основание дела, как пошел Израиль в эту местность». Его цель «узнать истину, есть ли где остаток и царство изгнанному Израилю, где бы он не был подчинен и подвластен другим». Свое послание он отправил через двух евреев, участвовавших в посольстве страны Гебалим [2]; последние обещали переслать его к евреям, живущим в стране Гунгарин, т. е. в Венгрии; «те отправят их в Русь, отсюда они пойдут в Булгар и таким образом дойдут до назначенного тобою места». Письмо дошло. Хазарский царь Иосиф в своем ответном письме сообщает, что он получил его «через одного еврея, из страны немцев по имени

---

[1] История халифов, изд. Российской академии наук, 1862. Гевонд писал в конце VIII в. хр. эры.

[2] Страну эту трудно отождествить с какой-нибудь определенной местностью; по смыслу, это—горная страна. Гаркави (Евр. библиотека, VII, 163, прим. 18) видит в них хорватов. Хорваты в X в. составляли независимое королевство, расположенное действительно в горной стране, прилегавшей к Адриатическому морю и соединявшей приморье с Венгрией.

Исаак, сына Элиазара»: это косвенно подтверждает, что оно шло именно тем путем, каким предполагал направить его Хаздаи. Царь отвечал на все вопросы, поставленные кордовским раввином. Он сообщал данные о происхождении хазар и о их поселении в стране, которую они занимают. Далее он рассказывал о подвигах своего предка Булана, завоевавшего Даралан (обиталище Алан) и Ардавил (Ардебиль в Закавказьи), и о том, как он избрал еврейскую веру и обратился за 340 лет до времени составления письма в иудейство «и обрезал себя, прислуг, рабов и весь народ свой». За это бог Израиля уничтожил всех врагов его и покорил ему все окружавшие его народы. Далее царь сообщает имена преемников Булана, особенно останавливаясь на царе Обадии, укрепившем в Хазарии иудейскую веру. Прямым потомком Булана и Обадии является и сам Иосиф. Затем Иосиф описывает границы своей страны, перечисляет народы, подвластные ему, после чего следует описание столицы и образа жизни хазарских хаканов и всего народа. Послание заканчивается короткой патетической частью, где царь выражает желание: «да ускорит бог Израиля искупление наше и да соберет наших изгнанников во время мое, твое и всего дома Израиля». Иосиф, кроме того, желал бы видеть Хаздаи у себя: «да исполнится так, чтоб я был удостоен видеть твое почтенное, любезное и драгоценное лицо! Ты бы мне был отцом, а я тебе сыном. Весь мой народ следовал бы твоим повелениям, исполнял бы твои приказания, и я входил бы и выходил бы по твоим словам и твоему совету».

Еврейский текст обоих писем сохранялся среди испанских евреев до времени их преследования и выселения в XVI в. Впервые они были опубликованы ученым евреем Исааком Акриш в сборнике, изданном в 1577 г. в Константинополе, но по испорченному списку. В самом начале появления переписки Иосифа Хаздаи подлинность их была заподозрена; очень долго и очень многими было высказываемо сомнение в их подлинности, и только после того, как были найдены новые списки писем и над ними была произведена критическая работа, их подлинность была установлена и признана.

Второй документ, также написанный на еврейском языке, и происходящий из Хазарии, представляет собою, как уже сказано, отрывок письма, писанного, как и письма Иосифа, в начале второй половины X в. Он сохранился в рукописном хранилище Каирской синагоги и был опубликован только в 1912 г. Текст его можно считать параллельным письму царя Иосифа, но повествование ведется не от лица царя, а вероятно, от лица какого-то еврея-сановника, близкого к нему. По своей схеме документ близок к письму царя, но по содержанию он существенно отличается от него. Текст начинается с сообщения о появлении еврейских беглецов среди хазар, о их совместной жизни с последними и о происшедшем затем возвышении одного из евреев в сан хазарского военачальника. Затем идет рассказ о принятии хазарами еврейской веры, излагающий историю этого события совсем иначе, чем письмо Иосифа; в связи с этим очень своеобразно затрагивается и освещается вопрос об отношениях царей и хаканов. Конец отрывка посвящен войнам хазар с Византией, аланами и Русью; он обрывается на географических известиях о стране хазар.

Отрывочный характер текста не позволяет выяснить вполне точно его происхождение и значение. Некоторые места, в особенности те, в которых подчеркивается политическая и военная власть еврея над хазарами, равно как и несомненная путаница в фактических сообщениях вызывают сомнения и требуют серьезной критики. Однако в разбираемом отрывке есть известия оригинальные и несомненно достоверные, сообщаемые только им. Они делают этот документ не менее ценным, чем письмо Иосифа, тем более, что, несмотря на возможные искажения и на некоторую, может быть, искусственную литературную обработку, оба письма вместе составляют все письменное наследие, которое дошло до нас непосредственно от правящей среды Хазарского царства.

ГЛАВА IV.

ХАЗАРСКАЯ ДЕРЖАВА И ЕЕ КУЛЬТУРА.

Юго-восток Европы в VI—X вв. находился по большей части в обладании Хазарской державы, которая сумела на время внести сравнительное спокойствие в эту обширную область, служившую перед тем проходной дорогой и сборным местом для азиатских народов, вторгавшихся в Европу, и после падения хазар получившую снова такое же значение. Историческая роль хазар не столько завоевательная, сколько объединяющая и умиротворяющая. Это обстоятельство выдвигает их из множества народов азиатского происхождения, последовательно сменявших друг друга на пространстве между Волгой, Доном и Кавказом, и заставляет внимательнее присматриваться к их быту, несмотря на препятствия, которые создают отрывочность и скудость относящихся к ним источников письменных и столь же явная недостаточность памятников вещественных.

Древнейшая судьба хазар очень темна. Если не считать совершенно недостоверных известий грузинской хроники Вахтанга и поэмы Фирдуси Шах-наме, которые упоминают о хазарах применительно к дохристианской эре, то первые правдоподобные сведения об этом народе сохранились в армянских источниках, говорящих о их вторжениях в Закавказье в II—IV вв. хр. эры. Позднее хазары, которых греческие писатели этого времени называют иногда акацирами, попадают под власть гуннов. С падением Гуннской державы после нового натиска кочевников из Азии в 60—70-х годах VI в., в составе которых, вероятно, были и авары и сами хазары и которые, по словам византийских историков, проникли до Босфора Киммерийского, хазары быстро занимают преобладающее положение в стране к югу от нижнего Дона и нижней Волги и сохраняют его в течение четырех столетий.

Из сказанного следует, что хазары давно обитали в прикаспийских степях и если и меняли свои места жительства в разгар народных движений IV—VI вв., то размах их возможных передвижений был значительно меньшим, чем у их соседей и вероятных соплеменников.

Византийцы часто называли хазар турками; в своем письме царь Иосиф говорит, что хазары одного происхождения с грузинами и армянами. Едва ли, однако, хазары обладали теми этнографическими сведениями, какими обладаем мы, и едва ли они отчетливо могли доказать свое родство с народами Закавказья.

В научной литературе XIX в. существовало несколько мнений относительно племенного происхождения хазар, сближавших их то с турками, то с финнами. Вероятно, первое мнение ближе к истине. Хазары были, повидимому, одного происхождения с гуннами, аварами и болгарами. Возможно, впрочем, что их бо́льшая оседлость и долгое обитание вблизи Кавказских гор привели к тому, что в тюркскую основу вошли значительные инородческие примеси, которые, может быть, несколько видоизменили первоначальный состав племени. К сожалению, нам почти вовсе неизвестен язык хазар, который мог бы разъяснить этот неясный вопрос.

Возвышение политического могущества хазар начинается с конца VI в. Уже в 20-х годах следующего века они являются могущественными союзниками императора Ираклия в борьбе с персами. Одновременно или почти одновременно хазары распространяют свое владычество в сторону Азовского моря и Крыма и овладевают территорией древнего Боспорского царства. Однако в Крыму до конца VII в. вне хазарской зависимости оставались Херсонес и готская область; степная область, окружающая низовья Дона и берега Азовского моря, подпадает под их власть. Их данниками становятся угры-мадьяры и та часть болгар, которая продолжала кочевать у низовьев Дона и вдоль восточного берега Азовского моря. У нас совсем нет данных, чтобы судить, когда хазарская власть распространилась к северу и северо-западу, по течение Донца и далее до бассейна Днепра. Из русской летописи мы узнаем, что в половине IX в. хазарам платили дань киевские поляне, освобожденные от нее Аскольдом и Диром. Северяне и радимичи продолжали платить ее до Олега, т. е. примерно до конца IX в., а вятичи на верховьях Десны и Оки—даже до Святослава. Письмо царя Иосифа, перечисляя народы, подвластные хазарам, еще называет вятичей («вентит»), «север» и славян, хотя в 960 г. это было почти анахронизмом. Таким же анахронизмом было и упоминание о болгарах, буртасах, мордве-эрзи (арису) и черемисах (цармис), как о хазарских данниках, ибо мы знаем, что уже в 920-х годах при посещении болгар Ибн-Фабланом последние составляли независимое от хазар государство. Но сообщение царя Иосифа может быть верным для более раннего времени, пока на средней Волге не сложилось и не усилилось болгарское государство. О восточных границах Хазарской державы говорить очень трудно. Возможно, что в эпоху наибольшего расцвета их могущества сфера их влияния доходила до Уральских гор и реки Яика. Но в X в. течение Яика было уже в руках болгар.

Внешняя история Хазарской державы в VII—XI вв., до времени исчезновения их с политической карты Европы, сводится к их отношениям к персам и арабам, с одной стороны, к византийцам,—с другой. В X в. приобретают первостепенную важность отношения хазар к нарождающейся русской державе. Кроме того на внешние судьбы хазарского государства оказывают влияние степные кочевники, вроде угров-мадьяр и печенегов, сродных хазарам по происхождению, но отставших от них в культурном развитии.

Отношения хазар к их южным соседям были не чем иным, как непрерывной борьбой за обладание странами, лежащими к югу от Кав-

кавказских гор. Она велась посредством походов и нашествий, дорогою для которых служило преимущественно западное побережье Каспийского моря. Здесь, чтобы воспрепятствовать вторжениям хазар, персидские Сассаниды построили в VI в. крепость Дербент, что, однако, не помешало хазарам вновь опустошать Азербайджан и северную Персию в союзе с императором Ираклием. В VII в. персов сменили арабы, но смена господствующего народа не изменила отношений. Дело началось с попытки арабов в царствование халифа Османа (644—656) проникнуть к северу от Дербента. Поход закончился разорением хазарской столицы Семендера, но это обстоятельство не сломило хазар; только их политический центр с этого времени переместился к северу, в Итиль, на низовья Волги; борьба же с арабами с переменным успехом продолжалась до конца VIII в. Хазары проникали в Закавказье; арабы в свою очередь опустошали южные пределы Хазарии. Под 799 г. в царствование Гарун-аль-Рашида мусульманские писатели описывают последнее нашествие хазар на северные пределы владений халифов; с тех пор в этой области устанавливается относительное равновесие, объясняемое тем, что обе стороны, пережив эпоху завоеваний и распространения вширь, вступили в сравнительно более спокойную эпоху своей истории.

Отношения хазар к Византии складывались иначе, нежели к персам и арабам. Общая вражда сначала к персам, потом к арабам сделала их очень рано союзниками. Союзные и дружественные отношения оказались устойчивыми и продолжались долго; отдельные перерывы и вспышки вражды не меняют общей картины. Союз хазар с Ираклием способствовал поражению персов. В 695 г. у хазар нашел себе пристанище последний представитель династии Ираклия Юстиниан II Ринотмет, который вступил в брак с дочерью хазарского хакана. В это время уже вся территория древнего Боспорского царства была под властью хазар; а когда немного позднее Юстиниан, снова заняв престол, задумал отомстить ненавистным ему херсонесцам, то последние призвали хазарскую помощь, и в их городе появился тудун—хазарский наместник.

В правление императоров-иконоборцев отношения империи к Хазарской державе продолжают оставаться дружественными настолько, что заключается второй брачный союз между царственными домами обеих стран. Ирина, жена Константина V (741—775), была хазарка, а их сын Лев IV (775—780) остался в истории с прозванием Хазара. Такая же дружба Византии с хазарами существовала и при Аморейской династии. При Феофиле (829—842) хазары просят византийских инженеров для постройки крепости на Дону; в ответ на это через Херсонес и Азовское море отправляется экспедиция Петроны Каматера, под наблюдением которого и был воздвигнут Саркел. В царствование Михаила III в Хазарию отбыла духовная миссия, в которой принимал участие Константин-Кирилл, будущий просветитель славян. Хазары, как союзники Византии, выступали при императоре Льве VI Философе против дунайских болгар, а при его сыне Константине Багрянородном в византийской армии существовал особый хазарский отряд.

В дальнейшем известия византийских писателей о хазарах почти прекращаются. Только у Кедрина есть несколько загадочное известие, что император Василий II в 1016 г. «послал в Хазарию флот под начальством воеводы Монга, сына Андроника, который при помощи Сфенга, брата Владимира, того самого, супругою которого была сестра сего императора, покорил эту страну, пленив в первом сражении хазарского царя Георгия Цулая»[1]. Повидимому, эта победа, одержанная войсками, посланными из черноморских владений империи, нанесла один из последних ударов дряхлевшему Хазарскому царству. Внешней причиной упадка и гибели хазар были их отношения к северным соседям — русским, с одной стороны, степным кочевникам — мадьярам и печенегам — с другой. Хазарская держава в VIII — IX вв. доходила, как мы знаем, до Оки и Днепра. Это было возможно, потому что в степях было относительно спокойно, а оседлое население к северу от степи еще не успело или не сумело сплотиться. Дело изменилось, так только сложилась Киевская держава с нормандскими витязями во главе. К княжению Олега, а может быть, его преемника Игоря, относится, повидимому, первый большой наступательный поход русских на Хазарию. Об этом походе подробно рассказывает арабский писатель Масуди, относя его ко времени после 300 г. Гиджры, падающего на 913 — 914 г. хр. эры. Критический разбор рассказа заставляет одного из современных исследователей вопроса передвинуть его приблизительно на 925 — 926 г.[2] Масуди так повествует об этом походе: русы плыли по Днепру, затем перетащили лодки волоком через Крым до Керченского пролива, по Керченскому проливу, Азовскому морю и Дону, от Дона до Волги опять волоком, затем по Волге в Каспийское, или, как его называет Масуди, Хазарское море. Эта часть похода происходила с согласия хазарского хакана и его правительства. Русы подвергли опустошениям все южное и юго-западное побережье Каспия, затем возвратились на север и поплыли вверх по Волге. Здесь, по рассказу Масуди, на них напали мусульманские подданные хазарского хакана и нанесли им полное поражение, так что спаслись лишь немногие.

Подробности о втором походе на Хазарию, так же как будто неудачном, мы узнаем из новооткрытого письма знатного хазарского еврея. Поход, предпринятый «Хальгу, царем руссов», был начат по наущению императора Романа Лекапена (919 — 944), который послал большие дары царю Хальгу. Хальгу захватил, повидимому, Тмутаракань, но был отбит хазарским полководцем Песахом, который затем напал на принадлежавший Византии город Шуршун, т. е., вероятно, Херсон, и затем нанес окончательное поражение Хальгу. Условием мира было обязательство для Хальгу итти войною против императора. «И пошел тот против воли и воевал против Константинополя на море четыре месяца». Далее хазарский источник воспроизводит в общих чертах летописный рассказ о неудачном походе Игоря 941 г. Не имея возможности

---

[1] *Кедрин*, II, 710.

[2] *Вестберг*, К анализу восточных источников о Восточной Европе. 5. Поход руссов после 300 г. Гиджры, Журнал министерства народного просвещения, 1908, № 2, 382 — 386.

подвергнуть здесь полному критическому разбору известия хазарского письма, мы отметим связь, которую он стремится установить между походом русского князя на хазар и известным нам по византийским и русским источникам первым походом Игоря. Не имея в руках других источников, кроме рассказа хазарского серея, мы не в состоянии проверить, была ли на самом деле такая связь. Но возможности ее отрицать нельзя: изворотливая византийская политика, с одной стороны, предприимчивость и удаль варяго-русских князей — с другой, могли и направить удар на Хазарию и повернуть его в известный момент против Империи. Очень интересно имя Хальгу; оно подтверждает историческое существование Олега; однако скудость фактических данных русской летописи за это время не позволяет выяснить, почему имя Олега в хазарском рассказе заменяет собою имя Игоря, действительно предпринявшего в 941 г. неудачный поход на греков.

В основе рассказа Масуди о первом походе лежат несомненно сведения местного происхождения, идущие если не от хазар, то от мусульманского населения Хазарии; подробно изложенный рассказ о втором походе явно хазарского происхождения. Оба они говорят о походе хазар и о неудачах руссов. Но так ли было на самом деле, утверждать решительно нельзя, так как оба рассказа проникнуты чувством патриотического самовосхваления. Во всяком случае если руссы и терпели неудачи, то последние не отбивали у их князей охоты повторять походы на хазар. Государство, слагавшееся на северо-западных границах Хазарии, лишь развивало свою мощь [1].

Третий поход русских на хазар был предпринят Святославом, после того как он, подчинив себе вятичей, покончил с последними следами хазарского владычества среди славянских племен. Наша летопись говорит очень коротко об этом походе: «Иде Святослав на козары. Слышавше же козары, изыдоша противу с князем своим Каганом и сступишася биться; и бывше брани, одоле Святослав Козаром и град их Белу Вежу взя. Ясы победи и Косоги» [2].

Несмотря на сомнения некоторых современных нам писателей, весьма вероятно, что поход Святослава тождествен с походом, о котором сообщает арабский писатель Ибн-Хаукаль, относя его к 968 г. хр. эры. По словам Ибн-Хаукаля, руссы разграбили также Итиль и Семендер и овладели временно всей хазарской землей. Удар

[1] Рассказ о походе русских на хазар в начале 940-х годов очень трудно привести в логическое соответствие с рассказом о походе русских на Закавказье, относимом, мусульманскими писателями к 332 г. Геджры (943—944). Хронологическое совпадение подтверждает мысль, что здесь и там речь идет о различных фазах одного и того же предприятия; но мусульманские писатели рассказывают только о войне русских в Закавказье и ничего не говорят о нападении их в эти годы на хазар. Наоборот, хазарский источник сообщает только о походе русских на хазар, что и заставило нас в данном случае остановиться именно на хазарском рассказе (О походе русских на Закавказье см. *Соловьев*, История России, кн. I, стр. 130).

Сводку сведений о походе руссов в Закавказье и о взятии г. Бердаа и наиб. открытый текст рассказа об этом походе—см. Якубовского, Ибн-Мисковейх о походе руссов на Бердаа в 942—944 гг., «Византийский временник», XXIV, Л. 1926.

[2] Полное собрание русских летописей, I, 27.

во всяком случае был очень силен, и хазарское царство от него никогда не могло вполне оправиться.

О четвертом походе русских на Хазарию, в 1016 г., сохранилось только византийское известие, уже приведенное мною выше. Он был веден совместно с войсками императора Василия II и кончился пленением последнего хакана. Недоумение вызывает лишь искаженное имя русского князя — Сфен. Топографически в нем казалось бы должен был участвовать Мстислав Владимирович, сидевший в Тмутаракани; имя Сфен скорее вызывает представление о Святополке, преемнике Владимира на киевском столе. Разрешить это противоречие едва ли возможно за отсутствием данных для его проверки; может быть, дело объясняется просто неосведомленностью греков в именах всех русских князей и не слишком большой заботливостью о их правильной передаче.

Упадку Хазарской державы в X в. в известной степени способствовали отношения, сложившиеся к этому времени в русских степях. До конца VIII в. хазары были хозяевами южно-русских степей, где обитали очень немногочисленные остатки кочевых племен, уцелевшие от эпохи переселений, и, может быть, разбросанные и едва ли многочисленные славянские колонисты. Между тем как раз в это время на востоке и на севере скоплялись тучи, которым суждено было нарушить мир и равновесие, временно водворившиеся в приазовских и черноморских степях.

В стране между нижней Волгой и Яиком кочевали в это время печенеги, тюркское племя, родственное по своему происхождению хазарам, но еще обладавшее энергией и разрушительной силой, присущей всем тюркским племенам в момент их появления на арене истории. За ними кочевало, наседая на печенегов, такое же тюркское племя узов. В начале IX в. с далекого северо-востока, вероятно, из бассейна Камы, движимое трудно определимыми причинами, потянулось на юг финское племя угров или мадьяр, уже испытавшее некоторое влияние тюркских народов. Дойдя до нижнего Дона, угры столкнулись с хазарами. Однако столкновение разрешилось мирным путем. Хазары пропустили угров в степи к западу от донского устья. Они отдали им обширный край до Буга и Днепра, который хазары либо угры в это время называли, по словам Константина Багрянородного, Лебедией. Угры в свою очередь признали высшую власть хазар и в течение всего времени пребывания в южно-русских степях оставались их вассалами и союзниками. Первоначально союз был скреплен, как говорит тот же Константин, браком угорского вождя с хазаркой знатного происхождения. Таким образом появление угров на юге СССР как будто не подорвало хазарской власти, но оно нарушило то равновесие и тот мир, который установился в южно-русских степях за два столетия хазарской власти.

Для собственно степного и пограничного со степью оседлого населения появление угров повторяло времена гуннов и авар и предваряло грабежи печенегов. Появление последних не заставило долго себя ждать. Уже в половине IX в. хазары постройкой Саркела старались оградить от кочевников территорию, непосредственно находившуюся в их власти. В конце этого века печенеги, теснимые

узами, прорвались из-за Волги на запад, в свою очередь вытеснили угров из южно-русских степей и более чем на полтора века сделались их полными хозяевами. На этот раз это были не союзники и вассалы, подобно уграм, а враги. В то самое время, когда русские князья начали наступать на хазар, последним приходилось напрягать силы для постоянной защиты своих владений от узов и печенегов, охватывших их владения широкой дугой от Каспия до Крыма.

Сделанный сейчас обзор внешней истории хазар заметно обнаруживает постепенное и медленное падение их военного могущества. В VI в. они еще сохраняют всю первобытную стихийную силу кочевников и направляют ее на закавказские страны. Здесь их ожидает отпор персов и арабов, и натиск хазар постепенно замирает к концу VIII в. Они не сломлены, но надломлены; это сказывается очень скоро: в X в. они уже не в силах справиться с русскими и подчинить себе печенегов, как они это сделали несколько ранее с уграми.

Причины упадка былой силы и былого могущества Хазарской державы надо искать в особенностях ее внутренней истории, ее культуры и отношений к народам, обитавшим на подвластной хазарам территории. Первоначальный, вероятно чисто кочевой быт хазар исчез довольно рано, сменившись каким-то промежуточным состоянием между кочевничеством и оседлостью. «Зимою все население живет в городах, — говорит Ибн-Даста — с наступлением же весны выходит из них в степь, где и остается до приближения зимы» [1]. «Поселков не видно в окрестностях их столицы. Тем не менее местность усеяна обработанными участками. Летом жители Итиля собирают жатву и перевозят ее в город на повозках или на лодках», — таково свидетельство Абуль-Касима-Ибн-Хаукаля [2]. Сообщение мусульман подтверждается и в письме царя Иосифа: «В месяце Нисане (апрель—*Ю. Г.*) мы выезжаем из этого города (Итиля) и каждый направляется к своим виноградникам, к своим полям и к своей работе. Каждый род имеет свое наследственное имение, и туда он направляется и живет там. К концу месяца Кислев (ноябрь—*Ю. Г.*) мы опять возвращаемся в нашу резиденцию» [3]. Так, хазарский город, — это центральная зимовка, из которой на лето жители разбредаются по степному приволью. Но первоначальный скотоводческий быт уже уступил место земледелию и виноделию; кроме того по берегам Волги и Каспия они занимаются рыболовством: по отзывам очень многих восточных писателей рыба — главная пища хазар.

Если всмотреться поближе в это явление, то невольно припоминается очень схожий быт жителей Боспорского царства первых веков христианской эры: то же сосредоточение населения зимой в городе и разброд его по степи на летние работы, как земледельческие, так и скотоводческие. Занимаясь постоянной работой в степи, жители Боспора оставались тем не менее конными воинами, всегда готовыми к бою. Оставались ими и хазары. «Царь их возложил на зажиточных и богатых из них обязанность поставлять всадников,

---

[1] *Хвольсон*, Известия Ибн-Даста, 17.
[2] *D'Ohsson*, Les peuples du Caucase, 33.
[3] Еврейская библиотека, VII, 161.

столько могут они по количеству имущества своего и по усвоенности промыслов своих. Хазары ходят ежегодно воинов против печенегов. Когда войска выступают куда бы то ни было, то выступают в полном вооружении, со знаменами и копьями, одетые в прочные брони [1]. Однако если в начале исторической деятельности хазар их было достаточно, чтобы поддерживать блеск хазарского имени, то в начале X в. хазарское конное войско было, повидимому, немногочисленно и не превышало, по словам Ибн-Даста, 10 тыс. всадников. Чтобы усилить его, хазарское правительство держало свою гвардию, которую Ибн-Хаукаль исчисляет в 12 тыс. человек. Гвардия эта состояла на постоянном жаловании. Вероятно, в число ее входили и природные хазары. Однако лучшая часть ее, до 7 тыс. человек, состояла из мусульман, которые, по словам Ибн-Хаукаля, переселились из Средней Азии, спасаясь от голода. Эта мусульманская стража «составляет лучшее войско Хакана; ей он доверяется более всех на войне» [2]. Мусульманская стража вооружена была копьями и луками; воины были одеты в кольчуги и шлемы. Так, в X в. хазарские вооруженные силы не могли уже комплектоваться из среды господствующего племени; для поддержания страны приходилось прибегать к наемникам, которые пользовались, по словам того же писателя, особой и опасной для государства привилегией: они были избавлены от обязанности воевать против своих единоверцев.

Так, хазарское население в IX — X вв. представляется состоящим из полуоседлых людей, занятых разведением скота, обработкой полей и виноградников и ловлей рыбы. Часть его выделяется — это феодальная знать, наследственные владельцы земельных участков, несущие военную службу и поставляющие воинов из числа людей, подвластных им в экономическом и социальном отношениях. Хазарское население группируется главным образом вокруг немногочисленных главных городов страны, вроде Итиля или Семендера. Но оказывается, что к X в. даже для военной защиты его было недостаточно.

Между тем хазарские города были центральными торговыми пунктами юго-восточной Европы. Такое значение их вполне понятно для всего времени хазарского господства. Во-первых, с падением самостоятельного Босфорского царства упало то вековое торгово-экономическое значение, которое босфорские города имели, как посредники между варварской юго-восточной Европой, с одной стороны, и цивилизованными странами — с другой; при этом в Босфоре скрещивались как пути, ведшие из Римской империи, так и пути, шедшие из оживших Ирана и Месопотамии. Во-вторых, с ростом могущества сассанидского царства, равно как и при сменившем его халифате, оживился и получил самостоятельное значение торговый путь вдоль западного побережья Каспийского моря, ведший как раз в Хазарию.

Города Хазарии, которая держала в своих руках ключ к путям босфорско-донскому и каспийско-волжскому, должны были приобрести экономическое господство на все время, пока безопасность

[1] *Хвольсон*, Известия Ибн-Даста, 18.
[2] *D'Ohsson*, Les peuples du Caucase, 36.

торговли была обеспечена хазарским оружием. До нас дошли описания главных хазарских городов. «В Семендере было много садов, говорят, что он содержал около 40 тыс. виноградников. Его населяли мусульмане и другие; мусульмане имели в нем мечети, христиане — церкви, евреи — синагоги» [1]. «Город Итиль окружен стеной; две части его, разделенные рекой, имеют каждая по двое ворот, одни выходящие к реке, другие — в степь. В городе есть рынки и бани. Дома разбросаны; это хижины, выстроенные из дерева или войлока; глиной пользуются мало. Только царский дворец, расположенный на острове, сообщающемся с западной частью города посредством плавучего моста, выстроен из кирпича. Употребление последнего запрещено частным лицам. Лишь придворные обитают на западном берегу реки; другая (восточная), большая по размерам, населена магометанами, христианами, евреями и язычниками» [2].

Эти краткие описания показывают, что колонии иностранцев в хазарских городах бросались в глаза чужеземным путешественникам. Что же делали иностранцы, обитавшие в городах Хазарии? Предоставим слово современникам: «Преимущественная пища хазар есть рис и рыба; то же, что привозится из их страны — мед и меха,— то это привозится к ним из страны русов и булгар» [3]. «Что же касается купцов русских — они же суть племя из славян, — то они вывозят меха выдры, меха черных лисиц и мечи из дальнейших концов Славонии». Они «ходят на кораблях по реке Славонии (Волге), проходят по заливу хазарской столицы, где владетель ее берет с них десятину. Затем они ходят по морю Джурджана (Каспий) и выходят на любой берег» [4]. «Царь хазарский не имеет судов и его люди не привычны к ним» [5]. «Страна хазар не производит ничего, чтобы вывозилось на юг, кроме рыбьего клея, ибо мед, воск, меха, которые Персия получает из Хазарии, привозятся туда из Руси, Булгар и Киева. Их свозят в восточную часть города Итиля, населенную преимущественно купцами. Хазары не изделывают материй; те, в которые они одеваются, привозятся с южных берегов Каспийского моря, из Римской (Византийской) империи и из других соседних стран. Государственные доходы Хазарии состоят из пошлин, платимых путешественниками, и из десятины, взимаемой с товаров по всем дорогам, ведущим к столице» [6].

Свидетельства современников, на редкость между собою согласные, создают очень ясное и определенное впечатление. Хазарские города, и особенно столица страны Итиль, — это центральная товарная биржа, где сосредоточена торговля всеми продуктами севера, юга и востока. Из Руси по Волге «купцы-русы» привозят воск, мед, меха, а также невольников; с юга и востока идут предметы роскоши, ткани и другие изделия. Некоторые предметы роскоши шли и из Византии, вероятно через Херсонес, который в эту эпоху сде-

---

[1] *Гаркави*, Сказания (Ибн-Хаукаль), 220.
[2] *D'Ohsson*, Les peuples du Caucase, 33.
[3] *Гаркави*, Сказания (Ибн-Хаукаль), 215.
[4] *Гаркави*, Сказания (Ибн-Хордадбех), 89, Сказания (Ибн-Хаукаль), 251.
[5] *D'Ohsson*, Les peuples du Caucase, 43—44.
[6] *Гаркави*, Сказания (Масуди), 133.

лался главным опорным пунктом византийского влияния на северном берегу Черного моря. Товарная биржа была всецело в руках приезжих иностранцев, населявших большую и более богатую половину Итиля. Хазары даже не чеканят монеты. О купцах-хазарах нет нигде ни слова, напротив все свидетельства единогласно противополагают хазар — правителей, воинов и земледельцев — восточным и «русским» купцам, в большом числе посещавшим Хазарию и жившим в хазарских городах.

В чем же заключалась роль хазар? В центральной товарной бирже они были хозяевами помещения и стражами, обеспечивающими безопасность совершаемых сделок. За то и другое взималась десятина с приносимых товаров, на которую и существовало хазарское правительство и войско, охранявшее мир и тишину в этом международном торжище, каким был Итиль и другие города Хазарии. В созидательной работе, направленной на добывание и на производство материальных благ, служивших предметом обмена, хазары не принимали никакого участия, и вся их материальная культура была чужеземной и привозной. Это очень заметно по материальным остаткам единственного хазарского города, развалины которого нам известны: в Саркеле найдены предметы византийского, русского и восточного происхождения, но ничего, что бы говорило об оригинальной хазарской материальной культуре. Естественным покажется и другой вывод: центральная товарная биржа могла существовать, пока хозяин помещения был способен поддерживать в нем порядок и безопасность. Но уже к началу X в. были налицо признаки того, что хозяин слабеет. Сто лет спустя он совершенно потерял силы; тогда бирже пришлось переместиться в иные места.

Переходя к анализу культурной жизни хазар, надо заранее оговориться, что здесь речь может итти только о высших слоях хазарского общества. Они были наиболее цивилизованным элементом, у них было более всего культурных запросов. В своей основе первоначальный быт хазар, очень мало нам известный, должен был быть подобным быту других тюркских племен в одинаковой стадии развития. Во главе стоял вождь — хакан, точно так же, как, например, у ранних дунайских болгар или позднее у татар, где он назывался ханом. Его окружали беги и тарханы. Бегом или «пехом» назывался его ближайший советник, что-то вроде визиря. Тарханы упоминаются и в досимеоновской дунайской Болгарии; термин этот хорошо известен у позднейших татар. Хан вместе со своими приближенными, феодальными аристократами, обязанными выводить на службу хакана конные, отряды составляли ядро той воинской силы, которая создавала в раннее время могущество хазар; такая же сила обеспечивала владычество болгар, а потом мадьяр над покоренными славянами и владычество татар над русскими. Отметим еще торжественный обычай царского провозглашения, посредством поднятия избранного на щите; обычай этот, по словам императора Константина искони господствовавший у хазар, был передан ими мадьярам [1], у которых сохранился до нашего времени.

[1] *Константин*, Об управлении Империей, гл. XXXVIII.

Первоначальная религия хазар, видимо, также была сходна с религией других тюркских племен. Они поклонялись огню, чтили Тенгри-хана, высшего властителя неба. Но отличительным свойством их религии был религиозный индифферентизм, и позднее свойственный некоторым народам Дальнего Востока; он выражался в терпимости к другим религиям и в легкости перехода к религии более сильной и яркой, чему обычно предшествовали колебания, на какой религии остановиться. И хазары, судя по различным современным известиям, некоторое время колебались между магометанством, христианством и иудейством, подобно тому, как дунайские болгары почти в одно время с хазарами колебались между магометанством, католичеством и православием, а мадьяры-угры в X в. — между католичеством и православием.

Для хазар вопрос о перемене религии решился следующим образом. Хакан и высшие слои хазарского общества перешли в иудейскую веру. Этот факт исторически объяснить сравнительно легко; гораздо труднее выяснить точно, когда и при каких условиях совершился этот переход. Нам хорошо известно, какое значительное сосредоточение евреев наблюдалось в Босфорском царстве в первые века христианской эры. Мусульманские писатели, например Масуди, уверяют, что в царствование Гаруна-аль-Рашида, т. е. в конце VIII или в начале IX в., из Константинополя были изгнаны все евреи, которые и направились в Хазарию. Нам нет никакой нужды останавливаться на степени достоверности этого известия. Было ли это событие, или нет, — евреи уже давно прочно обосновались на северо-восточном пограничии Империи; отсюда они должны были потянуться далее, что особенно понятно в связи с перемещением торговых центров от Керченского пролива к Каспию и низовьям Волги.

Другим местом широкого распространения евреев издавна были Месопотамия, Иран и Восточное Закавказье. Из этих местностей также в связи с оживлением торговых путей вдоль западного берега Каспия евреи в значительном числе должны были продвинуться в торговые города Хазарии. Здесь для них могло быть и еще одно преимущество, немыслимое ни в Империи, ни у персидских Сасанидов, ни в сменившем их халифате: возможность полной свободы и отсутствие каких бы то ни было преследований со стороны религиозно-индифферентных язычников хазар.

Предания и рассказы о принятии иудейской веры ханаком и высшим слоем хазарского общества можно свести к двум основным редакциям. Первая представлена недавно открытым письмом анонима; вторая письмом царя Иосифа, с которым так или иначе возможно согласовать известия мусульманских писателей. Рассказ анонима представляет дело так. Евреи во множестве бежали в страну хазар; здесь они были приняты язычниками и забыли свой закон. Так продолжалось до тех пор, пока один молодой еврей не совершил во время одного похода такие подвиги, что его избрали в цари. Вдохновляемый женой, он возобновил во всей полноте закон моисеев. Однако это произошло после прений о вере, в которых кроме иудеев принимали участие христиане и магометане. Царь-еврей, названный Савриилом, сделался родоначальником

хазарских царей; но рядом с ним избрали высшего судью, называемого хаканом.

По версии царя Иосифа род хазарских царей — туземного происхождения. Один из его предков, Булан, за 340 лет до письма Иосифа, следовательно, около 620 г. ⇒ хр. эры принял иудейство, будучи к этому побужден чудесным божественным откровением; и тут, прежде чем царь принял окончательное решение, имело место прение о верах. Возбуждает сомнение не факт, а время, к которому Иосиф относит реформаторскую деятельность Булана. Более вероятно, что он жил в первой половине VIII в.: по крайней мере грузинские летописи говорят о походе хазарского полководца Булхана на Закавказье в 731 г. Интересно также то обстоятельство, что Булхан назван не царем, а полководцем; он, следовательно, был не великим хаканом, а его наместником. Спустя некоторое время, один из потомков Булана, Обадия [1], произвел вторичную реформу: «обновил государство и укрепил истинную веру». После Обадии царствовали несколько царей, которых Иосиф перечисляет поименно. Себя Иосиф считает потомком брата Обадии в седьмом поколении; таким образом, считая по 30 лет на поколение, реформа Обадии должна была иметь место во второй половине VIII в.

Мусульманские писатели, и ранее других Масуди, относят обращение хазар в иудейскую веру приблизительно ко времени Гарунааль-Рашида и также приводят рассказ о религиозных прениях. Однако у мусульман есть известие о том, что до того хазары были принуждены халифом Меруаном (743—750) принять ислам. Наконец существует еще рассказ о миссии Константина—Кирилла в Хазарию в 50-х годах IX в. В нем говорится о религиозных прениях, об успехах миссии в деле обращения хазар-язычников в христианство, но не говорится о каком-либо обращении самого главы хазарского государства.

Во всех известиях о перемене веры хазарами так много противоречий, что современная наука не могла до сих пор притти к окончательным выводам в этом вопросе. Событие не было отмечено в современной письменности, и тот материал, которым мы располагаем, есть не более как материал преданий и легенд. Думается однако, что рассказ анонима, проникнутый еврейским национализмом, менее всего заслуживает доверия и должен быть просто отброшен. Общий мотив, свойственный всем рассказам, — это прения о вере. Возможно, что нечто подобное могло иметь место при несомненном наличии в Хазарии проповедников всех соперничавших религий и при индиферентности самих хазар. Однако не надо забывать, что этот рассказ повторяется и при рассказе об обращении в христианство болгарского князя Бориса и русского князя Владимира. Повторяемость рассказа не внушает к нему большого доверия. Время реформы Обадии возможно более или менее согласовать с известием Масуди, который относит обращение хазар в иудейскую веру к

[1] Один из новейших исследователей Бруцкус, отождествляет Обадию с Савриилом, опираясь на одинаковое значение этих имен: «слуга бога» (Письмо хазарского еврея, 13).

царствованию Гаруна-аль-Рашида (786 — 809). До того могли иметь место какие-то добровольные или вынужденные внешними причинами колебания хазар в сторону ислама. Если корни иудейской религии восходят к исторически совершенно неясному царю Булану, то возможно, что реформа Обадии и была вызвана именно колебанием от иудейской веры к исламу, которое хазарские государи испытали в промежуток между Буланом и Обадией. С остальными рассказами может быть примирен и рассказ о миссии Константина—Кирилла, находимый в его житии: в нем ничего не говорится об обращении в христианство самого государя, а обращение язычников даже из хазарской знати могло легко иметь место, так как все известия о Хазарии согласны в том, что иудейская вера была принята только государем и частью, повидимому даже небольшой, феодальной знати и народа.

Политический строй Хазарии не изменился с принятием иудейской веры. В нем есть однако черта, о которой одинаково говорят все мусульманские писатели и на которую намекает автор анонимного письма: это — существование в Хазарии двоевластия. Анонимный автор письма говорит, что одновременно с царем-евреем Савриилом хазары избрали высшего судью, которого называют хаканом. Константин Багрянородный, описывая посольство хазар к императору Феофилу, говорит, что оно было отправлено от хакана и иеха, т. е. бега, его заместителя. Мусульманские писатели постоянно противополагают хакана, высшего государя, недоступного народу, его наместнику-царю, которого они называют «малик», «инна» или «хакан-бег». Вся действительная власть принадлежала царю-наместнику. Высшему хакану воздавались почти божеские почести, но доступ к нему имели лишь царь-наместник и два сановника, носившие титулы кендер-бега и чаушиара, т. е. привратника. Мусульманские писатели идут дальше и приводят о жизни и положении хакана такие подробности, которые без критической проверки, — для проверки мы не имеем материала, — кажутся баснословными. Так, они говорят, что при вступлении на престол хакана, сан которого был наследственным, царь-наместник делал ему наставления, после чего набрасывал на шею нового хакана веревку и, давя его, спрашивал, сколько лет тот желает царствовать. Если хакан переживал назначенный им самим срок, то его убивали. Все попытки удовлетворительно объяснить хазарское двоевластие до сих пор, по состоянию источников, не увенчались успехом; но факт существования двоевластия единодушно и согласно свидетельствуется современниками, чтобы можно было подвергнуть его сомнению.

В связи с существованием двоевластия рождается вопрос, на который мы опять-таки не можем дать удовлетворительного ответа: кто был тот «царь», — как он себя называет — Иосиф, который писал испанскому еврею Хасдаи: хакан или царь в собственном смысле, т. е. малик, инна или хакан-бег? Не лишено вероятия, что он был именно последним, т. е. вторым по счету, но на самом деле действительным владыкой страны; это предположение подтверждается косвенно, если вспомнить, что предок Иосифа Булан или Булхан был, вероятно, не хаканом, а его полководцем-наместником.

Несмотря на отсутствие у хазар каких-либо сильных и оригинальных черт, которые давали бы им определенную историко-культурную физиономию, Хазарская держава все же имеет свои оригинальные черты. Как ни ослабело в военном отношении хазарское племя, оно все-таки до половины X в. оставалось силой, которая сплачивала самые разнообразные этнические элементы и умела обеспечивать мир и спокойствие на кочевой территории, где и до хазар и после них господствовали бури и волнения.

Иудейскую веру приняла численно небольшая часть хазар и даже, по-видимому, не вся хазарская знать. Рядом с хазарами-иудеями продолжали спокойно существовать хазары и не-хазары — христиане, мусульмане и даже язычники. Самой характерной иллюстрацией этому служит факт, приводимый Масуди и Ибн-Хаукалем. В Итиле было 7 судей: «двое из них для мусульман, двое для хазар, которые судят по закону торы (т. е. иудейскому); двое для тамошних христиан, которые судят по закону инджиля (т. е. евангелия), один же из них для славян, руссов и других язычников, — он судит по закону язычества, т. е. по закону разума» [1]. Авторы-магометане идут даже далее и утверждают, что в спорных случаях конечной инстанцией были единоверные им судьи, но это, может быть, следует относить на счет их некоторого пристрастия.

В хазарских городах жило очень много иностранцев и жилось им, можно думать, не тяжело. С такой же сравнительной мягкостью относились хазары и к народам, покоренным ими. Ибн-Фадлан высказывает общее суждение: «Хазары и царь их — все евреи; славяне и все соседние народы находятся в его власти, он обращается с ними как со слугами, и они повинуются ему покорно» [2]. Основной формой покорности была дань. Наша летопись хорошо помнит, что большая часть славянских племен платила дань хазарам, но она вовсе не вспоминает, чтобы хазарская дань была особенно тяжелой, чтобы хазары «примучивали» славян подобно обрам-аварам. Когда хазары имели дело не с анархическими племенами, а с более организованными соединениями, подчинение Хазарской державе помимо дани закреплялось союзом, часто сопровождаемым браком между вождями покоренных и знатными хазарскими родами, а иногда даже и царским домом. Анонимный автор письма рассказывает, что когда царь хазарский Ларон победил алан и взял в плен их царя, «он оказал ему большой почет и взял дочь его в жены своему сыну Иосифу. Тогда обязался ему аланский царь в верности, и отпустил его царь Ларон в свою землю» [3]. Выходит так, что и сам царь Иосиф, автор письма к Хасдаи, имел в числе жен аланскую царевну. Так же, несколько ранее, хазары поступили с уграми, выдав, по словам Константина Багрянородного, знатную хазарку за их вождя [4]. Скрепление союзных отношений браком хазары практиковали даже по отношению к Византии, причем брак изгнанника императора Юстиниана II с хазарской царевной мог с точки зрения ха-

[1] *Гаркави*, Сказания, 129 — 130; *D'Ohsson*, Les peuples du Caucase, 11.
[2] *Гаркави*, Сказания, 92 — 93.
[3] *Коковцев*, Новый еврейский документ о хазарах, 12.
[4] *Константин*, Об управлении империей, г. 38.

ческого правительства преследовать и практические цели. Конечно, предполагать то же применительно к хазарскому браку императора Константина V, одного из могущественнейших государей восточной империи, довольно трудно.

В житии Иоанна Готского сохранилось очень интересное известие о том, как действовали хазары в Крыму. Дело происходило в конце VIII в., т. е. когда Хазарская держава была наверху славы и могущества. Епископ Готии Иоанн «вместе со своим народом был выдан властителям хазарским, потому что вошел в соглашение с господином Готии и всем его народом, чтоб не владели страной их хазары. Ибо хакан, пославши, занял крепость их, называемую Дорос, и поставил в ней вооруженных стражей. Их-то и выгнал преподобный вместе со своим народом и завладел также горными проходами». В ответ на открытое восстание хакан все-таки «оказал пощаду господину Готии, а преподобный, заключенный под стражу, получил возможность спастись бегством и переправился в Амастриду»[1], на малоазиатский берег. Так мягкой политикой, мягким отношением к покоренным народам и религиозной терпимостью хазары сумели создать и сохранить в течение четырех веков большое государство, которое от Крыма до Яика не имело никаких естественных границ. Лучшим средством обороны был внутренний «хазарский мир», который царил в эти века в стране от Каспия до устьев Днепра и от Кавказских гор до лесных дебрей средней Руси.

Как жилось при хазарах народам, признавшим их власть, можно судить по судьбам сарматского племени Алан, значительные остатки которых после бурного исторического прошлого жили в различных местах Хазарии.

В свое время аланы были господствующим варварским племенем юга Руси. Буря великого переселения увлекла часть их на запад; однако значительная часть их осталась на прежних местах, группируясь к северу от главного Кавказского хребта. При Юстиниане Великом они упоминаются как союзники империи. Ко времени Тиберия II (578—582) относятся первые известия о покорении алан гуркамя, как византийцы часто называли хазар. Дарьяльский проход носил у арабов название «Аланских врат» — «Баб-Эль-Алан», да и название это имеет то же значение на иранских наречиях: «Дар-и-Алан» — «ворота алан». Насколько далеко на север заходили поселения алан, видно из следующего свидетельства императора Константина: «Когда властодержец Аланий с хазарами не в мире, а предпочитает дружбу императора ромеев, то хазарам, если они не захотят также пребывать с императором в дружбе и мире, он может наделать весьма много зла, залегая им в пути и нападая на них внезапно, при проезде их в Саркел или в Климаты (Крымскую Готию) или Херсонес.»[2] По грузинским известиям территория алан или осов простиралась от Терека на запад до пределов гор, т. е. далеко заходила в кубанские степи. Впервые завоеванные хазарами в конце VI в., они по большей части оставались полностью

[1] *Васильевский*, Житие Иоанна Готского, Труды, II, 398.
[2] *Константин*, Об управлении империей, гл. II.

или отдельными частями в вассальных к ним отношениях, не составляя единого государства; разделенные на племена и роды они главенством феодальных князьков, они порой свергали хазарскую власть, но обычно скоро впадали вновь в орбиту Хазарской державы. Как поступали хазары с восставшими аланами, можно судить по приведенному выше рассказу анонимного автора хазарского письма о победе хазарского царя Аарона над аланским царем. Аланы переживали Хазарскую державу; их имя упоминается и в русских летописях, неизменно называющих их ясами, и в византийских хрониках много времени спустя после того, как из них исчезают известия о хазарах; только новые нашествия азиатских орд, главным образом татар, покончили с аланами в степных землях Северного Кавказа и оттеснили остатки их в горы, где их потомки сохраняются до сих пор под именем осетин или, как они сами себя называют, «ирон».

Северно-кавказская могильная культура, изученная нами в предыдущей главе, и по времени и по территории совпадает с местами жительства алан-ясов. Мы не думаем, чтобы здесь следовало вновь ставить вопрос: можно ли считать древнейшую культуру Кобанского и других соседних могильников принадлежащей предкам сарматов, алан, по погребения в катакомбах Чми, равно как и другие могильники Осетии VI—VIII в., когда Дарьял слыл аланскими воротами, могли принадлежать только одним аланам. Несколько дополнительных соображений помогут нам окончательно осветить это интересное явление.

В могильниках Осетии заметны скрещивающиеся влияния закавказское, восточное и византийское, что как раз соответствует и культурному развитию и истории алан, которые были под непрерывным воздействием Грузии, с одной стороны, персов и арабов — с другой, Византийской империи — с третьей. Не видно только культурного влияния хазар; но мы знаем, что последние, в этом отношении только отражали чужое, не создавая ничего оригинального: поздняя культура осетинских могильников замирает в IX в. Почему не ранее и не позднее? В VI—IX вв. культура эта главным образом языческая. Из свидетельств византийских и арабских мы знаем, что среди алан были и христиане и магометане, даже, по примеру хазар, иудеи; наконец среди них было много язычников. Именно языческий ритуал ярче всего отражается в катакомбах Чми и в других могильниках этой эпохи. Аланы были иранцами, иранское язычество поддерживалось Сассанидским царством; с его исчезновением поклонники огня были осуждены на вымирание, особенно заброшенные в страну, где соперничали между собою христианская и магометанская проповеди. Несколько столетий спустя аланы-язычники исчезли; христианство и ислам поделили между собою этот народ, как это и теперь наблюдается у потомков алан — осетин. Последний период могильной культуры Осетии (X—XIII вв.), представляемый, например, погребениями близ аула Махческ, носит уже, несомненно, иной характер, нежели ранее. С падением язычества исчезла и старая языческая могильная культура. Ее погубило не владычество хазар, которое на местных культурах не отражалось,

а упадок и гибель язычества, отступавшего перед более энергичной религиозной пропагандой христианства и ислама. Почему могильные памятники аланской культуры найдены только в пределах современной Осетии, т. е. в маленьком уголке прежней земли ясов-алан? Исчерпывающего ответа на этот вопрос пока дать нельзя, но надо помнить, что не все предгорья северо-западного Кавказа и не все места на плоскости так же хорошо изучены в археологическом отношении, как теперешняя Осетия. Есть основания думать, что в IV—IX вв. та же культура господствовала в соседней с Осетией Кабарде. Следы той же культуры обнаружены в бескурганном могильнике около Нальчика, при выходе Терека в степь. Можно думать, следовательно, что аланская культура обнимала когда-то территорию, гораздо более обширную, чем нынешняя Осетия.

Решив в положительном смысле вопрос о принадлежности аланам кавказской могильной культуры, современной хазарам, нетрудно разрешить и вопрос о Верхнем Салтове и схожих с Салтовом местах на среднем Дону. Полное сходство материальной культуры VI—IX вв. на Донце и Дону с одновременной культурой на Кавказе не позволяет отнести первую из них ни к кому иному, кроме тех же алан. Их присутствие на Донце и Дону вполне вероятно. До переселения народов аланы, господствуя в степях, могли занимать места и по северному степному пограничью. Натиск гуннов в свою очередь мог отбросить часть этого племени к северу за пределы настоящей степи, подобно тому как позднее при каждом новом движении в степях часть прежних кочевников оседала к границам русского оседлого населения, — вспомним торков и часть печенегов, слывших у русских под именем «своих поганых». Это предположение мы сделали уже выше; теперь постараемся его доказать.

Еще в начале XII в. ясы, т. е. аланы, обитали где-то около низовьев Дона: в 1116 г. Ярополк Владимирович, сын Мономаха, «ходи на половецькую землю к реце, зовомой Дон, и ту взя полон много и 3 городы взя половецькые: Галин, Чевуев и Сугров и приведе с собою ясы и жену полони ясыню»[1]. Так, еще в очень позднее время расстояние между основной территорией алан и их древними колониями на Дону и на Донце было не слишком большим. Что помогло колонии алан, все же видимо отрезанной от большей части единоплеменников, оставшихся в Восточной Европе, сохраниться по крайней мере целых четыре столетия, до IX в.? Ответ ясен: это заслуга хазар, которые как раз в эту эпоху господствовали в степях и поддерживали там мир, невиданный до них и скоро забытый с упадком Хазарской державы.

Сходство утвари в Салтове и на северном Кавказе позволяет с полным правом утверждать, что аланы, жившие на Донце, продолжали до конца своего существования поддерживать, несмотря на все трудности, сношения со своими кавказскими родичами. А это они могли делать только под покровом хазарского мира. Основной характер Хазарской державы, умеренной властью умевшей соединять

[1] Полное собрание русских летописей, I, 128.

самые разнообразные племена и народы, сказывается на этом примере с полной ясностью. Жизнь алан на Дону продолжалась, пока продолжался хазарский мир. Он был нарушен впервые появлением угров-мадьяр в начале IX в. Загадочная Лебедия, в которой мадьяры поселились на юге, во всяком случае не была очень отдалена от Салтова. Ибн-Даста рассказывает, как мадьяры распоряжались с населением местностей, занятых ими и соседних с ними. «Мадьяры господствуют над всеми соседними славянами, налагают на них тяжелые оброки и обращаются с ними как с военнопленными. Воюя славян и добывши от них пленников, отводят они этих пленников берегом моря к одной из пристаней румской земли, которая зовется Карх. А как дойдут мадьяры с пленными своими до Карха, греки выходят к ним навстречу. Мадьяры заводят торг с ними, отдают им пленников своих и взамен их получают греческую парчу, пестрые шерстяные ковры и другие греческие товары»[1]. Судьбу славян могли разделить немногочисленные, вероятно мирные и оседлые, но, судя по их материальным остаткам, зажиточные донецкие аланы. Если они уцелели при мадьярах, то судьба их решена была печенегами, еще более хищными, чем мадьяры. Когда Святослав побежал в 965 г. ясов и косогов[2], он, вероятно, уже не нашел ясов на Донце и дрался с ними за Доном.

В связи с изучением культурных отношений в пределах Хазарской державы возникает вопрос о постоянном славянском населении в бассейне Донца, Дона и, может быть, далее на юго-восток в пределах собственной Хазарии и в тамошних городах. Вопрос этот в последнее время был выдвинут академиком А. А. Шахматовым[3], который решает его положительно, опираясь на следующие данные: 1) Масуди говорит, что берега р. Танаиса, которая приходит с севера, обитаемы многочисленным народом славянским и другими народами, углубленными в северных краях»[4]; 2) другой мусульманский писатель Аль-Балазури, писавший в 60-х годах IX в., описывая поход хазифа Меруана на Хазарию, сообщает, что Меруан «сделал набег на славян, живших в земле хазар, взял из них в плен 20 тыс. семейных людей и поселил в Кахите»[5], т. е. Кахетии; 3) название рек в бассейне среднего Дона и Донца славянского происхождения; 4) под 1117 г. в Ипатской летописи есть известие: «пришли бедовежины на Русь»; Шахматов, вслед за более ранним исследователем Голубовским, видит здесь русское население Саркела, ушедшее на Русь после падения Хазарской державы, когда жизнь там сделалось невозможной вследствие притеснений со стороны печенегов, а потом половцев; 5) колонизация Рязанской области шла не только

[1] *Хвольсон*, Известия Ибн-Даста, 27. Что такое г. Карх—неясно, Корчев—Керчь в VIII и начале IX в., когда жил и писал Ибн-Даста, принадлежал хазарам. Керкинит, такого мнения Хвольсона, уже не существовал. Возможно, впрочем, и даже вероятно, что торговля на Босфоре и при хазарах была в руках греков. Тогда в Кархе можно видеть Пантикапей под его новым названием.

[2] Полное собрание русских летописей, I, 27.

[3] Древнейшие судьбы русского племени, 34—37.

[4] *Гаркави*, Сказания, 140.

[5] Там же, 38.

с юго-запада из днепровского бассейна, но и с юга из бассейна Дона. Это доказывается и данными лингвистики. Именно юго-восточные донские славяне, отступая перед кочевниками, создали особенности рязанского говора, придали значение отдаленной Рязани и способствовали выделению ее в начале XII в. в отдельную землю.

Думается, что, несмотря на весь авторитет русского ученого, вопрос, им определенно решенный, нуждается в пересмотре. Прежде всего здесь не один, а два вопроса. О наличии в хазарских городах известного количества славянского населения сомнения быть не может. Об этом говорят едва ли не все восточные писатели, — достаточно вспомнить славянских судей в Итиле. Несомненно, было оседлое славянское, русское население и в Саркеле. Недаром при раскопках его найдены предметы русского происхождения. Поэтому понятно, и не вызывает никакого сомнения известие русской летописи о возвращении русских из Белой Вежи на Русь. Другое дело, существовало ли в пределах Хазарии оседлое внегородское славянское население и как далеко оно простиралось на юго-восток? Известие Балаадури, писателя правдивого, ранними западно-европейскими ориенталистами принималось без оговорок, но это можно объяснить тем, что, будучи ориенталистами, они не были специалистами в ранней русской истории. Русские ориенталисты относились к этому известию иначе, а Григорьев просто обошел его молчанием [1]. Гаркави [2] считает, что известие Балаадури возбуждает справедливое недоверие. Он указывает, что другая редакция рассказа о походе Меруана, приводимая Табари, говорит лишь о том, что Меруан, преследуя хакана, прошел г. Семендер, расположенный на «Славянской» реке, напал на жилища неверных и разрушил 20 тыс. домов. Исследователь считает возможным допустить, что Меруан взял в плен славянские дружины, служившие в войсках хакана, причем цифру 20 тыс. полагает преувеличенной. Более поздний исследователь, Вестберг, даже вовсе отрицает возможность взятия Меруаном в плен славян: по его мнению, название Сакалиба прилагалось и к аланам, о которых и идет здесь речь [3]. Мы думаем, что сомнения русских ориенталистов вполне основательны. Не надо забывать, что поход Меруана имел место в 737 г.; предполагать, что в это время где-то даже южнее позднейшей русской казачьей терской и гребенской линий жило 20 тыс. оседлых славянских воинов, что с семьями заставляет считать местное славянское население не менее чем в 100 тыс. человек, кажется мне совершенно невозможным. Столь же невероятным представляется предположение, что Меруан заходил далее на север, куда-нибудь за Дон. В VIII в. кроме славян в горах Хазарии могли встречаться за Доном отдельные славяне, но о крупных и столь отдаленных славянских колониях не могло быть и речи. Думается, что вопрос о внегородских поселениях славян к югу от Дона среди хазар, алан и различных остатков кочевых пле-

[1] *Григорьев.* Обзор политической истории хазар. Россия и Азия, 56.
[2] *Гаркави,* Сказания, 41—43.
[3] К анализу восточных источников о Восточной Европе. Журнал министерства народного просвещения, 1908, № 2, 365 и сл.

мен вроде черных болгар, обитавших близ восточных берегов Азовского моря, отпадает совершенно.

Другое дело—вопрос о славянских поселениях в бассейне среднего Дона и Донца. Тонкие лингвистические соображения Шахматова о названиях рек и о говоре Рязанской области заслуживают внимательного отношения. Да и свидетельство Масуди, если в него вдуматься, может относиться к многочисленному славянскому населению где-то на среднем, а может быть, и на верхнем течении Дона. Здесь, действительно, могло быть славянское население; другой вопрос, было ли оно многочисленным. Не надо забывать, что до сих пор найдено мало материальных остатков этого населения. Если предположить, что славяне еще в VII—VIII вв. постепенно распространялись в бассейне Дона и даже спускались далеко на юг,—это были тонкие колонизационные струи, которые не строили городов, которые, вероятно, легко и часто передвигались, обитая в легких и малозащищенных жилищах и полагаясь в смысле безопасности на простор, в котором их вследствие их малочисленности не так легко было поймать. Это славянское население могло легко уживаться рядом с продолжавшими существовать аланскими колониями на Донце, вероятно более оседлыми и благоустроенными, нежели обтекавшие их струи славянской колонизации. Думаем, что можно с полным основанием утверждать, что до времени появления в южных степях угров и печенегов славянская колонизация не успела перейти линии нижнего течения Дона и потому не достигла земли хазар и алан за отдельными, может быть, исключениями и за исключениями славянских насельников городов Хазарии. Не могла она достигнуть, конечно, и Тмутаракани.

Постепенное движение славянских колонистов к юго-востоку было остановлено появлением угров и печенегов, между тем как ранее хазарское владычество над славянами и хазарский мир, царивший до X в. в степях, способствовали этому движению. С появлением хищных кочевников дело переменилось, и славяне, как мы видели выше из свидетельства Ибн-Даста, сделались предметом добычи и продажи в рабство. Те из славян, которые сидели на пограничье степи, должны были частично сохраниться, особенно ввиду почти одновременного образования Киевской державы: тех редких славян-колонистов, которые успели проникнуть в степь, кочевники мадьяры и печенеги стерли с лица земли, как сто лет спустя те же мадьяры стерли редкое славянское население паннонской низменности.

Нет никаких исторических известий, которые доказывали бы существование вокруг Тмутаракани русского, т. е. славянского населения. Никакие археологические памятники не позволяют пока допустить такого предположения. Знаменитый Тмутараканский камень с надписью о том, что в 1068 г. князь Глеб измерил расстояние от Тмутаракани до Корчева (Керчи) по замерзшему проливу,—единственный материальный памятник, свидетельствующий о русском владычестве в этом отдаленном от русских земель пункте [1].

[1] Анализ обширной литературы о Тмутараканском камне и его истории см. у *Спицына*, «Тмутараканский камень» в Записках отделения русской и славянской археологии русского археологического о-ва, т. XI, 1915.

В X в. начались походы русских князей на хазар. Они привели к отпадению последних среднерусских оседлых славянских племен от хазарской власти и способствовали упадку Хазарской державы. Кроме того они поставили русских князей в прямые сношения с ясами, косогами и обезами, т. е. аланами черкесами и абхазами и наконец дали русским князьям опорный пункт на восточном берегу Керченского пролива. Тмутаракань, греческая Таматарха, расположенная на месте древней греческой Корокондамы поблизости от Фанагории, была занята русскими не позднее, а может быть и несколько ранее походов Святослава. Но занятие Тмутаракани не было народным приобретением и не означало успехов славянского колонизационного движения. Тмутаракань была далекая веха, важная в отношении политическом и стратегическом, так как давала возможность вблизи давить на Хазарию и влиять на кавказские народы; еще более важна была Тмутаракань в экономическом отношении, ибо владение ею давало русским князьям господство над важнейшим торговым путем в восточной части Черного моря. Но владение Тмутараканью не было подкреплено местным славяно-русским населением; уже это обстоятельство делало Тмутаракань владением призрачным и ненадежным, а непрестанно росшие бури и волнения в степях, где печенегов в XI в. сменили половцы, заранее предрешало участь этой первой русской колонии и гибель ее как русского владения.

ГЛАВА V.

ИСТОЧНИКИ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУРЫ СРЕДНИХ И СЕВЕРНЫХ ОБЛАСТЕЙ СССР ДО ВРЕМЕНИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА.

Изучение жизни человека в глухих дебрях нашей страны, в ее средних и северных обширных областях, мы начнем, не изменяя принятого плана, с ознакомления с источниками, которые повествуют нам об этой жизни. Рамки территориальные уже намечены предыдущими отделами; исходным хронологическим моментом служат нам древние бронзовые культуры; основным источником знаний являются памятники вещественные, очень многочисленные, но однообразные и темные. Свет, падающий на них от источников письменных, очень слаб, ибо письменности в стране не было, а более развитые народы жили далеко и знали о нашей стране очень мало. Густой мрак рассеивают некоторые вспомогательные источники — данные лингвистики и этнографии некоторых современных нам отсталых инородческих племен. В этом порядке мы и рассмотрим источники наших сведений о последнем доисторическом периоде нашей страны. И все-таки картина, которую удастся, может быть, нарисовать, останется во многом неясною.

Вещественные памятники можно свести к трем видам, уже хорошо нам известным, но изученным ранее более древним эпохам. Это, во-первых, городище, т. е. остатки местопребывания живого человека, чаще всего укрепленного жилья или же обиталища, связанного с отправлением религиозных обрядов; во-вторых, могилы, очень разнообразные по внешнему устройству, по ритуалу погребения и по инвентарю, что всегда стоит в зависимости от верований и вытекавших отсюда погребальных обычаев; в-третьих, клады, состоящие из предметов, в свое время зарытых в землю в целях лучшего их сохранения, но которыми зарывшие их по тем или иным причинам не могли воспользоваться.

Городище есть, как мы уже знаем из предшествовавшего изложения, место бывшего города, укрепления или святилища, очерченное окружавшими и защищавшими его валами и рвами; вариантом термина «городища» являются термины «городок» или «городец». Простой взгляд на карту СССР или ознакомление с перечнем населенных пунктов и урочищ различных его местностей убеждает в том, что в нашей стране таких городищ или городцов

очень много, особенно если принять во внимание, что наряду с городищами, около которых с течением времени вновь возник поселок, есть много таких, которые не могут попасть ни на одну современную карту, ибо остаются пустым и безмолвным обломком далекого прошлого.

Первый исследователь русских городищ Ходаковский, довольно примитивно изучавший их еще в первой половине XIX в., полагал, что в России их должны быть десятки тысяч. Таких фантастических цифр принять, конечно, нельзя, но я думаю, что цифра в несколько тысяч не будет преувеличенной. Их больше всего в средней полосе восточно-европейской равнины от Урала до Балтийского моря, в Германии и Польше; число их уменьшается по мере приближения к северу, где тогда, как отчасти и теперь, редкое население жалось к рекам; только на реках именно и расположены северные городища. Степная полоса на юге, подобно северу, небогата городищами, но по другой причине: кочевые обитатели степей редко нуждались в городищах — последнее тесно связано с оседлой жизнью, и только там, где появлялось оседлое население, мы вправе ожидать встретить заброшенное место постоянного жилья или укрепления, — вспомним, например, Белую Вежу—Саркел.

Рассыпанные по всей стране городища возникали и жустели в различные времена и принадлежали различным народностям. С внешним видом тех из них, которые относятся к доисторической эпохе, с их устройством и с их инвентарем мы познакомимся по нескольким примерам, которые можно считать типичными для местности, в которой они находятся.

Обратимся прежде всего к тем городищам юго-западной части СССР, которые мы уже рассматривали, изучая древнейшие известия о славянской родине в Восточной Европе [1]. Городище Пастерское или Жарище, Мотронинское и другие, рассыпанные по б. Киевской и Полтавской губерниям, обычно очень велики: их площадь равна нескольким гектарам; иногда, как например, в Мотронинском или Вельском, она достигает нескольких десятков и даже сотен гектаров. Городища во всех случаях представляют несомненные остатки населенных мест. Они почти всегда расположены на берегах рек — в местах, где рукам человека оставалось лишь усилить природные укрепления, но валы и рвы их, нередко двойные и тройные, свидетельствуют о сложной фортификационной работе древних людей. Городища, о которых сейчас идет речь, корнями своими уходят далеко в глубь времен. Однако в большинстве случаев жизнь во всех этих городищах продолжалась долго; как поселения, они переживали эпоху переселения народов, видели основание Киевского русского государства и нередко доживали до татарского разорения XIII в. Об этом свидетельствуют и мощный культурный слой городищ и находки в них, идущие от каменного века до великокняжеской эпохи. В остатках землянок городища Шаргород (б. Васильковского уезда Киевской губернии), кроме множества костей, были находимы пред-

[1] *Хвойко*, Городища Среднего Поднепровья, Труды XI археологического съезда, I.

меты земледельческого обихода в виде железных ножей, топоров, гвоздей, серпов, замков, обручей от ведер, что свидетельствует о сильно развитой железной культуре; тут же попадались нательные крестики, образки, т. е. предметы, ясно указывающие на существование в стране христианства. Находки эти говорят о поздней жизни шарородского поселения, между тем как в нижних культурных слоях городища попадаются черепки и костяные орудия гораздо более раннего времени.

Нигде, может быть, последовательная смена времен не заметна так, как в городище Княжа Гора на устье Роси, в 6. Каневском уезде Киевской губернии. Городище расположено на правом крутом берегу Днепра в виде длинного и узкого гребня, отделенного от поля валом и рвом с двумя глубокими оврагами по бокам. На городище найдены остатки построек; культурный слой очень велик. В нижней части его найдены орудия кремневые и из шлифованного камня, много костяных изделий, черепки гончарных сосудов грубой формы, сделанных руками, а не с помощью гончарного круга.

Рис. 16. *Предметы из городища Княжа гора.*

Дальнейшие эпохи представлены менее ярко, зато X—XIII вв. хр. эры — несомненно последнее время существования Княжей Горы, как жилого городка, — отмечены очень многочисленными и богатыми находками: прежде всего найдено очень много оружия, рыболовных и охотничьих принадлежностей и земледельческих орудий вроде серпов и кос и т. п. Перед нами встает отчетливая картина быта княжегорских насельников: это земледельцы и одновременно воины и охотники; может быть, вспомогательное, но большое значение имеет рыболовство. Жители Княжей Горы не были жалкими бедняками. Среди находок немало серебряных и золотых украшений — привесок киевского типа, шейных гривен (среди последних одна янтарная) и других предметов украшения, свидетельствующих о сравнительно большом благосостоянии хотя бы некоторой части местного

населения. Немало было найдено также крестов и икон с греческими надписями, явно указывающих не только на существование, но на уже долгое господство христианства [1] (рис. 16).

Городища, указывающие, что край был обитаем в великокняжескую эпоху, простираются далеко на восток от Днепра. Назову для примера среди множества подобных памятников городище Донецкое близ Харькова и два городища при с. Нищахе в б. Ахтырском уезде Харьковской губернии. Вся масса найденных там вещей ясно указывает на XI—XIII вв., т. е. на момент наибольшего распространения славянской колонизации к юго-востоку [2]. Городище под Харьковом почти подводит нас к территории, которую до X в. занимали аланы, жившие по Донцу у Верхнего Салтова, где также существует древнее городище. К сожалению, пристальное внимание, которое привлек к себе знаменитый Салтовский могильник, отодвинуло исследование городища на задний план, и мы не можем в настоящее время сказать, каково его значение в отношении поздней, т. е. уже русско-славянской эпохи. Очень трудно проследить, до каких пор простираются на восток и северо-восток городища описанных выше типов. Этому мешает недостаточная их обследованность в бассейнах Десны, Сейма, Донца и среднего Дона. Надо предполагать, что такие городища, которые были свидетелями русской жизни домонгольского периода, но которые корнями своими уходят далеко в глубь веков, можно встретить в южной части б. Черниговской губернии и западной части б. Курской губернии; примерами могут служить Волокитинское городище б. Глуховского уезда, Ратское — б. Курского и Белогорское б. Суджанского [3].

В северных уездах б. Черниговской губернии, в бассейнах Сожа и средней Десны, встречены два типа городищ, расположенные на возвышенных берегах рек, небольшие по размерам и в этом отношении напоминающие тип городищ бассейна Оки и верхней Волги, и другие — расположенные в низменных болотистых местах с валами очень ничтожных размеров [4]. К сожалению, в этой местности систематических раскопок произведено не было, и истинный характер и значение городищ северной, лесной части б. Черниговской губ. остается для нас неясным. Немного далее к востоку мы встречаемся с очень интересным явлением. В б. Орловской, Курской и Воронежской губерниях городища расположены очень неравномерно. Их гораздо более в западных частях этих губерний, нежели в восточных. Хотя мы, может быть, и не располагаем полным списком всех памятников такого рода в этих губерниях, но имеющиеся сведения с достаточной ясностью отражают это явление. Так, в трех восточных уездах б. Орловской губернии древних городищ отмечено всего 3, тогда

[1] *Беляшевский*, Княжа Гора, «Киевская старина», 1890, XII; 1892, I.

[2] *Городцов*, Результаты исследований, произведенных экскурсиями XII археологического съезда, Труды XII археологического съезда, I.

[3] *Самоквасов*, Основная хронологическая классификация и каталог коллекции древностей, Варшава, 1892, 84—86.

[4] *Еременко*, Радимичские курганы. Обзор курганов и городищ Новозыбковского у., «Записки отделения русской и славянской археологии русского археологического о-ва», VIII.

как в 9 западных уездах насчитывается 78 [1]. В б. Курской губернии наибольшее число древних городищ находится в уездах Путивльском, Рыльском, Суджанском, Льговском и Курском, а менее всего их в юго-восточной части губернии. В б. Воронежской губернии линией раздела служит течение Дона; на левом, восточном его берегу остатки древних городищ гораздо меньше, чем на правом. Наиболее интересные, но мало исследованные городища находятся на самом Дону [2]. Отмеченное сейчас явление дает нам возможность сделать предварительный вывод, которым нам придется воспользоваться впоследствии. Мы можем утвердительно сказать, что в домонгольский период и в более ранние века оседлое население бассейна среднего Дона должно было быть очень редким, гораздо более редким, нежели были заселены местности к западу от Северского Донца; вообще чем далее отходить от Днепра к востоку, тем население должно было становиться все реже.

Чрезвычайно интересен вопрос, насколько далеко заходят городища среднеднепровского типа на север, вверх по бассейну Днепра? К сожалению, такие городища по Днепру и его притокам от Киева до Смоленска исследованы очень мало. Большие городища, повидимому, древнерусского типа, т. е. близкого к городищам среднего Приднепровья, отмечены в б. Минской губ. по рр. Березине, Свислочи, Случи и по низовьям Припяти. В прежней Могилевской губернии городища совсем не исследованы; однако сопоставляя то малое, что мы знаем о Минской губернии, с тем, что известно о севере Черниговской губернии, можно думать, что вся эта часть днепровского бассейна должна быть довольно богата городищами, равно как и столь же мало обследованный в этом отношении Смоленский край. Среди городищ верхнего Днепра должно быть немало однотипных со среднеднепровскими.

Совершенно иной характер имеют городища, наиболее типичные для бассейна Оки и верхней Волги. Обычно их называют городищами Дьякова типа, по имени одного из них, Дьяковского, подробное описание которого приводится ниже.

Вот общая их характеристика, сделанная компетентным исследователем.

«Устройство их весьма характерное и вполне отличное от устройства обычных городищ. Вместо бедного слоя чернозема с разбитыми костями животных, черепками посуды и обломками металлических поделок мы находим здесь слои золы иногда весьма значительной массивности, пережженную землю и сравнительно богатые находки из совершенно целых вещей, иногда представляющих немалую цен-

[1] Из этих чисел надо откинуть некоторое количество городищ несомненно очень позднего происхождения, т. е. остатки укреплений XVI и XVII вв.

[2] *Горожанский*, Материалы для археологии России; *Пупарев*, Древние городища и курганы Орловской губернии, Орловские губернские ведомости, 1876, №№ 45, 47—50, 52, 54, 56, 58, 62; Воронежская губерния в археологическом отношении, Записки отделения русской и славянской археологии Русского археологического о-ва, VIII, 139. Орловская губерния в археологическом отношении, там же, IV; Курская губерния в археологическом отношении, там же, IV.

ность; вместе с костями животных и многочисленными черепками в зольном слое попадаются также предметы, совершенно необычные для городищ, например колотые камни, встречающиеся в большом количестве. Городища Дьякова типа в большинстве случаев (но не всегда) ограждены валами, которые также имеют совершенно особенное устройство. Нередко они сложены, отчасти или даже целиком, из тех же зольных слоев, иногда столь рыхлых, что их можно разбирать руками. В других случаях валы состоят из пережженных слоев земли, прослоек камней, иногда укреплены деревом. Вал некоторых городищ насыпан не в начале устройства последних, а уже на толстом зольном слое. Еще удивительнее, что в валу городищ Дьякова типа встречается столько же находок, как и на площади; более лучшие вещи найдены именно в валу и под валом.

Величина городищ вообще незначительная, хотя они иногда бывают и больших размеров; зато встречаются городища крошечные, в какой-нибудь десяток сажен длины. Все перечисленные признаки указывают с полной очевидностью, что в городищах Дьякова типа мы имеем дело не с укреплениями, а с сооружениями обрядового типа, вероятнее всего с жертвенными местами, т. е. с сооружениями совершенно того же порядка, как более ранние городки камские, бельские, вятские и ветлужские, типа вятского Пижемского городища. С меньшей ясностью жертвенный характер выступает в окских городищах Дьякова типа. Здесь зольный слой не так массивен, валы имеют в большинстве случаев иное устройство, именно: они сложены из обожженной глины или обожжены. Но это лишь оттенок окских городищ; в общем и по устройству и по находкам они представляют одно явление с волжскими, схожи даже в деталях.

Таким образом выступает с полною несомненностью заключение, что многочисленные городища Дьякова типа, найденные между Волгою и Окою, принадлежат не завоевателям, не пришлому населению, а туземному и притом такому, религия которого близка к верованиям северо-восточного населения России» [1].

Для более яркой характеристики мы опишем два городища Дьякова типа; начнем с того, которое дало свое имя всей изучаемой группе городищ.

«Дьяково городище находится в 7—8 верстах от Москвы, на юг по течению Москвы-реки, на ее правом крутом берегу, и представляет формой своей высокий пирамидальный холм, высотой до 24 саж. над уровнем реки. Усеченная вершина пирамиды, приближаясь формой к треугольнику, обозначается по краям еще сохранившимся валом. Основание треугольника обращено на юг, а вершина на северной стороне приходится по всходу, сохранившему весьма плохо свою первоначальную форму; его уступы сливаются постепенно с прибрежной луговой низиной Москвы-реки. Стоя на этом городище, легко заметить, что наиболее сильная сторона городища обращена на юг. С южной стороны, а также и с западной крутым и глубоким оврагом городище отделяется от соседних высоких берегов

[1] *Спицын*, Городища Дьякова типа, «Записки отделения русской и славянской археологии Русского археологического о-ва V», в. I, 111—112.

реки, представляя собою как бы отторгнутую часть их, превышающую в высоте эти берега только высотой своего культурного наслоения, т. е. около двух саженей. За оврагом против западной стороны городища лежит с. Дьяково, давшее свое имя и самому городищу». Культурный слой толще у валов нежели в середине. Там, где он выражен ясней всего, он состоит из слоя чернозема до 71 *см* толщиною и более. В нижней части его особенно много находок; под ним следует слой угля и золы с песком, где вещей почти не встречалось, так же как и в идущих ниже прослойках чистого белого песку. В разрезе эти прослойки представляли волнистую линию толщиною в 35 *см* и даже более. Ниже шел слой бурого угля, смешанного с землею и прослойкой золы, который содержал вещи и черепки посуды в меньшем, однако, количестве, чем верхний черноземный слой. Он доходит до природного глинистого грунта толщиною до 1 *м*; он составляет древнейшее культурное наслоение городища. Находки заключались в очень большом количестве костей, преимущественно в виде поделок, что роднит его, как и другие городища того же типа, с костеносными городищами восточной России. Очень велико число черепков глиняной посуды; наиболее древние снабжены сетчатым орнаментом; более новые имеют орнамент из вдавленных точек различной формы и из перевочных линий. Очень много найдено также мелких сосудов, пряслиц и т. п. Из металлических вещей особенное значение и интерес представляет бронзовая пряжка готского стиля, которую можно датировать IV—V вв. хр. эры. Остальные бронзовые вещи близко подходят к вещам, обычно находимым в могильниках северо-восточной России, в б. губерниях Владимирской, Рязанской, Тамбовской. Железных вещей также много — это ножи, серпы, рыболовные крючки, наконечники стрел, удила. Эти орудия указывают на существование земледелия наряду с охотой и рыболовством. Корни жизни на городище, судя по нижнему слою, должны заходить очень глубоко, во всяком случае до времени первого появления металлов. Наиболее поздними из найденных в Дьякове предметов надо считать крупные шарообразные бусы из стекла, покрытые позолотой. Такие бусы встречаются в поздних могильниках Осетии вместе с монетами VII—VIII вв. Их появление в Центральной России должно было иметь место позднее, т. е. примерно в IX или начале X в. Такими соображениями определяется время существования Дьякова городища, как места жертв или жилья. Землянок в нем не найдено» [1].

«Федяшевское городище находится на правом берегу Оки к северу от дер. Федяшевой Белевского уезда Тульской губернии; оно основано на высоком каменистом мысе, образованном, с одной стороны, берегом р. Оки, с другой — почти отвесным берегом ручья Городка. С напольной стороны городище замкнуто дугообразно-выгнутым валом и рвом. Площадь городища равна 533 кв. саж. Поверхность его поката от вала к поверхности мыса и обоим боковым скатам. Боковые скаты городища круты и весьма удобны для обо-

[1] *Сизов*, Дьяково городище, Труды IX археологического съезда» II, 256.

рона против действия холодным оружием»[1]. В городище было найдено много остатков быта, подлинной реальной жизни, что свидетельствует о том, что Федяшевское городище служило не только для жертвенных целей, но и было местом жилья. Вал городища из обложенной глины. На основании найденной в городище керамики исследовавший городище В. А. Городцов пришел к выводу, что мыс, занятый городищем, был обитаем еще в каменном веке, хотя, конечно, вал его должен был быть устроен много позднее, когда в крае появилась настоящая оседлая жизнь. Найденная в городище монета начала IX в. показывает, что в эту эпоху городище продолжало быть обитаемым. «Обитатель его, начавши жизнь при условиях близких к охотничьему быту, памятниками которого являются обильные скопления костей диких животных в нижней части культурного слоя, окончил бытом кустарно-заводским, запечатлевшимся в верхней части культурного слоя обильными скоплениями железных шлаков и обломков небольших тиглей, приспособленных для плавления»[2].

Что городища Дьякова типа служили не только для жертвенных целей, но и для жилья, об этом свидетельствуют находимые в некоторых из них землянки.

Так, в Городецком городище, были «открыты и очищены углы обширной землянки. Стены и пол землянки хорошо обозначались, так как материковый грунт здесь оказался твердым и резко отличался своим красноватым цветом»[3]. То же явление обнаружено в исследованном тем же В. А. Городцовым Огубском городище[4] и в Бородинском городище раскопанном А. В. Арциховским в 1926 г.[5]

Наиболее важными вопросами, связанными с городищами Дьякова типа, являются два: какой хронологический период они захватывают и насколько они распространены территориально. Краткое знакомство с Дьяковским и Федяшевским городищами уже показало, что начало жизни на городищах этого типа надо искать в глубокой древности, заходящей в каменный век. Наибольшее число находок, поддающихся датировке, чаще всего монеты, указывают на VI—IX вв. как на время процветания городищ Дьякова типа. В некоторых из них встречены фибулы и бляхи так называемого готского типа, что свидетельствует о жизни их в III—IV вв. хр. эры. В городище на р. Огуби Малоярославского уезда Калужской губернии были найдены предметы, позволяющие относить его существование уже к I в. хр. эры. Упадок городищ, повидимому, надо относить к концу первого тысячелетия, когда в бассейне Оки и верхней Волги появились люди нового племени и водворились новые формы жизни. Городища Дьякова типа распространены по всему бассейну средней и отчасти

---

[1] *Городцов*, Отчет об археологических исследованиях в долине р. Оки в 1897 г. Древности, XVII, 1.

[2] Там же, 9.

[3] *Городцов*, Дневник археологических исследований в долине р. Оки в 1898 г. Древности, XVIII, 9.

[4] *Городцов*, Болотное Огубское городище, Труды государственного исторического музея, вып. I, М. 1926, 112—114.

[5] *Арциховский*, Бородинское городище, Труды секции археологии Института археологии искусства, РАНИОН, II, М. 1928.

верхней Оки и по всему бассейну верхней Волги. До настоящего времени их зарегистрировано около сотни. Вероятно, дальнейшие детальные исследования обнаружат еще немало новых. Далее на запад следы городищ Дьякова типа обнаружены на озерах Селигере и Глубоком и далее до пределов Б. Витебской губернии.

Городища низовьев Оки, течения Мокши, Цны и Суры до сих пор мало исследованы, но есть полная возможность предполагать, что они тянутся в этом направлении до средней Волги.

«На востоке «окружные» городища в большом количестве известны и отчасти исследованы по р. Ветлуге. Большая часть этих городищ по находкам примыкает к типу Пижемского костеносного, а некоторые приближаются к типу Дьяковского» [1].

Так определенно и ясно намечается связь городищ Дьякова типа с городищами русского востока, еще более древними, которые в свою очередь имеют связь с самой молодой из туземных бронзовых культур—Ананьинской.

О костеносных городищах нам уже приходилось говорить. Они рассеяны от Вятки и Камы до Урала. Типичным представителем их можно считать Пижемское городище на Вятке, исследованное А. А. Спицыным.

Городище находится на устье Пижмы и расположено между оврагом Вятки и глубоким оврагом. Вал очень извилист, коленчато-изогнутый, с длинными постепенно спускающимися концами, довольно отлого выходит на площадку и круто спускается в ров. При наибольшей ширине в 42,6 *м* площадка городища достигает в длину 68 *м*. Кроме дерна на площадке нет никакой растительности, и уже одно это обстоятельство показывает, что культурный слой в ней слаб. Оказалось, что весь культурный слой с поверхности городища уже снесен на его склоны. На левом склоне он оказался превосходно перемытым и вследствие того весьма удобным для раскопок, а на правом залег массовым зольным пластом и порос лесом [2]. Тут на склонах и было найдено множество вещей, среди которых первое место по количеству занимают кости и костяные поделки. Кроме того было найдено небольшое количество медных предметов, несколько железных ножей и шильев и один глиняный тигель для литья. Сходство Пижемского городища с Дьяковским можно видеть не только в размерах площади и в его положении относительно реки и окружающей местности,— это сходство более или менее случайное, или точнее, это слишком общие черты. Гораздо важнее отсутствие ясных указаний на жилье и обилие пережженных костей, которые жглись именно здесь. То и другое городище далеко не одинаковы, но родственные черты в них несомненно есть, черты эти свидетельствуют, что и здесь и там мы имеем дело с одной культурой, очень широко раскинутой и существовавшей очень долгое время. Городища типа Пижемского рассеяны по течению рр. Камы и Вятки и их притоков до предгорий Урала.

---

[1] *Спицын*, Городища Дьякова типа, 140.

[2] *Спицын*, Археологические розыскания о древнейших обитателях Вятской губернии, Материалы для археологии восточных губерний I, 56—59.

Если предположить, как мы это сделали в свое время, что Ананьинская культура современна скифской, а поселенные городища, подобные Пижемскому, процветали и несколько позднее, то мы и хронологически сможем связать между собой наиболее характерные городища — волжско-окские и прикамские.

На русском севере и востоке, кроме городищ Дьяковского и Пижемского типа существуют и другие, более новые, служившие, несомненно, только укрепленным жильем. На севере они доходят до течения Северной Двины, на востоке рассыпаны по всему громадному бассейну Камы. Из этих городищ мы остановимся только на одной группе, сосредоточенной главным образом на средней Волге близ устья Камы и на низовьях этой последней. Наиболее замечательные из досель известных — это городища: Елабужское, Котловское по Каме близ устья Вятки и Граханское, недалеко от предыдущего. Такие же городища находятся, повидимому, по правому берегу Волги в Тетюшевском у. Они довольно велики, снабжены крепкими валами, иногда двойными и отличаются бедностью находок.

Наиболее интересное из находок состоит из обломков гладких высоких сосудов с прямым дном из отлично обожженной черной и красной глины. Они относятся к очень позднему времени. Последнее обстоятельство, в связи с находками в развалинах, несомненно относящихся к средневолжскому болгарскому наряду, заставляет и эти городища, по крайней мере в последнюю эпоху их существования, считать принадлежавшими волжским или камским болгарам.

Описанные сейчас городища составляют естественный переход к большой группе городищ средневолжских, рассыпанных по течению великой реки от впадения Камы до Самарской луки. Городища эти представляют собой несомненные следы укрепленных городов, которые существовали очень долго и заглохли незадолго до появления здесь русской власти. Их также с достаточным основанием связывают с волжскими болгарами. Самое замечательное из них — Великие Болгары б. Казанской губернии Спасского у. — развалины одной из столиц волжской Болгарии.

И далее по нижнему течению Волги есть ряд интересных городищ — Увек близ Саратова, Водянское близ Дубовки, Мечетное около Царицына, Царевское и др. Городища эти лишь в самое последнее время стали подвергаться научным исследованиям. Начало существования некоторых из них относится вероятно к очень давнему времени; но почти все они в более позднюю эпоху имели тесное отношение к татарам, которые, начиная с XIII в., властвовали отсюда над всей восточно-европейской равниной. Иные, например Царевское, являющееся остатком татарской столицы Сарая, своим возникновением обязаны татарам. Значение, которое они имели при татарах, делает их по преимуществу городищами «историческими» и тем самым выносит их за поле наших наблюдений.

В западной или точнее в северо-западной части восточно-европейской равнины, в бассейне Немана, по нижнему течению Западной Двины и к северу от нее, в Балтийском крае, существует еще одна разновидность городищ, которую необходимо отметить особо. Они расположены иногда на берегах рек, подобно Дьяковским; иногда

стремление усилить ход искусственными укреплениями берет видимо верх над всеми остальными соображениями, и городище, видимо, обязано своим возникновением желанию окрестных жителей создать особенно удобное место. Они немелики, культурный слой в них не отличается мощностью, что резко бросается в глаза при сравнении с городищами среднерусскими и днепровскими. Находок в них обычно очень мало, что еще резче отделяет их от главных видов городищ внутренней России. Это были вероятнее всего временные убежища чисто военного характера, а не постоянные поселения и не священные урочища, где поклонялись богам. Из разных видов городищ нашей равнины это наименее интересные.

Предыдущий обзор не может, конечно, иметь притязаний на исчерпывающую полноту. Нам кажется однако, что состояние наших современных знаний в области русских городищ позволяет установить следующие их основные виды: 1) «днепровские, охватывающие бассейн этой реки вероятно до Смоленска и задевающие бассейн среднего Дона; 2) Дьяковские и примыкающие к ним «костенецкие», распространенные, начиная от верхней Оки, по всему северо-востоку, с особенно ясно выраженным характером священных урочищ; 3) более новые, жилые и военные, встречающиеся вперемежку с предыдущими по всему северу и востоку, и 4) «западные», как будто имевшие главным образом военный характер. Все четыре вида соответствуют отдельным большим культурам, имевшим очень глубокие корни в местах их наибольшего распространения.

Второй основной вид вещественных памятников — памятники погребальные, всегда одинаковые по своему назначению, представляют в своих подробностях гораздо больше разновидностей, нежели памятники жилья. Для более поздней археологической эпохи, которую мы теперь изучаем, мы будем иметь дело с теми же двумя основными видами погребальных памятников, какие нам встречались ранее, т. е. с курганами и с могильниками без насыпей, подобие которых мы уже видели в полях погребальных урн. Точно так же и ритуал похорон является или погребением в землю или трупосожжением.

Мы расположим обзор погребений в том же территориальном порядке, в каком уже сделан обзор городищ, т. е. в общем направлении с юго-запада к северо-востоку. В высшей степени загадочным фактом является то, что на всем пространстве правого берега Днепра, между Полесьем и степью, для позднего железного века, т. е. для первого тысячелетия христианской эры, нет преемственности погребальных памятников. Поля погребальных урн не заходят ближе первых веков христианской эры. Древнейшие курганы всего этого края по находимым в них предметам можно датировать во всяком случае не далее VII в. Пока эта загадка не разрешена, на ум приходит только одно объяснение. Погребальных полей известно пока очень мало; можно думать, что их на самом деле гораздо больше и что древние погребальные обычаи славян, исконно здесь живших, пережили эпоху переселения народов и начали уступать иным формам только позднее, незадолго до образования первого русского государства. Впрочем, возможно и еще одно предположение: между

эпохой погребальных кодей и временем погребения в курганах мог существовать еще один способ погребения, описанный на первых страницах нашей летописи: «аще кто умряше, творяху тризну над ним и посем творяху кладу велику и возложаху на кладу мертвеца, и сожжаху, а посем, собравше кости вложаху в судину малу и поставляху на столпе на путех»[1]. Такие погребения не могли конечно сохраниться до нашего времени.

Курганы к западу от среднего Днепра невысоки и в этом отношении не могут итти в сравнение с курганами скифской эпохи; они редко достигают высоты более 1,4 м, но их основанию почти всегда идет заплывшая канавка, из которой брали землю для насыпи. Под основанием насыпи очень часто обнаруживаются следы кострища. Покойники по большей части не сжигались, а погребались в ямах под курганной насыпью, в колодах и гробах, сколоченных железными гвоздями. Почти всегда погребения эти бедны; находок очень мало или их совсем нет.

Вот пример более подробного описания курганов этого типа. «Насыпи в Игнатинском могильнике расположены очень густо, так что многие курганы соприкасаются основаниями. Форма их имеет коническую верхушку, на которой часто замечается незначительная впадина. Почти все курганы окружены у своей подошвы рвом, который прерывается мостиками. В большинстве случаев мостики ориентированы так, что направление их отвечает главным сторонам света. Насыпь состоит из чернозема с примесью глины. Покойники лежат в ямах, вырытых в черноземе до подпочвы». Некоторые из могильных ям были покрыты бревнами. «Скелеты лежали на дне ямы на спине с ровно протянутыми ногами; у всех голова обращена на запад, ноги — на восток. Положение рук разнообразное». Рост средний, черепа брахикефалического типа. «Сосуды, оружие и оружия совершенно отсутствовали. Из украшений найдены 5 колец, лежавших у костей трех скелетов, из гладких проволок (3 серебряные, 2 бронзовые), согнутых в круг с неплотными концами, один бронзовый перстень из двух проволок, скрученных жгутом, одно кольцо из гладкой бронзовой проволоки и 2 серьги — бронзовая и золотая из гладкой проволоки»[2].

С обрядом трупосожжения в курганах приходится встречаться чаще, по мере того как приближаемся к Киеву. Обычно такие курганы выше и богаче. Как пример можно привести курган, расположенный при д. Еленовке, 6. Васильковского уезда, где в остатках кострища были найдены медные и серебряные узорчатые бляшки, золотая подвеска в виде раковины, медный бубенчик, железные молоток, дротик, секира и т. д.[3] Сожжение трупа совершалось и на месте кургана и отдельно. Подобного рода погребения, первоначально, конечно, увенчанные курганами, обнаружены и на территории современного Киева. Как общее правило можно, кажется, установить,

---

[1] Полное собрание русских летописей, I, 6.

[2] *Антонович*, Раскопки в стране древлян, Материалы по археологии России, № 11, стр. 32—34.

[3] Киевская губерния в археологическом отношении. «Записки отделения русской и славянской археологии Русского археологического о-ва, IV, 266

что сожжение в местности, близкой к Киеву, было распространено в более раннюю эпоху, примерно в IX и X вв.; позднее оно стало уступать место погребению трупов в земле.

Если мы перейдем на левый берег Днепра, то описанная сейчас общая картина не подвергается большим изменениям. Обратимся к примерам. В начале XX в. В. В. Хвойко раскопал могильник при с. Броварки Гадяческого уезда Полтавской губернии, интересный тем, что здесь были обнаружены очень редкие на всем Поднепровьи следы погребальных обычаев переходного времени от полей погребальных урн к позднейшим курганам. В древнейших могилах покойник был погребен в срубе, расположенном в яме глубиною от 2 до 3 м. В центре сруба для покойника делалось углубление несколько меньших размеров. Предметов было найдено немного, ибо курганы, видимо, подверглись ограблению в очень древнюю эпоху. Среди найденного выделяются амфоры, которые встречались совместно с сосудами типа погребальных полей. Кроме того здесь встречались железные копья, мечи, ножи, обломки зеркал, отдельные части конского убора, — все это в очень ограниченном количестве. Параллельно погребению существовал обряд сожжения. На избранном месте расчищалась площадка, на которой делались углубления размерами в 2 на 2,5 м и глубиною в 50 см; углубления наполнялись дровами, поверх которых клали большие бревна, а на них располагали тело. При сожжении, по мере того как горящие дрова опускались все ниже, опускалось вместе с ними и тело, оставшись наконец на дне ямы в виде остатков пережженных костей и золы. Инвентарь таких могил еще беднее, чем в погребениях, описанных выше, но общий характер его как здесь так и там позволяет отнести погребения обоих типов к I—V вв. хр. эры. Броварский могильник интересен тем, что он не переставал служить кладбищем и позднее, примерно до X в., и таким образом может служить доказательством непрерывного существования здесь населения, близкого к людям погребальных полей: указывает он также и на одновременное существование обоих распространенных ритуалов похорон — погребения в земле и сожжения.[1] Черта эта, уже свойственная погребальным полям, устойчиво сохраняется до тех пор, пока сожжение не исчезает повсеместно под влиянием христианства.

Наиболее молодые могилы Броварского могильника содержат также оба ритуала. И в них инвентарь довольно беден и состоит по большей части из бронзовых, изредка серебряных предметов: височные кольца, бляшки, бубенчики, бусы; в некоторых могилах найдены железные перстни и браслеты, ножи, костяные гребешки, стекло; некоторые черепа были украшены серебряными венчиками. Общий характер инвентаря совершенно схож с инвентарем многочисленных могильников Среднего Поднепровья IX—XI вв., но полное отсутствие указаний на христианство заставило исследователя отнести его к VIII—IX вв. [1]

Приблизительно такая же картина, какую дает поздний Броварский могильник, открывается большинством археологических иссле-

[1] *Хвойко*, Раскопки могильника при с. Броварки, Древности, XX, вып. 2.

дований на территории б. Полтавской, Черниговской, Курской и западной части Орловской губерний. То же сочетание погребения и сожжения, причем чем позднее эпоха могильника, тем реже встречается обряд сожжения, а там, где могилы на основании более или менее точных примет относятся к XI и даже XII вв., обряд сожжения исчезает почти совсем. То же устройство могил, или описываемое от вышеописанных небольшими вариантами, тот же инвентарь. «Характерные височные кольца из двух спиралей, височные кольца в виде колечек, шейные гривны со сгибнями на концах, гривны медные (витые) и железные бусы, подвески к ожерелью в виде кружков и лунниц, браслеты, перстни, головные пластинчатые зеркальца, монеты XI в., ножи, горшки, железные пряжки, бубенчики»[1]. «Очень распространенный обряд погребения в стране северян состоит в том, что остатки от сожженного на стороне трупа в глиняном сосуде, одном или двух, помещали в верхней части невысоких курганных насыпей. Их можно проследить по Десне и Сейму. В курганах этих предметы встречены в столь сплавленном виде, что пока не представляется возможности говорить о их типах. В одних и тех же группах вместе с курганами, заключавшими трупосожжения, встречены курганы с погребением обыкновенным. Костяки лежат в неглубоких материковых ямах, головою на запад, а иногда на юг и юго-восток, часто в гробах. Вещи немногочисленны и нехарактерны: ушные кольца, пряжки, бусы и пр. Такие курганы раскопаны Д. Я. Самоквасовым в Чернигове и б. Глуховском уезде, а В. Б. Антоновичем близ Любеча. Они же Самоквасовым найдены среди курганов с трупосожжениями в б. Курской и Харьковской губерниях. К тому же времени или к несколько более раннему относятся курганы, раскопанные близ г. Переяславля, в б. Роменском уезде Полтавской губернии и б. Судженском уезде Курской губернии, характеризующиеся височными кольцами двух типов (малые проволочные и проволочные же, изогнутые спиралью) и витыми гривнами с пластинчатыми сгибнями на концах. Время этого типа курганов определяется находками монет 914—943»[2].

Чрезвычайно интересно выяснить, насколько далеко простираются подобные погребения на восток. Некоторые разъясняющие вопрос черты дают раскопки на территории Воронежской губернии. В 1899 г. членами Воронежской архивной комиссии были произведены раскопки около так называемого Хазарского городища. При этом «обнаружен один и тот же тип погребения — трупосожжение на месте с погребением остатков от трупосожжения в глиняных горшках. Зольные толстые площадки обнаруживались всегда в юго-восточной половине кургана; костер устраивался на глинистом грунте на глубине 1,5—5 четвертей от поверхности культурного слоя. Слой золы, угля и остаток пережженных человеческих костей достигал

[1] Курская губерния в археологическом отношении, Труды отделения славянской и русской археологии. «Записки Русского археологического общества», XI, 1899, 244.

[2] Могилевская и Черниговская губернии в археологическом отношении, Записки Русского археологического о-ва, VIII, Труды отделения русской и славянской археологии, I, 1896, 125.

2 четвертей толщины, а иногда и более. Остатки от сожжения покойника заключались в горшок, который ставился в юго-восточной части насыпи, в стороне от кольцевой площадки. Никаких украшений и предметов домашнего обихода ни на месте трупосожжения, ни в насыпном слое курганов, ни в погребальных урнах найдено не было» [1]. Если оставить в стороне бедность погребения, то весь ритуал до мельчайших деталей схож с ритуалом Броварки и черниговских и курских курганов, которым могилы, описанные сейчас, вероятно, более или менее современны.

Б. Воронежская губерния, в археологическом отношении в сравнении с другими местностями Средней России менее исследованная, дала однако несколько находок, освещающих темный период между великим переселением и той эпохой, которой сейчас посвящено наше преимущественное внимание. Так, еще в 1869 г. по р. Осколу было найдено погребение воина. Остов лежал на угольях и был присыпан сверху известкой. Возле скелета лежала кольчуга, в руке — клинок меча, на голове был железный шлем, на груди оказались две золотые византийские монеты VIII в., а на поясе — несколько серебряных и золотых пряжек и бляшек с орнаментом в виде плодов, листочков, бисерных нитей и переплета. В 1895 г. при железнорудных сооружениях близ г. Валуек был открыт цельный могильник приблизительно VI—VII вв., а может быть, даже и более раннего времени. К сожалению, систематических раскопок там произведено не было, но оттуда были доставлены фибулы «готского» типа и другие вещи; все носили следы огня, что, вероятно, указывает на определенный ритуал погребения. Тогда же в б. Богучарском уезде были открыты погребения, давшие вещи кавказского и верхнесалтовского типа, которые по аналогии можно относить к VI—VIII вв. Повидимому, подобный же характер носит могильник около Дивьих гор, недалеко от Коротояка, открытый в 1890 г. и частично исследованный в 1907—1909 гг. [2].

Приведенные сейчас данные свидетельствуют о том, что в смутный период V—VIII вв. среднее течение Дона имело оседлое население, хотя, вероятно, и немногочисленное. Вопрос об определении этого населения едва ли можно отнести к числу легких.

Верхняя часть бассейна Днепра составляет территории прежних губерний: Могилевской, Минской, Гродненской, Смоленской и части Калужской. Погребальные памятники всего этого обширного края имеют определенные черты сходства как между собою, так и с соответственными памятниками среднего Поднепровья. Мы не хотим этим сказать, что весь верхний бассейн Днепра составляет в археологическом отношении одно целое. Более подробное ознакомление с погребальными древностями этого края, к которому не раз придется обращаться ниже, быстро убедит в том, что почти каждая

---

[1] Труды XIV археологического съезда, III, Протоколы, 114.

[2] Воронежская губерния в археологическом отношении «Зап. Русского археологического о-ва», VIII. Труды отделения русской и славянской археологии, кн. I, 135—136, 1895. *И. Е. Макаренко*, Археологические исследования 1907—1909 гг. «Известия Археологической комиссии», вып. XLIII 1911.

отдельная местность, особенно, например, отдельные территории исторических славянских племен, представляют и с точки зрения археологии особую, иногда ярко выраженную физиономию, значительно отличающуюся от территории соседних местностей. Однако при общей характеристике, когда приходится сравнивать и противополагать крупные культуры, чуждые одна другой, весь верхний бассейн Днепра представляет определенные черты единства в погребальных древностях позднего железного века. Прежде всего погребальные памятники, которые обычно представляются в виде курганов, большей частью невысоких, относятся, как почти всегда и далее к югу, ко времени не старше IX—X вв. Везде существуют два ритуала — сожжение и погребение, причем как и в среднем Поднепровье, первое имеет склонность постепенно уступать место второму, так что в курганах самого последнего времени встречается только одно погребение. Инвентарь, меняясь иногда очень существенно в своих подробностях, за отдельными исключениями не слишком богат; по своим формам он скорее легок, массивных предметов, как и предметов очень ценных, встречается мало. Описываемая сейчас культура заходит также несколько далее на север и захватывает часть течения Западной Двины близ Полоцка и ниже его.

Нарисованный эскиз был бы недостаточен, если бы мы не упомянули о некоторых отдельных памятниках, которые выходят из очерченных выше рамок. К таким памятникам принадлежат, например, большие курганы, раскопанные Д. Я. Самоквасовым в самом городе Чернигове и по соседству с ним в 1872 и 1873 гг. Приведем несколько выдержек из описания одного из этих курганов, известного под именем Гульбища: «При обыкновенной конусообразной форме с основанием в 135 арш. в окружности и 12 арш. высотой курган был обведен ровом, имевшим 8 арш. ширины и до 4 арш. глубины. Ров в трех местах прерывался и составлял как бы входы на вершину насыпи. В самом центре насыпи на глубине 6 арш. открыта окисная и обугленная металлическая масса, при подъеме ее распавшаяся на куски. Это были следующие предметы, соединенные в общую массу действием окиси: 1) железный шлем с тупым шишаком сверху и медной бляхой спереди; 2) панцирь из железных колец, действием окиси соединенный с разными предметами (железный наконечник копья, наконечник стрелы, гвоздь, топор, стрела, удила, отпечаток бронзовой основы щита с обломком ручки); 3) круглая бронзовая бляха 2 четвертей в диаметре, составлявшая основу щита, украшенного серебром; 4) железный прямой обоюдоострый меч около 7 четвертей, с массивной ручкой, украшенной серебряной насечкой и камнями, и несколько обломков других предметов вооружения. Непосредственно под железной массой, состоявшей из предметов вооружения и сбруи, открыт железный сосуд с боковой ручкой, заключавший уголь, жженые бараньи кости, шерсть барана и скорлупу куриных яиц. На десятом аршине открыто кострище в виде слоя угля, золы и пережженных костей, занимавшее круглообразное пространство около 10 арш. в диаметре. При исследовании кострища были найдены Самандекий дирхем конца IX в., огниво, ножик, железный топор-молоток, бусы, одна золотая и 10 серебря-

ных пуговиц, 40 серебряных массивных блях, более 200 слитков серебра разной величины, более 50 бронзовых и стеклянных слитков, фрагменты обугленных костей — человеческих, лошадиных, бычачьих, собачьих, птичьих и рыбьих»[1]. Нелепо сказать, чтобы в ритуале Гульбища были какие-нибудь совершенно особые черты, которые противоречили бы общему характеру вышеописанной погребальной культуры Поднепровья. Гульбище от рядовых курганов отличается своей величиной и обилием найденных в нем предметов. Невольно приходит мысль, что в Гульбище, как и в сходной с ним Черной могиле (рис. 17), датируемой византийскими монетами императора Василия II и Константина VIII (976—1025) (рис. 18), захоронены погребения представителей местной знати, каких-то больших людей, живших не позднее X в.

К больших черниговским курганам весьма близки по своему характеру кургана обширного Гнездовского могильника в 8 км от

Рис. 17. *Черная могила.*

Смоленска. В Гнездовском могильнике более 1 000 курганов. Большинство насыпей небольших размеров, однако есть и очень высокие: наибольшие из них достигают 7 м. Во всем могильнике, служившем, видимо, очень долгое время для погребения жителей расположенного вблизи обширного городища, господствующим ритуалом является трупосожжение. Самые высокие курганы давали много ценных и интересных находок, которые совершенно схожи с черниговскими и которые были находимы в средине насыпи над первоначальным кострищем, иногда на особом каменном помосте. Это были шлемы, мечи, многочисленные фибулы, пряжки, подвески и другие предметы таких форм, которые особенно распространены в Скандинавии. Особенно интересна бронзовая лампочка, найденная

[1] *Самоквасов*, Могилы русской земли, М. 1908, 195, 195.

в Гнездове, имеющая вид железной головки. Лампочка, вероятно, занесена сюда с востока (рис. 19). Многочисленные арабские монеты заставляют время процветания Гнездовского могильника отнести к X в. Большие и богатые гнездовские курганы заставляют, подобно черниговским, видеть в их могилах погребения знатных и богатых людей, обитавших в соседнем городище, предшественнике теперешнего Смоленска.

Рис. 18. *Серебряная монета Василия II.*

На верховьях Днепра, начиная от Смоленска, курганные насыпи, не меняя в общем своего внутреннего содержания сравнительно с другими курганами днепровского бассейна, от более южных нередко отличаются своей сравнительной высотой. Очень близки к ним по внешнему виду курганы по Двине вокруг Полоцка. Однако наиболее, может быть, резкой особенностью Смоленского края являются курганы в виде валов; они были раскопаны в северо-западной части губернии в уездах Смоленском, Порецком, Духовщинском и Бельском, а также в соседних частях б. Витебской и Тверской губерний. Не отличаясь по ритуалу, ибо в них также наблюдается и погребение и трупосожжение, они отличаются от других курганов своей плоской и длинной формой и своим инвентарем, который по сходству с инвентарем виленских курганов можно датировать VIII и началом IX в. Они как будто вскрывают несколько иные обычаи, а следовательно, и наличность иного племени, самобытность которого в этих местах меркнет позднее.

Рис. 19. *Светильник из Гнездовского могильника.*

Та курганная культура, которая в IX—XI вв. господствовала во всем бассейне Днепра, дала отпрыск к северу не только в бассейн Западной Двины, но и далее в бассейн Ильменя, Ладожского и Чудского озер. Впрочем, здесь приходится наблюдать некоторые отличия и изменения. В древнейшее время при наличии сожжения здесь наблюдается чрезвычайная бедность инвентаря наряду с большими размерами курганов. Большие курганы, обычно называемые в Новгородской и Псковской губерниях «сопками», достигают высоты в 10 и более метров. Находки в них большей частью бедны и незначительны: это глиняные сосуды, железные вещи человека и

домашних животных; они обычно встречаются выше основного кострища, расположенного на уровне почвы. В одной из немногочисленных сопок Нековской губ., давших большие находки, были найдены монеты и в числе их — Сассанидская 617 г., что до известной степени может датировать древнейшую эпоху сопок. Поздние сопки, повидимому, уступают место, с одной стороны, мелким курганам, с другой — могилам в каменных ящиках, известных на местах под именем «жальников». Жальники, господствующие в самое поздн[ее] археологическое время, с XI в. и позднее, представляют собою грунтовые ямы, прикрытые сверху незначительною насыпью и окруженные по краю рядом валунов. Древнее трупосожжение, как и на юге, уступает место погребению, неизменно господствующему в мелких курганах и жальниках Озерного края.

Описанные сейчас виды могильных памятников не исчерпывают всех видов могильных сооружений русского северо-запада. С прочими их видами мы познакомимся одновременно с рассмотрением погребальных памятников другой культуры, господствовавшей на северо-востоке нашей страны.

Обзор погребальных памятников, сделанный до сих пор, позволяет подвести некоторые итоги. В среднем Поднепровье погребальные памятники IX и последующих веков можно, несмотря на скудость памятников предшествующих веков, связать с культурой погребальных полей, существовавшей здесь с очень давнего времени, во всяком случае с начала железного века. Но в изучаемую эпоху эта культура, как на то указывают могилы и в меньшей мере городища, успела распространиться далее на восток до бассейна Дона, а может быть, и до среднего Дона. Она проникла также далеко на север, полностью заняла бассейн Днепра, захватила верхнее и среднее течение Двины и распространилась на озерные бассейны русского северо-запада. Однако в отличие от бассейна Днепра она на севере не имела исключительного господства, но встречалась и сталкивалась с иными культурными течениями.

Внутри днепровского бассейна погребальные памятники IX—XI вв. представляют много черт единства и в то же время вскрывают одно чрезвычайно интересное социально-экономическое явление: свидетельствуя об умеренном благосостоянии современного им населения, они в виде гнездовских (в сущности смоленских) богатых курганов, курганов черниговских и курганов окрестностей Киева, показывают, что к X в. экономическое расслоение достигло уже большого развития. Население больших городов по речным путям успело выделить класс богатых людей.

Гораздо сложнее вопрос, какими влияниями питалась эта культура? Южные могилы дают предметы, указывающие на влияние юга и востока: таковы различные предметы украшений, таковы, например, знаменитые турьи рога с серебряными ободками, добытые из Черной могилы в Чернигове, таковы наконец восточные и византийские монеты. Могилы северной области, начиная со Смоленска, дают мало предметов византийского происхождения, зато там найдено немало вещей скандинавских; в поздних курганах встречаются монеты западно-европейские. Предметы восточные, а в особенности

монеты, попадаются в изобилии, но скорее можно думать, что они проникали на русский северо-запад через Волгу, нежели через Днепр. Словом, данные погребальных памятников не дают оснований думать, чтобы днепровский речной путь был установленным торговым путем ранее IX в.

Только что очерченная погребальная культура из среднего Поднепровья тянется к северу, достигая Ильменя и Чудского озера. Другая не менее мощная погребальная культура от Приуралья простирается по средней и северной части СССР с востока на запад, достигая побережья Рижского залива. Как и первая культура, она имеет много внутренних разновидностей; их здесь так много, что естественно может возникнуть вопрос, вполне ли она едина. О ее разновидностях нам придется говорить ниже; теперь, делая ее общую характеристику, мы, как и ниже относительно первой погребальной культуры, будем останавливаться только на чертах, подтверждающих ее внутреннее единство.

Основной и самой древней формой погребального памятника этой культуры надо считать могильник без курганных насыпей или со следами насыпей очень малых размеров, притом давно расплывшихся. Такое свойство памятников делает их трудно находимыми; находкой большинства их мы обязаны случайностям: осыпанию берега реки от размыва, глубокой распашке поля и т. п. Вот почему, совершенно так же, как относительно полей погребальных урн, мы должны сказать, что большинство бескурганных могильников до сих пор остается неизвестными и при тех сведениях, которыми мы располагаем, возможно лишь очень неполно очертить территорию их распространения.

В Приуралье и Прикамье бескурганные могильники восходят к большой древности, к Ананьинской бронзовой культуре. Примыкающие к Ананьинскому более молодые могильники, например Ковловский, Пьяноборский и другие, продолжают богатую культуру Приуралья до начала железного века. В средней России это единственный случай, когда бронзовый век можно непосредственно связать с железным. В свою очередь на смену упомянутых сейчас могильников выступают новые, еще более молодые, которые относятся к средине и к концу первого тысячелетия христианской эры.

В Прикамье хронологическим преемником Пьяноборского и схожих с ним могильников является могильник «Атамановы кости» около г. Малмыжа б. Вятской губернии, датируемый А. А. Спицыным VII—VIII вв.

Далее к западу, уже на средней Волге, известен Сергачский могильник. Вниз по Волге могильники спускаются до Самарской луки, где открыт и исследован богатый могильник при с. Муранке б. Сызранского уезда и далее к югу до Саратовского края, где в последние годы П. С. Рыковым были открыты могильники того же типа, напр. Аткарский и Армеевский [1]. Особенно много подобных могильников было открыто в бассейне р. Оки. Некоторые из них были при

[1] *Рыков*, Первый Армеевский могильник. Труды секции археологии Института археологии и искусствознания РАНИОН, IV, М. 1928.

ном научно исследовании. Мы перечислим важнейшие из них: в Муромском уезде — Муромский и Максимовский, в Меленковском уезде — Урвановский, значительно далее к северу — Холуйский, в бассейне р. Клязьмы (Вязниковского уезда); Кошибеевский, в б. Елатомском уезде Тамбовской губернии; к югу от Оки — Томниковский в б. Шацком уезде, Лядинский — в 12 *км* от Тамбова и Ефаевский — по верхнему течению Мокши, в б. Краснослободском уезде Пензенской губернии. В Рязанской губернии, в направлении вверх по Оке, расположены могильники Курманский в Касимовском уезде, Старорязанский или Шатрищенский и Тырновский — в Спасском, Кузьминский, Борковский и Пальновский — в Рязанском уезде.

Для наглядности опишем одно-два погребения из Кошибеевского могильника, одного из самых богатых. «Мужское погребение. На глубине 1 арш. 2 верш. От костей осталось несколько зубов. В изголовьи железные удила, слева от головы большая медная пряжка, по груди разбросаны в небольшом количестве золоченые бусы, у таза справа железный нож, кремень и обломок огнива в виде железной пластинки, ниже — неопределенное, изоржавевшее железо, в ногах раздробленный горшок и железный кельт. Костяк головою лежал на северо-восток». «Женское погребение, в яме — в глубину 1 арш. 10 верш., в длину около 3 арш. От костяка, обращенного головой на восток, сохранились

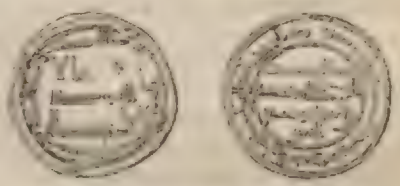


Рис. 20. *Диргем Саманидский.*

черен и части конечностей. На черепе головной шерстяной убор в виде сороки, убранной линиями из спиралек с тонкими медными бляшками. Концы украшены спиральными медными пластинками. На шее три медные гривны, распавшаяся тонкая медная гривна и ожерелье из мелких золоченых бус. На груди стремная вставленная медная бляха, средину которой составляла медная пряжка. На кисти левой руки, положенной на таз, медные браслеты, на правой руке один согнутый в кольцо остаток гривны. С правой стороны таза — пряслице. Перед подолом украшен был ремнем шириной около вершка, убранным 8 медными бляшками и в нижней части — 6 медными узкими пластинками. На ногах две медных пряжки, служившие для стягивания обуви. За ушами по медному пластинчатому браслету со спиралями в три оборота; браслеты эти, видимо, имели значение ушных привесок. Поверх костяка — тонкая деревянная настилка»[1]. Кроме обыкновенного погребения в могильниках изучаемого типа встречаются также трупосожжения; их, однако, значительно менее, чем погребений; в некоторых могильниках их нет вовсе. Датировать могильник позволяют монеты главным образом арабские VIII—IX вв. (рис. 20), реже попадаются монеты более раннего времени. Другая возможность датировки открывается из сравнения вещей, добытых из могильников, с предметами из городищ Дьяково типа: те и другие

[1] *Спицын*, Древности бассейнов рек Оки и Камы, Материалы по археологии России № 25, 55, 56, 58.

носят много черт очень близкого сходства. О влиянии юга и о ранних веках христианской эры постоянно напоминают арбалетовидные фибулы так называемого «готского» типа. Общий характер инвентаря бескурганных могильников — обилие вещей особенно при женских погребениях и массивность медных и бронзовых украшений. В области украшений можно подумать, что бронзовый век и не прекращался. О громоздкости и обилии предметов может дать понятие описанное выше женское погребение; иные из женских погребений сплошь завешаны, залиты украшениями. По своему характеру они продолжают повторять образцы того самого звериного стиля, с которым мы знакомы по бронзовому веку восточных областей.

Вот еще одна черта, которая указывает на глубокую древность и на непрерывное местное развитие изучаемой культуры. Кроме изображения зверей встречается немало украшений, привесок, бляшек и т. п., где звериный стиль доведен до последних пределов стилизации. В могильниках средней Волги замечательны также цепные подвески, иногда из золота и серебра с бисером, камнями и с симметричным рисунком явно восточного характера. Звериный стиль, массивность и наконец чисто восточные мотивы орнаментации, которые ярко сквозят в этих массивных украшениях и свидетельствуют о восточных, волжских культурных влияниях, — вот что коренным образом отличает погребальные древности изучаемых могильников от могил днепровского бассейна. О востоке, о волжском торговом пути говорят и восточные монеты, исключительно попадающиеся в могильниках.

Непосредственно на запад от Оки могильников не найдено. Тем более интересен факт существования аналогичных форм погребений в бассейне Западной Двины, в пределах б. Витебской губ. и в нынешней Латвии. Здесь типичным представителем бескурганных могильников может служить Люцинский могильник, расположенный на плоской гряде по берегу озера, близ г. Люцина б. Витебской губернии (ныне в пределах Латвии), случайно открытый и исследованный в 1890—1891 гг. Погребения и здесь находятся в среднем на 1 *м* под почвой. Костяки лежат обычно на досках, иногда с изголовьями из камней, покрытых берестой или досками, с течением времени истлевшими; трупосожжения составляют не более 12% всех погребений. Ритуал очень близок к могильникам волжского бассейна. В инвентаре есть черты отличия, но есть и несомненные аналогии. Конечно, восточные влияния чувствуются очень мало, однако стилизованные звериные фигурки встречаются и здесь. В инвентаре немало мотивов, указывающих на культурные сношения с западом, но основная черта сходства с восточными могильниками налицо — это та же громоздкость и массивность украшений. Можно подумать, что если живые представительницы народа, хоронившегося в Люцинском могильнике, наряжались во все украшения, которыми их облекали в могиле, то каждый их шаг должен был сопровождаться громким звоном бубенчиков и привесок.

В пределах прежней Витебской губернии открыто свыше 30 могильников, подобных Люцинскому. Подобный же характер носят многочисленные могильники по низовьям Двины, например Фистелен-

ский, Ашеронский и др. Близость их к Дьяковской культуре была блестяще доказана раскопками С. К. Богоявленского [1]. Сравнительный анализ инвентаря западных могильников позволяет датировать их, так же как большинство восточных, VIII — IX веками.

Итак, бескурганные могильники, вскрывающие несомненное единство погребальной культуры, прерывистой линией тянутся от Урала до Балтийского моря. На востоке они заходят за Каму и, повидимому, распространены по всей горной стороне Волги до Самарской луки; далее их граница, насколько можно судить по теперешним сведениям, уклоняется к северо-западу, захватывая бассейн Мокши и Цны и достигая Оки в пределах Рязанской губернии. Лишь «случайные находки обнаруживают ее следы в Каширском и Тульском уездах» [2]. Точно так же неясны пределы распространения бескурганных могильников на север. Наиболее северный из известных могильников — Холуйский. Возможно, что следы подобного же памятника обнаружены случайной находкой в конце XIX в. близ с. Покровского Костромского уезда: там при добывании камня на ровной площадке неподалеку от Волги были открыты остатки сожженного трупа и при них наконечник копья, наконечник стрелы и железный кельт, которые относятся к VII — VIII вв. [3] Большего пока нельзя сказать за отсутствием определенных данных, но теоретически в будущем следует ожидать, что и верхняя Волга должна дать бескурганные могильники, подобные окским.

Бескурганный могильник как форма погребального памятника, начиная с X в., уступает место курганам, которые являются общераспространенным явлением во всей северной и восточной России для времени с XI и XII вв. Только в прибалтийских землях бескурганные могильники продолжают существовать, повидимому, без изменений. По своему внешнему виду среднерусские курганы представляют небольшие насыпи, то рассыпанные мелкими группами, то сосредоточенные вместе целыми сотнями. Они охватывают все междуречье Оки и верхней Волги, идут до Финского залива, Ладожского озера и бассейна Двины на севере, до камского бассейна и среднего Заволжья на востоке; на горной стороне Волги они заходят в Саратовскую губернию, а к юго-западу незаметно сливаются с курганами рассмотренной нами выше днепровской погребальной культуры. В них, как, впрочем, и в днепровских курганах XI и XII вв., погребение имеет явный перевес над сожжением, неуклонно его вытесняет, становясь к концу курганной эпохи единственной формой похорон. Не останавливаясь на мелких разновидностях малых курганов русского северо-востока, мы дадим один-два примера описания курганов, типичных для Московской и лежащих от нее к северу губерний: «Высота 1 *м* 25 *см*; окружность около 30 шагов. На глубине 1,25 *м* (т. е. на уровне почвы) — скелет, покрытый тонким слоем перегноя, который с левой стороны костяка загибается вниз

[1] *Богоявленский*. Раскопки в Лифляндской и Курляндской губерниях летом 1896 г., Труды X археологического съезда, III.

[2] *Черепнин*. О рязанско-окских могильниках, Труды X археологического съезда, I, 39.

[3] Археологические известия и заметки, 1894, 358 — 360.

и идет под ним. Длина скелета 1,60 м. Направление — головой на WNW. Около нижней челюсти, с правой стороны, четыре тонких бронзовых колца и с левой — два. На груди у шеи на бронзовой проволоке овальная бронзовая пластинка и зуб, просверленный в корне. Рядом с амулетом железный предмет неопределенной формы. На груди ожерелье из стеклянных зеленых бусин и одна раковина. На груди, у локтя правой руки, железный нож. На каждой руке по пластинчатому перстню с расширением на середине. На правой руке несомкнутый пластинчатый браслет из плохого серебра, на левой — бронзовый несомкнутый браслет. Руки и ноги вытянуты. В ногах небольшой горшок, под которым заметны следы бересты»[1]. Таково погребение XI в. на рубеже бассейнов верхней Волги и Оки. Вот другие курганы, раскопанные в бассейне Шексны.

«Высота курганов $1^1/_2$ арш. В одной насыпи найден скелет, обращенный на юго-запад; при нем были найдены: у левой руки два наконечника стрел, у правой руки топор, около поясничных позвонков гладкий круглый медный браслет, кремень и изогнутая проволока, на расстоянии 1 арш. с правой стороны — грубый горшок с углем. В другом кургане, на глубине 2 арш., т. е., повидимому, уже в материке, открыт скелет, лежавший головой на юг и при нем тоже: в ногах развалившийся горшок с углем, на шее витая гривна, ожерелье из бус, 12 малых височных колец, 2 широких пластинчатых тонких браслета, 7 ручных колец с витою передней частью и один перстень, на поясничных костях 5 подвесок (в числе их — уточка, собачка и петушок). Самой интересной находкой при этом скелете является богатый и редкий подбор подвесок к ожерелью — кресты, медальоны и образки с изображением Богоматери и Николая чудотворца»[2].

Если не принимать во внимание бесчисленные варианты инвентаря, то описанные погребения могут дать некоторое представление о курганах самой поздней археологической эпохи на востоке и северо-востоке от бассейна Днепра.

Можно поставить вопрос: сопровождала ли перемена в форме и характере погребальных памятников перемену в составе населения? На это можно дать частичный ответ, главным образом относящийся к местности, где соприкасались погребальная культура Днепра, с одной стороны, Волги и Оки — с другой. Так, по южному берегу Оки, в окр. Рязани, т. е. как раз там, где в VIII — IX вв. и ранее несомненно существовала погребальная культура могильников, в X — XI вв. насыпали курганы, инвентарь которых в мелочах воспроизводит инвентарь некоторых видов курганов верхнего Поднепровья, а отчасти повторяет даже инвентарь курганов Минского края. Здесь возможно предположить, что древнейшее население в известный момент отступило перед новыми пришельцами. В других местностях такой вопрос возможно осветить, только принимая во внимание характер городищ.

---

[1] *Богоявленский и Готье*, Елизаровский могильник, Древности, XIX, вып. II, 65.

[2] Материалы по доисторической археологии России, Новгородская губерния, курганы Белозерского уезда. «Записки Русского Археологического о-ва», Новая серия, VIII, вып. I, 160 — 162.

Городища Дьякова типа заходят далеко на юго-запад в Калужскую губернию, а может быть, и далее. А между тем от верховьев Десны и ее притоков до самой Москвы встречаются только курганные погребения, причем к западу и к югу от Москвы инвентарь курганов в общем близок курганам верхнего бассейна Днепра, и только к востоку от него громоздкие и массивные вещи, добываемые из курганов, находят аналогию с вещами более древних могильников. Это наводит на мысль, что и здесь мы имеем дело с постепенным сдвигом старого населения с юго-запада на северо-восток.

Когда же исчезли курганы? До какого времени на территории обеих больших погребальных культур продолжался обычай погребать покойников в курганах? Непосредственные следы старого язычества, выражавшиеся в сожжении, исчезают уже к XI в. Но курганы с погребением как показывают многочисленные исследования, сделанные и в днепровском и в волжском бассейнах, показывают, что старые погребальные обычаи были очень живучи и что курганы, а с ними вместе и археологическая эпоха, исчезают не ранее XIII — XIV вв., дожив в глухих местах и до более позднего времени.

Южные области СССР также знали курганы самой поздней археологической поры. На всем огромном пространстве степей от Днестра и Бута до Урала на смену бесчисленным курганам более раннего времени, оставшимся от скифов, сарматов и их неведомых предшественников, и вперемежку с ними насыпались новые могилы, внешне похожие на них, но существенно отличающиеся от них по устройству и инвентарю. Общая картина погребения такова. Скелеты в дубовых гробах-колодах лежат головами на запад в грунтовых ямах или же в самой насыпи. При погребении всегда неизменно находится один остов лошади, по всем признакам убитой здесь же на месте. В некоторых случаях вместо целого костяка лошади лежат только части его, чаще всего голова и ноги, причем ноги лежат всегда правильно, а голова у западного конца гроба. При мужских погребениях инвентарь всегда состоит из оружия — остатки луков и узких и длинных колчанов из бересты, наконечники железных стрел и копий, ножи, кинжалы, перержавевшие железные доспехи — шлемы и кольчуги, остатки седел с украшениями из костей, стремена, наборы уздечек и т. п. Но самым типичным предметом вооружения, который почти всегда встречается в этих погребениях, надо считать длинную кривую саблю, без остатка вытеснившую обоюдоострый меч древних курганов этой местности. Очень часто такие погребения воинов-всадников, носивших железные доспехи и кривые сабли, находят в курганах гораздо более древних, нежели данное погребение. Более поздние люди пользовались готовыми насыпями и устраивали в них похороны, вырывая яму в грунте под боковой частью кургана или помещая покойника с оружием и копьем в самой курганской насыпи.

Женские погребения этого типа встречаются реже, чем мужские, и притом не во всех местностях нашего юга. Инвентарь их богат и оригинален тем, что в нем встречаются вещи, совсем неизвестные в более древних могилах, вроде украшений из кораллов, а с другой стороны, наоборот, предметы очень древнего характера: зеркала,

похожие на зеркала скифских могил, серебряные, иногда со следами позолоты бляшки с стилизованными изображениями зверей для нашивки на одежду. Бляшки и по своему виду и по назначению также напоминают бляшки скифских курганов. С другой стороны, нередко попадаются массивные серебряные серьги и тонкие височные кольца, известные из курганов среднего Поднепровья X — XII вв. Характерно отсутствие при этих погребениях глиняной посуды; керамики нет вовсе. Предметов, которыми можно было бы датировать эти погребения, почти нет, но несколько единичных монет, которые в них попадались, относились к XII и даже к XIV вв. Мужские погребения дают ясный облик воинов-всадников; в женских — характерны заимствования от соседней днепровской культуры и вместе с тем предметы, устойчиво хранящие и повторяющие мотивы, издавна распространенные среди жителей южных степей. Думается, что нет надобности прибегать к натяжкам, чтобы убедиться, что в людях, оставивших такие погребения, мы встречаем кочевников, населявших южно-русские степи, начиная с появления в них печенегов и до прихода татар.

Нам остается рассмотреть еще одну погребальную культуру, которая не укладывается в рамки предшествующего обзора. Памятники этой культуры занимают сравнительно небольшую территорию между северо-западной границей курганов днепровской культуры и бескурганными могильниками нижнего течения Западной Двины. Пределы их распространения почти совпадают с бассейном реки Немана, захватывая сверх того пространство прежней Ковенской губернии и западной Курляндии и простираясь в сторону Восточной Пруссии. Их насыпи невысоки, не выше 0,7 — 1,4 *м*; в основании они более 10,6 — 12,8 *м*, причем низ их укреплен одним или несколькими рядами камней. Они встречаются большими группами - десятками и даже до сотни. В них встречается исключительно обряд сожжения. «Остатки трупосожжений лежат на поверхности горизонта, в центре кургана, и состоят из слоя золы и угля, на котором расположены отдельные кости и остатки вещей»[1]. Сожжение в большинстве случаев производилось на стороне. Кругом курганов обычно идет ров. Наиболее характерными и постоянными чертами могильного инвентаря являются вещи из железа, отличающиеся чрезвычайно тонкой и тщательной работой. Это топоры, прямые и узкие, типа, встречающегося в Восточной Пруссии и нигде не попадающегося в России, наконечники копий и дротиков, бляхи, украшающие средину щита (умбо), чрезвычайно изящные стремена, железные поясные бляхи, украшенные мелким чеканом из тонких линий. В более поздних курганах попадаются также железные шпоры и железные серпы с длинной рукоятью, сильно изогнутым к рукоятке лезвием и загибающимся острым концом. Медные и бронзовые предметы (пряжки, фибулы, браслеты, перстни) представляют формы мало оригинальные. При некоторых кострищах найдены горшки и черепки от них. Кос-

[1] *Спицын*, Предполагаемые литовские курганы, Зап. русского археологического о-ва, новая серия, т. VIII, Труды отделения славянской и русской археологии, кн. 1, 103.

где есть вещи, аналогичные с вещами сравнительно недалеко расположенных могильников Лядинского типа. Этой аналогией можно предположительно датировать древнейшие из описываемых курганов, относя их примерно к VIII — IX вв. Исключительное господство сожжения, преобладание оригинальных железных предметов, имеющих черты аналогии с находками в Восточной Пруссии и некоторое сходство с Лядинским могильником, — вот наиболее характерные черты последней из погребальных культур, подлежащих нашему рассмотрению.

Третьим основным видом вещественных памятников археологического характера являются клады. Клад есть собрание ценных предметов, которые были в свое время спрятаны в землю с тою целью, чтобы никто не нашел их кроме зарывшего. Часть зарытых таким образом ценностей никогда не была отрыта положившими их и осталась в земле до тех пор, пока не была случайно найдена в наше время. Находка клада всегда случайна, и с этой точки зрения клад не отличается от всякой иной случайной находки, которую нельзя предусчесть, но которая в иных случаях может иметь известное научное значение. Однако число кладов, найденных на территории СССР, настолько велико, что вполне возможно попытаться дать общую характеристику состава кладов и их распределение по отдельным местностям нашей страны. Сделав это, мы получим возможность сделать кое-какие выводы.

Рис. 21. *Идол из Галицкого клада.*

Прежде всего клады можно разделить на два главных вида: клады, заключающие драгоценные предметы утвари и украшений, и клады монетные. С первым из этих двух видов мы уже встречались. Припомним бессарабский Бородинский клад, давший драгоценнейшие предметы раннего века металлов, клад Новочеркасский, где были найдены драгоценнейшие предметы эллино-варварской культуры начала христианской эры, и клад Перещепинский с его византийскими и персидскими вещами VI — VII вв. Выше мы не раз отмечали и то научное значение, которое имел каждый из этих кладов: например, Перещепинский клад служит маяком для освещения, может быть, самой темной эпохи в истории русского юга в века, непосредственно следовавшие за великим переселением.

Совершенно такое же значение маяков имеют и некоторые из более северных кладов. Так, в 1835 г. около с. Туровского близ г. Галича Костромской губернии, в откосе высокого берега р. Лыкшинки, был найден клад из бронзовых предметов. Часть этого клада разошлась по рукам, но другая часть, переданная тогда же в Московское общество истории и древностей российских, хранится в настоящее время в московском историческом музее. Отдельные предметы из того же клада имеются также в собраниях Костромского архив-

ной комиссии. Клад состоял из медных изображений человеческих фигур (фиг. 21) и животных, топоров, кинжалов, ножей и различных украшений вроде браслетов, привесок, а также обломков керамики фатьяновского типа. Значение клада заключается в том, что он содержит ряд предметов, которые восходят к раннему веку металлов и которые продолжали иметь, вероятно, религиозно-обрядовое значение, пока не были зарыты в землю, что могло иметь место и в самую позднюю археологическую пору.

В 1888 г. Н. Н. Булычевым в валу Мощинского городища (Дьякова типа) Мещовского уезда Калужской губернии открыт клад, состоявший из 12 бронзовых браслет, бус и из нескольких отлично сохранившихся бронзовых вещей с эмалью, в том числе больших ажурных пряжек, фигурных подвесок и серег, а также предметов конского убора, фигурных удил, наборов узды и т. п. Клад интересен тем, что вещи носят большое сходство с южнорусскими предметами так называемого готского стиля. Если они и не так древни, как это думают некоторые исследователи, то все-таки они неоспоримо доказывают, что в самую глухую для нас пору, в V—VIII вв., в дебри верхней Оки проникали с юга культурные влияния, иначе говоря, существовал торговый обмен с бассейном среднего Днепра или с бассейном Дона (рис. 22).

Рис. 22. *Предметы из Мощинского клада.*

Одним из украшений Ленинградского Эрмитажа служит единственная в мире коллекция древне-персидских Сассанидских блюд (рис. 7). Большинство их происходит из находок, сделанных в разных местах в Приуралье, особенно в прежних Строгановских вотчинах. Каким образом могло случиться, что эти драгоценные вещи V — VII в. хр. эры в таком большом количестве попали в отдаленные уголки бассейна Камы? Сохраненные в кладах, они доказывают, что и в эти века существовал торговый обмен между местным населением охотников и звероловов и цивилизованным юго-востоком и что волжский тор-

ный путь как ранее, так и в более близкое к нам время продолжал быть экономической артерией русского Востока.

Особенно много предметных кладов относится к домонгольскому периоду русской истории. И здесь не случайно разбросаны они по территории Киевской Руси. На площади г. Киева в течение XIX в. было найдено до 12 богатейших кладов с золотыми и серебряными вещами нередко высокохудожественной работы. Их находили в самых различных местах — в кучах, в глиняных горшках, в развалинах древних зданий и просто в земле. В них были находимы священные сосуды, светские украшения — диадемы, гривны, привески, очень часто покрытые эмалью тонкой византийской работы. Несколько подобных кладов было найдено в пределах б. Киевской губернии, например в б. Каневском и Черкасском уездах; такие же клады, но в меньшем количестве дали другие большие города домонгольской Руси — Чернигов, Владимир. Даже захолустная по тому времени Рязань дала изумительный по богатству и интересу клад 1822 г., состоящий из 11 круглых золотых блях, украшенных цветными камнями и филигранью, 6 декоративных медальонов такого же характера, 3 медальонов плоских и 1 образка-тельника с эмалевыми изображениями, частью византийской работы, отлично сохранившихся, частью работы русской, поблекших и выцветших, бус, браслета, золотых перстней и мелких золотых блях. Рязанский клад лучше всего дает возможность отгадать, при каких условиях подобные предметы зарывались в землю. Клад найден в городище Старой Рязани (Спасского уезда), на месте древней столицы Рязанского княжества, сожженной татарами в 1237 г. и с тех пор безвозвратно исчезнувшей из числа русских городов. Клад, содержавший часть сокровищ рязанских князей, должен был быть зарытым в момент последней смертельной опасности, когда татары обложили город и готовились его брать. Наверное можно сказать, что аналогичное происхождение имеют и другие такие же клады — киевские, черниговские и иные. Их более всего в Киеве, потому что и в дотатарское время это был самый богатый русский город. Происхождение кладов объясняется все тем же, т. е. страхом перед погромом и разграблением города. Бурная история этого города с половины XII в. наводит на мысль, что там клады могли зарывать и до татар. Тем не менее большинство их было, несомненно, зарыто перед разорением 1240 г., во время которого погибло и большинство людей, знавших, где были спрятаны сокровища. Очень характерно, что таких богатых кладов не дали большие города домонгольской Руси, которые не подвергались татарскому погрому, например Смоленск и Новгород. Описанные сейчас клады позволяют сделать и другой вывод, который приобретает особенную силу, если сопоставить клады с богатыми погребениями в окрестностях больших городов вроде Киева, Чернигова или Смоленска. В этих городах несомненно были сосредоточены большие богатства; буржуазные слои их населения были относительно очень богаты и классовое расслоение в древней Киевской Руси должно было ко времени ее гибели в XIII в. уйти далеко вперед.

Монетные клады вскрывают другую картину. Если ограничиться первыми 12 веками христианской эры, то прежде всего нужно ска-

зать, что монетных кладов с одними византийскими и западно-европейскими монетами почти совсем нет. И те и другие встречаются отдельно и в сочетании с разными иными предметами. При этом византийские монеты в волжско-камском бассейне заходят гораздо далее на север, чем в бассейне днепровском, где на верховьях они встречаются очень редко. Монеты западно-европейские единично и малыми группами встречаются в западной части СССР и в центральной ее полосе до междуречья Оки и Волги включительно, но опять-таки в сочетании с другими археологическими предметами, например в погребениях. Монетные клады в собственном смысле этого понятия содержат преимущественно восточные монеты. Территория, ими охватываемая, обнимает почти всю Европейскую часть СССР за исключением только некоторых северных и западных окраин; но особенно много их вдоль Волги и Камы. По Волге они доходят до самых ее верховий. Клады восточных монет были находимы в Старицком и Ржевском уездах. Полоса кладов от верховьев Волги и ее левых верхних притоков тянется далее на северо-запад до Балтийского моря, обнимая 6 губерний Новгородскую, Ленинградскую, Псковскую, Витебскую и весь Балтийский край. Клады восточных монет были находимы и в днепровском бассейне вплоть до верховьев этой реки, хотя и в несколько меньшем количестве, нежели по Волге. Гораздо менее восточных монет найдено к западу от Днепра, а также в пространстве между Днепром и Волгой, в частности в бассейне Дона и Оки. Менее всего попадается их в укромных уголках вдали от речных путей. Восточные монеты, встречающиеся в пределах СССР, как в составе кладов, так и отдельно, в громадном большинстве относятся к VIII, IX и X вв. (рис. 23). Лишь очень немного монет старше этого периода — это преимущественно Сассанидские монеты V — VII вв.

Рис. 23. *Дирхем аббасидский.*

Из этого краткого очерка кладов можно сделать несколько предварительных выводов. Монетные клады обязаны своим происхождением торговле и притом торговле, уже носившей денежный характер. Торговля велась с востоком, причем особенно большое значение имел именно волжский путь, который волоками соединялся с Озерным краем и доходил до Балтийского моря. Обилие восточных монет в этом крае ясно доказывает, что какие-то люди в VIII — XI вв. вели здесь торговлю с востоком. Путь днепровский, для сквозной торговли по Ловати и Волхову до Балтийского моря, или был менее посещаем, или им стали пользоваться позднее, — вот что неопровержимо говорят нам русские клады.

Только в XI в., т. е. почти на исходе археологической поры, появляется у нас письменность. С этого времени наши летописи, памятники юридические, вроде «Русской правды», и памятники канонические становятся могучим средством для разгадки явлений быта,

открываемого вещественными памятниками. Однако до XI в. приходится для этой же цели прибегать к письменным памятникам стран соседних. В предшествующих отделах приходилось последовательно обращаться к письменным источникам—греческим, римским, византийским, восточным. Несмотря на то, что глухая и темная жизнь в средине и на севере восточно-европейской равнины протекала вдали от цивилизованных стран юга, нам все-таки и теперь придется обращаться к письменности этих стран, начиная с Геродота. Но для внутренней русской равнины, особенно в позднюю пору,— перед началом исторической жизни в отдельных ее областях, придется для возможно более полного освещения происходивших там процессов обращаться, кроме памятников молодой русской письменности, также к преданиям, сохранившимся в памяти народов северной Европы; кое-что найдется и у западно-европейских летописцев.

Однако и письменность, поскольку она может быть использована для освещения историко-бытовых процессов внутри нашей страны в эпоху, предшествующую основанию первого русского государства, все-таки не в состоянии вполне осветить то, что смутно приоткрывают вещественные памятники. Вот почему неизбежно пользование всеми вспомогательными средствами, какие нам может предоставить современная наука. К помощи лингвистики мы уже обращались, говоря о жизни славян в их древнейшей родине и о первых шагах их расселения по восточно-европейской равнине. К этому же средству придется обратиться, когда речь пойдет о взаимных отношениях славян и многочисленных финских племен, с которыми первые встретились к востоку от Днепра.

Что же касается быта как славян, так и финнов, то устойчивость некоторых бытовых явлений и пережитки прошлого, упорно сохраняющиеся в постоянно обновляющейся жизни, позволяют находить объяснение форм быта, открываемых археологическими памятниками, в некоторых обычаях и верованиях, все еще сохраняющихся в современной народной жизни и ведущих свое происхождение от далекого прошлого. Этим определяется необходимость прибегать для объяснения археологического быта к наблюдениям и выводам современной этнологии.

ГЛАВА VI.

ФИННЫ.

Предшествующий обзор археологических памятников средних и северных областей нашей страны привел нас к установлению существования двух основных археологических культур, существовавших на широкой восточно-европейской равнине в первое тысячелетие христианской эры. Не входя пока в рассмотрение более мелких разновидностей обеих и только противополагая их в целом, можно сказать, что одной из них принадлежал запад и юго-запад, другой—север и восток. Первая, юго-западная, обнаруживающая стремление охватить весь бассейн Днепра, в своих древнейших проявлениях сближается с культурой погребальных полей и, следовательно, с Геродотовыми неврами. Вторая обнимает бассейн верхней и средней Волги и значительную часть бассейна Дона и в то же время распространяется далеко на север. История застает в этом безбрежном крае финнов, распадающихся на две большие ветви, из которых каждая в свою очередь делится на более мелкие племена. Нет никаких оснований думать, что финны появились в этой стране незадолго до начала исторической жизни в средней и восточной части СССР. Напротив, вещественные памятники указывают на долгое и более или менее спокойное господство однообразной примитивной культуры; она должна была принадлежать тому же самому народу, который жил здесь в то время, когда о нем впервые заговорили русские летописи и норманские саги. Прежде чем возвратиться к вопросу памятников вещественных, небесполезно осветить вопрос о туземцах восточной и северной части русской равнины редкими известиями, которые сохранились у древних писателей.

И здесь исходной точкой отправления будут сообщения Геродота. Рассказывая о северных соседях скифов и описав невров, Геродот говорит, что за скифами-земледельцами, занимающими край в 11 дней пути вверх по Борисфену, «на широкое пространство раскинулась пустыня». За пустыней живут андрофаги (людоеды), особое племя, совсем не скифское. Выше них лежит уже настоящая пустыня и там не живет, сколько нам известно, ни одно человеческое племя»[1]. К андрофагам, как, впрочем, и к другим северным соседям скифов, Геродот возвращается для описания их обычаев. «Из всех людей,—говорит он,—андрофаги имеют самые дикие нравы:

[1] *Геродот*, IV, 18.

они не признают правды и не знают никаких законов. Они ведут кочевую жизнь, носят одежду, похожую на скифскую, но имеют особый язык; они одни из этих племен едят людей»[1]. К северу от царских скифов, т. е. к востоку от андрофагов, обитают меланхлены (черноризцы), «особое нескифское племя. Выше меланхленов, насколько мы знаем, лежат озера и безлюдная пустыня»[2]. «Меланхлены все носят черные одежды, а образ жизни у них скифский»[3]. «За рекою Танаисом (т. е. еще далее к востоку, чем земля меланхленов—*Ю.—Г.*) уже нескифская земля; первый из тамошних участков принадлежит савроматам, которые, начиная от Меотийского озера, занимают пространство в 15 дней пути к северу; во всей этой земле нет ни диких, ни садовых деревьев. Выше савроматов, на втором участке, живут будины, занимающие местность, сплошь покрытую разнородным лесом. Выше будинов, к северу простирается пустыня на 7 дней пути, а за пустыней, более в направлении к востоку, живут тиссагеты, племя многолюдное и особое; живут они охотою»[4]. Далее идет перечисление других племен, живших вдоль той большой караванной дороги, которая от ворот Ольвии доходила до страны аргиппеев, исседонов и аримаспов, обитавших где-то за Уральским хребтом, в западной Сибири.

«Будины — большое и многочисленное племя, все голубоглазы и рыжеволосы. В их земле есть деревянный город, по имени Гелон; городская стена с каждой стороны имеет в длину 30 стадий; она высока и вся построена из дерева; дома их и храмы тоже деревянные. Там есть святилища эллинских богов, по-эллински снабженные кумирами... и в честь Диониса они через каждые два года совершают празднества с оргиями.

Дело в том, что гелоны по происхождению эллины, выселившиеся из торговых городов и поселившиеся в земле будинов; говорят они то по-скифски, то по-эллински. Будины говорят не на одном языке с гелонами и образ жизни их не одинаков; будины, исконные обитатели страны, ведут кочевой образ жизни и одни из жестных племен питаются сосновыми шишками, а гелоны, напротив, занимаются земледелием, имеют сады и нисколько не похожи на будинов ни сложением, ни цветом кожи. Вся страна будинов покрыта разнородными лесами; в самом большом лесу есть большое и многоводное озеро, окруженное трясиною и тростником. В нем ловятся выдры, бобры и другие звери, с четыреугольными мордами; их меха употребляются на опушку кафтанов»[5]. О будинах есть у Геродота еще одно известие. Оно говорит о том, что невры, покинув свою страну, будучи теснимы змеями, «поселились вместе с будинами»[6], т. е. стали их соседями или даже потеснили их.

В свое время мы говорили, что в истине этого известия сомневался, может быть, сам Геродот; тем не менее для географии земли

---

[1] *Геродот*, IV, 106.
[2] Там же, 20.
[3] Там же, 107.
[4] Там же, 21, 22.
[5] Там же, 108, 109.
[6] Там же, 107.

будинов оно может иметь значение. Над определением и точным географическим размещением северных и северо-восточных соседей скифов современная наука трудилась очень много, но результаты многочисленных и остроумных соображений остаются до сих пор гадательными и сомнительными. Во всяком случае вопрос о будинах, меланхленах и андрофагах расследован гораздо менее, нежели вопрос об их западных соседях—неврах. Мы думаем, что бесполезно вдаваться в подробный анализ Геродотовых сообщений об интересующих нас сейчас народах. Ведь мы знаем, что сам Геродот у андрофагов и будинов не был, и у нас всегда остается сомнение о качестве тех источников, из которых Геродот черпал свои известия о туземцах, живших в глубине материка. Единственно, что возможно,—это схватить общий смысл его сообщений.

На север и северо-восток от скифов и на восток от неврон живут андрофаги, меланхлены, будины и гелоны. При ближайшем рассмотрении эти народы разнятся один от другого, даже если откинуть их оригинальные свойства, сообщаемые Геродотом. Будины—единственные, о которых говорится как о большом племени; остальные значительно меньше. Андрофаги, наиболее баснословные по своим свойствам, живут отделенные громадными пустынями от всех соседей. В частности они вовсе не соседи скифов; между теми и другими тянется на далекое пространство пустыня. Иначе сказать, этот баснословный народ помещается где-то далеко и вне определенного пространства; указывается только направление, в котором он обитает. Черноризцы живут рядом со скифами, и хотя они особое племя, «но образ жизни у них скифский». Из четырех племен, о которых идет сейчас речь, это самые близкие к скифам. Вспомним, что черные плащи много веков после Геродота составляли обычную одежду не только степняков, но даже жителей греческих городов. Их малочисленность заставляет видеть в них одно из племен лесостепи, подвластное «царским» скифам и даже, может быть, входившее в состав их державы. Гелоны, по мнению Геродота,—эллинские выселенцы в землю будинов; город Гелон не что иное, как торговая фактория греков, расположенная где-то в глубине страны. Иных известий об этой фактории мы не имеем, но раз существовала караванная дорога через страну скифов, савроматов и будинов, ведшая далее на северо-восток, то на ней могла быть и греческая фактория. Если она археологически до сих пор не обнаружена, то возможность этого не закрыта в будущем, а рассеяние греческих предметов, простирающееся до области Камы, косвенно подкрепляет предположение о возможности существования промежуточного торгового пункта между черноморским побережьем и Поволжьем, пункта, где временно могли торговать приезжие греки.

Остаются будины. Повидимому, по мнению Геродота, они жили в двух направлениях от греческих городов. Первое, по большой сухопутной караванной дороге, намечено им совершенно ясно: они обитают за савроматами в лесистых местах, т. е. где-то в среднем Поволжьи. Пространство, ими занимаемое, вероятно очень велико: Геродот даже не определяет его количеством дней. Только пройдя страну будинов, караванная дорога вступает в семидневный путь

но пустые, т. е., вероятно, по зауральской степи, ведущей к тиссагетам. Другое направление, по которому можно было достигнуть будинов, только намечено Геродотом: невры переселились к будинам. Это могло случиться только там, где оба племени жили неподалеку один от другого, т. е. где-то в области среднего Днепра или несколько к востоку от него. Путь вверх по Днепру, если и не очень хорошо известный приморским грекам, все же был одной из дорог внутрь страны, по которой кое-какие известия о жизни внутри страны доходили до побережья. Этот торговый путь, вероятно, и принес известие о переселении невров в край будинов. Если известие о причинах, заставивших невров-славян продвинуться в страну будинов, и не выдерживает критики, то самый факт такого продвижения вполне возможен: это первое известие о поступательном движении славян к востоку и северо-востоку. В этом движении они наткнулись на народ будинов, пределы расселения которых, начинаясь где-то неподалеку от Днепра, простирались до Волги, Камы и Урала. Будины, следовательно, были на самом деле «большим и многочисленным народом», по крайней мере по понятиям того времени. Народ этот занимал все лесистое пространство нашей страны к северо-востоку от среднего Днепра и к северу от донских и приволжских степей, отделенный от скифов савроматами на низовьях Дона и меланхленами-черноризцами где-то примерно в Донецкой лесостепи. Антрофаги единком баснословны и по их характеристике и по неопределенности их территории, чтобы серьезно принимать их во внимание при разборе известий Геродота. Итак, существование большого и единого племени, живущего к северу от степей от Днепра до Волги, а может быть и до Уральских гор,— вот основной факт, который мы можем почерпнуть из сочинения Геродота и который мы можем считать нашим положительным приобретением.

Чтобы вновь найти известие о подобном народе, надо сделать скачок в несколько веков и, минуя осторожного Страбона, который о внутренних областях теперешнего СССР ограничивается одной фразой[1], остановиться на сочинении Тацита о Германии. «Я сомневаюсь,—говорит он,—причислить ли племена певкинов, венедов и феннов к германцам или к сарматам. Венеды заимствовали многое из обычаев певкинов (их Тацит считает германцами.—*Ю. Г.*), ибо они (т. е. венеды-славяне.—*Ю. Г.*) простирают свои разбойничьи набеги на все леса и горы, возвышающиеся между певкинами и феннами. Феннія отличается необыкновенной дикостью и отвратительной нищетой: у них нет ни оружия, ни коней, ни пенатов; пищею им служит трава, одеждою—шкуры, ложем—земля; вся надежда у них на стрелы, для острия которых за неимением железа употребляют кости. Одна и та же охота кормит как мужчин, так и женщин, всюду сопровождающих мужчин и требующих части добычи. Для детей нет другого убежища от диких зверей и от дождей, как укрываться

[1] «Вся северная страна от Германии до Каспия, насколько мы знаем, представляет равнину; живут ли какие-нибудь народы выше роксаланов, нам неизвестно» (*Страбон*, VII, III, 17).

в шалашах из сплетенных ветвей. Сюда возвращаются юноши, здесь же пристанище стариков. Но это они считают бо́льшим счастьем, чем трудиться на полях, работать в домах и делать свою и чужую судьбу игралищем надежды и страха. Безопасные от людей, безопасные от богов, они достигли самого трудного в жизни: у них нет нужды даже желать чего-нибудь!» [1]

Это сообщение не что иное, как «сказание» о баснословном далеком народе, дикость которого кажется особенно сильной далекому жителю тогдашнего центра цивилизации—Рима. Однако в сообщении Тацита можно, как и в сообщении Геродота, уловить основное зерно истины. За германцами и венедами живут на громадном пространстве «фенны»—народ звероловов, укрывающийся в лесах. Народ этот, которого Тацит называет тем именем, которое потом за ним укрепилось в истории, занимает почти ту же территорию, которую, вдумываясь в известия Геродота, можно отвести будинам. Еще одна маленькая подробность. Из обзора археологических памятников центральной и восточной части СССР нам уже известно то развитие, которое в доисторическое время получили здесь костяные изделия. И до Тацита дошла эта характерная черта быта далеких «феннов», и он говорит, что стрелы—их единственное по его мнению оружие—выделывались исключительно из костей.

Нам уже приходилось рассматривать известия Птолемея о народах, населявших страну, которую он называет европейской Сарматией, и выяснять причины, почему его сообщения кажутся нам во многих отношениях не вполне удовлетворительными. Он, как и Тацит, упоминает о финнах, которых он первый именно так и называет, но он причисляет их к «менее значительным» племенам и помещает их где-то около Вислы, в соседстве с гифонами (готами), сулонами и фругундионами [2]. Стремясь поместить в Сарматии все народы, имена которых известны были и ему и его предшественникам, и имея в то же время не совсем правильное представление о географических очертаниях Восточной Европы, он, может быть, уловил только крайний западный уголок распространения финских племен.

До конца римского имперского периода далекие и слишком мало известные финны представлялись классическому миру единым племенем, о котором в сущности и было известно почти только его название. Только в VI в. в сказаниях Иордана о судьбах готов проглядывают смутные сведения об отдельных племенах, на которые у себя на родине распадались финны. То место сочинения Иордана, где он называет имена народов, подвластных Эрманариху, царю готов, в общем остается, несмотря на труды, потраченные на его объяснение, очень неясным, но указываемые им отдельные имена совершенно ясны, и в его Thuidos, Merens и Mordens [3] ясно видны названия отдельных финских племен как западных, так и восточных, которые становятся так хорошо известны в более поздние времена.

---

[1] *Тацит*, Германия, 46.
[2] *Птолемей*, III, V, 8.
[3] *Иордан*, Гетика, XXIII.

Дальнейшие подробности о финнах приходится искать в источниках, современных уже истории внутренних областей Восточной Европы. Так известное нам письмо хазарского царя Иосифа, относящееся к X в., называет в числе племен, подвластных хазарам, финские племена «арису»—эрзя, «армиса»—черемисов[1].

Еще более подробные сведения о финских племенах содержит наша древнейшая летопись, с данными которой нам придется встретиться при исследовании вопроса о передвижениях и переселениях отдельных финских племен. Пока можно сказать одно. С самого древнего времени, когда пытливые взгляды цивилизованных людей античного мира впервые устремились на туманные дебри Восточной Европы, они смутно, но верно заметили там существование большого племени, раскинувшегося на очень большое пространство. Перед наступлением христианской эры за этим племенем уже укрепилось его историческое название. Еще позднее на фоне целого племени, соседние народы стали различать отдельные части, входившие в его состав.

Так существование финнов, как насельников большей части внутренних, лесных областей теперешнего СССР, можно, опираясь на исторические источники, довести до V века до хр. эры. Археологические данные не только подтверждают такой вывод, но дают еще гораздо больше. Опираясь на них, мы можем теперь сказать, во-первых, что широко раскинутая и интересная археологическая культура, характеризуемая городищами Дьякова типа и бескурганными могильниками, принадлежит финскому племени. Во-вторых, и это, может быть, самое важное, что финны жили в этих местах с незапамятных времен. В предшествующей главе мы уже говорили о сходстве устройства городищ Дьякова типа и некоторых находимых в них отдельных предметов, с одной стороны, и более древних «костеносных» городищ Прикамья, современников Ананьинского могильника,—с другой.

Такие же черты сходства в ритуале и обстановке позволяют установить цепь преемственности, связывающую бескурганные могильники первого тысячелетия христианской эры с более древними могильниками средней Волги и нижней Камы, которые в свою очередь имеют близкую связь с культурой Ананьинского могильника. Так финская культура протягивается по крайней мере на тысячелетие назад ко времени Геродотовых будинов.

В свое время, при анализе бронзовых культур центральной и восточной части СССР, мы указывали и на отдельные, может быть, поверхностные, черты их взаимного сходства и на то обстоятельство, что отдельные явления Сейминской бронзовой культуры, например венчики из металлических украшений, которыми снабжены некоторые из черепов младшего Волосовского могильника, напоминают обстановку бескурганных финских могильников позднего железного века. Если эти наблюдения подтвердятся и будут расширены будущими исследованиями в этой области, то мы получим твердое обоснование того, что теперь является только предположе-

[1] Еврейская библиотека, VII, 161.

нием, а именно, что не кто иной, как финны, были носителями не только Ананьинской, но также—Сейминской и Фатьяновской культур, а следовательно, были обитателями Средней и Восточной России со времен неолита [1].

Одним из самых ярких показателей древности финской культуры и финского племени на тех местах, где застает их история, надо, по моему мнению, считать Галицкий клад 1835 г. (рис. 20). Керамические обломки, медный топорик, бронзовый кинжал и некоторые отдельные преимущественно мелкие предметы несомненно восходят к бронзовому веку. Основываясь на этом, специальные ученые исследователи относят Галицкий клад ко времени Фатьяновской культуры, т. е. к началу бронзового века [2]. Однако новейшее исследование В. А. Городцова приурочивает клад к самому концу бронзового века,—к началу первого тысячелетия до христианской эры [3]. С приводимыми автором доводами нельзя не согласиться. Но даже если Галицкий клад и моложе, чем это думали ранее, то представляется несомненным одно: клад содержал предметы разных эпох. Предметы, прежде чем быть зарытыми, накапливались и хранились в течение многих веков какими-то бережливыми руками. Они были предметом почитания многих поколений, и к древним вещам такие же бережливые и полные уважения руки понемногу присоединяли новые вещи. Такой процесс собирания вещей продолжался, вероятно, до тех пор, пока какие-нибудь последние языческие жрецы или кудесники не спрятали в землю своей святыни. Процесс этот нельзя себе представить иначе, как при очень долговременном существовании во всем крае одного и того же племени, а таким в данном случае могло быть только финское племя.

Финское племя в глубокой древности занимало среднюю, северную и восточную части теперешней русской равнины. На севере оно достигало тундр и Северного моря, на востоке заходило за Уральский хребет, в Сибирь, на северо-западе оно проникло в скалистую страну между Балтийским и Белым морями, населило ее и дало ей свое имя. На западе и юге границы расселения финнов были очень зыбкими и неустойчивыми. В течение всей исторической эпохи они непрерывно отступают перед своими соседями, главным образом перед славянами. Заря истории застает финнов на правом берегу Западной Двины, к востоку от верхней Волги, Москвы и в бассейне средней Оки. Были ли это первоначальные пределы распространения финнов? Все данные, какими может располагать современная наука,—археологические, географические, в виде местных названий, и лингвистические—указывают, что в более древнее время финские племена занимали местности, лежавшие южнее того рубежа, на котором застает их история.

---

[1] *Готье*, Очерки по истории материальной культуры Восточной Европы, 85—131.

[2] *A. M. Tallgren*, Die Kupfer und Bronzezeit in Nord und Ostrussland. I. Die Kupfer und Bronzezeit in Nordwestrussland. Die ältere Metallzeit in Ostrussland, Helsingfors 1911, 25—93.

[3] *Городцов*, Галицкие клад и стоянка, Труды секции археологии Института археологии и искусствознания РАНИОН, III, 1928.

Обратимся прежде всего к археологическим памятникам. На юго-востоке они как-будто довольно ясно указывают, что естественным пределом расселения финнов была граница леса и степи. Финские могильники, например очень богатый и интересный Мурашкинский, обнаружены у самой Сызранской Луки. Недавними раскопками П. С. Рыкова (1926—1927 гг.) были обнаружены вещи финского происхождения в северной, первоначально лесистой части б. Саратовской губернии, во всяком случае ими полна северная и средняя ее части, когда-то покрытые лесом.

Далее к западу, если и не обнаружено до сих пор финских могильников, то показателями былого распространения финнов на юго-запад служат многочисленные городища Дьякова типа, отмеченные и частью исследованные в верхнем течении Оки, в пределах б. Орловской и Калужской губ. и по р. Упе в б. Тульской губернии. Сюда относятся городища при д. Городище и с. Долгом в Карачевском уезде б. Орловской губернии, городище при впадении Нугры в Оку в Болховском уезде той же губернии, в Калужской губернии — городища Фетиньевское, Ладинское и городище Луна в Лихвинском уезде, городище Гремячевское в Перемышльском уезде, Серенское в Мещевском уезде, городища у с. Спас-Перекопи и Мощинское в Масальском уезде, Тулинское городище неподалеку от Тулы и городище у с. Поречья в Одоевском уезде Тульской губернии[1]. Прибавим к этому перечню издавна открытые и исследованные городища — Отубское в Малоярославецком у. и Бородинское[2]. И в этом крае археологические памятники показывают, что древнейшие места жительства финнов во всяком случае приближались к древней границе леса и степи. Там, где лес довольно круто поворачивал к юго-западу из пределов прежней Тульской губернии по направлению к верховьям Оки и далее к низовьям Сейма и к месту слияния его с Десной,—там распространяются к югу и городища Дьякова типа. В этом отношении Калужская и Брянская губернии представляют как бы язык, протянутый на юго-запад. Впрочем, насколько можно судить по памятникам, до сего времени отмеченным и известным, здесь археологические следы финнов исчезают, не доходя границ лесной области. Однако возможно, что более подробное исследование северной части б. Черниговской губернии и сопредельных с этим краем местностей еще может в будущем подарить неожиданными находками нашу археологическую науку.

Гораздо труднее наметить по археологическим признакам первоначальные пределы распространения финнов к западу в сторону Днепра. Здесь сдвиги и перемещения племен были сложнее и начались, вероятно, в очень давнее время. Ясные следы финской культуры мы находим только на правом берегу Западной Двины, где

---

[1] Подробности об этих городищах см. *Спицын*, Городища Дьякова типа «Записки отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества», V, вып. I, 1903 г.

[2] *Городцов*, Болотное Отубское городище, Труды Государственного исторического музея, I, М. 1926; *Арциховский*, Бородинское городище Труды секции археологии Института археологии и искусствознания РАНИОН, II, 1928.

они распространены от б. Витебской губернии до побережья Балтийского моря.

Данные, почерпаемые из исторической географии, не только не противоречат данным археологическим, но очень существенно их подкрепляют, хотя здесь можно опираться только на одну категорию данных — на местные названия и особенно на названия рек. Хорошо известно, что реки бассейна Оки и в том числе ее правые притоки по большей части носят финские названия — Зуша, Мокша, Цна, Тюша. Такие же названия — Пловля, Арчеда, Чембар, Уза, Пяньга и др. — носят многие реки верхней части донского бассейна. До самой степи «язык земли» — названия местностей — говорит о том, что древнейшими обитателями этого края были именно финны. Но что особенно характерно — это финские названия левых, западных притоков верхней Оки: Нугра, Жиздра, Серена, Угра. Финские названия рек в юго-западном и западном направлениях идут гораздо дальше, чем известные нам в настоящее время финские археологические памятники. Еще Надеждин в 30-х годах XIX в. отметил, что названия, близкие к финским, носят почти все левые притоки Днепра. «Здесь находим мы Вязьму, Сожу или Сож с Вехрою и Ипутем, Сулу с Ромном и Удаем, Псел с Хоролом, Ворсклу, Орель с Самарой — имена, созвучные с номенклатурой северо-восточных областей. Имя Десны, большой реки, протекающей между Сожем и Сулою, кажется сомнительным: оно звучит будто по-славянски. Но рассматривая ее гидрографическую область, нельзя сомневаться, что ее первыми жителями были не славяне: в нее впадают Сейм с Клевенем, Свапою, Тускорем, Щигрою, Судость и Неруса» [1].

Со времени Надеждина лингвистическая наука шагнула далеко и, может быть, не все названия, признаваемые им за финские, могут теперь считаться таковыми. Но это не изменяет положения дела, ибо, кроме рек, упомянутых в работе Надеждина, есть еще другие, которые вполне подтверждают его мнение и выводы. В б. Калужской губернии текут реки Перекша (приток Угры), Боникола, Клютома, Лакнова, Черепеть, Вытебеть, Илманта, Ветма (последние четыре — в Жиздринском, прежде самом южном уезде губернии). Самое название города Калуги финского происхождения. Уже в бассейне Десны встречаются такие названия рек, как Болва (берет начало в б. Калужской губернии), Ивоть, Вымкла, Навля, Несса, Цна, Моча, Гобена. Те же явления можно видеть в северных уездах б. Черниговской губернии (Новозыбковском, Мглинском, Суражском и Стародубском), орошаемых, кроме упомянутых уже Ипути и Судости, еще Уссой, Кокотой, Ирпой, Вагой, Титвой, Сновой, Понебелью. Полна подобными же названиями вся территория Смоленской губернии. Не говоря уже о восточной ее части, входящей в состав бассейна Оки на юге и Волги на севере, где протекают с одной стороны Угра с притоками Волостой, Жижалой и Ворей, с другой — Вазуза с Сежей и Гжатью с Яузой, — на всем пространстве этого, казалось бы, исконного славянского края встречаются финские названия рек. В Днепр впадают

---

[1] *Надеждин*, Опыт исторической географии, Библиотека для чтения, 1837, XX, III. Науки и художества, 53, 54.

выше Смоленска — Вязьма, Осьма, Вержа. В верхний Сож впадает (уже в пределах б. Могилевской губернии) Вихра; в Десну — Страна, Жарна, Габа. То же самое замечается в северо-западной части губернии, принадлежащей к бассейну Западной Двины: здесь текут Каспля с притоком Гобзой, Межа с притоками Ельшей, Обшей и Березой и Велеса, приток самой Западной Двины. Хотя и реже, но названия, звучащие по-фински, попадаются и на остальной территории б. Могилевской губернии. Здесь, кроме больших рек, названных уже в этом перечне, встречаем Лобжу в б. Климовицком уезде, Басю — в б. Чаусском. Речка Лахва впадает в Днепр с правой западной стороны несколько ниже г. Могилева [1]. Через бассейн верхней Западной Двины названия рек с финским обликом тянутся далее на север и северо-запад. Финские названия селений вроде Калугино (от колика — топь, болото), Каськово (от коскви — вырубленный и сожженный лес), Салово, Салково (от селко — хребет) и т. п. попадаются в б. Смоленской, Калужской, Тульской, Орловской губерниях и даже на севере б. Курской губернии.

Таковы историко-географические данные. По направлению на юго-запад и запад они доводят возможные следы древних финских поселений еще значительно далее, чем известные в настоящее время археологические памятники. Следуя за ними, можно высказать предположение, что было — очень, очень давно — время, когда финские племена обитали почти под Киевом или где-то очень неподалеку от него, когда западная граница их тянулась от Киева до Смоленска вдоль Днепра, может быть, даже переходя кое-где на его западный берег. Только приблизительно на широте Смоленска она поворачивала на северо-запад, в край, где существование финских племен в древности подтверждается и географией и археологией.

Мне не раз приходилось указывать на особое значение, которое имеют лингвистические данные для освещения явлений в области истории и быта. Они нередко очень твердо устанавливают самый факт, но определить время, к которому этот факт относится, и обстановку, при которой он имел место, не всегда легко, если опираться только на них. Филологическая наука давно и вполне определенно выяснила многочисленные и разнообразные заимствования, сделанные финскими языками из языков индо-европейских. Взятые в целом понятия и слова, вошедшие таким образом в финские языки, показывают, что заимствования делались племенами, стоявшими в общем на более низкой ступени культурного развития, нежели те народы, из языка которых слова переходили к финнам. При этом очень интересен самый размах заимствований. В финских языках известны слова, взятые из четырех ветвей обширной группы индо-европейских языков: иранской, славянской, литовской и германской. Такие заимствования были возможны при наличии одного условия: слова и понятия могли переходить из одного языка в другой только при непосредственном или во всяком случае близком соседстве племен, говоривших на этих языках. Отсюда прямой и непоколебимый вывод, что в известные моменты своего исторического существования фин-

[1] См. «Списки населенных мест» упоминаемых здесь губерний.

ские племена жили в соседстве с иранцами, славянами, литовцами и германцами. При этом отдельные формы лингвистических заимствований указывают, что переход слов в финские языки должен был иметь место в очень древние времена.

Соседство финнов с перечисленными выше индо-европейскими племенами вполне согласуется с тем, что мы знаем о них и других. В течение своего более чем тысячелетнего господства на юге нашей страны скифы, в которых иранский элемент очень заметен, и сарматы, которые, несомненно, были иранцами, имели постоянное соприкосновение с финнами. Топография скифских и сарматских вещественных памятников показывает, что власть их доходила до северных границ степи; исследование финских памятников и следов их древней жизни также доказывает, что когда-то их южной границей была первоначальная граница лесов; убедительным доказательством служат финские могильники, открытые в последние годы Н. С. Гуковым на границах саратовской лесо-степи. Со скифо-сарматскими племенами они соседили непосредственно или разделенные мелкими племенами, существование которых нашло отражение в Геродотовом предании о черноризцах. Линия их соприкосновения, длинная и изломанная в зависимости от естественных границ леса и степи, тянулась от Волги приблизительно до среднего Днепра.

Со славянами финны должны были в такой же седой глубине веков соседить где-то вдоль среднего Днепра до мест выше впадения Припяти. Этот край был той исходной позицией, с которой в очень отдаленный момент началось наступление славян на финнов, оставшееся живым явлением до близкого к нам времени. Соседство было долгое, непосредственное, и лингвистические заимствования могли происходить непрерывно.

Несколько труднее решается вопрос о соседстве финнов с литовцами и германцами; причиной этого является то, что первоначальные географические места соприкосновения финнов с этими племенами заключают в себе много неясного. Литовцы, которых классические авторы зовут эстиями, искони обитали неподалеку от берегов Балтийского моря. Есть немало указаний, что в древности Литва жила и далее к востоку, до пределов окского бассейна. Где именно и когда соседили с ними финны, были ли их позднейшие рубежи на западной Двине исконными или нет, когда и где соприкасались финны с литовцами в бассейне верхнего Днепра и верхней Оки,—все это едва ли можно решить с полной определенностью. В этом крае возможно предполагать большую подвижность и большее непостоянство племенных границ, нежели на скифо-финском и славяно-финском пограничьи.

Германцы в древности передвигались особенно легко и много. Жили ли они в соседстве с финнами в глубокой древности, занимая места где-то рядом с литовцами, или же их непосредственные отношения с финнами начались тогда, когда готы произвели свое движение в Восточную Европу и господствовали в ней в течение полутора века,— вот вопросы, которые науке еще предстоит решать в будущем.

Обитая на громадном пространстве в Восточной Европе, финны не оставались неподвижными в занятых ими пределах за долгий ряд

веков, который предшествует заре исторической жизни в этой стране. Однако переселения и передвижения финских племен, относящиеся ко времени до IX в., не были отмечены ни одним хотя бы иноземным писателем. Их трудно проследить и по вещественным памятникам. Последние позволяют наметить разве только некоторые смутные черты. Памятники языка дают возможность установить некоторые наводящие факты, и только. Все движения финских племен в доисторические времена остаются в своих подробностях смутными и непроницаемыми для современного исследователя, который может наметить в них только некоторые основные моменты.

Можно с достаточной достоверностью сказать, что финские племена в течение очень долгого времени обитали бок о бок с иранской ветвью индо-европейцев. Как это могло быть географически установлено уже выше. На длительность этого соседства указывает то обстоятельство, что именно от иранцев финны заимствовали слова для обозначения некоторых металлов, например меди (у всех финнов), серебра, золота и олова (у восточных финнов и у мадьяр). Точно так же от иранцев финны получили некоторые термины для обозначения орудий труда и борьбы: нож, топор, меч, стрела, молот, лемех. «Появление лемеха в числе слов, заимствованных финнами у иранцев, особенно важно: оно свидетельствует, что иранцы ознакомили финнов с зачатками земледелия. Заимствования для обозначения рогатого скота и овец дополняют картину переворота, который вызвало в жизни финнов соприкосновение с Ираном»[1]. Наконец из иранских же языков перешли к финнам слова, обозначающие некоторые понятия из области общественных отношений, например понятие владыки, царя. Но для того чтобы реально представить себе возможность лингвистических заимствований от иранцев, надо предположить, что в более древнюю эпоху, когда к финнам впервые проникали металлы и элементарное знакомство с домашним скотом и земледелием, главным центром их оседлости в Европе была именно восточная часть нашей равнины, где вполне ясно, при помощи археологических памятников и исторических свидетельств, устанавливается возможность географического соприкосновения финнов и иранцев по крайней мере с начала первого тысячелетия до христианской эры, а гадательно, может быть, и в более раннее время. Заимствование слов, обозначающих господство, владычество, указывает на то, что по крайней мере некоторые из финских племен в древности были в подчинении иранцев. Такое положение можно себе представить также довольно легко, припомнив отношения скифской державы к народностям, обитавшим у пограничья леса и степи.

Вероятно в течение долгого времени финские племена из средней и восточной части русской равнины тянулись к западу и северо-западу. В хронике Саксона Грамматика есть известия, повествующие о первых сношениях датчан с восточным побережьем Балтийского моря. Сопоставляя некоторые из них, можно, несмотря на их сказочный характер, сделать вывод, что племя ливов (либь), которое в IX в. уже

---

[1] *И. Н. Смирнов*, Финны. Русская история в очерках и статьях под ред. М. В. Довнар-Запольского, I, 3.

сидело в Ливонии, за полтора века до того, примерно в начале VIII в., жило где-то около Невы и больших озер. В заселении финнами Финляндии и Балтийского края мы видим последние этапы долгого движения на запад, замершего у берегов западного моря.

Движение на запад в известный момент, которого с точностью установить нельзя, сменилось частичным движением финнов с запада на восток. Есть совершенно определенные данные, которые убеждают в том, что когда-то восточные финны жили гораздо западнее нежели в настоящее время. Н. Н. Ефименко выдвинул недавно очень веские соображения в пользу того, что финны, похороненные в некоторых могильниках рязанского края, например в Кузьминском, Борковском и Курманском, были переселенцами с юго-запада [1]. Вполне установлена особая близость в некоторых отношениях языка эстонского и мордовского. В обоих языках есть общие заимствования из языков литовских, что также косвенно указывает, что мордва когда-то жила далее к западу, чем теперь. По известиям нашей летописи черемисы сидят рядом с муромой на «Оце реце» [2]. В XIV в. черемисы еще в большом количестве обитали в пределах Галицкого княжения, т. е. в позднейшей Костромской губернии, откуда их шайки делали нападения на Устюжскую землю. Теперь в б. Костромской губернии остались лишь небольшие остатки черемис на Ветлуге, да напоминают о них некоторые местные названия. В свою очередь на территории нынешней Марийской автономной области, где черемисы сосредоточены в настоящее время, сохранились местные названия, показывающие, что край этот прежде был занят вотяками, теперь оттесненными далее на восток. О борьбе с вотяками говорят и черемисские предания.

Если вдуматься в это понятное движение финнов к востоку, то, кажется, можно уловить, что оно коснулось только южной, точнее юго-западной их группы. Если предположить, что эсты когда-то соседили с мордвой, то нужно предположить, как будто в известный момент случилось, что более северные эсты продолжали двигаться к западу, а более южная мордва от соседства с эстами и литвою стала откатываться к востоку, в свою очередь тесня и отодвигая далее те племена, которые загораживали ей дорогу. Исходный момент движения к востоку во всяком случае на несколько столетий предшествует началу исторической жизни в этом крае. Он должен был вероятнее всего произойти вследствие какого-то напора с юго-запада. В связи с движением славян на север и северо-восток мы ниже и рассмотрим подробно эту страницу из жизни восточных финских племен.

В разбираемых сейчас смутных колоращениях финских племен в доисторическую эпоху есть одно явление, которое, несмотря на многочисленные остроумные соображения, высказанные по его поводу, все-таки не поддается ясному и удовлетворительному объяснению. Мы разумеем движение угро-мадьяр. Угра или югра и теперь еста-

---

[1] *Ефименко*, Рязанские могильники. Государственный русский музей. Материалы по этнографии, III, 59—84.

[2] Полное собрание русских летописей, I, 5.

влияет одну из ветвей финского племени, причем ее представители, с одной стороны, в лице вогулов и остяков обитают на крайнем северо-востоке, между Уралом и низовьем Оби, а с другой — составляют сильный и крепкий народ мадьяр, угров или венгров, нашедший себе место в Средне-дунайской низменности. О движении угров-мадьяр через южно-русские области в IX в. мы уже говорили в связи с обзором судьбы нашего юга в эпоху после великого переселения народов; поэтому мы не будем снова возвращаться к их судьбам, после того как они покинули свою первоначальную родину. Но где она была? Все, что можно сказать, это то, что угры-мадьяры были племенем воинственных наездников, более похожих на тюрков, нежели на мирных обитателей лесов, какими были остальные финны. Они, несомненно, испытали на себе длительное влияние турецких племен, приняли их облик, обычаи, нравы и заимствовали многое из турецких языков. Современникам, например Константину Багрянородному, они казались соплеменниками болгар и печенегов; Константин называет их не иначе, как турками. Для того чтобы в уграх-мадьярах произошло такое изменение, они должны были первоначально обитать где-нибудь на юго-востоке финской территории, может быть около Уральских гор и даже за ними. Слабые остатки их, не покинувшие родину, может быть, будучи теснимы соседями, постепенно отступили на северо-восток, где в культурном отношении заняли последнее среди финнов место.

Но какими путями передвигалась главная часть угров до того момента, когда византийские источники обнаруживают их на юге нашей страны, в области, которую они называют Лебедией, в качестве временных данников или союзников хазар? Исследование финских местных, главным образом речных, названий в средней полосе, в бассейне верхней Волги и Оки, обнаруживает наличие терминов, относящихся ближе всего к угорской группе (например р. Угра). Отсюда предположение, что некоторые из живших здесь когда-то финнов, позднее обрусевших и исчезнувших, вроде веси или мери, принадлежали к угорской группе (чему, впрочем, противоречит очень многое), или же, что угры в своем движении с родины оставались некоторое время в средней части СССР и уже оттуда под влиянием неизвестных нам причин перешли из окского бассейна в донской и вдоль Дона двинулись по направлению к хазарам, к южным степям, в Лебедию, где не надолго задержались перед последним этапом своего переселения, приведшего их на берега Дуная. Мы не имеем намерения следить за этими моментами в судьбах угров-мадьяр. Мы отмечаем здесь их движение как наиболее резкое и сильное, а потому и самое интересное из доисторических движений финских племен.

К сожалению, состояние наших сведений не позволяет нам решить, зародилось ли угорское движение за Волгой по соседству с башкирами и болгарами или даже за Уралом, откуда они, останавливаясь на время в разных местах, может быть, на средней Волге и на средней Оке и во всяком случае на юге России, в Лебедии, и в Атель-Кузе, т. е. на Днестре и Пруте, дошли до Дуная; или же стоянка в средней части СССР была продолжительной, и первоначальное их движение, прерванное на некоторое время, вновь возобновилось

под влиянием каких-нибудь местных явлений. Если бы это было так, то тогда можно было бы поставить вопрос, не было ли это новое движение в связи с тем понятным движением финских племен, о котором мы говорили выше? Все это, однако, чистые предположения, которые нельзя подтвердить никакими ссылками на источники.

Оглядываясь еще раз на доисторические передвижения финнов, мы можем сказать, что несомненная малочисленность отдельных финских племен облегчала переселения. Очень вероятно, что при этом представители таких отдельных ветвей финского племени перемешивались и сливались в территорию других ветвей. Вот причина, почему невозможно установить первоначального географического соотношения этих ветвей или, если и возможно, то только в самых общих очертаниях. Северо-восточная ветвь — пермская, состоящая теперь из пермяков, вотяков и зырян, кажется, в общем менее всех других ветвей меняла свои места; лишь во время, более близкое к нам, она была несколько оттеснена на восток другими своими соплеменниками. Крайняя восточная или юго-восточная ветвь — угорская — распалась, разойдясь по двум диаметрально противоположным направлениям. Можно думать, что те, кого мы теперь зовем восточными финнами, т. е. мордва, черемисы и мещера, первоначально были юго-западным крылом всего племени; они двигались к западу параллельно эстам, но затем были отброшены назад, в противоположность еми, суми, води, чуди эстонской и либи, которые, составляя первоначально северо-западное крыло, достигли моря, т. е. естественного рубежа своих миграций.

Не вполне ясно, к какой ветви принадлежали исчезнувшие меря, весь и мурома, занимавшие на заре русской истории междуречье Оки и верхней Волги и далее на север заволжские леса. Однако есть косвенные указания, что весь была ближе к теперешним западным финнам, нежели к восточным.

Гораздо более, чем о передвижениях финнов, мы можем сказать о их быте, так как основой здесь служит надежный археологический материал.

Однако и тут на первых порах приходится наталкиваться на некоторые трудности. Так, например, вопрос о жилищах финнов принадлежит к числу таких, полное решение которых недостижимо. Старинное свидетельство никогда не видевшего финнов Тацита, который говорит, что они умеют строить только шалаши из ветвей, конечно, не соответствует даже времени Тацита. В лесной стране люди, несмотря на свою отсталость, должны были очень рано научиться строить жилища из дерева. К сожалению, вещественные памятники, т. е. городища, остатки древних поселков, дают мало материала для описания финских жилищ, ибо городища, даже в тех случаях, когда они представляют собою действительно остатки настоящих поселений, дают картину брошенного или разрушенного поселения, где можно видеть не развалины, а только следы, часто едва приметные, древнего жилья. Чаще всего сохранились следы одной из переходных форм жилья — землянок, над которыми, вероятно, надстраивались низенькие срубы с высокими крышами, на которых не мог бы держаться снег.

В некоторых городищах Дьякова типа были находимы остатки таких жилищ в виде ям от 7 до 5,6 *м* в длину, около 5,6 *м* в ширину и до 1 *м* в глубину с остатками деревянной настилки, прикрытой землей для тепла. Местами, судя по остаткам, крыши должны были быть односкатными. В других местах находили остатки грубо сложенных печей. Те из финских племен, которые оседали на далеком севере, переходили от шалашей к юртам, основанием для которых служит такое же углубление, как и для первобытных деревянных построек, описанных выше.

В дальнейшее время эволюция финского жилья должна была итти тем же путем, как вообще эволюция деревянных жилищ на севере Европы — к курной избе и от нее к современной избе, которая у нынешних восточных финнов мало чем отличается от русской избы. Сохранились лишь кое-какие отличия, таков, например, старинный мордовский обычай ставить избу отдельно от других надворных построек. Однако и теперь еще у некоторых племен можно встретить интересные пережитки в устройстве жилья. Так, на черемисских дворах почти всегда можно видеть «срубленный из тонких бревен и покрытый дранницами шалаш — «куду». В настоящее время «куда» служит летним шалашом; во внутренность ее ведет обращенная на юг маленькая дверь. При входе в «куду» прежде всего бросаются в глаза земляной пол и толстые почерневшие лавки вдоль стен. Летом, когда хозяева дома, на земляном полу «куды» всегда горит огонь. На нем готовят пищу; он своим дымом отгоняет назойливых комаров»[1]. Войдя в такую «куду», легко представить себе жилье далеких предков от современного владельца. На черемисскую «куду» очень похож мордовский «овеи» — сруб, вкопанный в землю, с открытым огнищем посредине и легкой надземной постройкой[2]. У вотяков есть вырытые в земле «жилища, закрытые сверху прутьями и жердями. Пола в таких землянках не было. Для спанья на земле подстилали сено. Землянки нагревались при помощи «теплины», которую раскладывали посредине ямы»[3]. Летний шалаш у вотяков очень похож на черемисскую «куду» и носит название «куа» или «кио».

Могильные памятники сохранили довольно мало остатков одежды, что, конечно, вполне понятно. Особенно плохо сохранилась одежда на мужских костяках; ее относительно лучшая сохранность на женских костяках может быть объясняется тем, что многочисленные тяжелые и массивные металлические украшения и подкладываемая под них береста предохранили ткани от тления. В состав мужской одежды, насколько можно судить, входил обязательно кафтан или полукафтан, довольно длинный, доходящий до колен. Иногда они носили и более короткие куртки; в таких куртках изображались некоторые идолы, добытые раскопками Уварова во Владимирской губернии.

В настоящее время в мелких подробностях одежды восточных финнов ученые этнографы нередко подмечают тенденции к заимство-

---

[1] *И. Н. Смирнов*, Черемисы, 71.
[2] *И. Н. Смирнов*, Мордва, 123—124.
[3] *И. Н. Смирнов*, Вотяки, 88.

ваниям у соседей, как русских, так и тюрков. Однако можно думать, что в основе своей одежда мужчин отличается большой консервативностью. Мордва, черемисы и вотяки носят длинную холщевую рубашку, стянутую расшитым или тканым поясом, и шаровары. Если с этим сопоставить длинный полукафтан, шаровары и пояс, в которые одета фигура, изображенная на плите, современной Ананьинскому могильнику, то является основание предположить, что и в изучаемое время финские племена носили одежду такого же характера. Выделывалась она, как показывают остатки тканей, из холста и грубой шерсти. Поверх в холодное время надевались шубы и гуньи, по длине не меньшие, чем длинные рубахи, и, вероятно, стягивались также поясом. Кое-где, например в Лядинском и в Люцинском могильниках, сохранились остатки шуб; по условиям климата и при

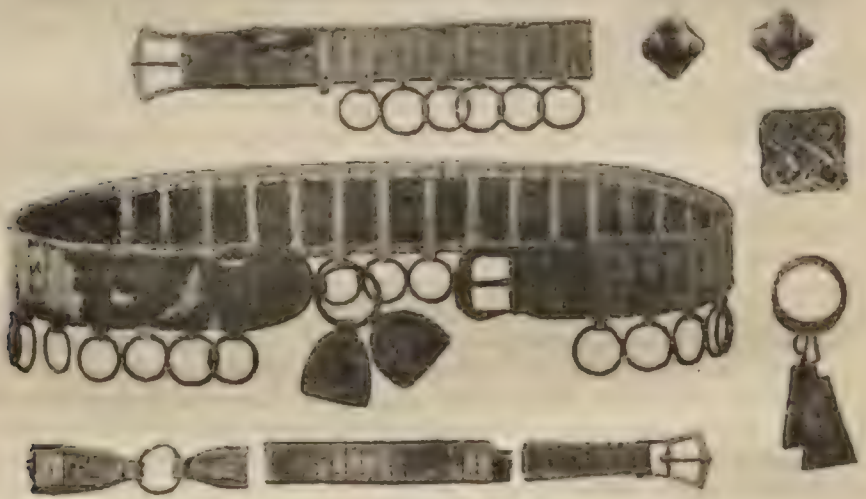


Рис. 24. *Пояса из Люцинского могильника.*

звероловческом быте финнов их повсеместное распространение сомнению, конечно, не подлежит.

Об обуви погребения не дают никакого представления, но, вероятно, ею служили лапти и мягкие сапоги, сделанные из кожи. В курганах Владимирской губ. Уваров встречал золоченые позументы и галуны из парчевых тканей, украшавшие одежды покойников. Однако он сам отмечал при этом, что такие курганы должны быть отнесены к числу поздних. А в таком случае возникает вопрос, в какой степени мы имеем здесь дело с настоящими финнами? Мужские погребения не слишком богаты украшениями; последние состоят из шейных гривен, поясов, обычно ременных с металлическими бляхами, фибул, иногда архаической формы, напоминающие «готские» фибулы первых веков хр. эры, браслеты и кольца. Особенно много богатых поясов дали западные могильники, например Люцинский (рис. 24).

И в настоящее время женские национальные костюмы финских племен как восточных, так и западных отличаются оригинальными

и богатыми головными уборами. Точно такую же картину встречаем мы в древних финских могильниках. Женский головной убор обычно состоит из разнообразных повязок, похожих на широкие ленты с нашитыми на них металлическими украшениями или представляющие собой шерстяной жгут, унизанный медными кольцами. Варианты головных повязок чрезвычайно многочисленны, но обилие металлических, большею частью бронзовых, иногда серебряных украшений составляет их общий признак. К числу головных украшений надо отнести также височные подвески и височные кольца; их обычно прикрепляли тонкими ремешками к головному убору так, что они спускались на уши или даже ниже их. Характерно, что следы венчиков и повязок были обнаружены в младшем Волосовском могильнике, относящемся к последним временам бронзового века и началу железного, что является новым указанием на долговременное обитание здесь одного и того же племени. С другой стороны, головные повязки с нашитыми на них монетами составляют и теперь украшение, довольно распространенное среди восточных финнов. Для характеристики сложности головного убора женщины надо еще отметить обычай вплетать в косы металлические спирали. Таких кос, с вполне сохранившимися волосами, в могильниках найдено немало (рис. 25).

Рис. 25. *Головной жгут, браслеты и бусинки из Люцинского могильника.*

Сложности головного убора соответствуют сложность и обилие украшений всей женской одежды.

Сама по себе одежда эта состояла из шерстяной (в более богатых погребениях — холщовой) рубашки, с узкими рукавами, доходящими до кистей рук. На рубашку надевалась короткая одежда из шерстяной материи, походившая на полукафтан, спускавшаяся до колен. Подол этой одежды обшивался металлическими украшениями,

которые, сохранившись в могиле, ясно указывают место, где эта одежда оканчивалась. И теперь мордовские и черемисские женщины носят поверх рубашки кафтан, носящий название «паанар» у первых и «шобырь» у вторых. Обувь и зимние шубы женщины носили, вероятно, такие же, как и мужчины.

Оригинальнейшей особенностью одежды древних финнок составляло обилие бронзовых и отчасти серебряных украшений. Если бы

Рис. 26. *Пряжки и подвески из Люцинского могильника.*

надеть их одежду на живого человека, то он, вероятно, сгибался бы под тяжестью своего костюма, а передвигая ноги, звенел бы от множества бубенчиков, бляшек и цепочек, на него надетых. Надо думать, что одежда, в которой хоронили финнок, была их праздничным нарядом. В обыденной жизни металлических украшений не носили. На шее женщины носили, как, впрочем, иногда и мужчины, бронзо-

вые гривны и ожерелья из бус и бронзовых цепочек; в западных могильниках — из раковин, спиралей и металлических привесок. Вся грудь была увешана такими же металлическими украшениями. Наиболее оригинальными были пряжки с привесками в виде цепочек; пряжки эти нередко снабжались стилизованными фигурами и головами животных (рис. 26). Другим постоянным нагрудным украшением были круглые бляхи с отверстием посредине, прикрытым крышкою, и с шестью треугольными прорезами, звездообразно расположенными кругом среднего отверстия, или круглые, сплошные с двумя узкими пластинками, накрест прикрепленными к их наружной поверхности (рис. 27). Пояса также встречаются в числе украшений женского наряда; однако они попадаются реже, чем у мужчин, а в западных могильниках их почти вовсе нет. Руки унизаны кольцами и браслетами; в наиболее богатых женских погребениях были обнаружены украшения у ног — бляхи, привески и пряжки, вероятно нашитые на мягкую обувь. Если к этому прибавить еще некоторое количество пряжек и фибул, которыми застегивались различные части одежды, то можно составить более или менее полное представление о торжественном наряде древних финнок.

Рис. 27. *Бляха из Кузьминского могильника*

В финских могильниках найдено довольно много оружия. Все оно исключительно железное, о бронзовом нет более и помина. Самым употребительным оружием были: копье, дротик и топор. Мечи, ножи, стрелы, остатки пращей (небольшие круглые камни) встречаются гораздо реже. Для примера можно привести следующие статистические данные, относящиеся к двум большим могильникам Рязанской губ.: Борковскому и Кузьминскому. «В Борковском могильнике из 28 мужских погребений железные наконечники копий оказались в 22, наконечники дротиков — в 18, топоры — в 23, крупные ножи — в 10, мечи — только в 5 и треугольный наконечник стрелы — в 1. В Кузьминском могильнике из 36 вскрытых мужских погребений наконечники копий найдены в 28 могилах, наконечники дротиков — в 16, топоры — в 26, крупные ножи — в 3, обоюдоострые мечи — в 2, наконечников стрел не встречалось»[1]. В западных могильниках, на-

[1] *Черепнин*. О рязанско-окских могильниках, Труды X археологического съезда, 1, 45.

пример в Лощинском, картина та же; впрочем, в этом последнем найдена одна кривая сабля. Сабли нередко попадаются в более поздних курганных погребениях в междуречьи Оки и верхней Волги и к северу от него. Курганные погребения за Волгой вообще вещами гораздо беднее. Можно думать, что сабли постепенно вытесняли мечи. Во всяком случае в финских погребениях оружия достаточно много; если финские племена за исключением угров-мадьяр и не отличались большой воинственностью, то оружием они владеть умели, а это было необходимо для их главного промысла — звероловства.

Внешний быт древних финнов характеризуется множеством мелких предметов утвари, попадающихся в могилах: глиняные горшки различных видов, форм и качества, костяные поделки, железные замки, ключи, гвозди, ведра, удила, стремена, огнива и кремни, серпы, кирки, ножницы, подковы и т. п. Все подобные предметы указывают на то, что быт племен, населявших среднюю Россию во второй половине первого тысячелетия христианской эры, не был уже чисто примитивным. Мы еще более убедимся в этом, познакомившись с их занятиями.

Основным занятием финских племен было звероловство. Думаем, что нет особой надобности подробно это доказывать. Вся совокупность природных условий определенно указывает на господство охотничьего быта. В том, что охота была главным занятием финнов, обитавших в лесах, убеждают бесчисленные костяные поделки давнего времени, встречаемые в так называемых костеносных городищах, в городищах и костищах более позднего времени и в городищах, переходных к Дьякову типу. Разнообразие этих поделок, материалом для которых служили кости различных животных, показывает, как богаты были леса того времени всякой пушниной: медведями, лосями, оленями, бобрами, куницами и тому подобным мелким и крупным зверем. Только процветанием звериного промысла можно объяснить появление в среднем Поволжьи и Прикамьи скифских и более поздних сарматских вещей. Отрывочные свидетельства античных писателей говорят о звероловстве финнов; назову например Тацита. О том же рассказывают более поздние восточные писатели. Наконец, и это, пожалуй, самое существенное, русские источники XIV — XVI вв. неизменно рисуют восточных финнов как звероловов и охотников. Местами далее к северу и к северо-востоку племена эти, например зыряне и пермяки, и до сего времени остаются по преимуществу промысловыми охотниками-звероловами.

Наряду со звероловством, как основным промыслом, у древних финнов уже существовали скотоводство и земледелие. Если в лесных дебрях средней и северной части нашей страны оба эти занятия могли иметь подсобный характер, то они во всяком случае существовали с очень давнего времени. Нам уже известно, что термины для обозначения рогатого скота, овец и земледельческих предметов заимствованы финнами у их очень ранних и давнишних соседей — иранцев. Непосредственным доказательством существования земледелия служат находимые в археологических памятниках земледельческие орудия, например серпы и кирки, и находимые в могилах остатки льняных тканей, а скотоводства — остатки шерстяных тканей и многочисленные кости

домашних животных. Впрочем, и здесь нужна оговорка. У самых северных из финских племен земледелие и скотоводство, конечно, не существовали. На это прямо указывают и восточные писатели, черпавшие свои сведения от болгар. Так, по их словам, у югры, «нет ни стад ни пашни, а живут они только рыбой и лесной дичью»[1].

Однако можно с полной уверенностью сказать, что продукты земледелия и скотоводства не служили для финских племен материалом для торгового обмена. Для такой цели служили только меха, ценимые у более цивилизованных народов юга и юго-востока, в какие бы времена ни происходило дело, и как бы эти народы ни назывались. Вот почему охотничьи занятия финнов не были простой охотой, а настоящим звериным промыслом. Прекрасная, отлично развитая речная сеть давала естественные пути для вывоза пушнины на юг, где, переходя через более или менее длинную цепь посредников, она достигала стран античного мира — Персии, а позднее Византии и Багдадского халифата. Из рассказов Геродота мы знаем о караванной дороге, шедшей от Ольвии и достигавшей Волги, несомненно где-то на среднем ее течении, неподалеку от впадения Камы. Гораздо большее значение, чем эта караванная сухопутная дорога, имел естественный водный путь по Волге, которым пользовались еще в каменном веке, в эпоху Фатьяновской среднерусской культуры. Вдоль Волги группировались в первом тысячелетии христианской эры и те посредники, которые, скупая у финнов меха, перепродавали их в южные страны.

Хазары не занимали первенствующего места в транзитной торговле, шедшей через их страну. Гораздо более видное участие принимали в ней болгары, государство которых во второй половине первого тысячелетия объединило земли по среднему течению Волги и по низовьям Камы. Болгарское государство составит предмет особого очерка, и там будет сказано об организации посреднической торговли, при помощи которой болгары сосредоточивали в своих руках пушнину финских лесов и обработанные предметы, приходившие с юга, и с выгодой для себя перепродавали те и другие.

Что же получали финны взамен продуктов их звериного промысла?

Прежде всего из стран с высшей культурой, т. е. с юга и преимущественно по Волге через посредство болгар, к ним приходили предметы, необходимые для их примитивной жизни. Земледельческие орудия, наиболее усовершенствованные виды оружия, слитки металла, из которого лесные туземцы уже выделывали самые простые предметы, подчас сложные замки и ключи, конская сбруя и т. п. предметы, в большом числе находимые и в могилах и в городищах, — все это доставлялось по большей части Волжским путем от болгар и из более далеких юго-восточных стран. Оттуда же приходили и украшения, в таком изобилии носившиеся финскими женщинами при их торжественных нарядах и следовавших за ними в могилу. Более чем вероятно, что многие из таких украшений изготовлялись у болгар, а может быть и где-нибудь дальше (причем имелся в виду спе-

[1] *D'Ohsson*, Des peuples du Caucase, 82.

циальный вкус финнов), но отдельные предметы, найденные, например, в финских могильниках бассейна Оки, носят женские следы кавказского и арабского происхождения. Чисто восточный характер имеют бусы, в большом количестве встречаемые в женских погребениях.

Торговля с финнами несомненно в известной степени имела денежный характер. Течение Волги и большинства ее крупных притоков усеяно монетными кладами, содержащими арабские монеты VIII — X вв. Монеты более раннего времени в единичных случаях встречаются в могилах и в городищах. Наконец в обмен на пушнину к финнам приходили и предметы роскоши. К числу таких надо отнести, например, драгоценные серебряные блюда персидской работы, составляющие в настоящее время единственное в своем роде собрание Эрмитажа (рис. 7). Едва ли случайным является то обстоятельство, что большинство сохранившихся и известных в настоящее время таких блюд были найдены в бассейне Камы и главным образом в пределах б. Пермской губ. Бассейн Камы, где когда-то, задолго до изучаемого теперь времени, процветала Ананьинская культура и в конце первого тысячелетия христианской эры оставался благодаря своим природным дарам и обилию пушнины краем, где торговля мехом особенно процветала и где местное население достигало наибольшей зажиточности.

Страна по Каме и до Уральского хребта стояла, кроме того, под влиянием еще других культурных и торговых путей, действовавших на этот край параллельно влиянию волжского пути. Древности Прикамского края, относящиеся ко второй половине первого тысячелетия христианской эры и отчасти переходящие в XI и XII вв., распространены в противоположность памятникам Ананьинской эпохи в верхнем течении Камы, Вятки и Чепцы; их находят в городищах и курганных могильниках. Местные жители приписывают их каким-то своим предшественникам, которых они называют «чудью». Отсюда специальное название «чудские древности», установившееся за археологическими памятниками этого края. Судя по отдельным находкам монет и по кладам, временем особого процветания пермской чуди были VII—X вв. Возможно, что это процветание стояло в связи с одновременным расцветом соседнего Болгарского государства. На культурную связь, существовавшую между болгарами и пермской чудью, указывают и находки на верхней Каме предметов, признанных типичными для Болгарского царства. Однако «чудские древности» дают и особые предметы, составляющие оригинальную черту археологических памятников северного Приуралья. Сюда принадлежат бронзовые изображения животных и птиц — орлов, медведей, уток, свиней, гусей. Особенно распространены изображения трехголовых и одноголовых птиц, некоторые из них с человеческим лицом. Попадаются также изображения крылатых божеств и гениев, представляющие, может быть, видоизмененные изображения стилизованных птиц (рис. 28). Все перечисленные сейчас вещи представляют особенный интерес потому, что такие же и близкие к ним вещи были находимы в различных местностях Сибири. Стиль их напоминает среднюю и восточную Азию, Китай и далекую Индию. Первоначальный прообраз стилизо-

ванных изображений птиц, находимых в Приуралье и Прикамье, исследователи, например Д. Н. Анучин, видят в индейских изображениях мифической птицы «гаруда». Связь некоторых предметов из «чудских древностей» с Сибирью и отдаленными культурными странами Азии показывает, что и в изучаемое время продолжали существовать пути, ведшие из Азии в Восточную Европу через Уральский хребет (эти пути в свое время отмечались нами для более ранних эпох).

Богатство и разнообразие археологических памятников выделяют территорию «чудских древностей» на особое место среди других местностей, издавна занятых финнами. К сожалению, мы не в состоянии сколько-нибудь точно определить, какое из финских племен занимало в описываемую эпоху северное Прикамье. Обитавшие там

Рис. 28. *Предметы Чудских древностей.*

теперь вотяки и пермяки во всяком случае не сохранили память о какой-нибудь связи или родстве со своими предшественниками. Напротив, в их преданиях и легендах «чудские древности» представляются достоянием какого-то чуждого им племени великанов, давно исчезнувших с лица земли.

Другой областью, где уровень культуры финнов стоял довольно высоко, была область средней Оки и ее южных притоков Мокши и Цны. Как раз здесь находятся богатейшие финские могильники — Лядинский, Томниковский, Моршанский, Кошибеевский, Курманский — и несколько уступающие им по богатству находок могильники рязанские — Борковский, Кузьминский, Шатрищенский или Старорязанский и др. Находки в этих могильниках с особенной яркостью обрисовывают любовь финнов к сложным и громоздким украшениям и обилию вещей, которыми они снабжали покойников в их последнюю дорогу. Если сопоставить географическое положение пермской

чуди и приокских финнов относительно болгарского царства, то станет ясным, что в лице тех и других мы имеем ближайших соседей главного торгово-посреднического центра восточной России и его наиболее деятельных торговых контрагентов. Чем далее мы будем отходить от него на север и северо-запад, тем проще и беднее становится инвентарь финских погребений. Поздние финские погребения в бассейне Мологи, Шексны и далее к северу поражают своей бедностью. Очевидно, здесь уже ослабели те торговые связи, которые финнов камских и окских соединяли непосредственно с торговой Болгарией.

Нет ничего легче, как обрисовать общими чертами торговые сношения финских племен, шедшие через волжский путь. Совсем иначе обстоит дело, если поставить вопрос о донском и днепровском путях. Почти нет указаний на то, чтобы финны пользовались этими торговыми дорогами или чтобы кто-нибудь по ним приезжал в страны, населенные финнами. Несколько отдельных предметов «готского» типа, найденных в городищах Дьякова типа в верхнем течении Оки, дают лишь смутные намеки на возможность непосредственных торговых и культурных сношений страны финнов с берегами Черного моря. Мощинский клад Калужской губернии, давший интересную коллекцию предметов готского типа, равно как готские эмалевые вещи Опубского городища являются редкими, а потому и не вполне понятными исключениями. Очень вероятно, что непосредственные сношения между средней Россией и Черноморьем по Днепру и Дону осуществлялись в той или иной мере тогда, когда одно какое-нибудь — торговое, культурное, а может быть, и политическое — влияние полностью держало в своих руках эти пути. Так могло быть во времена державы Эрманариха, которому подчинены были мордва и мера, племена, в свое время жившие, вероятно, гораздо далее на юг и запад, чем в IX—X вв., когда они выходят на свет истории. Возможно, что именно эти племена составляли крайний юго-западный, финский выступ, противостоявший славянам по среднему Днепру и средней Десне. С падения державы Эрманариха до возникновения в IX в. норманно-славянской державы, становым хребтом которой был днепровско-волховский водный путь, на юге не было власти, которая бы в полном объеме держала в своих руках течение Днепра и Дона и обеспечивала безопасность торговых сношений по ним, ибо власть хазар по всех этих местах едва ли была особенно сильной, а торговые сношения Хазарии с севером велись только через Волгу. Значение днепровского пути стало расти, вероятно, с того момента, когда славянские племена, оттолкнув и раздвинув финнов, потянулись на север к Ильменю, значение его закрепилось основанием в IX в. русского государства. Значение же Дона и тогда и позднее осталось второстепенным и незначительным.

В ранних финских могильниках Западного и Прибалтийского края попадаются отдельные предметы западно-европейского и скандинавского происхождения. Упомяну для примера скандинавские фибулы и скандинавские мечи Люцинского могильника. В них можно видеть намеки на то, что между областями и странами, расположенными за Балтийским морем, существовали уже какие-то сношения

в эпоху, предшествовавшую движению скандинавов в Восточную Европу, куда они потянулись с начала IX в. (о движении скандинавов подробно будет сказано ниже).

До IX в. сношения западно-финских племен с европейскими странами, судя по археологическим памятникам, не могли быть особенно оживленными, и то, что мы о них знаем, не колеблет общего вывода, который мы можем сделать о торговле финнов. До появления норманнов она велась почти только в восточном направлении через посредство волжского речного пути. Проторенных сквозных путей — балтийско-волжского и днепро-волховского — еще не существовало.

Ни один источник не говорит о том, чтобы у доисторических финнов было когда-нибудь свое государство, объединявшее хотя бы часть племен. Наоборот, мы имеем повторные указания на то, что каждый сильный сосед подчинял себе те или другие финские племена. Первое из таких указаний дает Иордан применительно к готской державе Эрманариха, которому подчинены были меря (Meremi) и мордва (Mordens). О власти над финскими племенами говорит и почти единственный, известный нам, хазарский источник — письмо царя Иосифа к Хасдаи, хотя для X в. подчинение финских племен хазарам уже давно отошло в область воспоминаний. Он говорит, что при р. Итиль живут, между прочим, народы арису (эрзя, мордва) и пармис — черемисы. «Каждый из этих народов весьма многочислен, и все они платят мне дань»[1]. Весьма вероятно, что и болгары в числе своих данников считали некоторых из соседних финских племен. Позднее к числу народов, частично господствовавших над финнами, присоединились варяги-норманны и русское государство. В первоначальном составе племен, образовавших это государство, постоянно упоминаются меря, чудь и весь. Если у финнов не успело сложиться что-нибудь похожее на государство, то отдельные племена финнов упоминаются постоянно. Племена и были самыми крупными социальными образованиями, которые были известны доисторическим финнам. На фоне их то смутно, то более ясно выступают первые элементы феодализации. Племена делились на отдельные ветви, роды, жившие отдельной жизнью, иногда соединявшиеся для общих целей, иногда между собой враждовавшие. Такой порядок, при котором, по словам нашей летописи, «не было правды и восставал род на род, были у них усобицы и начали сами друг против друга воевать»[2], обычен для примитивных племен. Его существование у финнов подтверждается позднейшими источниками уже русской эпохи. Именно такое деление на племена, племен на роды, во главе которых стояли выборные и родовые старшины, застал Стефан Пермский у зырян; во главе зырян были туземные князья и старшины, которых русские источники обычно называют «сотниками»; князей источники обычно называют татарским термином — мурзы; мурз и сотников русские застали в XVI в. также у мордвы и черемисов, когда с падением Казани русская власть стала водворяться

[1] *Гаркави*, Хазарские письма, Еврейская библиотека, VII, 160.
[2] Полное собрание русских летописей, I, 8.

у этих племен. Наконец совершенно такие же социальные отношения существовали в XV—XVI вв. у зауральских финнов-вогулов (югры) и остяков, во главе которых стояли «князьцы» — термин, усвоенный русскими для обозначения вождей, возглавлявших инородческие племена Сибири. Подобные же «князьцы» стояли во главе доисторических финских племен, обитавших в первом тысячелетии христианской эры по широкому простору средней России.

Археологические памятники могут лишь косвенно подтвердить описанный выше строй социальных отношений у финнов. Если можно считать несомненным, что некоторые из известных нам финских городищ имели преимущественно характер мест, где приносили жертвы и совершали религиозные моления, то укрепленный характер всех городищ и некоторых из них в особенности не может затемнить основного значения всякого городища, как укрепленного места, где отсиживались и оборонялись от врага. Военное дело подразумевает вождей, а вожди, выдвинутые войной, могли удержать приобретенное влияние после войны и превратиться в постоянных властителей.

Авторитетный знаток быта восточно-финских племен проф. И. Н. Смирнов отмечал, что городища восточной России часто бывают расположены при впадении маленьких рек в большие и таким образом как бы замыкают вход из больших долин в малые. Малая речная долина с замкнутым укрепленным входом должна была составлять нечто единое в деле обороны и таким образом при случае выдвигать единого военного представителя. Общность экономических и социальных интересов внутри такой замкнутой долины должна была укреплять и поддерживать авторитет подобных предводителей, вне зависимости от того, какие обстоятельства выдвигали их первоначально, т. е. были ли они родовые старейшины, ставшие военными вождями, или же военные вожди, успехами и подвигами укрепившие свою власть над всей ближайшей округой. Было бы чрезвычайно интересно с этой точки зрения проследить расположение городищ по всей территории, когда-то занятой финнами. На возможную правильность подобного предположения наводит одно мало известное и недостаточно обследованное городище под самой Москвой, на реке Сетуни, почти у самого впадения этой речки в Москву. Спрятанное последним извивом Сетуни, оно не видно для плывущих по р. Москве, но всякий враждебный натиск на долину Сетуни должен был встретить немедленный отпор от неожиданно как бы вырастающего из-под земли городища.

Очень трудно сказать что бы то ни было о более детальном расслоении классового характера. Были ли у финнов кроме «князьцев» и сотников еще другие признаки социального расслоения? В XVI в. русские застали у некоторых восточно-финских племен зачатки каких-то привилегированных групп феодального типа, державших в своих руках землю и человеческий труд. Ни письменные ни вещественные памятники не позволяют решить, как обстояло в этом отношении дело в доисторическую эпоху. Зато пережитки древних обычаев у современных финнов убеждают, что в древнее время имела большое значение семейная организация. Семья — естественный союз для целей обороны и экономического сотрудничества. Судя по со-

временным бытовым остаткам, семья и была таким союзом, где наряду с властью домовладык уживались черты матриархата и гетеризма.

Если нельзя подробно изучить общественный и семейный быт древних финнов, то изучение их верований дает много материала, позволяющего установить, что у финских племен в самые отдаленные времена были уже зачатки какой-то примитивной жреческой организации, которая, однако, пользовалась большим влиянием.

Духовная жизнь первобытного народа довольно наглядно отражается в его погребальных обычаях. С этой стороны нам надлежит теперь изучить те погребения древних финнов, которые возможно с достаточным основанием считать принадлежащими им. Начнем с бескурганных могильников. Основным наиболее древним обрядом финского племени надо считать зарывание покойника в землю. Оно бесспорно господствует в больших могильниках; так в Борковском оно представлено 85% всех могил, в Кузьминском—почти 90%, в Лядинском — более 90%, в Шатрищенском, где вскрыто было всего 4 могилы, простое погребение оказалось в 3. В могильниках далее к востоку, например Кошибеевском, Сергачском, Максимовском, Холуйском и др., следов трупосожжения не оказалось вовсе. В Мурашком могильнике, у Самарской Луки, из 343 исследованных могил трупосожжение обнаружено только в двух. В 128 раскопанных могилах Армеевского могильника не оказалось ни одного трупосожжения. В западных могильниках встречаем аналогичную картину. В Люцинском могильнике трупопогребения найдены в 87½%, могил; в могильниках Прибалтийского края случаев трупосожжения также очень немного.

Если перейти к более поздним курганным полям, то в чисто финских местностях за погребением в собственном смысле слова остается такое же преобладание над трупосожжением, как и в бескурганных могильниках. Более северные курганы в заволжских частях губерний Костромской, Ярославской, Тверской, Новгородской, отчасти в Ленинградской губернии, где возможно хотя бы частично предполагать финское население, дают неизменно погребения.

Общая картина погребения в бескурганных могильниках приблизительно такова. Могилы находятся на различной глубине, что зависит не только от того, насколько глубоко зарывали покойников, но и от тех изменений, которые с тех пор претерпела поверхность поля. В них почти всегда лежат кости одного человека на спине, лицом вверх; направление головы по большей части на северо-восток или восток—северо-восток; отступления от этого правила редки. Руки и ноги обыкновенно вытянуты вдоль тела; очень редко кисти рук лежат на животе. Остатки колод и гробов обнаружены в небольшом числе только в западных могильниках. Зато почти везде встречались остатки бересты как под костяками, так и поверх их. Вероятнее всего, что покойников клали на бересту и покрывали ею, или же тело завертывали в бересту. Под костяками и около них было находимо много угольков, следов пепла и золы, что может указывать на остатки тризны. При погребениях, особенно при мужских, часто находили горшки, обычно довольно грубой ручной работы,

почти без орнаментации; в горшки, видимо, клали пищу; местами в них находили тончайшую пылеобразную землю, в других на внутренней стороне находили густую сеть интенсивной растительной поросли, которая могла развиться внутри горшков только от нахождения в них остатков какого-нибудь органического вещества. Мы не будем останавливаться на тех вещах, которые окружают костяк, так как они уже описаны выше. Общий смысл их тот, что вместе с покойником клали те предметы, которыми он особенно дорожил при жизни. Набор вещей и пища указывают, что загробная жизнь представлялась, как и в еще более древние времена, продолжением земной жизни, которую покойник ведет в могиле. На некоторые изменения в воззрениях наводит только почти неизменный обычай класть покойника так, чтобы его взор был устремлен на заходящее солнце. В этом виден признак существования поклонения движущим силам природы.

Более редкий обряд трупосожжения в бескурганных могильниках представляется в таких очертаниях. Остатки трупосожжений обнаруживались на дне могил в виде пласта из мелких обломков пережженных человеческих костей, перемешанных с золой, угольками и землею. В этой же массе находились обломки от глиняных горшков или по одному и даже по два горшка обычного похоронного типа вместе с оружием и украшениями. Самое трупосожжение совершалось не в могиле, а в стороне от нее. После сожжения собирали остатки пережженных костей, уцелевшие части металлических украшений и бесформенные слитки, от них оставшиеся. Все это зарывали в отдельную могилу, причем иногда на остатки трупосожжения клали новые украшения и оружие, в огне не бывшие. Иногда эти последние завертывали в бересту. В Шатрищенском Старорязанском могильнике удалось обнаружить отдельное место кострища, где совершалось сожигание трупа перед зарытием его остатков в могилу. Обнаруженное на глубине 1 *м* от поверхности, кострище представляло сплошной пласт углей (более 2,5 *м* длины, до 1,4 *м* ширины и до 44 *см* толщины), кое-где перемешанных с землею, песком, обожженными кусочками глины, железными шлаками, мелкими бесформенными слитками бронзы и тонкими небольшими прослойками пережженных костей. В толще угольного пласта попадались отдельные куски углей 18 *см* длиною; по форме этих крупных углей можно было заключить, что костер был сложен из тонких круглых бревен и расколотых плах. В Люцинском могильнике остатки трупосожжения иногда обвертывались или покрывались берестой.

В курганных погребениях б. Владимирской и Московской губерний встречается обычай складывать остатки трупосожжений в горшок; иногда вокруг этого горшка лежат сожженные кости животных.

Имея дело с двумя погребальными ритуалами, из которых один преобладает, а другой является побочным, хотя и достаточно заметным, возникает вопрос о их взаимном отношении. Безусловное господство погребения, равно как и то, что в более ранние эпохи, когда все-таки можно предполагать присутствие здесь тех же финских племен, именно погребение господствовало почти исключительно,—заставляет именно в нем видеть основной ритуал финских

погребений. За трупосожжением же при таком предположении остается признать характер обычая нового, занесенного к финнам извне от славян или на западе от литовцев. То обстоятельство, что чем далее к востоку, тем менее следов трупосожжений, может служить подтверждением сделанного предположения.

Изменения в верованиях также могли происходить под влиянием соприкосновения финнов с другими племенами, в частности со славянами и литовцами.

Разница внешних форм погребения уже давно навела исследователей на правильную мысль, что различные формы были в употреблении у различных финских племен. В бескурганных могильниках погребали усопших предки мордвы, черемис, вероятно муромы и мещеры. С другой стороны, тот же обычай господствовал у крайней западной группы финнов — ливов и эстов. Отмеченная лингвистами филологическая близость языка эстов и мордвы вскрывает еще более глубокую близость этих племен, сказавшуюся и в погребальных обычаях.

Изучение городищ Дьякова типа и близких к ним городищ и костищ восточной России дает возможность вскрыть некоторые другие стороны верований и религиозных обычаев финнов. Описывая в предыдущей главе городище Дьякова типа, мы привели характеристику их как жертвенных мест, сделанную А. А. Спицыным. Нельзя допустить, чтобы такие городища были исключительно священными местами: против этого говорят и остатки жилья и простые обиходные предметы, найденные в некоторых из них, и стратегически-командующее положение других. Но основная мысль частично верна: некоторые городища на самом деле служили, вероятно, только для целей культа. Но если существовали места, по значению своему равнявшиеся храмам, то должны были быть люди, приносившие жертвы, посредники между народом и божеством, т. е. что-то вроде жрецов и кудесников, должно было существовать и поклонение богам.

Свидетельства древней письменности, русской и скандинавской, дают хотя и не многочисленные, но очень ценные сведения, которые позволяют осветить археологический материал. Под 1024 г. наша древнейшая летопись сообщает, что «в Суздали восстали волхвы, избивали старых людей по дьявольскому наущению и бесованию, говоря, что те прячут хлеб»[1].

Под 1071 г. помещен обстоятельный рассказ о столкновении Яна Вышатича, воеводы Черниговского князя Святослава Ярославича, с волхвами на Белом озере во время сбора им дани. «Раз во время голода в Ростовской области вышли два волхва из Ярославля, говоря, мы знаем, кто держит урожай, и пошли по Волге; где придут в погосты, называли лучших женщин, говоря, эти хлеб прячут, те мед, те рыбу, а те меха. И приводили к ним сестер, матерей и жен, а они в ослеплении резали их за плечом и вынимали хлеб или рыбу и убивали многих женщин, отбирая себе их имущество. И пришли и Белоозеро и было при них 300 человек». Узнав об этом и выяснив, что волхвы состоят в подданстве его князя, Ян потребовал

[1] Полное собрание русских летописей, I, 64, 65.

выдачи волхвов, но получил от местных жителей отказ. Тогда он попробовал овладеть волхвами силою, но потерпел неудачу. Наконец Ян заявил белозерцам, что если не выдадут волхвов, то он будет собирать с них дань до зимы. Это подействовало, и волхвы были выданы. На допросе волхвы сказали между прочим, что они знают, как сотворен человек. «Бог мылся в бане, вспотел и, отираясь тряпкой, бросил ее на землю. После этого бог поспорил с сатаной, кому из тряпки сотворить человека. Сошлись на том, что сатана сотворил тело, а бог вложил в него душу, поэтому, когда человек умирает, тело идет в землю, а душа к богу». Не будем следить за дальнейшей судьбой волхвов, которых Ян предал кровной мести родственникам убитых женщин. Но по тому же поводу летописец далее, в назидание, сообщает еще следующий рассказ: «Пришлось одному новгородцу пойти в чудь и пришел он к кудеснику, желая, чтоб тот ему поворожил». Когда гадание началось, кудесник заявил новгородцу, что его боги боятся того, что носит новгородец, т. е. креста. Далее боги кудесника рисуются уже в виде обыкновенных бесов, имеющих, однако, ту особенность, что они летают под небо «подслушивать ваших (т. е. христианских) богов» [1].

Кудесник — чудин, т. е. финн; волхвы в Суздальщине и на Белоозере, несомненно, также финны, ибо этот край в XI в. был еще полон финскими туземцами. И видно, что финские волхвы и кудесники славились и пользовались большим авторитетом. Приверженная к язычеству «заблудящая» чудь упорно сопротивлялась проповеди Леонтия, первого ростовского епископа, жившего в XI в. Его преемник Исаия в 1080-х годах усердно уничтожал места языческих молений, но все-таки большого успеха не имел. Только третьему ростовскому епископу, Авраамию, удалось наконец сломить и одолеть упорство язычников. Особенно противился ему «чудский», т. е. финский конец в Ростове. Как видно, именно финны оказывали особенно упорное сопротивление христианской проповеди. То, что мы знаем о деятельности первых ростовских епископов, имеет много сходного с деятельностью Стефана Пермского, недавнего проповедь в XIV в. у зырян. И Стефану пришлось разрушать места языческих молений и бороться с зырянскими волхвами и кудесниками. Житие сохранило и имя главного волхва — сотника Пама.

С другой стороны, все рассказы скандинавских саг о далекой Биармии, стране по низовьям Северной Двины и берегам Белого моря, полны сведений о колдовстве биармийцев, т. е. финнов. Финны, в то время занимавшие северную часть Скандинавского полуострова, всегда казались норманнам воплощением волшебства и колдовства. И у норманнов финские кудесники — самые искусные предсказатели и самые опасные противники. Такую же характеристику финнам дает Саксон Грамматик, секретарь Роскильдского епископа в Дании, живший в XII в. и черпавший сведения из рассказов и преданий о поездках скандинавов на север. Он говорит между прочим, что финны особенно «прилежны к изучению колдовства» [2]. Наконец в скандинав-

[1] Полное собрание русских летописей, I, 75—77.
[2] Incantationum studiis incumbunt, 248.

ских сагах об Орваре-Одде, о Баси и о Торире-собаке — сохранился рассказ о финском святилище в честь божества Номала, существовавшем в Биармии, стране заволоцкой чуди. Они описывают его как курган, обнесенный забором, причем на кургане или подле него стоял истукан Номалы, а все место было наполнено сокровищами. Важны, конечно, не отдельные подробности, сообщаемые летописями, житиями и сагами; важно их общее, согласное свидетельство о существовании у финнов могущественных волхвов, о их силе и авторитете, об упорной привязанности к своей религии, о существовании у них жертвенных мест и храмов. Последнее обстоятельство подтверждается археологическими памятниками — городищами.

Изучение быта современных восточно-русских и северно-сибирских финских племен помогает уяснить сущность религиозных верований их предков. Остатки язычества упорно сохранились до последнего времени не только среди вогулов и остяков, не только среди вотяков, пермяков, зырян, но и среди мордвы и черемисов. Рассказ о волхвах 1071 г. передает в несколько затемненном виде обычай, до сих пор сохранившийся у мордвы и описанный П. И. Мельниковым. У мордвы существуют общественные жертвоприношения их языческим богам. Особые сборщики ходят по дворам и собирают припасы непременно от женщин, которые для этой цели приготовляют особые мешки с мукой, медом, яйцами, маслом и т. п. Мешки женщины надевают через плечо, и когда появляется сборщик, они становятся задом к двери, обнажая плечи и грудь до пояса. Сборщик, помолившись богам, отрезает мешочки и колет женщину в плечо и спину пять раз священным ножом. Так сильны еще у мордвы пережитки древних языческих обрядов и верований.

Конечно, это — следы человеческих жертвоприношений, на существование которых в древности есть и другие косвенные указания. До сих пор восточные финны верят, что покойник в могиле сохраняет все свойства живого человека и будет вести за гробом ту же жизнь, которую он вел на земле. Нередко покойнику ставят на могилу пищу, а дома в особую чашку откладывают покойнику его часть кушаний. У черемисов в обычае закалывать на могиле любимую лошадь покойника, которая ему понадобится и за гробом. У мордвы до сих пор существует поверие, что покойник на сороковой день выходит из могилы и принимает участие в поминальном пиршестве. В одежды покойника на этот день переодевается один из его ближайших родственников и представляет его во время тризны. Существует у мордвы и вера в вампиров, в которых обращаются некоторые покойники. Вместе с приведенными сейчас пережитками первобытного анимизма у восточных финнов господствует представление о том, что спустя некоторое время душа переселится в особый далекий, светлый мир, сливаясь в нем с бесчисленными духами, господствующими во вселенной. В их теперешнем виде эти верования заимствования у соседних народов — русских и тюрков. Но весьма вероятно, что такие же поверья существовали у их предков в эпоху могильников и тоже носили следы влияния соседей. Не в этом ли кроется разгадка появления трупосожжения и его существования наряду с основным обычаем погребения?

Высшим владыкой мира восточные финны считают одно или несколько довольно смутно очерченных божеств. У черемисов такое божество носит название Юма, у пермяков — Ен, у вотяков — Генмар, у мордвы — Шкай. Понятия эти, подобно такому же общему термину западных финнов — Юмала, в настоящее время обычно прилагаются к христианскому богу. Весь мир населен, по мнению восточных финнов, духами злыми и добрыми, живущими в камнях, в растениях, иногда в животных. Все они требуют поклонения, умилостивления, жертв.

Древняя русская летопись, рассказывая о новгородце, отправившемся гадать в Чудь, отождествляла чудских богов с христианскими бесами. Но все же, передавая рассказ о финских божествах, она верно подметила одну из основных черт финских верований — множество духов, витающих во вселенной, духов низшего характера, часто вредящих людям. Летописцу легко было смешать их с бесами. Отсюда множество жертвоприношений, обрядов, заклинаний, в которых ведущими лицами являются такие же жрецы, кудесники, какие упоминаются в нашей летописи. Кудесник-заклинатель, во многих отношениях напоминающий сибирского шамана, а у зауральских финнов и очень близкий к нему, — лицо влиятельное и могущественное у восточных финнов и до сего времени. Очень характерно, что и в космогонических представлениях современных восточных финнов встречаются мотивы, подобные тем, которые отмечены в нашей летописи. Так, по поверьям черемисов, верховный бог спускал свою дочь на землю на войлоке; дочь познакомилась с людьми, а через нее люди познакомились и с богом. По представлениям, господствующим у мордвы, Шайтан — олицетворение злого начала, сам возникший из плевка Шкая, оплевал тело человека, сделанное Шкаем из глины, и вдунул в него злое дыхание. Тогда Шкай вывернул человека наизнанку, очистил его и вдунул в него доброе дыхание. Все же слюна Шайтана осталась в теле человека; она сделалась источником болезней. Освобождение человека от Шайтана все-таки было неполным. Шкай владеет им только при жизни, а после смерти отдает его Шайтану.

О священных местах молений, какими в древности были некоторые из городищ, до сего времени напоминают лесные поляны, на которых происходят «моляны» у мордвы и у других восточных финских племен, и священные дубы, поклонение которым продолжается и в наши дни.

Сопоставление стойких пережитков, до сих пор или до последнего времени сохранившихся в обычаях и в верованиях восточно-финских племен, с немногими, но яркими свидетельствами древней письменности и с молчаливым свидетельством городищ и курганов позволяет довольно точно выяснить общий характер верований древних финнов. В основе их лежал первобытный анимизм, который, однако, в последнюю доисторическую эпоху, т. е. в VII—X вв. хр. эры, уже успел осложниться новыми, более сложными воззрениями. Появились представления, хотя, может быть, и смутные, о светлом загробном мире, а видимый мир населился бесчисленным количеством духов, большей частью вредных и опасных для чело-

века. Над духами, не слишком отделяясь от них, возвышались верховные божества, и появились смутные космогонические теории, частично запечатленные древнерусским летописцем и выясненные современными исследователями. Представления о духах могли непосредственно развиться из анимизма; однако чрезвычайно сильное развитие кудесничества, с которым тесно связано мнение о финнах, как могущественных колдунах и волшебниках, — мнение, разделяемое и русскими и скандинавами, наводит на мысль, что здесь мы имеем дело с чем-то вроде шаманства, которое вероятно было занесено когда-то к финнам из Азии вместе с теми бронзовыми изображениями чудесных зверей и птиц, которые уже несомненно принесены были из Азии по путям, ведшим из Тибета и Монголии через Алтай, Западную Сибирь и Уральский хребет.

ГЛАВА VII.

ВОЛЖСКИЕ БОЛГАРЫ.

Имя болгар, как отдельного народа, впервые упоминается греческими источниками в конце V в. хр. эры под 482 г. Историк Феофан, писавший в VIII и начале IX вв., но пользовавшийся более древними, не дошедшими до нас сочинениями, говорит, что в 501 г. болгары, о которых до того никто не знал [1], совершили набег на империю. В это время болгары кочевали где-то у низовьев Дуная и Днестра и далее до берегов Меотийского озера и устьев Дона. Вскоре они подпадают под власть более сильного и значительного народа аваров, центром державы которых была Паннонская низменность, теперешняя Венгрия.

О судьбах болгар в VI и VII вв., до разделения их на несколько отдельных ветвей, нами рассказано в связи с народными движениями, происходившими в южнорусских степях от появления в них готов до временного замирения их под властью Хазарской державы. В половине VII в., если следовать повествованию Феофана, после смерти хана Курта или Куврата, при разделении его народа между пятью его наследниками и сыновьями, старший из них Батбай, «верный завету отца, остался на земле предков, где потомки его орды остаются и до сего дня» (IX в.) «Второй брат, звали его Котрагом, перейдя реку Танаис (Дон), расположился напротив старшего брата» [2]. Следующее прямое и достоверное известие о болгарах, живущих уже издавна на средней Волге и нижней Каме, сообщает арабский писатель Ибн-Фадлан, посетивший Болгарию в 922—923 гг.

Первый вопрос, который приходится решить, заключается в том, можно ли установить связь между болгарами, тюркским племенем, сродным гуннам и аварам, кочевавшим в V—VII вв. в южнорусских степях, и болгарами волжскими?

Лучшим способом решения вопроса было бы сравнение языков болгар дунайских и камских. К сожалению, о том и другом мы имеем почти столь же недостаточное понятие, как и о языках скифском или хазарском. От дунайских болгар не дошло ни одного письменного памятника на их национальном языке, так как орда завоевателей очень быстро подверглась там обратному культурному завоеванию покоренных славян и влиянию греческой цивилизации.

---

[1] *Феофан*, 123; *Стриттер*. Memoriae Populorum, II, P. II, 496—497.
[2] *Феофан*, 296—299; *Стриттер*, там же, 504, 505.

Для камской Болгарии есть данные, что там существовала местная письменность, но, к сожалению, ни одного произведения этой письменности не сохранилось. Для суждения о языке болгар дунайских мы располагаем несколькими именами и отдельными терминами, сохранившимися в славяно-болгарской письменности, в немногих нам известных эпиграфических памятниках и наконец в византийских известиях о Болгарии. Приведем пример. Из памятников славяно-болгарской письменности особенного внимания заслуживает краткий хронологический перечень первых болгарских князей, находящийся в двух сохранившихся в СССР рукописных сборниках XVI в., где он вставлен в русский хронограф. Вот отрывок перечня, дающий некоторое о нем представление. «Авитохол жит лет 300, род ему Дуло, а лет ему дилом твирем. Курт, 60 лет держа, род ему Дуло, а лет ему шегор вечем... Есперих князь 60 и одино лето, род ему Дуло, а лет ему верени алемь... Кормисош, 16 лет, род ему Вокиль, а лет ему шегор твирем. Сий же князь измени род Дулов, реките Вахтунь; Винех 7 лет, а род ему Укиль, а лет ему шегор алемь» и т. д. [1]. Наиболее ценным эпиграфическим памятником надо считать найденную в 1905 г. при д. Чаталар, неподалеку от первой столицы болгарских князей за Дунаем, надпись хана Омортага (815—830). «Хан Ивиги Омортаг, в земле, где родился по воле божией архонт. Держа свой лагерь в Плиске, основал яуз в Тыче и двинул силу на греков и славян и искусно построил мост на Тыче; перенес и поставил в этом самом замке четыре колонны и на одной из колонн поставил два медных льва. Бог да поможет волей божьей архонту согнуть царя под ногу свою до тех пор, пока течет Тыча, и да даст болгарам много пленников; напоследок же, подчинив себе врагов, в радости и веселии да живет 100 лет. Время же, когда было строение, по болгарскому счислению сигорелем, а по-гречески индикта 15» (822) [2]. В византийских хрониках неоднократно встречается титул болгарских князей или ханов—«Kanas ivigi», титулы высшей знати—**воилады, богатуры, тарханы, кавханы и т. п.**

От болгар волжских, ближе нас интересующих, дошло несколько слов, сохранившихся в русских летописях и в произведениях арабских писателей, например «трунове» — для обозначения болгарской знати — и надписи на надгробиях в с. Болгарах и других древне-болгарских городищах [3].

Все перечисленные сейчас немногие, но тем более драгоценные остатки сделались предметом самых упорных и вдумчивых исследований, которые привели к очень определенным и положительным результатам. Оба языка оказались близко родственными, они несомненно принадлежат к тюркской семье языков, и, что самое инте-

---

[1] Об «пирцу» литературу о перечне болгарских князей см. в ст. Миккола «Хронология дунайских болгар», «Известия о-ва археологии, истории и этнографии при Казанском университете», XXIX, вып. IV, Казань 1916.

[2] Известия Русского археологического института в Константинополе, X, 346.

[3] Сводку см. в работе *Н. И. Ашмарина*, «Болгары и чуваши», «Известия о-ва археологии, истории и этнографии при Казанском университете». XVIII, вып. I—III, Казань 1902.

ресное и ценное, слова болгарского языка как дунайского, так и камского находят ближайшее объяснение в современном языке чувашей, обитающих в особой автономной республике, занимающей теперь как раз значительную часть территории древней Камской или Волжской Болгарии. Отсюда и дальнейшие окончательные выводы: Болгары дунайские и камские были одного происхождения и первоначально составляли один народ, а теперешние чуваши являются их единственными уцелевшими прямыми потомками. К сожалению, очень нелегко подвергнуть сравнению развалины, оставшиеся от дунайских и волжских болгар, с точки зрения их общего характера. Дело в том, что грандиозные еще и в их теперешнем состоянии развалины г. Булгара (б. Казанской губернии Спасского уезда) относятся к позднему времени — к XIII—XIV вв., когда ислам уже успел пустить там глубокие корни. Между тем произведенные в 1899—1900 гг. раскопки древнейшей дунайско-болгарской столицы, точнее — военной ставки или укрепленного лагеря в Абобе-Плиске, обнаружили развалины зданий VIII—IX вв., т. е. периода языческого и раннехристианского [1]. Впрочем, может быть, некоторое поверхностное сходство есть: и здесь и там мы имеем дело с отдельно стоящим ханским двором, который в Булгаре был, повидимому, примкнут к городу с южной стороны, имея входы с севера и с юга, а в Абобе-Плиске представлял одинокую ханскую ставку с сооружениями, строго ориентированными по странам света.

Ближайшее родство, точнее, первоначальное племенное тождество, болгар дунайских и волжских, в настоящее время доказанное и не допускающее сомнений, придает особую ценность приведенному выше рассказу о разделении болгар на отдельные ветви по смерти хана Куврата, дошедшему до нас в сочинении Феофана. Болгары, последовавшие за Котрагом, вторым сыном Куврата, первоначально расположились к северу от нижнего течения Дона. Это было во второй половине VII в. Что могло заставить их передвинуться к северо-востоку на среднюю Волгу? Надо помнить, что хозяевами южнорусских степей в это время становились хазары; самое разделение болгар, их распадение на части, следует, вероятно, ставить в связь с возраставшим могуществом их соседей и соплеменников. Из двух ветвей, которые остались на прежних местах, одна под именем черных болгар превратилась в хазарских данников и постепенно сошла с исторической сцены, затерявшись, может быть, в конце концов под именем балкар в предгориях северного Кавказа между осетинами и кабардинцами [2]; другая, в поисках вольных и свободных мест, где бы она могла сохранить свою независимость, потянулась на север и у слияния Волги и Камы нашла край, где не только отстояла себя от хазар, но стала соперничать с ними и надолго пережила их.

Поселившись в области слияния Камы и Волги с главными центрами по низовьям первой и по луговому берегу второй, болгары

[1] Известия Русского археологического института в Константинополе, X, Материалы для болгарских древностей. Абоба-Плиска, София 1905.

[2] См. о них *Кармалова*, «Балкары на Кавказе», «Известия О-ва археологии, истории и этнографии при Казанском университете», XIV, вып. II, 1907.

попали на территорию, уже богатую прошлой жизнью. Ананьино—центр камской и вообще восточнорусской бронзовой культуры—оказалось почти в средине территории, занятой болгарами. Если вспомнить, что Ананьинская культура имеет и более молодые отпрыски в виде, например, Пьяноборского могильника, который может быть служил еще кладбищем в начале христианской эры, то этого уже достаточно, чтобы видеть, что край, перешедший в обладание пришедшего с юга тюркского племени, был краем с долгой и яркой торгово-культурной традицией. Наконец, и это не последнее, и эпоха Пьяноборского могильника и очень скоро пришедшая ей на смену эпоха пермско-чудских древностей хранят ясные следы культурных сношений с Сибирью. Болгары расположились на соединении двух важнейших речных путей Восточной Европы. Верхняя Волга вела на запад, Кама—к Уралу и Сибири, а нижняя Волга соединяла новую страну болгар с Каспием, а через него с Кавказом и культурным Востоком. Это счастливое сочетание торговых путей, не оставшееся в свое время без влияния на возникновение здесь богатой бронзовой культуры, снова оказало свое влияние; оно способствовало укреплению болгарской державы и предопределило ее многовековое процветание.

Едва ли можно предполагать, что болгары при появлении своем на Волге и Каме были очень многочисленны. В компилятивном сочинении испанского араба Аль-Бекри, жившего в XI в., нарочито указывается, что их совсем немного: «и они малочисленны, около 500 отцов семейств» [1]. Конечно, это преувеличение, и такой цифре доверять нельзя, разве только, если под словом семья понимать очень разветвленные роды. Известие это во всяком случае отражает общее представление о численности болгар, господствовавшее у арабов, наблюдавших жизнь Волжско-Камского края. Но, поселившись в своей новой стране, болгары застали там какое-то население, которое себе подчинили. Есть полное основание думать, что это население было финским. За это несомненно говорят финские ранние погребальные памятники, которые спускаются по Каме до ее низовий, а по Волге—до Самарской Луки и до Саратовского края. С юго-востока к болгарской территории подходила страна родственного им по происхождению тюркского племени башкир. Возможно, что появление болгар на Волге и Каме оказало влияние на судьбы финского племени угров-мадьяр. Из всех финских языков язык последних сделал наибольшее количество заимствований из тюркских наречий, да и самое превращение мадьяр в кочевую конную орду, подобную тюркской, должно было совершиться под влиянием длительного и отнюдь не мирного жительства в соседстве с тюркскими племенами.

Конечно, сказанное сейчас есть только предположение. Восточные писатели почти без исключения говорят только об одном народе, который они неизменно помещают в ближайшем соседстве с болгарами. Они называют этот народ буртасами или фрдасами. «Буртасы живут преимущественно по берегам реки, называемой их именем и впадающей в Итиль (Волгу.—*Ю. Г.*). Занимаясь земледелием, они

[1] *Куник.* Известия Аль-Бекри и других авторов о Руси и славянах, I, 63.

живут в разбросанных поодиночке деревянных домах. Их язык отличается от болгарского. Из их страны, длина которой 15 дней, происходят знаменитые шкуры черных и рыжих лисиц, называемых буртасскими. Они предназначаются исключительно для государей и правителей, которые хвастаются, украшая шубы, кафтаны и шапки буртасскими черными лисицами»[1]. «Буртас есть имя страны, так же точно как Русь и Хазар. Язык булгар сходен с языком хазар; буртасы же имеют другой язык»[2]. «Земля буртасов лежит между хазарскою и болгарскою на расстоянии 15 дней от первой. Буртасы выставляют в поле 10 тыс. всадников. Нет у них верховного главы, который бы управлял ими и власть которого признавалась бы за законною; есть у них в каждом селении только по одному или по два старшины, к которым обращаются они за судом в своих распрях. Земля их просторна и изобилует лесами. На болгар и печенегов, будучи сильны и храбры, производят они набеги. Собою они стройны, красивы, дородны. Если один из них обидит другого, согласия между ними не бывает, прежде чем понесший вред не отомстит обидчику. Девица у них, когда войдет в лета, перестает повиноваться отцу, и сама по желанию своему выбирает себе кого-либо из мужчин для сожития с ним, пока не явится к отцу ее жених, который сватается за нее, и если понравится отцу, получает от него дочь в замужество. Буртасы имеют верблюдов, рогатый скот и много меду; главное же их богатство состоит из куньих мехов. Одни из буртасов сожигают покойников, другие хоронят. Занимаются они и земледелием, но главное их богатство составляют мед, меха куньи и мех вообще»[3]. «Между странами балкар и фрадсов три дня пути»[4]. Таковы сведения о буртасах, в многочисленных мелких вариантах приводимые у различных арабских авторов, часто буквально повторяющих один другого. Постараемся в них разобраться.

Буртасы живут гораздо ближе к болгарам, нежели к хазарам, следовательно, где-нибудь около Самарской Луки и севернее от нее. Их местность лесная и в то же время где-то граничит со степью, где кочуют печенеги,—отсюда можно заключить, что они обитают по правому берегу Волги и что их южная граница совпадала с тогдашней границей леса и степи, т. е. шла не южнее севера прежней Саратовской губернии. Они не объединены, но распадаются на родовые деления со старшинами во главе. Нравы их, поскольку говорится о их девушках и о браках, очень напоминают нравы и обычаи, сохранившиеся до нашего времени у восточных финнов. Их верования напоминают, по словам арабов, верования узов, т. е. тюркских племен,—а мы знаем, что языческие верования финнов, подобно верованиям тюркских племен, имели много черт шаманизма; оба погребальных ритуала—сожжение и погребение—встречаются почти во всех финских могильниках первого тысячелетия хр. эры. Все это, вместе взятое, заставляет видеть в буртасах самое юго-восточное из финских племен на правом берегу Волги, обитавшее к востоку от мордвы,

[1] *D'Ohsson*, Les peuples du Caucase, 72, 73 (по Масуди и Ибн-Хаукалю).
[2] *Гаркави*, Сказания мусульманских писателей. Ибн-Хаукаль, 218, 219.
[3] *Хвольсон*, Известия Ибн-Даста, 19—21.
[4] *Куник*. Известия Аль-Бекри, I, 62. *Хвольсон*, Известия Ибн-Даста, 24.

главным образом по нагорному правому берегу Волги и, вероятно, по рекам Суре и Свияге, из которых одной, может быть, и присвавалось имя буртасской реки.

Вопрос о буртасах вызывал много споров и обсуждений, происходивших оттого, что в дальнейшем буртасы исчезают, тогда как другие восточно-финские племена, например мордва и черемисы, имя которых хорошо было известно с очень давнего времени, уцелели до наших дней. Новейшие этнографические изыскания убедили однако, что имя буртасов не совсем исчезло из памяти людской. Буртас знают русские официальные акты XVI и XVII вв. В настоящее время в б. Цивильском уезде Казанской губернии существует целая группа селений, жители которых слывут у соседей под именем буртасов, хотя по общему облику и по языку эти буртасы мало чем отличаются от чувашей[1]. В этой местности есть и селение Нордас или Буртас. Другое село Буртасы находится в б. Тетюшском уезде на правом берегу Волги, несколько ниже устья Камы. Таким образом представляется возможность предположить, что древнее финское племя буртасов, близ которых, а может быть, отчасти и среди которых поселились болгары, стало подвергаться постепенному слиянию с болгарами и что современные чуваши, будучи в общем потомками болгар, имеют в своем составе также и потомков обболгаренных в свое время буртасов. Косвенным подтверждением этого может служить то, что чуваши разбросаны по всей почти территории, которую арабские писатели отводят буртасам. Соответственно такой возможности этнологи указывают на двойственность антропологического типа чувашей—белокурых и рослых, с одной стороны, низкорослых брюнетов — с другой. Процесс превращения буртасов в болгар имеет себе аналогию в процессе, начавшемся с появлением в этом крае татар и продолжающемся до нашего времени—в постепенном отатарении чувашей. Характерно при этом, что финны-черемисы своих соседей татар называют «суас», т. е. чувашами. Это можно объяснить или тем, что прежнее название местной господствующей народности черемисы перенесли на татар, занявших с конца XIV века господствующее значение в крае, или же тем, что с татарами слилась часть чувашей-болгар, подобно тому, как в более древнее время господствовавшие чуваши-болгары ассимилировали себе покоренных ими буртасов.

Существование буртасов, как отдельного финского племени, обитавшего на правом берегу Волги, примерно в пределах прежней Ульяновской губернии, может быть подтверждено и археологическими наблюдениями. Как раз в южной части предполагаемой Буртасской территории находится исследованный в 90-х годах прошлого века В. Н. Поливановым могильник при с. Муранке на границе б. Сенгилеевского и Сызранского уездов у Жигулевских гор, почти на шейке Самарской Луки. В этом бескурганном могильнике было вскрыто 377 погребений, из которых в двух оказались следы трупосожжения. Найденные в могильнике золотоордынские монеты все отно-

[1] *Смирнов*, Чуваши, Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона, 76; *Ашмарин*, Болгары и чуваши, 62.

сятся к XIV в., что указывает, что Мурашкий могильник продолжал служить местом погребения в очень позднее время. Этим, может быть, надо объяснять и малое число следов трупосожжения, как обычая, уже успевшего выйти из употребления. По общему характеру погребального инвентаря Мурашкий могильник ближе всего подходит к могильникам Тамбовской губернии и потому должен быть признан финским. К тому же выводу привели и наблюдения над добытыми при раскопках черепами. Вокруг Мурашкого могильника и в настоящее время расположены деревни с чувашским населением. О том, чтобы сюда проникало когда-нибудь соседнее финское племя—мордва, нет никаких указаний. А между тем могильник расположен как раз в южной части той территории, которую в свое время занимали буртасы. Вот почему нам кажется, что вслед за исследователем этого памятника[1] его следует приписывать не кому иному, как именно финнам-буртасам, остатки которых еще сохраняли свой древний погребальный ритуал в XIV в., когда они по языку, может быть, уже успели превратиться в болгар-чувашей. Буртасам следует приписать также те финские могильники, которые были исследованы П. С. Рыковым в северной части б. Саратовской губернии в 1926 и 1927 гг.

Центром болгарского царства было слияние Камы и Волги. Вокруг этого центра простиралась собственно болгарская территория, на которой совершался указанный выше постепенный процесс ассимиляции завоевателей с завоеванными, который составляет как бы особую черту истории всех ветвей болгарского племени. Здесь находились на довольно близком расстоянии друг от друга несколько городов; их сравнительная скученность создает впечатление о Волжской Болгарии, как о стране городов. Наиболее интересным вопросом, касающимся болгарских городов, является вопрос о том, где находился «великий город» Булгар—столица, описание которой дают арабские писатели. До сих пор мнение об этом делится на два определенных направления. Повидимому, нельзя сомневаться в том, что в самые поздние времена существования Болгарии—в XIII—XIV вв.—главным их городом был Булгар, или Великий Булгар, развалины которого до сих пор еще, несмотря на многовековые расхищения, сохранились близ с. Успенского-Булгары б. Спасского уезда Казанской губернии. Развалины расположены километрах в 30 ниже устья Камы и километрах в 6 к востоку от Волги, на луговом берегу ее. Остатки города до сих пор свидетельствуют о его былом величии. Он был расположен на горе и обведен валом и рвом, когда-то подкрепленными крепкой деревянной стеной. К южному концу большого городища примыкала цитадель, также обведенная рвом и валом. Средину ее занимал, вероятно, ханский дворец, место которого обозначено особым небольшим рвом; в него вели два хода—с севера и юга; первый украшен был двумя башнями, между которыми должны были быть ворота. На территории собственно города сохранилось несколько монументальных зданий: все они, однако, сравнительно поздней архитектуры, арабско-мусульманского характера; некоторые из них были не-

[1] *Поливанов*, Мурашкий могильник, М. 1896, стр. 42.

сомнению мечетями (рис. 29). Но был ли этот Булгар тем самым «великим городом», где была столица болгарского ханства в более ранее время? Против этого говорит свидетельство одного из арабских писателей Мукаддеси, писавшего в 985—986 гг. хр. эры. Он утверждал, что г. Булгар лежит у реки Итиль (т. е. Волги) и находится ближе к морю, чем столица.

В таком случае столицу надо искать где-то выше и притом не на Волге.

Некоторые из арабов называют болгарскую столицу «Булияр», или «Биляр». Близкое сходство названий давало возможность путать оба города. Город Булгар или Биляр действительно был в древней Бол-

Рис. 29. *План Болгарского городища.*

гарии, и память о нем сохранилась в названии городка Билярска б. Чистопольского уезда Казанской губернии, расположенного на верховьях реки малого Черемшана, в километрах в 100 к югу от нижнего течения Камы и километрах в 70 к востоку от развалин г. Булгара. Билярское городище имеет вид почти прямоугольника, окруженного тремя валами. В длину и в ширину городище простирается на 2,5 *км*. Части городища прорезываются реками Билярой и Серебрянкой, сливающимися внутри его. Теперешний город Билярск занимает один из углов городища. В XVIII в. на городище еще видны были развалины зданий; в 20-х годах XIX в. от них оставались уже только груды камней; теперь не осталось и их. В ближайших окрестно-

стих городища возвышаются курганы, оставшиеся, кажется, и до нашего времени необследованными. Мысль о том, что именно Биляр был столицею древних болгар, имеет много сторонников; окончатель-

Рис. 30. *Раскопки на Билярском городище.*

ное решение может быть достигнуто обстоятельным исследованием Билярского городища (рис. 30).

Кроме двух городов, сейчас названных, у волжских болгар всегда упоминается г. Сувар, расположенный неподалеку от Булгара, по всей вероятности близ с. Кузнечихи на р. Утке (в Спасском кантоне Татреспублики). Известные из русских летописей болгарские

города Ошел и Жукотин были расположены—первый на правом берегу Волги, между устьем Камы и Тетюшами при впадении р. Кирелки в Волгу; второй—на низовьях Камы, километрах в 10 от нынешнего города Чистополя; его русское название происходит, повидимому, от Джуке-тау—Липовая гора (так до сих пор местные татары называют одну из возвышенностей близ древнего городища)[1] (рис. 31). Русские летописи говорят о взятии Ошела «на щит», т. е. приступом, суздальской ратью в 1220 г. и о сожжении его. Поверхностные раскопки городища на устье Кирелки показали, что находившийся здесь древний город погиб от пожара[2]. В русских летописях упоминаются и другие болгарские города, например: Керченчук, Бряхимов[3], Тух-

Рис. 31. *Валы Жукотинского городища.*

чин, Торецкий, Челмат и т. д.; точное их местонахождение до сих пор не определено.

Приведенными названиями городов не исчерпывается перечень древних болгарских поселений[4]. Редкая местность СССР так богата

---

[1] *Пономарев*, Владения липецких князей, «Известия о-ва археологии, истории и этнографии при Казанском университете», т. X, 1892.

[2] Полное собрание русских летописей I, 188; VII, 126—127; *Пономарев*, Город Ошель и его следы, «Известия о-ва археологии, истории и этнографии при Казанском университете», X, 1892.

[3] По всему вероятию это название принадлежало «Булгару» у с. Успенского на Волге (*Смолин*, Болгарский город Бряхимов, «Известия о-ва археологии, истории и этнографии», XXXIII, вып. I, Казань 1925).

[4] В 1925 г. были например произведены некоторые исследования у с. Баламеры, служившего гаванью гор. Сувара (*Смолин*, Археологический очерк Татреспублики, Казань 1925; его же, «Раскопки «Шолома» в с. Болгарах», «Известия», XXX, вып. II, III, 1926.

городищами, представляющими следы укрепленных городских поселений позднего железного века, как луговой берег Волги, между р. Казанкой и течением Камы от Елабуги и устья Вятки, весь обширный край, ограниченный нижней Камой, Волгой и Белым Черемшаном, и наконец узкая полоса нагорного берега Волги от впадения Камы до Самарской Луки. Очерченными границами определяется, так можно думать, основная территория болгар, составлявшая с VIII по XIV в. территорию болгарского ханства. К западу от болгарских городков, почти уникальных правый берег Волги, шла уже земля буртасов, тянувшаяся на юг от устья Суры. Этот край, повидимому, также довольно рано подчинился болгарской державе и настолько прочно слился с ней, что и территорию буртасов можно с полным основанием причислить к основному ядру Волжской Болгарии.

За основным ядром шли земли, которые можно назвать землями, входившими в сферу влияния болгарской державы. Очертить их круг довольно трудно, ибо нельзя различить сколько-нибудь ясно, где кончалось влияние политическое и оставалось только торгово-культурное влияние. Когда хазарский царь Иосиф хвастливо писал в половине X в., что ему платят дань все многочисленные народы, живущие по реке Итиль: «буртас, булгар, Сувар (болгарский город.— *Ю. Г.*), арису (мордва-эрзя) и чармис», т. е. черемисы, то это, конечно, было только горделивым воспоминанием о славном прошлом. Возможно, что в первое время после своего появления на средней Волге болгары и считались данниками хазар, но несомненно, что когда их в 922—923 гг. посетило посольство Халифа Муктедира, описанное Ибн-Фадланом, они давно уже были независимыми. Еще арабский писатель VIII в., Аль Фазари говорит о самостоятельном владении болгар [1]. О подчинении буртас хазарам говорит Ибн-Даста и другие мусульманские писатели. Однако можно наверное сказать, что арабские писатели X в., утверждая это, только повторяли сведения более ранних писателей, что они вообще делали очень охотно и что сделалось у них своеобразным литературным приемом. О каких-либо войнах между хазарами и болгарами мы ничего не знаем, но постепенно под власть болгар перешла не только земля буртасов, но и более отдаленные пункты, которые ранее несомненно входили в состав хазарской державы. Мы совершенно не знаем, каковы были отношения болгар к башкирам, но пути через Башкирию в Среднюю Азию, по крайней мере в более позднее время, были в руках болгар. Так перед самым нашествием татар болгары держали в своих руках переправы через реку Яик. Под 1229 г. в нашей летописи есть известие, что «сторожеве болгарские прибегоша, бьени от татар близ реки, ей же имя Яик» [2]. С полным основанием можно, думается, утверждать, что политическое влияние волжских болгар доходило до Среднего Урала и до верховий рек Камы, Вятки и Чепцы, где они наложили руку на территорию со сравнительно высокой так называемой чудской культурой, с которой мы уже знакомы.

---

[1] *Гаркави*, Сказание, 9.
[2] Полное собрание русских летописей, I, 192.

Судя по находкам монет, время процветания верхнекамских и чепецких чудских поселений, следы которых сохранились в многочисленных городищах северной части б. Вятской и отчасти Пермской губерний, относится к VII—X вв. и совпадает с расцветом болгарской культуры вообще. «Раскопки показывают, что вещи совершенно одинакового типа попадаются и в болгарских городах и на чудских городищах. Вся разница между находками состоит в том, что в первых встречается значительно более изделий восточного типа, а во вторых — медных подвесок и идолов, вследствие чего пока нет никакой возможности выделить вещи специально болгарские и специально чудские. Среди чепецких находок вещами болгарскими и вообще восточного происхождения можно бы, кажется, считать следующие: монеты, блюда, серебряные перстни со вставками и характерными гравированными украшениями, серьги, разноцветные бусы, глиняные тонкой работы сосуды, большие серебряные украшения в виде жгута и пр.»[1]. Особенное обилие болгарских вещей заставляет думать не только о простом торговом обмене, но о прочных болгарских факториях в земле чуди, подкрепляемых может быть, и военными отрядами. Военные болгарские отряды появлялись иногда и в бассейне Северной Двины: в 1218 г. они взяли город Устюг Великий[2].

На востоке и на севере для распространения болгарского торгового и вместе с тем политического влияния препятствий ни природных, ни со стороны людей не было; не совсем так обстояло дело на западе, куда они направлялись, поднимаясь по Волге.

В прочем в ранние времена торговые экспедиции болгарских купцов направлялись, быть может, и в эти страны; по крайней мере в X в. болгарам были, видимо, хорошо известны народы, обитавшие в той стороне. Хан Альмуш рассказывает Ибн-Фадлану, что «за его страною», на расстоянии трех месяцев, живет народ, называемый вису, у которого ночь летом менее часа»[3]. Вису не что иное, как весь — финское племя, обитавшее в верхнем бассейне Волги.

На западе болгары встретили двух противников: сначала ближайшего, мордву, потом более отдаленного, но гораздо более сильного — русских. Об отношениях болгар к мордве сообщает в конце X в. Ибн-Хаукаль. По его словам, «к западу от болгар живут эрзя. Я не видал ни одного иноземца, который бы побывал у них, потому что они убивают всех тех, кто попадает в их землю. Эрзя спускаются по реке Итилю и привозят свои товары, но они ничего не рассказывают ни о своих торговых делах, ни о своей земле и никому не позволяют сопровождать себя домой. От эрзи идут в Болгарию соболя, куницы и свинец»[4]. Это почти единственное известие об отношениях болгар к самому сильному и крепкому из восточно-финских народов — мордве. Вероятно, необходимостью военной защиты от

---

[1] *Спицын*, Археологические разыскания о древнейших обитателях Вятского края, 69, Материалы археологии восточных губерний, I.
[2] Полное собрание русских летописей, I, 215.
[3] *Гаркави*, Сказания, 90.
[4] D'Ohsson, Les peuples du Caucase, 84.

мордвы было вызвано сооружение укреплений вдоль по Свияге, о чем свидетельствуют многочисленные городища по этой реке [1].

То, что мы знаем о мордве из русских летописей, косвенно подтверждает приведенное известие. Борьба с мордвой замедляла в XI—XIII вв. князей рязанских и муромских в их попытках продвинуться на восток, а в 1103 г. мордва даже нанесла поражение рязанскому князю Ярославу Святославичу [2]. Основание Нижнего-Новгорода, занявшего командующее положение на верхне-волжском и окском речных путях, было первым наступательным шагом, направленным к подчинению мордвы.

Сила и могущество мордвы служили препятствием к сношениям болгар и русских помимо речного пути по Волге. Эта река, примерно от устья Суры сначала до Мурома на Оке и Городца-Радилова (ныне Городец в Нижегородской губернии) на Волге, потом до Нижнего-Новгорода, была коридором, проложенным между лесами на севере и мордовскими поселениями на юге, по которому с конца X в. происходили сношения Болгарии с русской ростово-суздальской землей.

За все время существования Волжской Болгарии русские не двинулись далее Нижнего-Новгорода, но основание русских княжеств по Оке и верхней Волге и колонизация этого края остановили распространение болгарского влияния к северу от Нижегородско-казанского плеса Волги, как упорство мордвы остановило распространение болгарского влияния к югу от него. Очерченным сейчас обширным кругом земель определяется то, что выше названо сферой болгарского влияния. На юг она шла до пределов хазарской державы и, может быть, только в XII в., т. е. в промежуток между упадком хазар и появлением татар, достигала конца торговой волжской артерии; на восток она достигала реки Яика, уральских гор и верховьев Камы; на севере ограничивалась водоразделом Каспийского моря и Ледовитого океана; менее всего она распространялась на запад, где она не заходила дальше течения Суры и Ветлуги.

Внешние события истории болгар нам известны очень мало. Мы лишь знаем из сообщений Ибн-Фадлана, что болгарский хан Альмас или Альмуш, сын хана Шальки или Сильхи Балтавара, обратился к халифу Муктадиру с просьбой прислать к нему проповедников и учителей ислама; вследствие этого из Багдада через Хорезм (Хиву) отправилось в 922—923 гг. посольство, членом которого был Ибн-Фадлан. По надписям на монетах удалось определить имена еще трех ханов—Ахмеда, Талиба и Мумина, правивших во второй половине X в. В мало достоверных позднейших источниках можно найти имена еще нескольких ханов XI—XIV вв. Под 968 г. некоторые восточные писатели сообщают о разорении г. Булгара Русью. Русские летописи молчат об этом событии. Так как эта дата совпадает с походами Святослава на дунайских болгар, а арабы нередко смешивают обе ветви болгарского племени, то возможно, что это известие есть не что иное, как плод недоразумения.

---

[1] *Тамбовцев*, На поиски болгарских городищ, Записки Татищевского музея, III, Казань 1928.

[2] Полное собрание русских летописей, I, 119.

С 80-х годов X в. начинаются редкие и отрывочные известия русских летописей о Волжской Болгарии. Чаще всего они сообщают о походах русских на Болгарию и о походах болгар на Суздальскую Русь. Дорогой для тех и других служил, как мы уже знаем, единственный путь по Волге — от устья Оки до устья Камы. Особенно частыми столкновения были в эпоху блеска и могущества Суздальщины при Андрее Боголюбском, Всеволоде Большом Гнезде и при его сыновьях. Иногда в войнах между русскими и болгарами принимала участие и мордва. Порой, однако, сношения русских с болгарами принимали другой, мирный и культурный характер. В голодные годы из Болгарии в Суздальщину привозили хлеб; по сообщениям Татищева, еще в 1006 г. болгары заключили договор с Владимиром Святым. В разгар колонизации Суздальского края Андрей Боголюбский призывал новых насельников также из Болгарии; призывал он из Болгарии и мастеров для каменных построек, воздвигаемых во Владимире и других городах.

Меньше всего русские летописные известия говорят о событиях внутри самой Болгарии; единственный, кажется, факт, о котором они сообщают до татарского нашествия, — это убийство христианского проповедника в 1229 г. Выше уже говорилось об известии наших летописей, сообщавших о бегстве болгарских отрядов с Яика, где они были разбиты татарами в 1228 г. К 1236 г. относится довольно смутный рассказ венгерского монаха доминиканца Юлиана, посетившего Булгар в поисках «Великой Венгрии, из которой вышли когда-то мадьяры». Он уверяет, что нашел своих сородичей в 10 днях пути от Булгара, при большой реке Этиль. У них он встретил татарское посольство, от которого узнал, что татары собираются походом на запад [1]. О погроме Волжской Болгарии татарами, служащем грозным предвестником будущих бедствий самой Руси, мы узнаем из краткого сообщения русской летописи. В 1236 г. «придоша от восточной страны в болгарскую землю безбожные татары и взяли славный великий город болгарский и избили оружием от старца и до юного и до сосущего младенца и взяли добычи множество, а город их пожгли огнем и всю землю их пленили» [2].

После татарского нашествия болгарская земля имела, видимо, ту же судьбу, как и русская. Татары прошли по ней огнем и мечом, но в первое время не тронули местных порядков и установлений, ограничившись наложением дани и требованием приезда местных ханов и князьков для утверждения в орду. В житии князя Федора Ростиславича Смоленского и Ярославского говорится, что после Батыя «начали ходить русские князья и болгары в Орду, к царю, отчин своих просить у царя на столованья свои». Однако Болгария все же испытала на себе гораздо больший натиск татар завоевателей, чем Русь. В 1361 г., когда Русь уже начала оправляться под искусной опекой московских князей, Болгария вновь была завоевана татарами,

[1] Рассказ доминиканца напечатан в издании Theiner'a Vetera Monumenta Hungariam sacram illustrantia, Romae 1859, 151, № 271. Его русский перевод издан в V т. «Записок Одесского о-ва истории и древности, Одесса 1863.

[2] Полное собрание русских летописей, I, 196.

предводимыми ордынским «князем» Бузак-Темиром. В конце XIV в. Болгария была опустошена Тимуром, о чем повествуют восточные писатели и глухие местные предания. Событие это решило участь старых болгарских городов и старой болгарской культуры. В стране увеличивается число татар; остатки знатных болгар отатариваются, а потомки болгар, не потерявших своей национальности, входят под именем чувашей в число родовых и малокультурных местных народностей. В XV же веке перемещается к северу и торгово-политический центр края; место Булгара, Билира и других городов занимает Казань. К сказанному можно прибавить, что и после татарского нашествия 1236—1237 гг. суздальские и муромские князья, а потом и князья московские имели столкновения с болгарами и предпринимали походы в их землю; в этом деле с ними соперничали новгородские ушкуйники. Таковы наши смутные и малочисленные сведения о ходе внешних событий Волжской Болгарии.

Гораздо интереснее и ярче культурная жизнь Волжской Болгарии. Источниками для ее изучения являются, как и в отношении восточных финнов, данные археологии, древней письменности, современной этнографии чувашей и данные чувашского языка. По отношению к памятникам археологическим надо впрочем сделать одну немаловажную оговорку. В их составе неожиданно и непропорционально малое место занимают памятники погребальные. Факт этот допускает двоякое объяснение. Во-первых, серьезного и специального исследования археологических памятников древней Болгарии до сих пор не произведено; это особенно приходится говорить о погребальных памятниках. Во-вторых, где такие памятники известны и частично исследованы, главным образом в соседстве с болгарскими городищами, там оказывается, что древние языческие кладбища стали застраиваться с X в. кладбищами мусульманскими, служившими местами погребения очень долго; под общемусульманским погребальным обрядом исчезли яркие туземные краски. Уже Ибн-Даста говорит, что кладбища их «как у мусульман» [1]. Это Болгария была страной многочисленных, хотя в большинстве случаев маленьких, городов. Моментом, с которого началось их запустение, был погром Тимура; в общем до нашего времени они сохранились удовлетворительно в виде городищ, несмотря на хищническое обращение с ними со времени усиленной колонизации края, т. е. с XVIII в. Городища и являются главным археологическим источником для изучения болгарской культуры.

Когда болгары явились на среднюю Волгу, они были кочевниками. Остатки кочевого быта еще сохранялись в IX—X вв.; так, по свидетельству Эль-Балхи, умершего в половине X в., у болгар «дома деревянные и служат зимними жилищами, летом же жители расходятся по войлочным юртам» [2]. Местные условия, однако, должны были заставить болгар рано и прочно перейти к оседлому образу жизни и к постоянным деревянным домам, строить которые они

---

[1] *Хвольсон*, Известия Ибн-Даста, 24.

[2] *Шпилевский*. Древние города и другие болгаро-татарские памятники Казанской губернии, 7.

должны были научиться у лесных обитателей — финно, рядом с которыми они поселились. На это указывает отмечаемое современниками этнографами сходство чувашского жилья с жильем черемис, мордвы и других восточных финских племен. Черемисская «куда», сруб с очагом посредине, была усвоена болгарами тем легче, что она столь же близка к шалашу, чуму лесного охотника, как и к войлочной юрте кочевника. Позднее являлась черная изба, вытесняемая в настоящее время белой избой русского типа. Деревянные дома в болгарских селениях и городках и были такими кудами. Высшие слои строили себе, вероятно, жилища более просторные. Для целей безопасности большие селения и города окружались валами и стенами; последние, при желании придать им наибольшую крепость, строили, как и в древней Руси, из дуба [1]; валы многочисленных болгарских городищ до сих пор напоминают о былых болгарских твердынях. Каменные здания появились в Болгарии позднее, после принятия ислама. То, что сохранилось в развалинах до наших дней, носит характер чистого заимствования с мусульманского Востока.

Одежду древних болгар можно восстановить только отчасти, путем сравнения тех тюркских элементов, которые можно уловить в одежде чувашей, с одной стороны, соседних финнов — с другой. Более всего их сохранилось в женской одежде; сюда относятся головной убор женщины в виде широкой повязки, украшенной серебряными монетами, с ремнем, спускающимся на спину, такой же украшенный монетами головной убор девушек, но только конической треугольной формы, полотенце с расшитыми краями, которыми повязывают голову замужние женщины, и вышивки с восточными мотивами на рубахах чувашек, черемисок, мордвинок и других восточно-финских женщин. Восточные писатели, имея в виду, вероятно, высшие слои болгар, принявших ислам, указывают, что одежда у них похожа на мусульманскую [2] и что на голове они носят шапки.

В настоящее время потомки болгар, чуваши—народ чисто земледельческий. Как земледельцев рисуют болгар и восточные писатели. «Болгаре народ земледельческий и возделывают всякого рода зерновой хлеб, как-то: пшеницу, ячмень, просо и другие» [3]. «Главная пища их—просо и лошадиное мясо, несмотря на то, что в их стране много пшеницы и ячменя. Каждый, кто сеет что-нибудь, берет это себе, царь же ничего не получает от этого: только они дают ему по бычачьей шкуре с дома. У них есть зеленые, весьма кислые яблоки; девицы едят их и становятся жирными» [4]. На болгарских городищах находили земледельческие орудия, мотыки, серпы, косы особой, неупотребляемой ныне формы. Таковы свидетельства о значении земледелия у болгар. Указание на уплату дани бычачьей шкурой с достаточной ясностью говорит о богатстве их скотом. Один из исследователей болгарской культуры отмечает, что «местность, которую занимал болгарский народ, отличается лучшим ка-

---

[1] *Хвольсон*, Известия Ибн-Даста, 87.
[2] Там же, 22
[3] Там же, 23.
[4] *Гаркави*, Сказания, Ибн-Фадлан, 90—91.

чеством чернозема из всей Казанской губернии». Там на старых полях слой чернозема толще, чем на новых распашках, что указывает на очень древнюю практику удобрения[1]. Но в приведенных отрывках с неменьшей ясностью проглядывает и воспоминание о недавно еще господствовавшем кочевом и военном быте: болгары едят конину. Ибн-Даста кроме того говорит, что «от каждого из них, кто женится, царь берет себе по верховой лошади. Болгары ездят верхом, носят кольчуги и имеют полное вооружение»[2].

Изучение чувашского и восточно-финских языков приводит к убеждению, что финны заимствовали из болгарского языка разные термины, свидетельствующие об усовершенствованиях в земледельческой технике. Н. Н. Смирнов высказал по этому поводу предположение, что «болгары-завоеватели подобно образам русского предания, явились не учителями, а только организаторами подневольного труда туземцев; что они заставили финнов перейти к более интенсивному земледелию и работать не только на себя, но и на завоевателей. Сами они перешли к земледелию позднее, как перешли к нему в XVI—XVII вв. потомки татар»[3]. Так отдельными чертами намечается постепенный переход волжских болгар от военного кочевого быта к более мирному быту земледельцев и скотоводов. Однако своей былой воинственности они не утратили вполне, по крайней мере до времени татарского погрома. «Они ездят верхом, носят кольчуги и имеют полное вооружение», говорит Ибн-Даста. В русских летописях они рисуются как отважные и смелые воины, с которыми нелегко было бороться русским князьям. На болгарских городищах нередко попадаются железные наконечники стрел, железные копья, кинжалы, ножи, железные топоры, которые могли служить не только для мирной работы, но и как оружие. Встречаются и кольчуги, о которых говорит Ибн-Даста. Болгарское железо отличается прекрасными качествами; оно отлично выплавлено; попадаются предметы вооружения, например сабельные клинки из сплава, напоминающего булат, вероятно привезенные с востока; между кольчугами есть очень легкие, составленные из мелких и тонких колечек отличного изделия. Таким образом материальные находки подтверждают данные древней письменности: первоначальная воинственность кочевой болгарской орды, пришедшей с юга, слабела под влиянием новых географических условий и новых форм жизни, но слабела постепенно; искры ее во всяком случае еще не переставали тлеть до нашествия Батыя.

Новые формы быта, видоизменявшие первоначальный характер болгар, как военно-кочевой орды, развивались главным образом в зависимости от волжской торговли, в которой болгарам суждено было принять видное участие. Раньше уже указывалось на то весьма важное обстоятельство, что Болгары, придя на Волгу и Каму, поселились в местности с очень богатым культурным прошлым. А

[1] *А. Ф. Лихачев*, Бытовые памятники Великой Болгарии, Труды II Археологического съезда, I, 3.

[2] *Хвольсон*, Известия Ибн-Даста, 24.

[3] *Смирнов*, Волжские болгары, Русская история в очерках и статьях под ред. Довнар-Запольского, I, 21.

это прошлое, уходящее в эпоху Анаульинской бронзовой культуры, процветавшей по крайней мере за тысячу лет до появления здесь болгар, было торговым прошлым. Люди Анаульинской культуры торговали мехами, которые они сбывали другим людям, привозившим к ним предметы греко-скифской культуры. Богатые археологические находки в Прикамьи за весь период от процветания Анаульинской культуры до расцвета болгарских городов, чудские древности, Сассанидские блюда и т. д. ставят нас перед интересным и важным явлением. Менялись люди, менялись народы, но не менялись экономические условия, создававшие торговый и культурный центр вблизи слияния Волги и Камы, где речной путь от Каспийского моря раздваивался на два одинаково мощных пути, ведших — один к Уралу и Азии, другой к Балтийскому морю и Европе. Булгар стал преемником Анаульина—Елабуги, как позднее Казань получила наследие Булгара. Экономические причины, вытекавшие из географических условий, своим могучим влиянием более всего содействовали превращению воинственных кочевников-болгар в деятельных участников волжско-камской торговли.

Посмотрим, каково было это участие. Кроме очерченных только что трех речных путей, ведших в центр болгарской земли, существовал еще четвертый сухопутный — на Хорезм через башкирскую землю и реку Яик. Для ближайших к Болгарии этапов этого пути пользовались р. Белой[1] или же спускались по Волге до нынешней Самары, чтобы потом подниматься вверх по р. Самаре по направлению линии русских крепостей XVIII в. и теперешней Оренбургской железной дороги. Второй вариант был удобнее потому, что путь до Яика был менее горист, но зато шел степью и представлял в этой своей части те же опасности от нападения кочевников, печенегов и узов, каким подвергались караваны на тропе, проложенной по степям от переправы через Яик до Аральского моря. Об этом пути и его важном значении говорят Масуди и Ибн-Хаукаль; по нему ехал в 922 г. Ибн-Фадлан[2]. По нему пришли в Болгарию и татары, предварительно разбив в 1228 г. болгарские сторожи, оберегавшие переправы через Яик. Наличность сухого торгового пути в Среднюю Азию дополняет общее представление о Болгарии, как об узле торговых путей в восточной половине русской равнины. В какой мере болгары были хозяевами этих торговых путей? Масуди и Ибн-Даста рассказывают, что болгарские и даже хазарские суда ходили по всей Волге выше и ниже Камского устья. В той части, которая касается хазар, такое известие трудно согласовать с другими сведениями восточных писателей, говорящими, что у хазар вообще не было судов и что сами они разъезжали очень мало. Вероятно, в раннее время, примерно до IX в., когда все приволжские племена платили дань хазарам, последние действительно совершали экспедиции далеко внутрь страны. Во времена процветания Болгарии и упадка хазар, т. е. начиная с X в., я жно сомневаться в том,

[1] Путь по Белой еще в XVI в. назывался «старой Казанской дорогой» (*Калачов*, Очерки по истории колонизации Сибири, 88, М. 1927).

[2] *Frähn*, Ibn-Foszlan's Berichte über die Russen älterer Zeit, LV.

чтобы хазары могли быть торговыми конкурентами болгар не только на верхне-волжском, но и на нижне-волжском речном пути. Здесь, начиная с IX в., болгары имели только одних соперников, которых восточные писатели называют «русс». Оставим сейчас в стороне вопрос о том, кто были эти русы или русь, чтобы вернуться к нему впоследствии. Рассмотрим их только как купцов, конкурировавших с болгарами на волжском речном пути. О том, что русы привозили свои товары в Болгарию с запада, с верхней Волги, говорят почти все восточные писатели. Самое яркое описание — у Ибн-Фадлана, который видел их, «когда они пришли со своими товарами и расположились по реке Итиль». Он описывает, как «со время прибытия их судов к якорному месту каждый из них выходит, имея с собой хлеб, мясо, молоко, лук и горячий напиток (пиво или мед), подходит к высокому столбу, имеющему лицо, похожее на человеческое, а кругом его — малые изображения. Он подходит к большому изображению, простирается перед ним и говорит: господин, я приехал издалека; со мной девушек столько-то и столько-то, голов скота, соболей столько-то и столько-то шкур, пока не упомянет всего, что привез с собой из товара. Затем говорит: этот подарок я привез тебе, и оставляет принесенное перед столбом, говоря: желаю, чтобы ты мне доставил купца, с динарами и дирхемами, который купил бы у меня все, что желаю продать и не торговался бы со мной»[1]. Вот образ этого купца-разбойника, приезжавшего в Болгарию по Волге сверху. Мы знаем, что те же руссы появлялись в хазарской столице Итиле и разъезжали по Каспийскому морю. Вооруженные с ног до головы, статные, светловолосые и сильные люди, руссы чувствовали себя в X в. хозяевами на Волге и если не отстраняли болгар, то, конечно, именно на волжском пути создавали им серьезную конкуренцию. Тем не менее, в раннее время, до образования сильной русской колонии на верхней Волге и Оке, болгары, несомненно, поднимались до веси и мери; в этом убеждают и их рассказы о народе вису, с которым они вели меновой торг, и обилие предметов болгарского происхождения в курганных могильниках, б. Владимирской, Ярославской и Московской губ. Руссы Ибн-Фадлана не пресекли поездок болгар на запад и северо-запад; свободу болгарских экспедиций вверх по Волге стали позднее стеснять только русские из Владимиро-суздальского княжения Юрия Долгорукого и его наследников.

Кроме болгар и русов на плесе между устьем Оки и устьем Камы можно было встретить также мордву, которая, по словам Ибн-Хаукаля, сама привозила свои товары в Болгар, не пуская никого в свою землю[2].

Если по Волге у болгар были соперники сначала в лице хазар, потом русов, а еще позднее — русских, то на камском речном пути они были, как можно думать, полными хозяевами. На это указывает уже отмеченное много обилие болгарских предметов и особые следы болгарского влияния в городищах верхней Камы, Вятки и Чепцы

---

[1] *Гаркави*, Сказания, 93, 95.
[2] *D'Ohsson*, Les peuples du Caucase, 84.

и полное отсутствие известий у восточных писателей о каких-либо неболгарских экспедициях и караванах по Каме.

Сухой путь на Хорезм, по крайней мере до Яика, был также в руках болгар: «только промежуточные степи — обиталище кочевых туров, нападающих на путешественников, делают этот путь опасным». В низовой части его болгары сталкивались, однако, с хорезмийцами. «Хорезмийцы сами часто ездят к болгарам; иногда они предпринимают на болгар военные экспедиции, и в этих священных походах грабят этот неверный народ и берут пленников»[1]. Вероятно, и принятие болгарами ислама не избавило юго-восточных пределов их влияния от таких же набегов из Средней Азии, какие имели место до завоевания Туркестана русской императорской властью во второй половине XIX в.

К западу от плеса: устье Камы — Самарская Лука болгары, так же как ранее хазары, а в IX-XI вв. русы, ездили только в землю буртасов, откуда вывозили особенно дорогие и высоко ценившиеся меха. Смена хазарских походов болгарскими обусловила в IX—X вв. и перемену политического подчинения буртасов.

Место, где соединялись исследованные нами торговые пути, были болгарские города. Болгария, по словам Эль Балхи, была «складочным местом» для всех окрестных стран[2]. Этим определяется значение Болгарии в волжско-камской торговле IX—XIII вв. и различие между великим городом Булгаром и хазарской столицей Итилем. Итиль был пунктом обмена и транзита между восточно-европейской равниной и Востоком, своего рода географически пограничной товарной биржей, где в IX—X вв. настоящими хозяевами были иноземные купцы, а местные хозяева отдавали внаймы помещение и брали пошлины за пользование им. Болгария была не только местом обмена и транзита, но служила распределителем, куда стекались товары отпускные, чтобы затем итти далее по путям на Итиль и Хорезм, и товары привозные, направлявшиеся затем по верхне-волжскому, камскому и второстепенным путям внутрь страны. Торговля велась не одними болгарами, но болгары принимали в ней гораздо более активное и деятельное участие, чем хазары в Итиле. Болгария как торговцы могут, как нам кажется, быть сравниваемы не столько с хазарами, сколько с другими, младшими своими современниками — новгородцами. За некоторыми существенными отличиями Болгары IX—XIII вв. по степени и характеру своей торговой деятельности были настоящими новгородцами востока нашей страны. Активностью болгар в процессе торговли и вросшими в их землю географическими и экономическими традициями объясняется довольно длительное процветание Болгарии, начавшееся в IX в. и разрушенное только повторными татарскими погромами XIII и XIV вв. В географических условиях кроется объяснение того, что торговое значение болгарских городов перешло потом на Казань и дожило до нашего времени в виде Нижегородской ярмарки.

---

[1] Масуди и Ибн-Хаукаль; *D'Ohsson*. Les peuples du Caucase, 79, 80.

[2] *Гаркави*, Сказания, 275.

Мы разделили стекавшиеся в Болгарию товары на отпускные и привозные. Посмотрим, каковы они были, как они распределялись и как происходил самый процесс торговли. Приводя молитву купца-русса своему идолу, Ибн-Фадлан перечисляет в сущности почти все важнейшие предметы, собиравшиеся в Болгарию по внутренним путям: это невольники — девушки и мальчики, которых на востоке превращали в евнухов, и меха. Скот, который привозили с собой руссы с верхней Волги, едва ли имел большое значение в их торговом балансе; он нужен был им, чтоб кормить их живой товар и самих себя; остаток его распродавался вместе с его потребителями. Но богатая скотом Болгария могла вывозить часть его в восточные страны, и в этом деле руссы могли выступать скупщиками и продавцами больших партий скота восточным торговцам. Общий перечень товаров, шедших из Болгарии в Хорезм и через Итиль в Каспийское море, дает Эль-Мукадесси, писатель конца X в. Это были меха соболя, белички, горностаевые, куньи, лисьи, бобровые, заячьи, волчьи шкуры, воск, стрелы, крупная рыба, шапки, белужий клей, рыбьи зубы, бобровая струя, янтарь, вафть, мед, орехи, гончие собаки, мечи, кольчуги, березовый лес, славянские невольники, овцы, рогатый скот. Более поздний писатель, компилятор Эль-Андалуси, говорит еще о вывозе из Болгарии «ископаемых костей громадной величины и клыков, подобных слоновым, ослепительной белизны, из которых в Хорезме выделывают гребни, вазы и другие предметы, совершенно так же, как их выделывают из слоновой кости; но эта кость еще тверже слоновой»[1]. Речь идет, конечно, о костях и клыках мамонтов. В интересном перечне Мукадесси нетрудно различить разнообразные категории отпускных товаров, шедших из Болгарии. Наиболее важной по количеству и по ценности отраслью были меха и невольники; и то и другое приходило в Булгар, как в большой коллектор, из окрестных стран; невольники — главным образом от славян, меха — от финнов. Сама Болгария вывозила скот, лес, мед, воск, рыбу, мамонтовую кость, но, что особенно интересно, она отпускала и некоторые обработанные продукты — стрелы, кольчуги, мечи, шапки, вафть, что указывает на существование местной промышленности, которая, кстати сказать, совершенно отсутствовала у хазар.

Если Болгария отпускала сырые товары и отчасти лишь предметы обрабатывающей промышленности, то в нее с востока, из Итиля и Хорезма, везли главным образом фабрикаты и предметы роскоши. Об этих предметах можно составить понятие по некоторым археологическим находкам, сделанным как в самой древней Болгарии, так и у соседних финнов. Так, вероятно, с востока или с юга были привезены два золотых обруча с драгоценными камнями, найденные где-то в Казанской губернии в XVIII в. и с тех пор бесследно пропавшие, но форме и стилю украшений они близко подходят к ломбардской железной короне и к вотивным коронам вестготского короля Реккесвинта[2]. Вероятно и казанские короны были произведе-

[1] *D'Ohsson*, Les peuples du Caucase, 80.
[2] См. выше, глава II.

нями того стиля, который из Сассанидской Персии распространился по югу России в первые века христианской эры и затем был разнесен германцами почти по всей Европе. С востока привозили и другие наиболее художественные предметы украшения—серьги, перстни, монисты, подвески, находимые на болгарских городищах и в кладах. О «мягкой рухляди», шедшей с востока в Болгарию, например ценных тканях, можно теперь составить себе только теоретическое представление. С востока или также образцы усовершенствованного гончарного искусства, булат, клинки и т. д.

Кое-что из обработанных предметов привозили с собой русы с запада,—это было франкское оружие, в частности мечи, шедшие с Балтийского моря от норманнов, которые несомненно, под именем руссов или в числе их, посещали и Болгарию и землю хазар: русы же привозили и янтарь, который потом перепродавался в Азию.

Торговля в Болгарии была и меновой и денежной. Первый способ был в употреблении при сношениях с финскими племенами. Вот как описывают арабские писатели торговлю болгар с вису, т. е. с весью и, вероятно, с мерей. «Болгары складывают в определенном месте свои товары, отмечая особыми знаками их принадлежность тому или другому купцу, и потом удаляются. Возвратясь, они находят около каждого предмета продукт из страны вису. Если купец находит его подходящим, то он берет его, если нет, то оставляет его на месте и забирает свой товар. Торговля происходит так, что обе стороны не видят одна другую, совершенно так же, как это делается в стране негров». Точно так же торговали болгары и с югрой, «обитавшей у моря Сумрака. Дорога, которая ведет туда, всегда покрыта снегом. Говорят, что болгары возят туда сабли, фабрикуемые в мусульманских странах: они без рукоятки и украшений; это простые лезвия. Югра бросает их в море Сумрака, и от этого выходит из воды рыба величиной с гору; ее преследует другая рыба, еще большая по размерам. Первая убегает, направляясь к берегу, и садится на мель у берега. Тогда бросившие саблю в воду окружают ее в своих челноках и разрубают ее на куски.»[1] «Жители Болгара везут в югру одежду и соль.»[2] В этом баснословном рассказе нетрудно уловить, что болгары были поставщиками металлических снастей для морских промыслов жителей берегов Северного океана. Археологические исследования в стране древней мери и веси вполне подтверждают наличность торговых сношений с Болгарией. В могильниках междуречья Оки и Волги, в могильниках финнов к востоку от нижегородского меридиана и в южной части средне-окского бассейна попадается немало вещей несомненно болгарского происхождения, например украшения, железные наконечники стрел. Едва ли мы ошибемся, если наперед скажем, что именно в Болгарии выделывалось большинство тех сложных украшений, которые сопровождали в могилу финских женщин.

---

[1] Казвини; *D'Ohsson*, Les peuples du Caucase, 82.

[2] Перс Пуреддин Мухаммед-и-Ауфи; Marquart, Ein arab. Bericht über die arktischen Länder aus dem Jahrhundert (Ung. Jahrbuch IV, 314, 1924).

В самой Болгарии торговля рано приобрела денежный характер. Вспомним еще раз молитву русса: его идеал получить как можно больше динаров и диргемов. Ибн-Даста сообщает о соотношении денег и куньего меха, служившего, как и в древней Руси, для денежных расчетов наряду с монетой. «Каждый мех, по его словам, равен двум диргемам с половиной»[1], что в переводе на золотые копейки или на наши теперешние деньги составляет 75—80 коп. До X в. в Болгарии ходили всевозможные восточные монеты; около половины X в., когда Болгария достигла своего высшего расцвета, при преемниках хана Альмуша или Альмаса, болгары стали чеканить свою собственную монету. До нас дошло несколько таких монет. Впрочем самая их малочисленность и отсутствие монет более позднего времени показывают, что чеканка монет в Болгарии продолжалась очень недолго. Зато, как свидетельствуют многочисленные клады восточных монет и серебряных слитков, найденные на собственно болгарской территории, в пределах б. Чистопольского, Лаишевского, Спасского и Тетюшского уездов Казанской губернии, денежные знаки в изобилии притекали в Болгарию извне и оставались в ней.

Торговля с финнами, по крайней мере с ближайшими племенами, также постепенно должна была приобретать денежный характер. На это с полной достоверностью указывают клады восточных монет, найденные в бассейне Оки и верхней Волги.

Так как Болгария была не только центральным складом товаров для Волжско-камского бассейна, но и самым деятельным участником этой торговли, то естественно, что в ней должна была зародиться некоторая промышленная деятельность. Получая некоторые товары извне, болгары стали по получаемым образцам производить предметы для своего внутреннего рынка и изготовлять предметы, необходимые для торговли с финнами. В этом отношении города Болгарии можно сравнить с греческими колониями юга России; и те и другие, будучи посредниками между цивилизованными странами и туземцами-варварами, создали местную промышленность, работавшую не только на сравнительно узкий внутренний рынок, но и на соседних туземцев, а отдельные болгарские фабрикаты, как мы уже видели в перечне отпускных товаров, сообщаемом Мукадесси, шли даже в восточные страны.

Насколько мы можем судить по находкам как в самой Болгарии, так и у соседних финских племен, в Болгарии должна была существовать металлическая промышленность. Извне приходило дорогое оружие, предметы тонкой художественной работы. В самой Болгарии работали более простые вещи. Так, в болгарских городищах найдено немало предметов из железа и меди несомненно местного производства. Кроме земледельческих орудий, это домашняя утварь—сковороды, котлы, цепи для их привешивания, замки самой разнообразной формы; оружие—топоры самых различных размеров и форм, ножи, кинжалы, рогатки о четырех острых шпильках, расположенных так, что, как ни бросишь предмет, всегда одна шпилька будет торчать вверх.

---

[1] *Хвольсон,* Известия Ибн-Даста, 25.

Тюркские племена—хорошие металлисты, и это не могло не сказаться на промышленности Болгарии. Железо болгарских изделий отличается очень хорошим качеством.

Железная руда добывалась на Урале; найдено немало следов ее разработки в доисторическое для Урала время. Медь добывалась неподалеку от г. Булгара за Волгой; у д. Бакарчи, в прежнем Тетюшском уезде, найдены следы разработки медных руд.

Среди предметов, вывозившихся из Болгарии на восток, упоминаются кольчуги; есть полное основание предполагать, что они выделывались здесь же на месте, в Болгарии.

У современных чувашей нет металлических украшений, которые и до сего времени в ходу у некоторых финских племен; отсюда можно сделать вывод, что и их предки болгары не употребляли их. Но где же фабриковались те разнообразные и многочисленные украшения, которые так хорошо знакомы нам по финским погребениям? Естественнее всего предположить, что их-то и создавала болгарская металлическая промышленность. В подтверждение этого нельзя не привести факта, говорящего сам за себя: «болгары изготовляли для финнов их любимые украшения, как изготовляет их в настоящее время русский крестьянин с. Рыбная Слобода»[1].

Рис. 32. *Болгарская серьга.*

Металлическая техника болгар, вдохновляясь восточными образцами, сумела даже возвыситься до сравнительно высокой степени совершенства и даже создала особый своеобразный стиль, изготовляя очень тонкие работы из медной, бронзовой и серебряной проволоки, почти доходящей до филиграни. Особенно обращают на себя внимание серьги (рис. 32) привески (рис. 33) и плетеные браслеты из толстой серебряной проволоки, медные браслеты из очень толстой проволоки и такого же типа серебряные кольца; другая особенность болгарских серебряных украшений—чернь, при помощи которой выводились довольно примитивные орнаменты (рис. 32). Золотых вещей от древних болгар дошло до нас немного. Наиболее интересной находкой является клад, открытый в 1924 г. в береговом откосе близ древнего гор. Жукотина или Джуке-Тау. Он состоял главным образом из золотых украшений, среди которых особенно выделялись браслеты с накладными украшениями и буквенным орнаментом[2]. Среди золотых вещей есть также предметы, сделанные из толстой витой проволоки, а другие украшены чернью, т. е. в них виден тот же болгарский стиль. Отсюда можно сделать вывод, что болгары умели делать и золотые вещи. Материал для этого добывался

[1] *Смирнов*, Финны, Русская история в очерках и статьях, I, 2.
[2] *Смолин*, Археологический очерк Татреспублики, 67, 71.

примитивным способом на Урале. Что в Болгарии были ювелиры, золотых дел мастера, доказывают найденные и прочитанные надгробные надписи начала XIV в. Если так было в эпоху упадка, то тем более оснований предполагать существование художественно-металлической техники в более раннюю эпоху, когда Болгария процветала. Металлические предметы болгарского стиля были широко распространены по всей сфере болгарского торгового влияния. Их находят в мерянских могилах, в буртасской земле, например в Муранском могильнике, и в бассейнах Камы и Белой.

Говоря о предметах роскоши и украшениях, надо отметить, что болгары должны были сами изготовлять по восточным образцам бусы, которые расходились на месте и продавались финским племенам. На это указывают находки не вполне законченных бус из глиняной массы, стекла и другого материала.

Рис. 33. *Болгарская ушная привеска.*

Болгарские городища дали очень большое количество черепков; сосудов в целом виде пока известно немного. Формы керамических изделий, равно как и техника их, по крайней мере в лучшую пору жизни болгарской земли, указывают на несомненное и сильное восточное влияние.

Мукадесси говорит о вывозе из Болгарии юфти, т. е. сырых кож; отсюда можно сделать предположительный вывод о том, что и в самой Болгарии уже производилась выделка кож. Из несколько легендарного рассказа нашей летописи о столкновении Владимира святого с волжскими болгарами, видно, что о болгарах сложилось на Руси мнение, как о людях, обутых в сапоги. Быть может, наследием такой древне-болгарской кожаной промышленности является процветающее до сих пор в Казани изготовление мягкой сафьянной обуви. Наконец есть глухие указания, что в Болгарии выделывались ковры.

Этим, кажется, исчерпываются данные о болгарской промышленности. Какую бы отрасль ее мы ни взяли, в основе выработанных ею форм, рисунков, орнаментов почти всегда чувствуется восточное влияние; в культурном отношении Болгария была настоящей колонией мусульманского Востока; принятие ислама только завершило тот процесс, который уже ранее намечен был торговыми сношениями. Наряду с сильным и постоянным влиянием Востока этнографические исследования отмечают один очень интересный факт другого порядка:

в формах некоторых предметов утвари современных чувашей замечается некоторое сходство с подобными же предметами, употребляемыми в Скандинавии. Завезли ли эти предметы на среднюю Волгу норманны, или же схожие формы развились и в той и в другой стране под финским влиянием,—вот вопрос, на который должны ответить будущие исследователи.

Переходя к социальному и политическому строю болгарской державы, нужно сказать, что его можно восстановить лишь в самых общих чертах. Болгары пришли на Волгу военной ордой. Следы этого порядка вещей сохранились во все время их самостоятельного существования и представляли, надо думать, много аналогий с первоначальным строем Дунайской, до-Симеоновской Болгарии. Там во главе народа стоял великий хан; его окружали высшие вассалы—бояре, или по-туземному волнады, феодальные главы знатнейших родов, имевшие большое значение в политической жизни страны; ниже их стояла военно-служилая масса болгар, довольно долго державшаяся отдельно от славянского населения, сосредоточиваясь преимущественно в северо-восточном углу страны, между Балканами и Добруджей. Во время торжественных приемов хан выступал одетый «в сорочку, вышитую бисером, неся на шее драгоценную гривну и обручи (браслеты) на руках, опоясанный багряным поясом с золотым мечом у бедра, а по обеим сторонам его стояли бояре в золотых гривнах, с поясами и обручами»[1].

Волжские болгары первоначально распадались на три ветви—*берсула* или *берсилия*, *эсегель* и собственно *болгар*,—занимавшие всю территорию собственно Болгарии. Крупные деления распадались на мелкие, соответствовавшие первоначальным родовым группам. На такой порядок вещей указывают слова, заимствованные вотяками и пермяками у болгар и служащие для обозначения родственных и соседских отношений: родственник и сосед всегда обозначаются одним термином; отсюда можно заключить, что древнейшие болгарские поселения—аулы были родовыми соединениями, во главе которых стояли родовые старейшины. Вожди крупных и малых родовых делений окружали хана и, подобно своим собратьям на Дунае, принимали известное участие в политической жизни. Арабы называют их «царями»; наши летописи зовут их «трунове»; «турунами» и «тарханами» в казанскую и раннюю русскую эпоху назывался еще высший привилегированный класс чувашей-магометан, чувашские мурзы. Вспомним, что термин «тархан» был известен и у дунайских болгар, где он обозначал какие-то высшие должности, и у хазар, где имел такое же значение.

Из рассказа Ибн-Фадлана о приеме послов ханом Альмасом ясно видно высокое положение таких «царей», или «трунов». Приехав к столице Болгарии и встреченные самим ханом, «мы остались, - говорят он,--в раскинутых для нас палатках до среды, пока не собрались цари его земли и вельможи его, чтоб слушать чтение письма» (халифа). Следовательно высшие вассалы должны были приехать из своих владений. После церемоний чтения письма

[1] Шестоднев Иоанна, экзарха Болгарского, изд. Калайдовича, 63.

и вручения подарков хан «послал к нам, и мы вошли в его палатку (церемония происходила у въезда в город.—*Ю. Г.*); при нем находились цари по правой стороне, нам велел он сесть по левой стороне его, дети его сидели перед ним, а он один на престоле, покрытом румским дибажем» (греческой парчей.—*Ю. Г.*). Царь оделял всех жареным мясом и первый кусок предложил послу. «Затем отрезал он кусок и подал царю, сидевшему по правой его стороне, и ему принесли стол; после подал он второму царю, и ему принесли стол». Так продолжалось, пока все не получили угощения[1]. За исключением угощения жареным мясом общая картина приема имеет немало сходства с описанным выше торжественным приемом дунайско-болгарского хана. Немало черт общего сходства с социальным и политическим бытом волжских болгар мы найдем и у их ближайших соседей хазар, таких же тюрков, как и они[2], за исключением впрочем положения самого хана. В эпоху Ибн-Фадлана, т. е. в первой половине X в., волжско-болгарский хан оставался еще близким к народу и не был отделен от него непроходимой стеной, как это было с его хазарским собратом. Так заставляет думать рассказ того же Ибн-Фадлана о том, что хан выезжает на базар один, без свиты, и что народ встречает его не падая ниц, а только снимая шапки. Так, вглядываясь в то немногое, что говорят нам источники, нетрудно видеть в Волжской Болгарии с одной стороны черты общественного строя, общего для всех тюркских народов, а с другой — ясные признаки развивающегося процесса феодализации, который к концу самостоятельного существования Болгарии должен был принять твердые формы строя феодального.

Основной старинный общетюркский общественный строй постепенно изменялся в Болгарии и по другим направлениям. Прежде всего надо отметить некоторые следы появления бюрократии, хотя бы в виде судей (*тора*), назначаемых ханом; первоначальные судебные функции родовладык и крупных вассалов перешли к особым чиновникам, назначаемым ханом и творившим суд от его имени.

Другое и притом гораздо более значительное изменение первоначального строя заключалось в необыкновенном развитии в Болгарии городской жизни. Мы уже знаем, что городов там было очень много и что расположены они были все на сравнительно небольшой территории между Волгой, Камой и Большим Черемшаном. Но если верить арабским писателям, то города эти вовсе не были велики. Эль-Балхи уверяет, что в двух из самых больших болгарских городов, Булгаре и Суваре, было не более 10 тыс. жителей. У него же и у Ибн-Хаукаля встречаются и такие замечания: «Булгар есть небольшой город, не имеющий многих домов; известен же он только потому, что служит складочным местом и гаванью этого государства»[3]. Так выходит, что вся Болгария была усыпана небольшими городками; исключительного сосредоточения населения в каком-ни-

---

[1] *Гаркави*, Сказания, 86—87.
[2] См. выше, глава IV.
[3] *Гаркави*, Сказания, 218, 275.

будь одном из них не было; ни резиденция хана, ни главный торговый город особым многолюдством не отличались.

Чем же можно объяснить эту оригинальную черту общественного строя Болгарии, особенно принимая во внимание, что кочевники, какими были болгары при своем появлении здесь в VIII в., вовсе не обнаруживают склонности быстро переходить от привычных и для них интересных форм быта к более сложному городскому строю. Думается, что в ответ на это можно выдвинуть несколько соображений. Естественнее всего предположить, что города стали развиваться под влиянием болгарской торговли и промышленности; но этого недостаточно, чтобы объяснить быстроту, с которой выросли города в Болгарии; ведь уже к X в. она была ими усеяна. Возможно, что города первоначально были укрепленными аулами-становищами вроде дунайской Плиски-Аббобы. Часть болгар-завоевателей во главе с феодальными вождями, опираясь на крепкие стены, господствовали над окрестностями. Что города бывали резиденциями отдельных владетелей, князьков-турунов, можно видеть из неоднократных известий наших летописей о князьях разных болгарских городов, например о князьях Жукотинских. По замирении страны укрепленные городки сделались центрами торговли и местной промышленности, особенно те из них, которые лежали на речных путях и вблизи от них, а прежние военные вожди сделались главными купцами и предпринимателями; аналогии этому мы скоро увидим на речном «пути из варяг в греки». Но такое быстрое изменение могло совершиться только потому, что ему способствовали местные условия, т. е. необыкновенно благоприятное положение края на узле торговых путей и старинные «археологические» традиции: ведь и в Аланьинском могильнике хоронили купцов и промышленников, живших в таком же городке, следом которого является, вероятно, слабужское Чортово городище, много позднее занятое и населенное теми же болгарами.

В связи с общественной жизнью древней Болгарии можно поставить еще один вопрос. Известно, какое большое значение имели евреи в Хазарии, где соединились две струи еврейского рассеяния из Ирана и Закавказья, с одной стороны, с киммерийского Боспора—с другой. Проникали ли евреи далее на север по Волге и были ли они заметны в Болгарии? Лишь в одном известии Мукадесси (конец X в.) можно уловить, что в каком-то из болгарских городов были «жители, которые сперва были евреями, а потом сделались мусульманами»[1]. Это единственное известие не позволяет заключить ни о многочисленности, ни о влиятельности еврейства в Болгарии. Евреи могли бывать в этой стране в качестве пришлого и проходящего элемента,—но никогда не укоренялись там, как среди хазар.

Меньше всего можно сказать о верованиях древних волжских болгар. Нам неизвестны ни остатки их жертвенных мест, ни их погребальный ритуал. Мы уже говорили о причинах такого прискорбного явления. Раннее появление мусульманства заслонило от

[1] *Хвольсон*, Известия Ибн-Даста, 84.

нас языческую религию болгар; мусульманское духовенство и в наше время создавало препятствия к обследованию могильников и кладбищ, в которых можно было бы найти бесспорные следы древнеболгарского похоронного обряда. Религия их дунайских собратьев также известна нам очень мало, равно как и религия их ближайших родичей, хазар. Остается обратиться к данным современной этнографии, предполагая с достаточной степенью вероятия, что в языческих пережитках чувашей, потомков тех болгар, которые не сделались последователями Магомета, мы найдем следы древне-болгарской религии. В таком случае «бог у болгар назывался, как и у чувашей, Тора, и богов было столько же, сколько чувашских богов (неба, солнца, луны, воды и т. д.). Судя по применению у черемис, вотяков и пермяков к религии терминов, характеризующих земную власть—кан—хан, сакче—сторож, посыльный, можно предположить, что богов своих болгары представляли в виде ханов, управляющих отдельными группами явлений»[1]. У чувашей сохранились ритуальные пережитки человеческих жертвоприношений, — Ибн-Фадлан рассказывает, что особенно одаренных людей болгары вешали, говоря, что ему приличествует служить богу. Есть намеки на то, что и у дунайских болгар-язычников существовали человеческие жертвоприношения.

Наряду с небесными духами чтили души усопших родичей. Следы этого культа, существующего во всех первобытных религиях, можно применительно к Волжской Болгарии усматривать в почитании могил мусульманских святых, до сих пор очень распространенного на территории древней Болгарии и сродного почитанию «керметей» соседними финскими племенами. Черемисы и вотяки заимствовали от болгар-чувашей слова, обозначающие врача, кудесника, искусство волхования и врачевания. Отсюда можно сделать вывод, что у языческих болгар существовал класс жрецов, кудесников-шаманов, присутствие которого мы уже имели случай отметить и у финнов в восточной и северо-восточной части нашей страны.

Рассказ о принятии болгарами ислама позволяет отметить еще одну особенность их языческих нравов. Хан сам обратился, судя по словам Ибн-Фадлана, к калифу с просьбой прислать ему проповедников Корана. Значит особой привязанности к национальной религии, по крайней мере у высшего слоя болгар, не было. Если сопоставить с этим такой же индифферентизм, проявленный к своей старой религии хазарами и дунайскими болгарами, то мы должны будем еще раз отметить то общее явление, что племена тюркские—и в этом их коренное отличие от финнов—очень легко переходили от своих первобытных верований к более высокой и более сильной религии.

Географически болгарская культура заняла среднее место между культурой хазар и финнов. В некоторых отношениях и по существу ее значение именно среднее. Сама Болгария представляла сочетание господствовавших тюрков и подчиненных финнов; равным образом и культура болгар при господствующих чертах тюркского

[1] *Смирнов*, Финны, Русская история в очерках и статьях, I, 32.

происхождения, сближающих ее с культурой хазар и с Востоком в то же время отразила на себе некоторые элементы финского влияния и в свою очередь напитала собою гораздо более бедные культуры своих финских соседей.

Счастливые природные и географические условия позволили этой средней, до известной степени переходной, культуре усвоить некоторую оригинальность и большую устойчивость. Плодородие земли и ее выгодное положение на узле торговых путей превратили Болгарию из кочевой ставки завоевателей в зажиточную торгово-городскую страну. Те же условия и продолжительные и крепкие связи с Востоком укрепили болгарскую государственность, а необходимость совершать военно-торговые экспедиции, а иногда и защищать себя от врагов помогла ей сохранить кое-что от воинственного духа предков и завоевателей. Вот то, что дало Болгарии достаточно сил, чтобы вести многовековое самобытное существование, подорванное только татарскими опустошениями.

ГЛАВА VIII.

ЛИТВА.

В главе V дан обзор городищ и погребений культуры, распространение которой заметно, говоря примерно, в бассейнах Немана и отчасти Западной Двины. Ее представители—очень укрепленные небольшие городища, служившие временными военными станами, и курганы с невысокой расплывчатой насыпью с неизменно повторяющимися обрядами трупосожжения, с очень хорошего качества железным инвентарем, состоящим преимущественно из оружия. В некоторых местах, главным образом в Курляндии и Восточной Пруссии, курганы почти или даже вовсе исчезают, уступая место бескурганным могильникам, по внешнему виду похожим на финские. Ознакомимся ближе с этой культурой.

Не считаясь пока с неизбежными вариантами как местного характера, так и сказывающимися на пространстве известного времени, можно сказать, что северная граница ее, начинаясь около устья реки Венты или Виндавы, идет с уклоном к юго-востоку примерно вдоль течения притока Венты—Абавы. Как раз к югу от этой реки расположен один из очень интересных могильников этой культуры—Маткульнский. Далее граница идет вверх по Двине, иногда отступая от нее, иногда переходя отдельными выступами или островами на правый ее берег. Таким островом является, например, Зегевольдский могильник на нижнем течении реки Аа Лифляндской. Несколько выше Двинска, но не доходя Друи, около восточного узкого конца прежней Ковенской губернии, граница рассматриваемой нами археологической культуры поворачивает почти под прямым углом на юго-юго-запад в направлении р. Вилии, которой она достигает в ближайших окрестностях озера Свирь. На этом протяжении вехами, обозначающими ее восточную границу, являются исследованные в 90-х годах XIX в. Ф. В. Покровским курганные могильники в окрестностях г. Браслава и озера Дривяты, могильники близ селений Опсы, Бочина, Тверечь, Лынтуп, в окрестностях г. Свенцян и очень многочисленные могильники, тянущиеся от западного берега озера Нароча, огибая озеро Свирь с юга и севера, до р. Вилии. От Вилии граница вновь делает поворот, направляясь почти на юго-запад, с небольшим уклоном к югу. Она проходит примерно по прежней границе Ошмянского и Виленского уездов и далее захватывает левый берег рек Солечи и Мореначки. Вехами интере-

сующей нас культуры в этой части границы можно считать могильники близ местечек Большие Солечники и Эйшишки. Далее граница переходит на левый берег Немана, перерезывает прежнюю Сувалкскую губернию и продолжается в западном направлении. Ее первой вехой на территории Восточной Пруссии является Ромнитенский могильник.

На первый взгляд исследуемая культура кажется не слишком хорошо изученной на прусской территории, или, точнее, она достаточно отмечена и исследована только в северной части Восточной Пруссии, где ее вехами являются могильники в Гердауене к северо-западу от Мазурских озер, в Лабиау и Хейдекруге на южном и восточном берегу Курин-гафа, в местности Штангенвальде, в южной части косы, отделяющей Курин-гаф от моря, и некоторые погребения в так называемом Замланде или Сембии — полосе земли между течением Прегеля, Курин-гафом и Балтийским морем. Таким образом погребальные памятники, которые мы теперь изучаем, из отдельных земель, на которые распадалась древняя Пруссия, исследованы только в Шалавии (низовья Немана), Галиндии (между Мазурскими озерами и рекой Алле) и Сембии. В остальных прусских землях Судавии (к востоку от Галиндии до Немана), Надровии (по реке Прегелю, Натангии) к югу от Кенигсберга, земле бартов или Бартении (к югу от Галиндии, вокруг нынешнего города Бартенштейна), Вармии и Помезании (к западу от Натангии и Бартении, между Алле и Вислой), тянувшихся, постепенно сужаясь, до нижней Вислы,—до некоторой степени намечаются только городища, имеющие, насколько можно судить, несомненные черты сходства с городищами б. Виленской и Ковенской губерний. Таковы, например, два небольших, но очень выгодно расположенных городища, одно на острове озера Вадан в древней Вармии (к северу от Алленштейна), другое на его берегу, в свое время осмотренные Р. Вирховом[1]. В общем очерченная сейчас территория совпадает с землями, которые в настоящее время заняты народами литовского племени — литвинами, жмудинами, частью латышами или составляли территорию исчезнувших теперь пруссов.

Если мы перейдем от территории, на которой встречаются памятники интересующей нас культуры, к разрешению вопроса о времени, которое она охватывает, то нам придется принять в соображение следующие обстоятельства. Восточная Пруссия дает картину неоднократной смены погребальных обычаев; все фазы смены относятся к очень раннему времени. В бронзовую эпоху, которая в этой стране янтаря составляет довольно заметную страницу первобытной культуры и является как бы последней самой восточной областью средне-европейского бронзового века, мы видим здесь господство трупосожжения. Ранний железный век настал здесь около начала христианской эры и продолжался до V в., что подтверждается находками римских монет и предметов римского происхождения; от этого времени остались очень богатые археологические следы. Вместе с тем в начале этой эпохи в употребление вошел обычай по-

[1] Zeitschrift für Ethnologie, 1891, 766.

гребения трупа в землю, который в свою очередь вновь сменился сожжением, сопровождавшимся сохранением пепла в больших урнах. Позднее наступает еще раз смена, и вновь вступает в силу погребение. Немецкие исследователи сопоставляют эту богатую предметами эпоху с первыми признаками великого переселения, в частности с появлением готов, а позднее с движением славян к западу. Лишь во второй половине первого тысячелетия христианской эры и может быть даже в конце ее появляются могильники типа Гердауенского или Штангенвальде.

На территории изучаемой нами культуры, поскольку дело идет о нынешней территории Литвы, Латвии и Польши, монетных находок очень раннего времени, которые позволяли бы датировать ее погребальные памятники, сделано не было. Вовсе не заметно также, чтобы вторжению ее предшествовали какие-нибудь перемены, вроде тех, какие чувствуются при археологическом исследовании Восточной Пруссии. Создается впечатление, будто между Неманом и Западной Двиной перемен ни в обычаях, ни в составе населения не было. Однако, чтобы попытаться датировать курганные погребения и могильники, интересующие нас теперь, остается только один путь — поиски схожих типов предметов и их сравнительное изучение. В этом отношении курганы в б. Виленской губернии дают несколько довольно твердых опорных точек. Одна из несомненно наиболее древних находок была сделана в кургане близ деревни Межан в б. Свенцянском уезде.

В 1894 г. под насыпью небольшого обычной расплывчатой формы кургана в груше найдены были две бронзовые ажурные эмалированные подвески очень оригинального вида, в форме полукруга или сегмента; по хорде одного из них приставлены три кружка, к которым в свою очередь приделаны три равносторонних треугольника, более или менее равных один другому. У другой подвески, имеющей форму почти полумесяца, приделаны три креста византийского типа, которые нижними концами сливаются в одну узкую пластинку. В первой подвеске красной эмалью заполнены все три кружка и находящиеся внутри сегмента и между треугольниками соединительные пластинки. В средине кружков точки на белой эмали. На второй подвеске эмаль занимает почти всю площадь полумесяца и центры крестов; эмаль—красная, зеленая и серая. В обеих подвесках эмаль выемчатая, причем белая эмаль в кружках первой подвески пропущена не в самостоятельное гнездо, сделанное в металле, а в углубление, повидимому, оттиснутое в красной эмали. Подобного рода эмалированные предметы обычны в кавказских древностях, но очень редки как в изучаемом крае, так и во всей средней России. В параллель могут итти некоторые находки в Южной Швеции, предметы конской сбруи, найденные на территории б. Минской губернии, бронзовые подковообразные предметы, найденные близ Вильны, похожая на них фибула, найденная при железнодорожных работах между Двинском и Псковом, несколько случайных находок в б. Балтийском крае, вещь в виде подковы из Владимирской губернии и замечательное собрание эмалированных предметов из Мощинского городища Калужской губернии, который

уже описан при обозрении важнейших образцов русских кладов[1] (рис. 22).

Одна из межанских подвесок как раз ближе всего подходит к некоторым предметам из Мощина. Такого рода редкие на русской равнине эмалированные предметы исследователи обычно причисляют к вещам готского стиля, с которым мы в свое время ознакомились подробно[2]. В основе их рисунка и подбора эмалевых красок лежат во всяком случае восточные образцы, в очень давнее время перекочевавшие в Европу и здесь распространенные по всем ее углам передвигавшимися в IV—V вв. племенами. Эмалированные предметы из Минской губернии и из-под Вильны, найденные ранее межанских, Толстой и Кондаков относят к III—IV вв. хр. эры. По аналогии, к той же эпохе можно отнести и описанные выше межанские подвески. В среднюю полосу восточно-европейской равнины они попадали очень редко; нам неважно в данную минуту знать, каким путем они могли забрести в бассейн Немана и Вилии, но интересно отметить, что они могли попасть в этот край очень рано, может быть, не позднее IV — VI вв., хотя момент погребения их вместе с покойником мог иметь место и несколько позднее. Во всяком случае эмалированные предметы дают возможность возводить существование изучаемой культуры до V—VI вв. хр. эры. Почти на столь же далекую эпоху указывают также арбалетные фибулы, в большом числе и в очень разнообразных видах попадающиеся в могильниках между Неманом и Двиною.

Другое явление, которое помогает определить время заполнения курганов и могильников прежних Виленской, Ковенской, Сувалкской губерний, отчасти Курляндии и Восточной Пруссии, — это сходство довольно многих предметов, находимых в этих курганах, с предметами из финских могильников по правому берегу Западной Двины, например из Ашераденского в Лифляндии или Люцинского могильников. Как пример можно привести витую из круглой проволоки гривну и другую гривну с лопастовидными привесками, найденные в Лынтупских курганах того же Свенцянского уезда; совершенно подобные же вещи были извлечены из Люцинского могильника. То же можно сказать о бронзовых браслетах с утолщенными плоскими концами, о поясных наборах и т. д. Могильники, подобные Люцинскому, относятся, как мы уже знаем, к VII—IX вв.; сходство предметов устанавливает более или менее одинаковое время, в течение которого заполнялись изучаемые могильники.

В курганах тех же местностей и тех же форм и характера, в которых не встречено предметов, схожих с предметами финских могильников, «самым характерным предметом являются железные серпы всегда одной формы: с длинной рукоятью, сильно изогнутым лезвием и загибающимся острым концом (рис. 34). Весьма нередко, кроме серпа и сожженных костей, в кургане ничего не находится. Сравнительно часто встречаются также железные удила обыкновенной

[1] См. выше главу V, описание Межанской находки см. у Ф. В. Покровского «К исследованию курганов и городищ на восточной окраине современной Литвы» в Трудах IX археологического съезда, I, 169—170.

[2] См. выше, главы I и II.

формы с круглыми довольно большими кольцами на концах; иногда межаубье состоит из трех частей, причем средняя бывает всегда витая. Еще реже попадаются удила щегольской формы, снабженные трензелем, весьма красиво орнаментированным (рис. 35). Стремена имеют выгнутую подножку; работа их весьма тонкая. Нередко встречаются также крупные медные бубенчики, имеющие аналогию в древностях Оки и северного Кавказа; в одном кургане найдено было железное кнутовище. Из перечисленных древностей большинство должно быть относимо к IX в. Кнутовище совершенно такой же формы найдено на северо-восточном берегу Ладожского озера с вещами, которые принадлежат ко времени не позднее IX в. До какой поры доходят те курганы, которые заключают в себе из предметов только серпы, мы не беремся судить»[1]. Если признать, что курганы с серпами моложе остальных и свидетельствуют о постепенном обеднении погребального инвентаря, то можно сказать, что изучаемые погребения охватывают время примерно от VI до XI—XII вв.

Рис. 34. Серп литовского типа.

На сравнительно большой территории, рассматриваемой нами, во внешнем виде погребений заметна некоторая разница между низенькими курганами бассейна Немана и Вилии и бескурганными или почти бескурганными могильниками южной и западной Курляндии и побережья Куриш-гафа; это не мешает всем погребальным памятникам изучаемой местности за все довольно долгое время, ими охватываемое, иметь определенные признаки внутреннего единства. Оно заключается в постоянно наблюдаемом сходстве форм и видов железного инвентаря, особенно топоров и принадлежностей конского снаряжения, и в повсеместном господстве арбалетных фибул и своеобразных, тяжелых бронзовых украшений—браслетов, гривен и перстней. Наконец, почти во всей исследуемой местности были находимы загадочные предметы в виде маленьких портфелей из листовой бронзы, причем лицевая сторона украшена выпуклым орнаментом в виде кружков, точек и линий, иногда переплетающихся в довольно сложных рисунках.

Тождество или близость внешних форм как погребальных памятников, так и городищ и единство инвентаря дают полное основание считать за единую отдельную археологическую культуру весь комплекс древностей, находимых на пространстве между устьем Виндавы и устьем Прегеля, а на востоке доходящих до линии, идущей от Западной Двины через озеро Дриваты и Нарочь, пересекая Вилию, через долины рек Солечи и Мереча́нки к Неману. Кому

[1] *Спицын.* Предполагаемые литовские курганы, «Записки русского археологического о-ва», VIII, в. I—II, 1896, 110.

могла принадлежать эта культура? В данном случае ответ может быть дан с ясностью и определенностью, редкой для археологической культуры. Весь этот край, за исключением его западной части, где обитали исчезнувшие теперь пруссы, до сего времени населен литовским племенем в лице его разновидностей — литовцев, жмудинов и латышей. Восточная и южная границы изученных нами археологических памятников совпадают с границей литовского и белорусского населения, которая устойчиво держится во всяком случае с XIII—XIV вв., когда образовалось Литовско-русское великое княжество со столицей в Вильне. Ее северная граница совпадает с той линией, откуда латыши начали свое наступательное движение на ливов. Все это дает основание называть ее в дальнейшем изложении археологической культурой литовского племени в широком смысле этого понятия.

Рис. 35. *Литовские удила.*

От описанной выше литовской территории к югу простирался в виде языка край, населенный литовским племенем ятвягов. В состав ятвяжской земли входила Судавия — местность к востоку от Мазурских озер, частью охватывавшая также западную часть прежней Сувалкской губернии. К югу от Судавии граница земли ятвягов шла через слияние Нарева и Бобра, доходила почти до Буга ниже Дрогичина, поднималась к северо-востоку между Белостоком и Беловежской пущей, доходя почти до Гродно. В истории Киевской Руси и в истории Польши ятвяги оставили по себе память разбойничьего племени; известиями об их набегах полны наши летописи, начиная от времени Владимира святого до конца XIII в. Когда, в свою очередь, русские или польские князья вторгались в их землю, ятвяги прятались в свои «твердн» и укрывались в дремучих лесах, которыми до самого последнего времени был покрыт их край. И дань, которую удавалось с них брать, не была богатой — «лыко и кошницы и веники для бани: не имели бо серебра и иного чего красного»[1].

[1] Полное собрание русских летописей, II, 329.

Ближе всего ятвяги были, повидимому, к пруссам; пруссы и борты или барты (одно из прусских племен) упоминаются как союзники ятвягов и участники в их набегах на русские и польские земли.

Заметная, хотя и часто отрицательная роль ятвягов в событиях XII и XIII вв., а с другой стороны, наличность определенной литовской археологической культуры заставляют и к ятвягам подойти с археологической стороны, поискать их «твердей» и каких нибудь погребальных памятников, которые дали бы хоть какое-нибудь понятие о культуре этого воинственного племени. К сожалению, поиски в этой области обречены, по крайней мере в настоящее время, на неуспех. Правда, в этом крае попадаются городища, но они служили укрепленным жильем и в более позднее время, которое замело старые следы. Исследователи, задававшиеся специальной целью найти ятвяжские древности, находили «боевое поле с костяками и обломками оружия, немногие одиночные курганы; попадались и случайные находки, например небольшие каменные топоры» и только. Попытки найти ятвяжские могилы, похожие на литовские погребения более северных местностей или чем-нибудь от них отличающиеся, приводили всех, кто их пытался делать, к самым неутешительным выводам[1]. Во всяком случае в археологическом отношении ятвягов приходится пока признать не поддающимися изучению.

Кажется можно найти следы литовского племени также к востоку от сплошной территории, которую оно занимало в бассейнах Немана и Западной Двины. В нашей летописи два раза встречается известие о племени голядь: в 1058 г. великий князь киевский Изяслав Ярославич «победи голяди»; в 1147 г. черниговский князь Святослав Ольгович по поручению своего союзника Юрия Суздальского «воевал Смоленскую волость». «И шед Святослав и взя люди голядь верх Поротве.»[2] На этих известий можно видеть, что где-то в пределах Смоленского княжения, в частности по реке Протве, жило какое-то племя голядь. Название это близко к названию галиндов, упоминаемому Птолемеем, а позднее прусскому одному из подразделений племени пруссов. Внешнего сходства, конечно, недостаточно, чтобы признать в голяди литву. Однако есть некоторые обстоятельства, вытекающие из изучения археологических памятников, которые позволяют думать, что по верхнему теченью Днепра, Западной Двины и в части бассейна верхней Оки когда-то жило литовское племя. В обзоре археологических памятников уже отмечались курганы в виде валов, раскопанные в западных и северных уездах Смоленской губернии с вещами, схожими с находками на территории прежней Виленской губернии. Подобные же наблюдения сделаны и в восточной части б. Смоленской губернии и в смежных уездах б. Калужской губернии. Так, в Мещевском и Мосальском уездах в бассейне р. Угры в 80-х и 90-х годах прошлого века были раскопаны интереснейшие курганы с трупосожжением и предметами опять-таки близкими к виленским и ковенским. Сюда принадлежат

[1] *И. П. Авенариус*, Дрогичин Надбужский и его древности, 33, 34. Материалы по археологии России № 4, II. 1890.

фибулы, пряжки, гривны витые и плоские, топоры, копья, обломки горшков с волнообразным рисунком, повторяющимся в Литве и Восточной Пруссии. Наконец, и это, может быть, самое важное, как раз в бассейне Угры был найден знаменитый Мощинский клад с медными вещами, украшенными разноцветной эмалью; причем больше всего аналогичных предметов, очень редко находимых в Восточной Европе, были как раз обнаружены в Литве.

Сходство могильного инвентаря и ритуала между Смоленским и Калужским краем, с одной стороны, и Виленским — с другой, есть явление несомненное и очень показательное. Подкрепленное известиями о голяди, оно дает право заключить, что на верхнем Днепре и по левым притокам Угры действительно было когда-то литовское население. Правда, летописная голядь указана на Протве, а по этой реке не было сделано систематических раскопок, которые позволили бы именно в этой местности подтвердить существование какого-нибудь особого, отличного от славян и финнов племени. Но из летописного известия нельзя вывести, что голядь жила только по Протве; да и известие это относится к XII в., когда остатки прежнего литовского населения в этом крае уже доживали свой век. Между тем археологические находки, свидетельствующие о Литве на Днепре и Угре, переносят нас в гораздо более древнюю эпоху — в IX—X вв., а может быть, имея в виду Мощинский клад, и ранее, когда остатки литовского племени здесь были гораздо многочисленнее.

Данные археологии в свою очередь находят подтверждение в лингвистике. Нам уже известно, как значительны заимствования, сделанные финскими языками из языков литовских. Сопоставляя эти заимствования с тем, что мы знаем о первоначальном распространении финских племен к западу и с несомненными археологическими остатками литвы в Смоленском крае, можно, думается, высказать предположение, что именно в верхнем течении Западной Двины, Днепра и Оки могло происходить длительное соприкосновение литовцев и финнов. Отдельные данные приводили исследователей к мысли, что литва жила даже далее к востоку; в подтверждение этого приводится, например, название реки Упы, сближаемое с литовским «упе» — вода. Но это данные шаткие, на которые при теперешнем состоянии наших сведений опираться нельзя. Как жили финны и литва — чересполосно, островами, что было, конечно, возможно при сравнительной редкости и малочисленности тогдашнего населения вообще, или же литва, простиравшаяся сравнительно узкой полосой на восток, была с севера и юга обрамлена финскими племенами? И на этот вопрос состояние наших сведений еще не позволяет дать точного ответа.

Жизнь финнов и литовцев в соседстве друг с другом должна была закончиться вследствие какого-то сдвига, после которого финны были отброшены частью к востоку, частью к западу, а небольшая часть литовского племени, оставшаяся в прежней Смоленской и Калужской губерниях, была отрезана от главной массы своих сородичей на Немане и Западной Двине и затем постепенно начала терять свою самобытность, сохранившись в XII в. в виде маленького народца голяди. Нами уже указывалось при описании передвижений

финских племен, что сдвиг этот следует приписывать первой волне славянского распространения на север и восток. В следующей главе, посвященной славянам, мы должны будем вернуться к этому темному, но очень важному моменту в истории восточно-европейской равнины. Предположительно можно сказать, что часть литвы при движении славян с юга была потеснена к западу и примкнула к главному стволу литовского племени. Это почти единственное и притом далеко не достоверное передвижение литовского племени, которое намечается в тумане веков.

Основное ядро литвы, видимо, искони сидело на балтийском побережьи и в бассейне Немана, т. е. там, где его археологическая культура ясно видна, начиная с VI—VII вв. Именно там становятся они известны античному миру под именем эстиев, о которых впервые поведал миру Тацит; там же приблизительно, где-то к востоку, помещает Птолемей галиндов и судинов, в которых современные исследователи не без основания усматривают предков пруссов — галиндов и ятвягов — судавов. Если и возможно наметить какие-нибудь движения литовских племен из их исконных мест жительства, то предположительно можно думать, что в восточную Пруссию они проникли позднее и не были там населением коренным. На это указывают исследованные там археологические остатки более древних и более ярких культур, нежели литовская. Была ли какая-нибудь более близкая связь между галиндами прусскими и оставшимся на востоке обломком литвы — голядью, — это никакому определению не поддается. Возможно, что в восточную Пруссию литовцы продвинулись после оставления ее готами. С этими последними литовцы несомненно сталкивались; но соприкосновение обоих народов едва ли было длительным. Однако заимствования из готского языка в литовский есть, и они показывают, что влияние готов чувствовалось достаточно сильно; именно из готского языка литва взяла такие понятия, как кунингас — князь, руна — песнь, истуба — изба и т. д., т. е. слова, обозначающие понятия власти, понятия отвлеченные и понятия повседневного обихода. Движение латышей на север и постепенное завоевание ими части территории их финских соседей — ливов началось позднее, чем движение в восточную Пруссию. Только в основной литовской территории — по обоим берегам Немана, по средней Вилии, в пределах прежней Ковенской губ. и в южной Курляндии никакой более древней археологической культуры, кроме литовской, нет, если не считать культуры неолитической, которую, по крайней мере в настоящее время, нельзя нигде связать с народами, дожившими до исторических времен.

Говоря о древней литовской культуре, не приходится отмечать никаких внешних событий. О том, что происходило внутри этой глухой страны до XIII в., не сохранилось никаких известий. Мы начинаем узнавать о литве почти перед вступлением ее в историческую жизнь, а в историческую жизнь литва вступила позднее всех европейских народов. О литве заговорили ее соседи, когда она, точно пробудившись от векового сна, вдруг стала жестоко нападать, грабить, а потом и завоевывать население близлежащих польских и русских земель. Это и были первые события, которые вывели Литву

из тихого и, может быть, счастливого состояния народа, «не имеющего истории». Может быть, познакомившись с литовской культурой, поскольку она открывается из археологических данных, нам и удастся подойти к ответу на вопрос, почему так долго длился для Литвы доисторический период ее жизни и какие причины вывели ее наконец из этого состояния?

Земля, населенная литовским племенем, не испытала на себе могучего и благотворного влияния торговых путей и торговых сношений, которые в глубочайшей древности оживляли, например, берега Волги. Не коснулись литвы и главные «янтарные» пути, прорезывавшие Среднюю Европу. Самый восточный из них, шедший по Висле, был крайним западным пределом, которого литовское племя достигло не сразу, а, повидимому, после сравнительно позднего частичного продвижения. Таким образом добыча янтаря, начало которой в Куриш-гафе относится к каменному веку, не могла в течение очень долгого периода оказывать заметного влияния на быт литовского племени. Этим следует, может быть, объяснять редкость бронзовых предметов среди археологических находок в Литве, редкость, ставящую этот край на один уровень с соседним балтийским и указывающим на слабое развитие торговли.

Однако в IX—X вв., когда берег моря был занят народами литовского племени вплоть до устья Прегеля, жители Сембии и побережья Куриш-гафа должны были принимать известное участие и в добывании янтаря, которого как раз и здесь и там очень много, и в его сбыте. На это указывает присутствие в заведомо принадлежащих литовскому племени погребениях арабских монет и характерных черепахообразных фибул, равно как и других предметов норманского, скандинавского типа. Предприимчивые викинги являлись сюда и в обмен на янтарь сбывали туземцам металлические украшения и то отличное железное вооружение, которое составляет характерную особенность литовских курганов и латышских могильников. Здесь неподалеку от Фриш-гафа по р. Эльбинг процветала гавань Трузо, о которой рассказывает посланец короля Альфреда Великого, монах Вульфстан [1]. Норманны ездили и в другие места литовско-балтийского побережья, особенно с тех пор, как Двина сделалась для них одним из путей через всю Восточную Европу. Проезжая по Двине, варяги могли попутно, когда у них не было враждебных столкновений с туземцами, забирать местные товары, состоявшие, как везде на восточно-европейской равнине, из мехов, продуктов пчеловодства, может быть, «челяди», т. е. рабов. И здесь в обмен оставлялись металлические изделия, т. е. оружие и украшения. Скандинавы с моря проникали иногда и внутрь страны. В жизнеописании апостола Швеции Анскария, составленном его учеником Римбертом, рассказывается о походе шведов на куров в 853 г. Куры отказались платить дань шведам, вследствие чего шведский король Олаф затеял против них поход. Скандинавские викинги высадились вероятнее всего где-ни-

[1] *Schuchardt*, Vorgeschichte von Deutschland, 342; Scriptores rerum Danicarum medii aevi coll. J. Langenbek, II, Hafniae 1773, 106—123; Periplus Otheri Norwegi et Wulfstani.

будь около Либавы и предприняли движение внутрь страны к городку Ахулии, который современные исследователи видят в селении Ожуле или Ахуле в прежнем Тельшевском уезде Ковенской губернии, близ границы Курляндии. Поход закончился осадой Ахуле, который шведы не взяли, но возвратились назад, получив большую дань с жителей[1]. Ахуле находился в исконной литовской земле на пограничьи жмуди и латышей; да впрочем и куров в настоящее время относят к литовскому племени. В самое последнее время перед возникновением литовского государства набеги викингов должны были уступить место торговым набегам ганзейских купцов, а в начале XIII в. на устьях Двины и Вислы появилось германское крестоносное воинство.

Косвенное указание на степень оживленности торговых сношений на литовском приморьи могут дать клады восточных монет, которые завозили сюда норманские викинги. По сравнению с внутренними областями СССР, со скандинавскими странами, т. е. главным образом Швецией и островом Готландом и даже с Лифлянией таких кладов в землях литовского племени было найдено очень немного. Начнем с запада — с Пруссии.

В этой стране восточные монеты были находимы на берегах Куриш-гафа, в Сембии, в западной части Вармии — близ городов Зальфельда и Прейсиш-Голланда и в восточной ее части — в окрестностях Вартенбурга на р. Лиссе, в Натангии — близ Прейсиш-Эйлау и близ Гейлигенбейля на берегу Фриш-гафа, в земле бартов — у Бартенштейна и у Шиппенбейля по р. Алле. К востоку от меридиана Кенигсберга, за исключением находок на Куриш-гафе, было найдено только два клада восточных монет близ Летцена в древней Судавии и около Гердауена в древней Галиндии. Таким образом большинство находок относится к местностям, близко или сравнительно близко расположенным к местам добычи янтаря и к торговому пути по Висле; чем далее в глубь литовских земель, тем их менее. В прежней Сувалкской губ. находок восточных монет не было совсем, как и вообще в древней земле ятвягов. В пределах прежней Ковенской губ. найдено только два аббасидских дирхема X в., около местечка Видзы в бассейне р. Дисны, притока Западной Двины, т. е. на самом востоке, ближе к двинскому речному пути, нежели к морю. В прежней Виленской губернии большой клад из 135 различных восточных монет был найден в 1867 г. в Дисненском уезде, следовательно, неподалеку от предыдущего и опять в области двинского речного пути. Кроме этого клада известны только две аналогичных находки; одна в самой Вильне, другая в Трокском уезде; в обоих случаях было найдено по одной монете, причем трокская очень сомнительная. Несколько более восточных монет было найдено в Курляндии. Часть их происходит из местностей, близких к Двине, — это маленький клад близ Зельбурга, километрах в 100 выше Риги, и одна монета, найденная в Митаве. Другая и притом большая часть находок относится к морскому побережью; это — клад из более чем 100 монет из окрестностей Гробина, три монеты из той же местности,

[1] Жизнь Анскария, гл. 30 — см. Monumenta Germaniae Historica Scriptores, II. 714.

две небольших находки близ Виндавы и одна монета, найденная близ Тальсена; только Тальсен ближе к Рижскому заливу, чем к открытому морю. К приведенным находкам можно прибавить большой клад западных — саксонских и франкских — монет из Неймокена; в этом кладе был также один арабский диргем. Если вдуматься в топографию находок восточных монет в литовских землях, то видно, что почти все такие находки были сделаны или вблизи от моря или же неподалеку от Двины. Из общей их малочисленности можно заключить, что вообще торговые обороты были слабы во всем литовском крае, а то, что было, ограничивалось непосредственной близостью морского берега и главного речного пути. Оружие и металлические украшения, которые доставлялись из-за моря, обменивались у прибрежных жителей на меха и продукты бортничества; за излишек платили деньгами, часть которых дошла до нас в кладах; внутрь страны металлические изделия доходили посредством внутреннего натурального обмена, соответствовавшего потребностям населения в металлических изделиях. Само это население жило первобытной жизнью в своих глухих лесах и оставалось чуждым какой бы то ни было торговой деятельности.

Очерченными сейчас условиями объясняется чрезвычайно архаический как материальный, так и общественный быт литовского племени. Еще в XVII в. их жилище описывалось так: они живут в жалких маленьких дворишках, которые большей частью состоят из одной курной избы, иногда еще из кладовушки. В избе находится сложенная из больших камней печь, которая сильно накаляется; около нее вповалку и вперемешку, как попало, спят ночью прямо на полу отец, дед, мать и дети, подостлав под себя разные лохмотья. Остальное пространство в избе занимает скотина. Построены дома из толстых стволов ели, которые снаружи по большей части несколько стесаны, а внутри остаются круглыми; они сложены так ловко, что ветру никак не удается пробиться внутрь; щели заткнуты мхом. Крыты дома соломой или положенными поперек бревнами. Описание это можно без всякой натяжки приурочить и ко времени на 700—800 лет ранее. В большей части литовских земель до сих пор распространены обычаи жить не деревнями, а отдельными дворами и хуторами. Нет никакого сомнения, что такое обыкновение восходит в глубокой древности; развивалось оно вероятнее всего оттого, что для нового жилья приходилось вырубать лес, расчищать поляны, выбирая для этого наиболее удобные уголки лесистого и болотистого края. При таких условиях селиться кучей было очень трудно.

Условия местности определяли и занятия края: река давала рыбу, лес — дичь и пушнину, служившую для обмена. Из промысловых занятий можно указать только на добычу янтаря у берегов Балтийского моря. Многочисленные серпы, находимые в литовских могилах IX—X вв., с полной ясностью указывают на существование у них уже в то время земледелия. Однако условия климата и почвы и дремучие леса, покрывавшие большую часть литовской земли, делали земледелие чем-то вроде подсобного занятия; в лучшем случае продуктов его хватало на свой обиход. Возможно, что присутствие серпов только в могилах более позднего времени свидетельствует о про-

цессе постепенного развития земледелия, происходившем в VII—X вв. В таком же приблизительно состоянии должно было быть и скотоводство; впрочем конское снаряжение — узды и удила, а также шпоры, столь часто попадающиеся в литовских курганах, а также погребение коня вместе с покойником показывают, что кони были у литовцев в чести и что владеть ими они умели.

Литовские курганы с трупосожжением дают обгорелые кости без урн. Вообще погребения в этом крае дают мало материала для знакомства с гончарными изделиями. Несколько больше можно извлечь из городищ, в которых обычно находят очень много черепков. Изучая их, можно прийти к заключению, что часть их уже сделана на гончарном круге, хотя наряду с ними попадаются много черепков от сосудов ручной работы. Общее качество их среднее, а орнамент довольно простой; самой характерной его особенностью надо, пожалуй, считать волнообразные ленты, идущие ниже ободка.

Трупосожжение не может дать остатков одежды; поэтому литовские могилы дают мало данных для суждения о костюме древних литовцев. Чтобы получить хотя бы что-нибудь, надо обращаться к очень немногим встреченным в Литве курганам с погребениями. Эти курганы относятся, повидимому, к самому древнему времени. «За исключением ничтожного лоскутка прекрасно сохранившейся ткани в одном из Боровских курганов, шерстяных темно-бурых ниток внутри цилиндриков первого Межанского кургана и шнурка из льняных или пеньковых ниток, найденного в одном из Антессорских курганов, — все остатки материи найдены были в курганах или в состоянии почти полного разложения или в виде окаменелых под влиянием железа мелких лоскутков, вполне утративших свойства тех веществ, из которых они были приготовлены; таким образом свойства и качества находимых в курганах тканей могут быть определены только предположительно. Так как в одних остатках тканей нитки пересекаются под прямыми углами, в других — под косыми, то по аналогии этого факта с лучше сохранившимися тканями из других курганов можно утверждать присутствие в литовском кургане двоякого рода тканей — шерстяных и льняных. Кроме того в отдельных остатках льняной ткани различие в толщине ниток выражается настолько определенно, что можно говорить о двояком роде льняной ткани — более грубой и менее грубой. Ткань, найденная в Боровском кургане, производит впечатление шелковой материи из толстых крученых ниток желто-оранжевого цвета. Находки из первого и шестого Межанских курганов указывают на обычай иногда украшать шерстяные ткани металлическими бляшками и края их отделывать такою же бахромою из цилиндриков. Относительно покроя можно сделать лишь два замечания: местоположение прижки в Боровском кургане намекает на употребление застегивавшегося на одном из плеч шерстяного плаща, а расположение цилиндриков в Межанском кургане дает основание трактовать их в качестве отделки рукавов и подола юбки, спускавшегося лишь несколько ниже колен»[1]. К дан-

[1] *Покровский.* К исследованию курганов и городищ на восточной границе современной Литвы. Труды IX археологического съезда, II, 187—188.

ным о костюме следует прибавить, что общераспространенным явлением было ношение поясов с металлическим набором.

Уже не раз приходилось указывать на обилие в литовских курганах железных предметов, особенно оружия — топоров характерной формы, служивших несомненно для военных целей, копей, мечей и т. п. Но обилие оружия наводит на мысль о месте его изготовления. Было ли оно исключительно предметом ввоза или же хотя частично выделывалось на месте? Категорического ответа дать нельзя, но во всяком случае большое количество железных шлаков, находимых в некоторых городищах, свидетельствует, что, несмотря на всю первобытность жизни литвинов, какие-то работы по изготовлению железных орудий ими производились.

Как известно, литовское государство было самым молодым государством Европы. В доисторическую эпоху Литва не выходила из родовых соединений; не было даже соединений, объединявших отдельные ветви литовского племени. Кое-какие пережитки родового быта сохраняются в Литве и до сих пор; например власть отца семейства над родственниками, живущими в его доме, или обычай сбора родственных съездов для суда над провинившимся родичем. Пережитки эти возводят нас ко времени, когда власть родовладыки была центральным явлением в общественном строе Литвы. Над обыкновенными родовладыками возвышались главы особенно многочисленных и сильных родов и такие вожди, которые захватывали власть над несколькими родами, над отдельными ветвями племени или над местностью, объединяемой географическими условиями. Их власть могла быть временной; в иных случаях она переходила в наследственную, чем намечался процесс феодализации. Таково происхождение многочисленных литовских «князей» — «кунингасов», в известиях о которых нет недостатка. Приведем несколько примеров. Еще в начале XIII в. часть Литвы давала дань Полоцким князьям, «владома своими гетманы». В 1215 г. волынская летопись сообщает длинный список литовских князей, заключавших мир с молодым Даниилом Романовичем и его братом Васильком: «Бяху же имена литовских князей: се старейший Живинбуд, Довьят, Довспрунк, брат его Мидог, брат Довьялов Виликаил: а жемойтские (жмудские) князи: Ердивил, Выкынт; а Рушковичевы — Кинтибут, Вонибут, Бутовит, Вижевик и сын его Вишлий, Китений, Пликосова; а се Булевичи — Вишимут, его же уби Миндовг и жену его поял и братью его побил, Едивида, Спрудейка; а се князи из Дяволтвы: Юдьки, Пукеик, Бикши, Ликник». В битве под Дрогичином в 1246 г., по рассказу летописца, было убито 40 ятвяжских князей [1]. В хронике Генриха Латыша постоянно упоминаются duces, principes и seniores — вожди, князья и старейшины латышские.

При общем обзоре городищ уже была дана общая характеристика и литовских. Здесь мы ограничимся описанием одного из наиболее типичных — Богуцишского, в прежнем Свенцянском уезде.

Гора, на которой расположено городище, «издали производит впечатление вполне правильного усеченного конуса, на самом же

---

[1] Полное собрание русских летописей, VII, 164, 165; II, 161, 162, 182.

деле вершина ее имеет фигуру эллиптической формы площади. Наибольшее протяжение с севера на юг равняется 104 шагам, длина поперечной оси — 50 шагов, окружность — около 240. Склоны горы очень крутые. На западе гора круто спускается к болоту; на юге огромная сухая яма. Ни рвов, ни валов не заметно, да их, положительно можно утверждать, и не было; не было также и въезда в виде более или менее пологой дороги даже теперь, несмотря на то, что вершина горы распахивается, крестьяне, по их собственному заявлению, считают невозможной попытку подняться на гору с возом»[1]. На вершине горы — очень толстый культурный слой, в котором находят глиняные черепки, осколки стекла, железные шлаки, лошадиные и коровьи кости и довольно малочисленные предметы из железа. Такое городище, не имеющее даже въезда, представляло собою своего рода орлиное гнездо, служившее крепостью, замком, и притом не общественным, не родовым, а укрепленным замком феодального князька, властвовавшего над ближайшей округой. Такой характер носят многие литовские городища — маленькие, расположенные на удобных для защиты и хорошо выбранных высотах, которые, смотря по надобности, укреплялись валами и рвами, а иногда и вовсе не нуждались в земляных укреплениях, как это мы видим в Богушинском городище. Последнее было в свое время несомненно укреплено деревянным тыном, а подымались на него по конной и пешей тропе. Совершенно такой же характер имеет и большинство городищ в земле латышей. Хроника Генриха Латыша часто называет укрепленные жилища латышских князьков и старейшин по имени их владельца, так, например, Кубберале называется иногда «замком Каупо», а Затезеле — «замком Дабреля». Очень вероятно, что и во всей земле литовского племени эти маленькие, но крепкие городища были «замками», т. е. укрепленными жилищами феодальных князьков и вождей, которые правили своими волостями совершенно независимо до тех пор, пока в XIII в. не стало складываться единое сильное литовское княжество.

Русские и польские известия начинают усиленно говорить о набегах литвы, начиная с половины XII в. До тех пор о литве слышно было мало; она жила в своих лесах и болотах, мало и редко выходя из них. Набеги литовцев на соседние, более богатые и населенные и далее упредние по пути цивилизации земли начались тогда, когда прирост населения сделал недостаточными бедные ресурсы лесной и болотистой страны. Нападения литвы не замедлили вызвать отпор со стороны Руси и Польши. Но раздробленная Русь сама в то время клонилась к упадку; та же удельная раздробленность чувствовалась в XII и XIII вв. и в Польше. Располагавшие только своими сравнительно слабыми силами Мазовецкие князья обратились в начале XIII в. к иноземной помощи и призвали тевтонский орден, основавшийся по низовьям Вислы. Несколько ранее, около 1200 г., торговые интересы Ганзы и предприимчивый дух немецких рыцарей-крестоносцев создали немецкий военно-торговый центр на устье Западной

[1] *Ф. В. Покровский*, К исследованию курганов и городищ на восточной окраине современной Литвы, Труды IX археологического съезда, II, 190, 191.

Двины. С этого момента началось постепенное покорение пруссов и латышей немцами. Это обстоятельство, наряду с походами единственных сильных русских князей того времени, князей галицко-волынских, привело внутренние литовские области к государственному объединению вокруг наиболее крупных феодальных вождей. Первым из таких вождей был князь Миндовг, первоначально один из маленьких князей-куниногасов, упоминаемых наряду с другими при заключении мира в 1215 г.

В состав его державы вошли не только чисто литовские земли, нуждавшиеся в объединении вследствие грозившей им опасности от немцев, но также и некоторые русские волости, части очень слабых княжеств турово-пинского и полоцкого. Новгородок — столица Миндовга, был как раз центром этих русских волостей. Преемникам Миндовга, литовско-русским князьям XIV в., выпало на долю укрепить свое государство, расширив его на востоке присоединением огромной площади русских земель, политически распылившихся после татарского погрома, а на западе остановить немецкий натиск, жертвою которого уже успели пасть пруссы и латыши, но от которого усилиями Гедимина, Ольгерда, Кейстута и Витовта были спасены собственно литвины и жмудь.

Археологические памятники дают довольно мало реальных сведений о верованиях литовского народа. До нас не дошло ни остатков храмов, ни изображений литовских богов. Единственно с чем можно ознакомиться по памятникам археологии — это с погребальными обрядами литовцев, жмуди и латышей. Уже неоднократно приходилось говорить о трупосожжении как об обычае, господствовавшем на всех литовских землях. Это не значит, что похоронный ритуал и формы могил были везде одинаковы. Их можно, возвести как будто к двум основным типам. Первый, распространенный в собственно Литве и Жмуди, состоял в том, что прах сожигался полностью или не вполне, затем остатки костей и пепла переносили в заранее избранное место и клали их на поверхности земли вместе с теми предметами, которые предназначены были для могилы. Над всем этим насыпали небольшой курган сферической формы, причем землю для этого брали тут же на месте, отчего вокруг кургана образовывался ров. В Жмуди остатки трупосожжений иногда находятся ниже уровня земли, в ямах, имеющих обычную продолговатую или овальную форму. Некоторые из таких могил обкладывались камнями. При раскопках на уровне грунта обычно обнаруживался тонкий темный слой, состоящий из угля, пепла и золы, часто уже превратившихся в мягкую черную землю, в средине кургана или близ нее лежат остатки костей и предметы, зарытые вместе с ними. Часто под темным слоем бывает слой белого песка, служившего как бы подстилкой. Изучение литовских курганов в хронологическом разрезе убеждает в том, что обычай класть в могилу предметы утвари и жизненного обихода постепенно вымирал. Наиболее поздние курганы — самые бедные вещами. В более древних встречается то, что несомненно отражало земную жизнь покойника и могло ему пригодиться в жизни загробной: обычная картина, хорошо нам знакомая уже из других археологических культур. Литвины были хорошие

воины и охотники; отсюда большое число оружия в их могилах. Несмотря на жизнь в лесах, они были, по крайней мере в некоторых местностях, хорошими наездниками; этим объясняется частое присутствие в могилах удил, шпор и даже конских костяков. Гораздо беднее литовские могилы женскими украшениями, что вероятно надо объяснять общей бедностью населения.

Другой тип могил с трупосожжением дают земли латышей, отчасти жмуди, побережья Курши-гафа и, кажется, некоторые местности древней Пруссии. Здесь господствуют бескурганные могильники или поля погребений; в них очень близко от уровня земли лежит целый пласт золы и мягкой темной земли, перемешанной с углем, в котором находят пережженные кости и довольно много предметов, частью поврежденных огнем. Монеты XIII в., попадающиеся в могильниках западной Курляндии, указывают на хронологический предел пользования ими. Общий характер инвентаря тот же, что и в латовских курганах, что и дает полное основание объединять в одно целое всю литовскую культуру.

Наряду с трупосожжением, кое-где во всех литовских землях, как в курганах, так и в похоронных полях наблюдается обычай погребения. В этих сравнительно редких курганах, попадающихся как в Жмуди, так и в собственно Литве, могилы иногда схожи с описанными выше жмудскими могилами с трупосожжением; вещей в них обычно немного; в большем числе они нередко встречаются отдельно разбросанными в курганной насыпи. Однако их общий характер не слишком разнится от инвентаря других типов литовских могил. Костяки почти всегда в очень плохом состоянии. Исследователи относят их к очень древней эпохе; косвенным подтверждением этого можно считать более сохранные позднейшие погребения, находимые в некоторых из подобных курганов. Очень вероятно, что в самых древних курганах с погребением мы встречаемся с пережитками того времени, когда погребение еще не было вытеснено трупосожжением.

Смена похоронных обычаев наблюдается, как мы знаем, в очень многих доисторических культурах; в частности эта смена — очень частое явление у народов индо-европейского племени, к которому принадлежат и литовцы. В этом отношении они не составляют исключения среди своих близких и далеких сородичей. Естественно, что такие же явления близости и аналогии с другими индо-европейцами наблюдаются и в области языческих верований литвы. Общий характер литовской языческой религии достаточно известен, чтобы здесь на нем останавливаться подробно. Ограничимся поэтому лишь немногими замечаниями.

Мало развитая, подобно славянской, литовская религия состояла из поклонения высшим силам природы — грому и молнии, солнцу, огню. Бог-громовник Перкун был верховным божеством литвы. Рядом с божествами высшими существовал, совершенно сходно со славянами, германцами, греками, италиками и другими индо-европейцами, сонм божеств низших, олицетворявших видимые явления окружающей природы, вселявшиеся в деревья и в животных. Подробности известны нам очень мало; но некоторые из отрывочных сведений,

которыми мы располагаем, не лишены интереса. Так, например, русский летописец укоряет Миндовга в том, что он принял «льстивое крещение», а на самом деле «жряше богам своим втайне, первому Понадею и Телявели, и Диверикпу, заячьему богу», поясняя при этом, что «когда он выезжал в поле и выбегал заяц на поле, он не входил в лес и не смел и ветки сломить»[1]. У литвы было очень распространено также поклонение змеям, муравьям, а также гадания, заговоры, заклятия и колдовство. Возможно, что в этой области не осталось без влияния на литву ее долгое и близкое соседство с присяжными кудесниками и чародеями европейского севера — финнами.

Пущенные в ход немецкими хронистами рассказы о каких-то пророчицах, живших в стране пруссов, и о верховном жреце, Криве-Кривейто, обитавшем в Надровии, в святилище Ромове, в настоящее время признаются вымыслами, не имеющими под собою реальных оснований. Однако языческие жрецы-«вайделоты» не только существовали, но и пользовались, повидимому, большим влиянием как хранители священного огня — «швента угнеле» и как прорицатели; кроме жрецов существовали еще низшие служители богов — гадальщики по воде, по ветру, по пламени и дыму и т. д. Священный огонь берегли также и жрицы и «вайделотки». Без гаданий и жертвоприношений древний литвин не начинал ни одного предприятия. Каждое дело начиналось и заканчивалось жертвоприношениями животных — черных кур, белых коней, рогатого скота. В особо торжественных случаях приносили и человеческие жертвы. В прусской хронике Пусбурга не раз приводится известия, что пруссы и литовцы приносили в жертву своим богам немецких пленников, сжигая их на коне и в полном вооружении. Как ни мало была развита языческая литовская религия, она далеко не сразу уступила место христианству, которое литовцы приняли последними из народов Средней Европы. И в Литве после официального крещения князей в XIV в. сначала по православному, потом по католическому обряду настала эпоха двоеверия, следы которого сохранялись еще несколько столетий спустя.

---

[1] Полное собрание русских летописей, II, 188.

ГЛАВА IX

СЛАВЯНЕ В VII—XII ВВ.

Нам остается еще одна задача—очертить последние доисторические судьбы той ветви славянского племени, которая положила вместе с норманнами основание первому русскому государству, и выяснить, поскольку позволяют археологические источники, насколько велико было участие скандинавов в жизни нашей страны в IX—X вв. Прежде чем приступить к ее разрешению, надо вкратце припомнить все, что было выше изложено о жизни и быте славян в более раннее время[1].

Первоначально славяне, которых соседи называли сначала невранами, потом венедами, а еще позднее склавенами и антами, обитали на территории между Днепром и Карпатами; на юге их территория ограничивалась приблизительно 49-й параллелью; на севере они жили до Полесья. Жили ли они к северу от него, решить в настоящее время нельзя, но они огибали его с запада и занимали земли по Бугу и Висле. Западную границу славянской прародины уловить очень трудно, но верховья Вислы, а может быть, и Одера входили в ее состав. В первоначальной культурной стадии, которую вообще можно подметить, славяне, судя по археологическим памятникам, представляются племенем небогатой культуры, но оседлым и земледельческим. У славян были городки и даже города несколько большего размера; однако приурочить их к каким-либо позднейшим городам, действительно существовавшим, по крайней мере у восточных славян, невозможно. Торговые сношения между средним Поднепровьем и Черным морем несомненно существовали, вследствие чего возможно предположить, что будущие большие торговые центры, хотя и под другими именами, уже существовали в очень раннее время.

Во время великого переселения народов о славянах известно очень мало; они остаются в тени до VI в. Будучи достаточно многочисленны и воинственны, они по своей неорганизованности не оказывали дружного отпора нападавшим на них, и потому в IV, V и VI вв. они появляются на мировой сцене в числе племен, подвластных гуннам и аварам. В свите последних южная ветвь славян вступает и на Балканский полуостров.

Анты—ветвь славян, обитавшая в VI в., по свидетельству византийских писателей и готского историка Иордана, от Днестра до

[1] Главы I, II, IV, V.

Днепра,—являются, вне сомнения, предками восточных, т. е. русских славян, выдвинувшихся к этому времени к югу от первоначальной славянской родины. В этой последней еще ранее назрело и произошло отделение западных славян в особую ветвь, которая, двинувшись на запад, продолжала одновременно занимать старые места примерно до средней Вислы и Сана. От этих рек на восток обитали уже восточные славяне, т. е. те же анты.

Распространение антов из границ первоначальной территории, ясно заметное на юге и юго-западе, должно было сказаться и в других местах. Присутствие восточных славян в Донском бассейне было живым явлением в VII—X вв., хотя славянское население в этом крае не должно было быть многочисленным.

В более позднее время, примерно к XI в., границы восточно-славянской культуры можно, руководясь археологическим памятниками, очертить линией, которая на западе, отделяясь от среднего течения Западного Буга, тянется к северо-востоку и, соприкасаясь с юго-восточной границей культуры литовской, выходит на Западную Двину между Двинском и Друей. Она обнимает верхний бассейн Двины и верховья Днепра и идет далее на восток к средней Оке. В этой части своей границы славянская культура соприкасается с финской; подробности границы неясны и вся местность по верховьям Оки и Десны носит несомненные следы того, что культура славянская очень недавно сменила финскую. Делая выступ на восток по Оке в Рязанскую область, граница славянской культуры спускается по Дону примерно до Воронежа, откуда по степям доходит до Донца в окрестностях современного Харькова. От Харькова к Днепру и далее на юго-запад до Карпат граница славянской культуры определяется политической границей Киевского государства. Необходимо добавить, что вся линия от Рязани до Донца очень неясна. Вышеприведенным наброском ее отмечаются пределы наибольшего, крайнего распространения славянства на восток. Судя по археологическим памятникам, более или менее сплошное славянское население не заходило далее верхнего течения Оки и верхнего течения Сейма. На западе границей восточных славян служили юго-западные склоны Карпат, течение Сана и какая-то неясная линия, отделявшаяся от Вислы, несколько ниже устья Сана, и шедшая по направлению к среднему течению Западного Буга.

Но в X—XI вв. и даже несомненно много ранее северная граница культуры восточных славян не ограничивалась Западной Двиной и верховьями Днепра. Славянская культура простиралась далее на север, к Ильменю и Ладожскому озеру, с одной стороны, Чудскому озеру—с другой. Это был особый отпрыск славянской культуры; в этой области провести сколько-нибудь точную границу ее очень затруднительно. Ладожское и Чудское озера намечают лишь самые северные пределы ее распространения. На сухопутья она везде незаметно сменивалась с культурой финнов, а в юго-западном углу этого северного выступа — с культурой литовской.

В древнейшей территории восточных славян, в среднем Поднепровье и в стране между Днепром и Карпатами, археологические памятники ставят исследователя лицом к лицу с очень заметным и

досадным пробелом. Мы имеем в виду очень малое количество археологических памятников, относящихся примерно ко времени от V до IX вв., от конца эпохи полей погребальных урн до появления многочисленных поздних курганных могильников. Такие памятники, поскольку дело касается могильников, насчитываются единицами. С городищами дело обстоит лишь немного лучше. Единичные погребальные памятники переходной эпохи V—IX вв., например древнейший могильник в Броварке, Полтавской губ., показывают, что древний обычай погребения постепенно был вытеснен трупосожжением. Однако полного вытеснения не последовало, а позднее, приблизительно одновременно с появлением христианства, начинается обратный процесс, приводящий трупосожжение к полному исчезновению. Изучение археологических памятников приводит, с другой стороны, к мысли о значительной дифференциации классов, которая существовала уже в докняжеской Руси. Вспомним, с одной стороны, богатые клады в Киеве и под Киевом и богатые погребения в Гнездове под Смоленском и в Чернигове, а с другой—бедные погребения в древлянской земле.

Еще одно явление, уже отмеченное в предшествующем изложении: находки в Смоленском и Новгородском крае убеждают, что вплоть до IX—X вв. речной путь из Балтийского моря в Черное через Волхов и Днепр был плохо известен и пользовались им мало.

Опираясь на добытые ранее результаты исследования, нам надлежит теперь расширить и углубить ту эскизную картину, которая только что очерчена. Три главных вопроса стоят перед нами: более подробное изучение ранней славянской колонизации, приведшей восточных славян еще в докняжеское время из среднего Поднепровья к Ладожскому и Чудскому озерам, на среднюю Оку и к Дону; изучение быта отдельных племен, поскольку он отражается в погребальных памятниках, и наконец изучение торговых сношений, которые вызвали отмеченное очень раннее классовое расслоение русских славян.

Приступая к ознакомлению с ранним славянским рассеянием по русской равнине, начнем с их движения на север к Ильменю, Волхову и р. Великой.

Самые древние могильные насыпи к северу от бассейна Западной Двины, которые, однако, моложе попадающихся там могильников типа Люцинского,—это так называемые сопки, расположенные одиночно и по нескольку вместе по течению Ловати, Волхова, Шелони, Мсты и на низовьях р. Великой, в окрестностях Пскова. Повидимому, тот же тип господствует и вверх по течению Великой до ее верховий в б. Витебской губернии; к сожалению, эта местность исследована мало. По Ловати большие курганы типа новгородских сопок также доходят до ее верховий в Витебской губернии. При характеристике археологических памятников позднего железного века нашей страны нами уже дана общая характеристика как сопок, так и последовательно сменивших их курганов более мелкого типа и наконец так называемых жальников[1]. Вот краткое описание сопок, раско-

[1] См. главу V.

нных Л. К. Ивановским в 70-х годах XIX в. в южной части б. Новгородской губ. по р. Ловати.

Сопки имели в вышину от 10,6 до 15 *м* и были расположены в линию или же группами. Почти все без исключения насыпи имели в окружности основания один или два ряда валунов. Бока насыпей круты; вверху их — площадки, на которых можно заметить разбросанные камни. В самой насыпи раскопанных сопок оказывались один или два черных, расположенных куполообразно слоя, наверху которых находились сосуды с сожженными костями человека, а ниже — кости животных (лошади, собаки, сокола). В одном из курганов оказалась груда камней, сложенная правильно в виде столба или жертвенника. В насыпях были встречаемы и новейшие погребения. Трупосожжение, бедность инвентаря и большие размеры насыпи — вот что характеризует сопки. Как раз все эти три условия противоречат всем известным нам видам финских погребений.

За почти полным отсутствием могильного инвентаря датировать сопки можно только по очень редким найденным в них монетам. Самой древней из таких монет был Сассанидский дирхем Хосроя II (590—628), отчеканенный в 28-й год его царствования, следовательно, в 617 г., найденный в сопке близ с. Струги Малые, неподалеку от Пскова. Этой находкой можно определить, вероятно, древнейшие сопки. Отдельные металлические предметы, находимые в сопках, позволяют самые поздние сопки относить к IX в., после чего они уступают место курганам меньших размеров со следами сожигания трупа в сидячем положении и с таким же бедным инвентарем. Такой тип могил доходит до XI—XII вв., постепенно уступая место жальникам, появляющимся в связи с распространением христианства, вместе с которым приобретает господство и обряд погребения. Чрезвычайно интересны наблюдения над черепами жальников, произведенные по материалам, добытым в Валдайском у. Оказывается, что они совершенно схожи с черепами современных жителей, которые таким образом являются прямыми потомками тех, которые хоронились в жальниках. Так как преемственность сопок, малых курганов и жальников можно считать прочно установленной, то и насыпавших сопки можно с полным основанием считать предками теперешнего русского населения, т. е. первыми славянскими насельниками, появившимися в Озерном бассейне. Коренное различие между погребальными обычаями созидателей сопок и инвентарем этих памятников, с одной стороны, и погребальными обычаями финнов и инвентарем как финских могильников типа Люцинского, так и финских курганов в более северных местностях — с другой, подкрепляет сделанный вывод.

Расположение сопок по главным речным путям ясно показывает, как распространялись новые насельники. Два главных пути вели от узкого бассейна Западной Двины далее на север — реки Ловать и Великая; первая привела славян к Ильменю, вторая — к Чудскому озеру. По Волхову и вдоль восточного берега Чудского озера славянская струя полилась дальше к северу, селясь вперемежку с финнами и постепенно оттесняя их, но, однако, не дойдя вплотную до Финского залива. По р. Луге славянское заселение происходит уже

позднее; о нем свидетельствуют не сопки, а малые курганы и жальники, самые поздние из которых относятся к XIV в. Река Шелонь соединяла оба главных пути. По Мете славянская колонизация медленно потекла на восток по направлению к Волге. Намечаемыми сейчас пределами ограничилась, вероятно, первая волна славянской колонизации. Она зародилась, надо думать, на среднем Днепре, прорвала редкую финскую и литовскую завесу, раздвинув тех и других к западу и востоку, и привела к первоначальному заселению славянами полоцкой, новгородской и псковской земель. К эпохе составления древнейшей русской летописи твердым рубежом славян на западе служили левые притоки Великой и берег Псковского и Чудского озер. К северу от Новгорода начинались в XI в. селения води, а на востоке славяне, поднимаясь по Мете, медленно проникали в финские лесные дебри (рис. 36).

Рис. 36. *Височное кольцо новгородского типа.*

Когда началась славянская колонизация на восток? Далее вглубь, чем в VII в., мы не можем ее отнести; и на это нам дают полномочие только единичные находки, вроде Сасанидской монеты в сопке под Псковом. Что вызвало ее? Ответить на этот вопрос еще труднее, чем на первый. Во всяком случае его удобнее рассмотреть вместе с вопросом о причинах одновременного или, может быть, даже более раннего движения славян к северо-востоку в область верхней Десны, средней Оки и верхней Волги.

Переходя к выяснению начального времени движения славян к северо-востоку, надо вспомнить, что в глубокую древность, современную, может быть, полям погребальных урн или движениям готов и гуннов, финские поселения доходили до Днепра между Смоленском и Киевом и занимали северную половину прежней Черниговской губернии. Местность, отвоеванная славянской колонизацией на северо-востоке от ее исходного момента до того времени, когда взаимное географическое положение славян и финнов впервые устанавливается нашей летописью, очень значительна. Она соответствует, применяясь к административной терминологии прежнего времени, северной половине Черниговской губернии, восточной половине Могилевской, западной части Орловской, восточной половине Смоленской, Калужской губернии почти во всем ее объеме, юго-западному

углу Тверской губ., западной части Московской до течения Москвы и Ламского волока и небольшой северо-западной части Рязанской губ. вдоль по Оке, примерно до Старой Рязани. Заселяя этот обширный край, славяне должны были вызвать попятное движение финнов к востоку и оторвать от литвы голядь, затерявшуюся в виде островка среди новых славянских насельников. Если в движении на север участвовало одно восточно-славянское племя—кривичи, в лице своих разновидностей полочан и словен ильменских, то движение к северо-востоку осуществлялось тремя племенами. В верхней части днепровского бассейна наступали смоленские кривичи, направляясь к верхней Волге и верховьям Москвы; южнее их, в бассейне верхней Десны и средней Оки, шли вятичи; еще южнее, занимая бассейн Сожа и его левого притока Ипути, двигались радимичи, занявшие также и среднее течение Десны.

Двигаясь к востоку, славяне занимали старые финские городки; этим объясняются некоторые находки более поздних, заведомо нефинских, предметов в старых финских городищах Дьякова типа. Взаимное отношение названных выше трех славянских племен в их движении к востоку и северо-востоку, а также некоторые хронологические вехи этого движения можно осветить при помощи изучения их погребальных обрядов и могильного инвентаря.

Большим препятствием для изучения исходных моментов ранней славянской колонизации надо считать полное отсутствие во всем Смоленском крае погребальных памятников старше VIII в.

Мы уже знаем о существовании в пределах прежней Смоленской губернии курганов, находящих себе ближайшую аналогию в курганах литовских. Наиболее молодые из них не заходят ближе X в. На смену им появляется другой вид курганов, распространенный главным образом в западной части губернии, в уездах Смоленском Духовщинском, Поречском, Бельском и Дорогобужском. Быть может, наиболее богатым и характерным могильником этого типа надо считать знаменитый Гнездовский могильник, в 10 *км* к западу от города Смоленска, около древнейшего городского поселения в этой местности. Здесь насчитывается более 1 500 курганов, из которых в несколько приемов и в течение нескольких десятков лет было раскопано несколько сотен могильных насыпей. С Гнездовским могильником нам еще придется иметь дело ниже при изучении зачатков русского городского быта. Теперь важно уловить только общие контуры его обрядов и инвентаря. Высоких курганов, близких к холмам, не очень много; большинство курганов небольших размеров. В них встречено исключительно трупосожжение, совершавшееся или на стороне или на самой курганной площадке. В первом случае остатки костей собирались в глиняном горшке и помещались в нижней или верхней части курганной насыпи; во втором случае курган насыпался на остатках кострища с пережженными костями. В рядовых курганах найдены вместе с остатками костей различные предметы—железные и медные шейные гривны, медные фибулы, подвески, в виде лунниц и в виде крестов, птицы и т. д. Гнездовский могильник, судя по типу предметов и по монетам, относят обыкновенно к X в., но, вероятно, принимая во внимание громадное количество состав-

ляющих его курганов, начало его относится к более раннему времени. Гнездовский могильник, расположенный рядом со старым смоленским городским поселением, в X, а может быть и в IX в., служил, конечно, местом погребения славян. Отсюда и другие могильники того же типа мы смело можем считать славянскими могильниками.

Примерно с XI в. трупосожжение начинает уступать место погребению. Возможно, что появление христианства начало здесь оказывать свое влияние. В большинстве курганов этой эпохи костяк лежит или на поверхности земли или в нижней части насыпи, в которой постоянно находят прослойки угля, вероятно от тризны. При костяках находят глиняные сосуды или деревянные с железными полосками ведерка. Попадаются остатки гробов. Наиболее характерные предметы инвентаря — большие серебряные височные кольца иногда с плоскими щитками (рис. 37), и подбор подвесок, лунниц и ажурных бляшек, довольно близко схожих с подвесками могильников Гнездовского типа. При мужских погребениях встречаются довольно часто ножи, изредка топоры. Преемственная связь этого типа могильников с Гнездовским и ему подобными не подлежит сомнению. Таким образом в этих могильниках мы вправе видеть погребения тех же Кривичей, но относящиеся к более поздней эпохе.

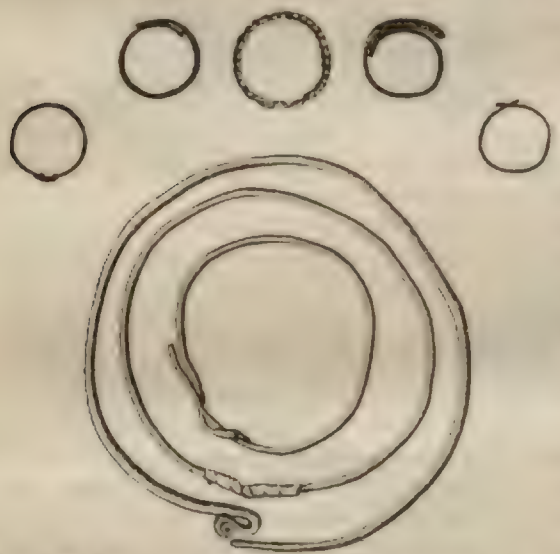


Рис. 37. *Височное кольцо и малые кольца общеславянского типа.*

Чрезвычайно характерно, что в восточной части б. Смоленской губернии, равно как и в прилегающих к ней юго-западных уездах б. Тверской губернии — Ржевском и Зубцовском, и в западных уездах Московской губернии встречается только второй, поздний вид могильников смоленских кривичей, с погребением и с височными кольцами, как наиболее характерным видом украшения. Для примера приведем Елизаровский могильник Волоколамского уезда Московской губернии, на водоразделе рек Ламы и Рузы, т. е. на самом Ламском волоке, датируемый саксонской монетой конца XI в. [1]. Отсюда сам собой напрашивается вывод, что славянское население стало подворяться в восточной части Смоленской губернии и перевалило отсюда

[1] Древности, Труды Московского археологического о-ва, XIX, вып. II. М. 1901.

в бассейны верхней Волги и Москвы позднее, чем оно заняло западную половину губернии. Там корни его можно проследить до IX в.; восточнее — только начиная с XI в. Так в этом направлении археологические памятники дают возможность наметить только конечные стадии колонизационного процесса кривичей, исходный момент которого начался гораздо ранее.

Однако погребальные памятники совершенно безошибочно указывают общее направление колонизации кривичей. Их свидетельства вполне сходятся с данными древнейшего исторического памятника, связанного со смоленской землей: мы имеем в виду Уставную грамоту, данную смоленским князем Ростиславом Мстиславичем первому смоленскому епископу Мануилу в 1150 г. [1]. Из перечисления смоленских волостей, давших десятину Смоленской кафедре, ясно, что власть смоленских князей в половине XII в. доходила до Ржевского края и до р. Нескви, текущей в прежнем Можайском у. Московской губернии.

При помощи погребальных памятников возможно определить в общих чертах северную и южную границы той полосы, по которой смоленские кривичи совершали свое движение к востоку. На верхнюю Волгу они попадали с верховий Западной Двины и с верховий Днепра. В окрестностях Ржева и Зубцова господствует смоленский тип курганов. Немного севернее, на истоках Волги в Осташковском уезде, мы встречаем уже древнейшие новгородские сопки и более поздние курганы новгородского типа. Так определяется северная граница колонизационного движения кривичей, которое, упираясь в Волгу, может быть, в ней должно было найти свой дальнейший путь.

Южную границу расселения кривичей и южную границу их колонизации провести гораздо труднее. К составу земли полоцких кривичей принадлежали, судя по их погребальным памятникам, Сенненский уезд и восточная часть Оршанского уезда б. Могилевской губернии, а кривичам смоленским — Мстиславский уезд, т. е. верховья Сожа. Идя далее на восток через б. Рославльский уезд, где найдены курганы смоленского типа, южная граница кривичей поворачивала почти на север, захватывая пограничные западные местности Жиздринского и Мосальского уездов б. Калужской губернии. До сих пор от самого Днепра южными соседями их остаются радимичи. От крутого поворота на север-северо-восток соседство радимичей сменяется соседством вятичей. Далее примерной границей кривичей можно считать течение р. Угры до резкого поворота Угры к юго-востоку в б. Юхновском уезде Смоленской губернии. Еще далее граница кривичских курганов изученного нами типа идет попрежнему на северо-восток. Наметить ее можно довольно легко в пределах сравнительно хорошо изученной в археологическом отношении Московской губернии. В этой последней кривичский рубеж уклоняется почти на север. Кривичские курганы не идут далее верховий Москвы и бассейна ее притока Рузы. Ниже впадения Рузы, вниз по Москве и к югу от нее, лежит уже территория вятичей. В руках кривичей был волок

[1] *Владимирский-Буданов*, Хрестоматия по истории русского права, I, 141.

Ламской и реки, текущие от него на север — Сестра и Лама, к востоку от которых лежал огромный лесной массив, остатки которого до сего времени сохранились в пределах б. Клинского уезда. Эти лесные массивы к северу от течения Москвы были также конечным пределом распространения вятичей. Так, южная граница кривичей, постепенно уклоняясь к северу, становилась их восточным рубежом и упиралась в Волгу, как бы еще раз подчеркивая, что именно верхняя Волга, в пределах прежних Ржевского, Зубцовского и отчасти Тверского уездов, была конечным пределом раннего колонизационного устремления кривичей. Далее лежала уже финская территория, земля мерян, которых хорошо знает и помнит наша древнейшая летопись.

Земля вятичей в своих погребальных памятниках существенно отличается от земли кривичей. Здесь мы встретим и несколько иной погребальный обряд и значительные отличия в инвентаре. Наиболее распространенный вид курганов в земле вятичей, обнимавшей прежнюю Калужскую и части соседних с нею б. Орловской, Московской, Тульской, и Рязанской губерний, приблизительно таков: Курганы невелики—от 0,7 до 1,4 *м* высоты, без камней в основании; по большей части курганы окружены канавками или сохранившимися от них следами. Костяки лежат на уровне почвы, в насыпи или в грунтовых ямах, головою на запад или северо-запад, вернее в сторону места захода солнца в то время года, когда происходило погребение. В насыпи встречаются угольные прослойки; такие же прослойки, отдельные куски угля и скопление золы встречаются при самых костях. Вероятнее всего зола и уголь соответствуют остаткам тризны, попадавшим в курган при его сооружении; то же значение имеют и кострища, которые изредка попадаются в курганных насыпях. Под костяками и вокруг них находят чаще всего бересту, иногда следы досчатого гроба, реже бревенчатого сруба-гробовища. Инвентарь могил очень определенный и почти всегда повторяется: самым характерным его предметом следует считать семилопастную височную привеску, лепестки которой, уменьшаясь от середины к краям, представляют ряд продолговатых щитков или лопаток (рис. 38). Кроме семилопастных привесок при костяках находят различного рода бусы, плетеные и пластинчатые шейные гривны, браслеты пластинчатые и витые, пластинчатые перстни ажурные и с орнаментом точками и крестики, бывшие в употреблении в качестве украшения задолго до распространения христианства. Все эти предметы сделаны из плохого серебра или же из меди. Оружие встречается очень редко. В ногах костяка часто находятся горшки, в которых была положена пища. Ниже современной Рязани семилопастные привески исчезают и как бы вместо них появляются серьги с серебряной филигранью. В остальном обряд и инвентарь погребения сохраняются.

Рис. 38. *Привеска Вятичского типа.*

По типу вещей большинство курганов не старше XI в., иные даже гораздо моложе; видимо, старые погребальные обычаи жили

здесь очень долго. Впрочем хорошо известно, что край вятичей был долго диким уголком древней Руси. Вятичи окончательно подчинились князьям Рюрикова дома только в XII в., тогда же между ними стало распространяться и христианство. Исследования их погребальных памятников показывают, что погребение вытеснило там трупосожжение до появления христианства. О сожжении трупов напоминают лишь зола и уголь от тризны, бросаемые в курганную насыпь. Курганы вятичей с трупосожжением—сравнительная редкость, и найдены они в небольшом количестве в южной и западной части их территории, в пределах б. Калужской губернии и в Белевском уезде б. Тульской губернии.

Таким образом и в области вятичей мы встречаемся как будто с тем же интересным явлением, какое можно было отметить и у кривичей. Относительно более древний тип погребения не встречается в наиболее восточных и северных частях территории племени, что косвенно указывает на продвижение вятичей с юго-запада на северо-восток и восток. К сожалению, древнейших погребальных памятников в земле вятичей найдено пока еще меньше, чем в земле кривичей, и исходных моментов движения на восток, которые, вероятно, восходит до VII — VIII вв., по археологическим памятникам уловить нельзя.

Северную границу расселения и продвижения вятичей мы уже осветили; она совпадает с южной и юго-восточной границей кривичей. От устья Рузы граница вятичей отделяется от рубежа кривичей и идет, спускаясь по течению Москвы, вдоль ее левого берега. Таково же в общем ее направление далее по Оке, где погребения вятичей можно проследить до окрестностей Старой Рязани. За рекой Москвой, до Коломны, и за Окой, до Старой Рязани, в местности, которая отличается и в настоящее время большой лесистостью, погребальные памятники еще в XI—XIII вв. отражают существование другой культуры—финской. В последние доисторические века можно уже говорить о проникновении русского, т. е. славянского влияния на территорию финнов в пределах Владимирской губернии, но источников проникновения его надо искать в других местах; со стороны вятичей никаких следов его незаметно.

Южная и юго-восточная граница расселения и продвижения вятичей потому с трудом поддается определению, что у них с этой стороны не было соседнего оседлого населения. Компактное финское население начиналось много восточнее в лесистых местах Цны и Мокши, отделенных от верхней Оки большим пространством, в котором ни археологические памятники, ни какие-нибудь иные данные не позволяют в VII—XI вв. предполагать сколько-нибудь значительного населения. Погребения вятичей можно как будто отметить в западном углу—Орловской губернии, хотя они и не совсем там подходят под общий тип таких погребений. Несомненные курганы вятичей раскопаны в западной и северной части б. Тульской губернии,—по Оке, Упе и Осетру. Последняя река своим нижним течением принадлежит уже б. Рязанской губернии, которая была населена вятичами только в своей западной части—между Окой, Осетром и Проней. Как раз около Пронска в 1897 г. были раскопаны А. И. Черн-

ниям поздние и бедные курганы вятичей, которые приходится считать едва ли не крайней вехой, указывающей пределы распространения вятичей к юго-востоку.

Подводя итоги, можно с уверенностью сказать, что расселение и колонизационное движение вятичей имело такое же устремление к Оке, какое для кривичей мы подметили по отношению к верхней Волге. Археологические памятники вятичей, хотя и в гораздо меньшей степени, чем погребения кривичей, все же позволяют установить, что восточные пределы вятичей были заняты ими значительно позднее, нежели местности по верхней Десне и по верхней Оке. К сожалению, мы пока не располагаем погребениями вятичей ранее X—XI вв., и потому об исходном хронологическом моменте их движения к востоку мы можем судить только по тому, что самые поздние следы присутствия на Десне и верхней Оке финнов, ближайших обитателей этого края, оставивших по себе городища Дьяковского типа, теряются в VII—VIII вв. Упираясь окончательно в Оку, между устьем Москвы и устьем Прони, движение вятичей к востоку и в дальнейшем должно было находить себе выход в окской долине.

Есть определенные известия нашей летописи, которые особенно тесно сближают вятичей и радимичей. Поэтому прежде чем попытаться объяснить причины первоначального наступления славян на финнов, мы должны остановиться на пределах расселения и на движении к востоку и этого восточно-славянского племени. Центром его территории было течение р. Сожа; западной границей—Днепр, примерно от Орши до впадения Сожа. На правом берегу Днепра радимичские погребения встречаются сравнительно редко и только лишь вблизи реки. Если припомнить крайние пределы возможного распространения финнов к западу, как оно очерчено выше[1], то выходит, что и радимичи сели на земле, которой ранее владели финны.

Наиболее распространенный похоронный обряд радимичей, датируемый довольно определенно найденными в радимичских курганах восточными монетами X в., заключался в следующем. Трупы погребались выше уровня земли на особом ложе, высотою до полуметра, из смеси золы, земли и кусочков угля, но без признаков пережженных или обугленных костей. Ложе засыпалось полушарообразным курганом из земли, которую брали рядом, отчего вокруг кургана образовывался ров. Иногда труп обкладался с боков досками без гвоздей. Труп всегда клали головой на запад, в вытянутом положении. Наиболее характерные предметы могильного инвентаря—это семилопастные височные подвески особого типа, существенно отличающиеся от таких же подвесок вятичей. Они также имеют форму небольшого щитка с полукольцом наверху. Однако верхняя часть щитка, обращенная к полукольцу, имеет зубчики, а самые лопасти, которых также семь, представляют не лопаточки, как у вятичей, но треугольники, которые основанием своим примыкают к щитку, а на вершине имеют горошинку (рис. 39). Сделаны они из сплава. Кроме таких оригинальных подвесок в радимичских погре-

[1] См. главу VI.

бениях находят пластинчатые шейные гривны с розетками на концах и разнообразные привески для ожерелий.

Наряду с описанным обрядом встречается также и другой вариант: костяк лежит на поверхности земли или в грунтовой яме, а над ним, в обоих вариантах, на известной высоте курганной насыпи помещается слоем остатки кострища, вероятнее всего от тризны на могиле покойника. При погребении на ложе остатки кострища поверх костяка встречаются очень редко.

Таким образом в X в., т. е. во всяком случае до распространения христианства среди радимичей, обычай погребать покойников уже успел вытеснить трупосожжение. Однако на основной территории радимичей встречается изредка и трупосожжение. Курган воздвигался над самым местом сожжения праха, причем иногда пережженные кости располагались по возможности применительно к строению человеческого скелета. Это несомненно наиболее древние погребения радимичей, свидетельствующие, что в свое время и это племя ничем не выделялось от соседей в своих погребальных обычаях. О наибольшей древности радимических курганов вблизи Днепра может дать косвенное указание находка в одном кургане близ города Могилева серебряного оммайядского диргема 704 г. и аббасидского, выбитого в Басре в 752 г.[1].

Рис. 39. *Привеска Радимичского типа.*

Переходим к вопросу о распространении радимичей на восток; их западную границу мы уже упоминали. Поскольку они непосредственно соседили с кривичами и вятичами, их северные рубежи нами уже определены выше. По отношению к вятичам рубеж проходил где-то к югу от Брянска. Южный рубеж радимичей отделялся от Днепра примерно около впадения Сожа и шел приблизительно прямо на восток. В составе земли радимичей оставался весь бассейн Сожа и Ипути и верхнее течение Снови, правого притока Сейма. Вполне точно провести здесь границу между радимичами и более южными северянами затруднительно, так как произведенные до сих пор археологические исследования освещают этот вопрос очень обще. Поселения тех и других могли вдаваться клином одни в другие. Исчерпывающий ответ возможен только при подробном обследовании средней части Черниговской губернии. В ожидании этого обследования можно утверждать, что южный рубеж радимичей с верхнего течения Снови шел по направлению к средней Десне, которую переходил где-нибудь выше нынешнего Новгорода-Северского.

Общий взгляд на пределы основного расселения радимичей убеждает в одной их особенности, ставившей радимичей в невыгодное сравнительно с кривичами и вятичами положение. Для колонизационного движения на восток у них не было в распоряжении таких рек, как Велик., Ловать, верхняя Волга или Ока. Имея с севера вятичей, а с юга северян, радимичи, распространяясь к вос-

[1] *Марков*, Топография кладов восточных монет, 26.

току, могли только переходить из одного речного бассейна в другой, занимая в каждом только отдельные и сравнительно небольшие участки. За Десной и ее небольшими притоками, впадающими в нее слева на ее радимичском участке, или опять волоки, которые должны были выводить радимичей или на верхнюю Оку, где путь был далее перерезан вятичами, или на верхний Сейм, где они сталкивались с несомненно более сильными и многочисленными северянами, или, наконец на Тихую Сосну, т. е. уже в бассейн Дона. Таким образом движение радимичей к востоку если и осуществлялось, то должно было принять беспорядочные и рассеянные очертания. Судя по некоторым археологическим исследованиям, оно так и было. Проф. Рыков, продолжая раскопки покойного Самоквасова, нашел ясные следы радимичских погребений X — XII вв. даже в верховьях Пела около с. Гочева в б. Обоянском уезде Курской губернии. С другой стороны, П. М. Еременко открыл радимичские курганы с характерными для них привесками в Елецком уезде, т. е. уже в донском бассейне, что показывает, что, далеко отделясь от полоцкого движения вятичей, продвижение радимичей направлялось прямо на восток и на юго-восток, где несомненно сталкивалось и сливалось с таким же движением северян. Археологические данные доводят, таким образом, следы раннего колонизационного движения радимичей почти до Дона и позволяют думать, что и это племя внесло свою долю в раннюю колонизацию среднего Дона, итоги которой мы окончательно подведем ниже. В то же время рассеянный характер ранней колонизации радимичей должен был, конечно, ослаблять ее; вот почему радимичская колонизационная струя так мало кажется нам заметной сравнительно с более мощными колонизационными струями кривичей, вятичей и, как увидим ниже, северян.

Прежде чем итти далее, подведем некоторые итоги. Все громадное пространство, которое было покрыто славянской колонизацией в ущерб финнам и отчасти литовцам от исходного момента ее, наступившего, судя по археологическим памятникам и редким монетным находкам, не позднее VII в., до времени возникновения первого русского государства, было занято очень сильным, видимо, племенем кривичей с их ветвями — словенами ильменскими и полочанами, и племенами вятичей и радимичей, которые, судя опять-таки по впечатлению, оставляемому археологическими памятниками, были малочисленнее и слабее кривичей. Колонизационное движение раскинулось веером, опираясь на более давнее место славянских поселений. Последние с севера ограничивались Западной Двиной, от Полоцка до Витебска, а с востока—Днепром, от Орши до устья Сожа. Часть этого пространства, примыкавшая к Двине и Днепру, была обитаема теми же кривичами и полочанами; остальная—особым восточно-славянским племенем—дреговичей, которых наша летопись глухо помещает между Припятью и Западной Двиной.

Погребальные памятники дреговичей, обследованные не меньше, чем такие же памятники других восточно-славянских племен, дают, если не считать некоторых местных особенностей частного характера, картину, ничем существенным не отличающуюся от нарисованной нами выше при разборе погребальных обычаев кривичей,

вятичей и радимичей. Такой же облик курганов, такое же присутствие двух обрядов — погребения и трупосожжения, причем последнее, как всегда, в известный момент уступает место первому; впрочем — и в этом обычаи дреговичей имеют сходство с обычаями древлян — погребение сильно преобладает в местностях глухих и удаленных от речных путей. Инвентарь не отличается такими определенными и оригинальными чертами, как инвентарь их восточных соседей. Наиболее часто встречаются филигранные бусы и височные кольца с заходящими друг на друга концами; эти предметы говорят о большей близости и дреговичей к кривичам, чем к вятичам и радимичам.

Время древнейших курганов, как по общему характеру инвентаря, так и по единичным находкам монет, определяется, подобно большинству курганов у племен, нами обследованных, временем не старше X в. Таким образом и здесь мы наталкиваемся на досадное отсутствие определенных памятников очень для нас важной и очень темной эпохи до IX—X вв. хр. эры. Северо-западная граница дреговических курганов соприкасается в области верхнего Немана и верхней Вилии с подробно очерченной выше границей литовской культуры. Здесь различие в инвентаре резко бросается в глаза; для примера достаточно вспомнить обилие оружия у литовцев и малое его количество в могилах славян. Во всяком случае на северо-западе, где славяне соприкасались с литвой, к IX—X вв. установился этнографический рубеж, сохранявшийся без больших изменений до настоящего времени.

Между тем этот рубеж вовсе не был исконным. Этого положения нельзя пока подтвердить ссылками на археологические данные, ибо в пределах прежней Минской губернии не найдено литовских курганов, но язык земли — названия рек вроде Немана, Вилии, Шары, Зельвы, Сереча, Уллы и др., и названия местностей вроде Лепеля — ясно указывает, что когда-то раньше славянского населения здесь не было и что в этой местности когда-то давно происходил процесс наступления славян на литву.

Вспомним теперь, что в свое время мы не могли при помощи археологических данных определить северной границы славянской прародины[1]. Ее территория, поскольку она определяется полями погребальных урн, упирается в Полесье и заходит севернее ее только по течению Западного Бута. Входила ли в состав славянской прародины более или менее сухая область к северу от Полесья и Припяти. За отсутствием археологических памятников мы доселе ответить на этот вопрос не можем. Мы не можем поэтому сказать утвердительно, с какой исходной линии началось в рассматриваемой нами области поступательное движение славян, соединенное с некоторым оттеснением литвы к северо-западу. Однако, опираясь на звучащие по-литовски названия местностей в прежних Минской и смежных с нею частях прежних Виленской и Витебской губерний, мы можем сказать, что это движение началось очень рано, настолько рано, что его не помнят даже археологические памятники позднего

[1] См. главу I.

железного века. Оно могло начаться ранее или быть одновременным с тем широким колонизационным движением славян на финский север и северо-восток, которому мы посвятили предшествующие страницы. Сказать что-нибудь определенное по этому вопросу нельзя, но думаем, что можно утверждать, что в великой ранней экспансии славян на север, которая произошла до основания первого русского государства, наряду с кривичами, вятичами и радимичами, какое-то участие принимали и дреговичи и что отнесение литвы надо рассматривать как одну из фаз широкого круга явлений, который можно назвать доисторической стадией движения восточных славян из их прародины на север и северо-восток аналогического с движением западных славян к Эльбе и южных — на Балканы.

Какое же объяснение можно дать этому движению? Когда и почему оно возникло? Темную и глухую память о нем как будто сохранила наша летопись, отразив ее в одной фразе: «Радимичи бо и вятичи от ляхов. Бяста бо два брата в лясех, Радим, а другой Вятко; и пришедше седоста, Радим на Сожу, прозвашася радимичи, а Вятко седе с родом своим на Оце, от него же прозвашася вятичи»[1]. Исходя из этого краткого известия летописи покойный академик Шахматов в своем предсмертном труде «Древнейшие судьбы русского племени» развил блестящую гипотезу о действительно западно-славянском происхождении вятичей и радимичей. «Падение аварской державы, павшей под ударами Карла Великого в конце VIII в., оказало, говорит он, сильнейшее влияние на дальнейшее расселение восточного славянства». Авары, спасаясь от франков, отступили в бассейн Вислы и привели в сильное движение ляшские племена. Под напором одних племен на другие началось движение ляхов на восток и северо-восток. «Одни из ляшских племен наводнили страну дреговичей и сидевших вместе с ними дулебов, другие племена пробились в бассейн Западной Двины, оседая среди западной ветви кривичей; третьи племена двинулись в северное Поднепровье; летопись сохранила названия этих племен: это были радимичи и вятичи; первые сумели укрепиться на Днепре и его левых притоках; вторые — вятичи, двинулись дальше на восток и, захватив сначала верхнее течение Оки, заняли с течением времени и среднее ее течение». «Быть может, именно вторжение радимичей заставило кривичей пробиваться в бассейн верхнего течения Волги, а также по Ловати к Ильменскому озеру». Свое утверждение Шахматов обосновывает остроумными соображениями филологического свойства и указывает на особенности белорусского говора, на сходство его с говорами польскими и на некоторые «ляшские особенности» в древне-псковском говоре и вообще в говоре западных кривичей[1].

Можно ли принять эту смелую гипотезу, исходя из изучения археологических памятников. Мы думаем, что нет. Если пойти вслед за Шахматовым, то надо допустить, что не ранее и не позднее, как в IX в., во всей области от Полесья до Пскова, Новгорода и Рязани должно было происходить необыкновенное перемещение племен,

---

[1] Полное собрание русских летописей, 1, 5.

[1] *Шахматов*, Древнейшие судьбы русского племени, II. 1919, 37—39.

причем целые польские племена в полном своем составе, пройдя очень большое пространство, населенное восточными славянами, оседали на их крайнем рубеже, на финской границе. Памятники археологические не дают основания допустить такого предположения. Правда, недостаток памятников старше IX в. дает себя чувствовать очень сильно; однако и то немногое, чем мы в этой области располагаем, позволяет относить появление кривичей у Пскова к VII в., а присутствие радимичей у Могилева — к половине VIII в., т. е. ко времени, предшествовавшему уничтожению аварской державы Карлом Великим. В археологических древностях радимичей и вятичей нет никаких черт, которые бы роднили их с древностями польскими, а это должно было бы быть, если мы допустим возможность прибытия радимичей и вятичей с запада в полном племенном составе. Наконец археологические памятники рисуют нам кривичей гораздо более могущественными и многочисленными, нежели вятичей и особенно радимичей. Гипотеза, выставленная Шахматовым, не находит никакой поддержки со стороны археологии и поэтому, думается нам, должна быть оставлена.

Но, может быть, в предании, переданном летописью, есть зерно истины в том смысле, что радимичи и вятичи действительно пришли с запада на свои передовые места на северо-востоке? Только этот приход должен был быть следствием очень долгого и сложного процесса передвижения, который вывел славян за первоначальные границы их древнейшей территории. Если в VII в. кривичи были уже под Псковом, а радимичи во второй половине VIII в. — в Могилеве и за ним, то, конечно, процесс этот должен был начаться гораздо ранее. Его вело передовое и сильное племя кривичей, далее всех ушедшее от первоначальной территории; может быть, именно оно пробилось через завесу литовцев и оттеснило их к северо-западу. За кривичами шли вятичи, ушедшие почти так же далеко. За ними следом шли радимичи и наконец дреговичи, составившие левый фланг этого великого колонизационного движения.

Состояние наших знаний не позволяет в настоящее время решить вопрос о причинах его возникновения, но мы думаем, что их надо искать в обстоятельствах, нарушивших равновесие в славянской прародине в эпоху великого переселения народов. Может быть, иго готов, гуннов, а позднее аваров, заставило некоторые энергичные и предприимчивые восточно-славянские, «антские» племена искать спокойствия на угрюмом, но более безопасном севере, т. е. сделать то же, что их потомки отчасти повторили в XII, XIII и XIV вв., уходя из разоренного Поднепровья в Суздальскую и Московскую Русь.

Несколько слов об этой последней, точнее, о первых шагах ее заселения русскими в доисторическое время. Курганные погребения во Владимирской губернии были особенно энергично раскопаны А. С. Уваровым и Н. С. Савельевым в 50-х годах XIX в. Раскопано было более 7 тыс. курганов в Суздальском, Юрьевском, Владимирском, Ростовском и Переяславском уездах; работы велись с большим размахом, но, к сожалению, они велись очень поспешно и без соблюдения тех предосторожностей, которые необходимы для

получения правильных научных выводов. Более или менее хорошо в громадном материале владимирских курганов разбирался только сам Уваров, который на основании их и написал свое исследование о мерянах и их быте[1]. Как показывает самое заглавие книги, основным выводом Уварова был тот, что раскопанные им и Савельевым погребения принадлежали финскому племени мери, которое наша летопись помещает у озер Переяславского и Ростовского, а вещи, добытые из курганов, являются материалом для характеристики быта этого племени. В подтверждение своих выводов Уваров ссылается на название рек и местностей Владимирской, Московской, Ярославской, Костромской и Тверской губерний, свидетельствующих о том, что весь этот край в действительности был обитаем мерей. В истине основного предположения Уварова не приходится сомневаться. В разрытых им курганах множество предметов несомненно изобличают финскую культуру. Не возбуждают сомнения и курганные насыпи; более северные финские племена, в позднее время, хоронили покойников не в бескурганных могильниках, а в небольших курганчиках, которые распространены на огромном пространстве от Оки и Волги до бассейна Северной Двины, с одной стороны, и до Эстонии—с другой. Известия о мери и о ее жительстве именно в тех местах, которые отводит ей Уваров, также достаточно достоверны; свидетельства летописца в полной мере подтверждаются «языком земли»—бесчисленными названиями вроде Мерлево, Мериново, Меревкино, Нерль, Нерская, Неро, Галич, Мерский и т. д.

Однако при чтении книги Уварова и ознакомлении с предметами его раскопок может возникнуть вопрос иного свойства. Только ли мере принадлежали исследованные Уваровым курганы? Ей ли принадлежат многочисленные курганы с трупосожжением и предметами вроде тонких височных колец, блях, фибул, гривен и т. п., совершенно не схожими с вещами финского стиля и, наоборот, близкими к инвентарю славянских курганов Смоленской, западной части Московской и приволжских курганов Тверской губернии? Иначе сказать, не было ли между мерянскими селениями селений русских; не было ли в земле мери русских колоний уже в IX — X вв., к которым относится некоторая часть «мерянских» курганов?

Мнение о том, что и славянские колонисты должны были селиться в земле мери еще в очень раннюю, докняжескую, эпоху, было высказано очень скоро после появления книги Уварова Д. А. Корсаковым в его исследовании о мере и о Ростовском княжестве[2]. Гораздо позднее весь археологический материал, добытый в свое время Уваровым, был пересмотрен А. А. Спицыным, который пришел к совершенно иным выводам, чем Уваров.

Изложим их его собственными словами: «Раскопанные в 1851—1854 гг. владимирские курганы массами расположены именно там, где в X — XII вв. жило русское население и существовали русские города—Ростов, Суздаль, Переяславль. Найденные в курганах вещи

[1] В Трудах I археологического съезда, II, М. 1871.

[2] *Корсаков*, Меря и Ростовское княжество. Очерки из истории Ростово-Суздальской земли, Казань, стр. 1872, 39 и сл.

тождественны с открываемыми в русских курганах иных местностей, кроме весьма небольшого количества подделок финского характера. Обряд погребения во владимирских курганах — русский, одинаковый с наблюдаемым в иных местах исконно-русским. Принимая перечисленные положения, мы без колебаний признаем владимирские курганы русскими и наличность в них финского элемента считаем незначительной. С наибольшею силою она сказывается в курганах северо-восточных (Иваново-Вознесенск). Финны, видимо, отступали перед русскими, уходя более в леса и задерживаясь по пути отступления лишь небольшими клочками. Они дорожили свободой быта и легко поступались местом, не имевшим значения в их глазах после утраты больших рыбных озер Переяславского и Ростовского» [1].

В частности А. А. Спицын указывает, что курганы X в., которых очень много как раз в окрестностях Ростова и Переяславля,— «все с сожжениями, все заключают вещи, тождественные с гнездовскими и притом без малейшей примеси финских. Вполне ясно, что пришельцы в X в. уже овладели важнейшими пунктами области и жили особо от местного населения, которое, если и оставалось на месте, то в свою очередь еще не смешивалось с ними» [2].

Мы думаем, что, руководясь мнением А. А. Спицына, можно легче всего объяснить те недоумения, которые приходят на ум, когда читаешь «Быт мери» Уварова. Уж очень много в этом быте такого, что не вяжется с бытом древних финнов, который столь ясно вскрывается бескурганными финскими могильниками. Славянские насельники должны были появиться в Суздальском крае очень рано, и курганный быт, обнаруженный раскопками Уварова и Савельева, должен быть бытом смешанным — и финским и славянским. Вся беда в том, что теперь нет никакой возможности точно расслоить славянскую и финскую доли в колоссальных раскопках 50-х годов. А что финская доля была все-таки больше, чем склонен думать А. А. Спицын, показывает значительное число чисто финских вещей, добытых во владимирских курганах, например звенящие и гремящие привески, характерные для финских могильников, и общий характер обряда и инвентаря курганов, раскопанных позднее в других частях б. Владимирской, в смежных частях Ярославской и Костромской и в северо-восточной части Московской губернии. В особенности в этом укрепляет изучение раскопок, произведенных Ф. Д. Нефедовым в Нерехотском, Костромском и Кинешемском уездах б. Костромской губернии в 1895 и 1896 гг. Произведенные очень тщательно, они вскрывают именно смешанную переходную культуру с несомненно очень сильным финским оттенком, но со столь же несомненным славянским налетом, причем механически разделить оба элемента невозможно. Впрочем для XI — XII вв., к которым относятся погребения, исследованные Нефедовым, такое глубокое смешение обеих культур не должно казаться удивительным. Смешанная культура об-

[1] *Спицын.* Владимирские курганы, «Известия археологической комиссии», вып. XV, 165—166.

[2] *Спицын.* Владимирские курганы, «Известия археологической комиссии», вып. XV, 96.

наружена и к северу от Волги, например по Шексне, в Белозерском уезде, где инвентарь курганов очень напоминает «мерянские» владимирские погребения.

Откуда проникали первые русские поселенцы в край мерян, на среднюю Волгу и к озерам Неру и Клещину? Мы уже знаем, что кривичская колонизация выходила на верхнюю Волгу по реке Вазузе около Ржева и Зубцова, а новгородские славяне тянулись туда же по Мсте и далее через озеро Селигер. Сходство инвентаря Гнездовских и ростово-суздальских курганов с трупосожжением уже служит частичным ответом на поставленный вопрос. Курганы ростово-суздальского типа начинаются уже на Волге около впадения в нее Медведицы. Здесь, может быть, была одна из первых станций славянской колонизации, шедшей с верховий Волги. В XI в. уже все течение Волги от Ржева до впадения Которосли и даже ниже за Кострому было усеяно славянскими колонистами. Тверские приволжские курганы этого времени, содержащие, подобно поздним кривичским, трупопогребения, имеют, наряду с некоторыми частичными отличиями в инвентаре, черты несомненного и близкого сходства с поздними смоленскими, т. е. кривичскими курганами. Изучение их оставляет достаточно твердое впечатление, что Волга в XI в. служила путем, и уже довольно давно, по которому славянские насельники пробирались к востоку. Первой настоящей колонией в крае, ранее заселенном одними финнами, была плодородная и удобная местность от Ярославля к югу до Ростовского озера; потом были заняты места у другого рыбного озера — Клещина и на суздальско-орловском черноземе. О том, что первыми насельниками этого края еще до появления особых суздальских князей были именно кривичи, выходцы из смоленской земли, и что когда-то вся новая колония тянула к Смоленску, говорит одно место из упомянутой уже мною Уставной грамоты смоленского князя Ростислава. На содержание епископской кафедры должна, между прочим, итти «Суждаля-Залесская дань, оже воротит ми Юрьи»[1]. В 1150 г. Юрий Суздальский уже не давал никакой дани в Смоленск. Но в Смоленске еще хранили память о том, что когда-то дань с Суздальской земли шла именно в Смоленск.

С другой стороны, колонисты тянулись из новгородской земли. Если волжский путь ниже Ржева очутился всецело в руках смоленских кривичей, то у новгородцев оставался путь по Мсте и Цне, откуда волоком переходили на Медведицу и в бассейн верхней Мологи, а из него—на Сить и на Кашинку. Сопки новгородского типа, свидетельствующие, что движение к Волге началось очень рано и что новгородцы рано осели на верхней Мологе и озере Вересгове, найдены у с. Бежин, неподалеку от г. Бежецка; Новгородские погребения найдены вдоль реки Медведицы и на р. Сити. На Мологе в пределах б. Весьегонского уезда были раскопаны курганы второй новгородской эпохи, промежуточные между сопками и жальниками. Каково было участие новгородских выходцев в ранней ко-

[1] *Владимирский-Буданов*, Хрестоматия по истории русского права, I, 244.

колонизации Суздальского края и их отношение к их смоленским собратьям, решить при теперешнем состоянии наших знаний нельзя; центр тяжести лежал, вероятно, на смоленских кривичах, а новгородцы предпринимали торговые экспедиции и ушкуйнические набеги и ходили далее вниз по Волге параллельно варяжским викингам, а может быть, и вместе с ними.

То, что мы знаем о ранней заселении Суздальского края русскими, дает некоторое общее понятие и о характере этого заселения. Оно было именно таким, каким мы обычно представляем заселение финских земель славянами. Незаметно следов войны, покорений; видно проникновение, постепенное занятие лучших в хозяйственном отношении мест, возможный уход части финнов куда-то далее в иные места и постепенная ассимиляция оставшегося населения. Последнее довольно ясно вскрывается из инвентаря самых поздних погребальных памятников Ростово-суздальского края — курганов XII—XIV вв.

Отмечу еще муромские курганы, занимающие отдельное место среди курганов Владимирской губернии, имеющие тесные связи с курганами ростово-суздальскими. Они относятся к X—XI вв. и не могут быть отнесены к мурому, хоронившей своих покойников в бескурганных могильниках. Они имеют в высоту от 1,4 до 3,5 *м*, иногда окружены канавками; в насыпи встречается прослойка угля. Костяки лежат головой на запад, часто на подстилке из речного песка; попадаются остатки гробовин. Из находок надо отметить серьги с филигранными бусами, подобные тем, которые не раз были находимы в рязанских курганах ниже нынешней Рязани, различные бусы, подвески к ожерельям, лунницы, пластинчатые перстни, иногда топоры; семилопастных привесок не найдено, но височные кольца подчеркивают связь с ростово-суздальскими курганами. Можно поэтому думать, что Муром и его окрестности были самой далекой колонией смоленских кривичей, тянущих к Оке, наперерез спускавшимся по Оке из Рязани вятичам. Так в доисторическое и во всяком случае в докняжеское время наметилась колонизация междуречья Оки и верхней Волги — первая стадия того процесса, который в XII—XIV вв. привел к образованию новых русских государственных и национальных центров.

Распространение славянского племени из мест его первоначального жительства к югу происходило в двух направлениях: одно вело на юго-запад к низовьям Дуная, другое — на юго-восток по направлению к Дону. Рассмотрим их в этом порядке.

Мы уже знаем, где по сведениям византийских писателей обитали анты. К сожалению, известия эти все-таки не дают возможности точно наметить пределы их расселения к югу. Известия о войнах Византии с антами в VI в. несколько поправляют дело: из них видно, что анты доходили до Дуная, и что «Утол», где побывали, кажется, все народы, тянувшиеся и стремившиеся из южной России в долину Дуная, т. е. местность, соответствующая современным Молдавии и Бессарабии, была ими занята некоторое время. К этому времени относится византийский рассказ об убийстве аварским ханом антского посла — одного из вождей антов, Мезамира, брата

Келагаста (в этих именах слышатся подлинные славянские созвучия), по наговору болгарина, занимавшего какое-то высокое положение при аварском дворе. Авары и сменившие их болгары, видимо, оттеснили антов к северу. Может быть, этим надо объяснять исчезновение из византийских источников упоминаний об антах. Последнее известие о них относится к 602 г., когда они, по свидетельству хроники Михаила Сирина, напали на страну склавен и разграбили ее. Так закончилось первое продвижение восточных славян к югу и юго-западу; выйдя из своих прежних пределов, приблизительно ограничивавшихся 49-й параллелью, в эпоху великого переселения и пробыв некоторое время соседями и противниками Империи, они снова были несколько оттеснены на север отчасти аварами, а еще вероятнее болгарами, которые в VII в. заняли их место в «Углу».

Несколько позднее, в X в., крайний юго-западный выступ восточного славянства составляли племена уличей или угличей и тиверцев. Летописные известия о них очень немногочисленны. «А улучи и тиверцы седяху по Днестру, приседяху к Дунаеве; бе множество их, седяху бо по Днестру они до моря. Суть грады их и до сего дня, да то ся зваху от грек Великая Скуфь». С ними «беша ратни» Аскольд и Дир, а после них «рать имеяше Олег». «И бе у Игоря воевода, именем Свенгельд: и примучи угличи и возложи на ня дань. Игорь, и даде Свенгельду. И не дадеся ему един град, именем Пересечен, и седе около его три лета и едва взят его. И беша седяще угличи по Днепру вниз; и по сем придоша межи Бог и Днестр и седоша тамо»[1]. Тиверцы без уличей упоминаются еще в качестве участников походов Олега (907 г.) и Игоря (944 г.), причем в первом случае летописец называет их «толковниками», т. е. переводчиками[2]. Глухо говорит об уличах Константин Багрянородный, называя их ультинами[3]. Позднее известий об этих племенах нет.

Несколько загадочные племена уличей и тиверцев вызвали в нашей литературе оживленный обмен мнений, разбираться в которых не входит в нашу задачу[4]. Летописные известия дают нам право сделать лишь очень ограниченные выводы. Вся земля уличей и тиверцев лежала к югу от первоначальной страны славян и простиралась в известный момент даже до низовий Днепра и до моря; потом, после какого-то сдвига, определить который нет возможности, центром их поселений становится пространство между Бугом и Днестром; но даже и эти места почти целиком расположены южнее 49° северной широты. Их город Пересечен обыкновенно сближают с селением Пересечиной в Оргеевском уезде Бессарабии; значит, и столица уличей была далеко выдвинута на юг. Исчезновение уличей и тиверцев как самостоятельных племен ставят обычно в связь с нашествиями угров и печенегов, и нет основания сомневаться в та-

---

[1] Полное собрание русских летописей, I, 5; VII, 269, I, 10; VII, 277; IX, 26; Новгородская летопись, изд. 1888, 5.

[2] Полное собрание русских летописей, I, 12, 19.

[3] *Константин*, Об управлении империей, гл. 37.

[4] См. об этом в исторических географиях Барсова, и Середонина; в работе Шахматова «Древнейшие судьбы русского племени» и в трудах Грушевского «История Украины-Руси, I, и «Киевская Русь».

кой связи. Вероятно походы Игоря и взятие Переяславца были лишь последними звеньями в длинной цепи бедствий, обрушившихся на эти племена. После этого их остатки или влились в соседние племена полян, дулебов и белых хорватов или сбились к западу в предгорья южных Карпат и Трансильванских Альп и в местность между горами и Прутом; здесь оседлое русское население с городами Малым Галичем (ныне Галац), Текучем, Берладом (теперь Бырлад), Романовым Тортом (ныне Роман) существовало много позднее; в конце XII в. власть галицких князей простиралась почти до устьев Дуная и Черного моря. Весьма вероятно, что на этой далекой юго-западной окраине жили потомки уличей и тиверцев.

Все, что мы знаем об этих племенах, убеждает нас в том, что после прохода авар и ухода болгар на Балканский полуостров, в спокойный период, пережитый вятичами степями при господстве хазар до появления угров и печенегов, т. е. примерно с конца VII до конца IX в., славянское население вторично выдвинулось далеко на юг и, вероятно, удержалось бы там, если бы его во второй раз не спугнули и не разогнали степные кочевники.

Можно было бы считать большим научным достижением, если бы оказалось возможным путем археологических исследований определить области, занятые когда-то уличами и тиверцами; однако до этого еще очень далеко. Летопись, составленная не ранее XI в., утверждает, что «стоят их грады и до сего дне». Но что разумеется под этими словами? Что эти грады населены, или же это пустые городища? Вдумываясь в текст летописи, можно склониться и к тому и к другому ответу. Определить их более чем трудно, потому что кроме Переяславца ни один из них неизвестен нам по имени. Если они успели запустеть к XI в., то возможно было бы попытаться найти их среди многочисленных городищ Подолии, Бессарабии и смежных с ними земель; но и в этой области до сих пор не сделано ничего. Не было до сего времени сделано попытки определить и погребений, которые можно было бы приписать уличам или тиверцам. В южной части б. Подольской губернии было раскопано несколько курганов, обложенных камнями, и в них были найдены сосуды с пеплом и пережженными костями; вещей в них оказалось так же мало, как в новгородских сопках. Подобные же погребения обнаружены были в южной части Галицкого Подолья. Может быть, эти могилы принадлежали как раз уличам и тиверцам; однако подобное предположение если и может быть высказано, то не может быть доказано.

Раннее колонизационное движение славян к востоку и юго-востоку от среднего Днепра может быть восстановлено в гораздо более осязательных формах, чем движение на юг и юго-запад по правому берегу Днепра.

В общем обзоре погребальных памятников бассейна среднего Днепра мы уже пытались осветить вопрос о распространении этих памятников к востоку от Днепра [1].

Сводя и дополняя все сказанное выше, мы можем прийти к заключению, что как городища, так и курганы интересующего нас

[1] См. главу V.

времени, очень частые и многочисленные в местностях, прилегающих к Днепру, постепенно редеют по мере отдаления от него. В восточном направлении они в общем доходят до берегов Дона в пределах прежней Воронежской губернии. К юго-востоку они идут в том же общем направлении, в каком Днепр течет от Киева до Екатеринослава. Они охватывают бассейны левых притоков Днепра — Сулы, Псла, Ворсклы — и заходят в бассейн Донца. Чем далее к югу и востоку, тем их менее, и тем более теряются они среди множества имеющихся там курганов скифского типа и еще более древних курганов бронзового века со скорченными костяками.

Мы уже имели случай высказаться по вопросу о русском населении в степях. Материальные памятники русского населения не заходят далее среднего Дона и среднего Донца. В степях их до сих пор не найдено. Если до прихода печенегов, т. е. в течение двухсотлетнего «хазарского мира», русские и проникли в настоящие степи, то, повторяем, это были тонкие колонизационные струи, не успевшие придать степям русского этнографического облика. Вернее, думается, сказать, что до начала X в., когда явились печенеги, славянское население успело занять только предстепье, более для него удобное, чем настоящая степь. Оно еще не успело пойти далеко, да ему и не надо было этого делать,— так еще велик был для него простор земель между Днепром, Донцом и средним Доном. Именно такое впечатление оставляет распространение в б. губерниях Полтавской, Курской, Харьковской и Воронежской таких погребений, которые можно считать славянскими погребениями IX, X и последующих веков.

Размещение славянских племен на левом берегу Днепра уже само по себе наводит на мысль, что пресодниками раннего славянского продвижения к востоку и юго-востоку должны были быть северяне. Северная граница их продвижения намечена нами выше при исследовании движения на восток радимичей. По всем данным, которыми мы располагаем, северяне были и сильнее и многочисленнее радимичей, и пространство, занятое их колонизацией, естественно должно было быть гораздо обширнее. Район распространения северянской колонизации может быть определен посредством их погребальных обычаев в такой же мере, в какой мог быть нами определен район распространения племен, ведших колонизацию в северо-восточном направлении. Если оставить в стороне северянские погребения, вроде описанных нами в свое время больших черниговских курганов, то средний, ординарный вид северянских погребений представится в таком виде. Остатки от сожженного в стороне трупа в глиняном сосуде, а иногда в двух сосудах, помещали в невысоких курганах. Если в курганах этого типа находимы были в сегодняшнем расплавленном виде, так что никакому определению они не поддаются. Такой тип погребения господствует в южной половине б. Черниговской губернии и заходит по течению Сейма в пределы Курского края; он попадается в б. Харьковской губернии. Нередко в одних и тех же группах, где есть курганы с трупосожжением, встречаются курганы с погребениями. В неглубоких материковых ямах лежат костяки головою на запад, иногда на юг; при некото-

рых заметны остатки гробов. Нередко находят костяки в сидячем положении. Инвентарь небогат: при костяках находят височные кольца, иногда с нанизанными на них серебряными и стеклянными бусами, перстни, пряжки и бусы. Такие погребения найдены в прежних Черниговской, Курской и Харьковской губерниях; по времени они относятся к X—XI вв. В Полтавской и Курской губерниях найдены погребения с иным, более разнообразным инвентарем; в них находят височные кольца двух типов: малые проволочные и такие же проволочные, изогнутые спиралью, попадающиеся и у радимичей, и витые гривны с пластинчатыми сгибами на концах, гривны медные и железные, бусы, подвески к ожерельям в виде кружков и цуциц, браслеты, перстни, головные пластинчатые венчики и т. д. В ногах костяка иногда были находимы горшки. По монетным находкам, сделанным в некоторых из таких курганов, их приходится датировать X—XI вв.

Хронологическое соотношение между обоими видами погребальных обычаев, повидимому, такое же, какое мы могли наблюсти у радимичей, вятичей и кривичей. Сожжение предшествует погребению и постепенно уступает ему место. Однако у северян обычай сожжения держится, как можно думать, дольше, чем у всех других левобережных племен. На эту мысль наводит, между прочим, наличность трупосожжения на берегах Дона, у хазарского городища; впрочем, нельзя отрицать и возможности того, что к Дону первые славянские колонии проникли очень рано, в эпоху хазарского мира, и что найденные там трупосожжения принадлежат этим изначальным северянским колонистам.

Во всяком случае нашествие угров в IX в. и печенегов в начале X в. должно было положить предел всякому дальнейшему проникновению славян на восток и юго-восток, точно так же, как оно положило ему предел на юго-западе. В лучшем случае славянские колонисты остались на старых рубежах; однако есть больше основания думать, что они тогда же должны были отступить на север и запад. К сожалению, для областей между Днепром и Доном мы не располагаем даже теми обрывочными данными, какие мы имеем о судьбе уличей и тиверцев на правой стороне Днепра.

С X и XI вв. судьба южного и юго-восточного рубежа русского славянства прослежена достаточно хорошо. Сначала киевские князья ведут упорную и часто успешную борьбу со степняками. Смена ослабевших печенегов половцами во второй половине XI в. обострила борьбу и сделала ее для Киевской Руси более трудной. Границы оседлого русского населения на правом берегу Днепра постепенно подтягиваются от реки Роси к Киеву; на левом пустеют сначала отдаленные места по Дону и Донцу, а в XII в. приходит в упадок и Переяславское княжество, соответствовавшее более или менее территории прежней Полтавской губернии. Одной из мер защиты от степи является в это время заселение степных границ замиренными кочевниками, преимущественно из предшественников тех, которые в данный момент владеют степью. Так при половцах защитниками русских границ становятся прижатые к ним остатки печенегов и узов-торков, известные у русских под именем «своих пога-

ных». Им несомненно принадлежат некоторые из кочевнических погребений, характеристика которых дана в общем обзоре археологических памятников. Однако и эта защита оказывалась недостаточной. Ко времени нашествия татар русское население отошло далеко назад сравнительно с IX в., когда, надо думать, оно шире, чем когда-либо до современной эпохи, раздвинуло свои пределы на юг и юго-восток. В степи оставались лишь потерявшие связь с родиной русские бродники, да еще по Дону, кончая Воронежем, существовало довольно редкое русское население, состоявшее, вероятно, из потомков ранних радимичских и северянских колонистов и тянувшее к Рязани.

В последние годы была высказана чрезвычайно интересная гипотеза о заселении Рязанского края. Опираясь на исторические известия о присутствии славянского населения в донском бассейне[1] и подкрепляя их остроумными лингвистическими соображениями, покойный академик Шахматов утверждает, что население рязанской земли стеклось туда двояким путем. «С одной стороны на север современной Рязанской губернии вел речной путь по Оке из Поднепровья, с другой стороны на юг Рязанской губернии путь шел из иных областей; это видно из коренного различия населения северной и южной части Рязанской губернии. Всего прямее вести южных рязанцев с Дона и Донца, берега которых естественно опустели вследствие засилия кочевников. До сих пор в великорусском племени резко различаются два элемента: северные великорусы, окающие, и южные великорусы, акающие; если окающее население Приокской области пришло сюда с запада, то акающее население остается вести только с юга и признать его исконным степным населением»[2]. Очень хотелось бы проверить гипотезу А. А. Шахматова, пользуясь археологическим материалом. К сожалению, возможности здесь очень ограничены; постараемся все же их использовать.

О славянском населении на нижнем Дону, как мы уже знаем, речи быть не может. За исключением редких бродячих выходцев, славянское население, как показывает изучение археологических памятников, в момент своего наибольшего распространения, в IX в., не могло заходить далее берегов Дона около Воронежа и несколько ниже его, во всяком случае не ниже впадения Быстрой Сосны. По Донцу оно едва ли заходило далее древних аланских поселений около Салтова. Мы знаем, что нашествие угров и печенегов должно было уничтожить салтовских алан; оно должно было нарушить также и покой их новых соседей - славян, ибо, по сообщению арабов, мадьяры продавали их в рабство грекам. Известное число славянских насельников по Донцу и Дону могло, спасаясь от врагов, передвинуться на север вверх по Дону и даже перейти на среднюю Оку, как раз в пределы рязанской земли. Такое движение со среднего Дона, где и позднее еще оставалось славянское население, могло периодически происходить и позднее, в X—XII вв., в моменты особенно сильного натиска степи. Таким образом изучение южных ар-

[1] См. главу IV.

[2] *Шахматов*, Древнейшие судьбы русского племени, 35.

хеологических памятников само по себе не противоречит гипотезе Шахматова. К сожалению, какого-нибудь решающего ответа дать на поставленный вопрос нельзя. Существование славянских курганов и городищ в бассейне среднего Дона только намечено. Когда они будут обнаружены и изучены в большом количестве, тогда, может быть, наметится и правильное решение. Пока приходится лишь воздерживаться от слишком поспешных заключений. Нельзя, впрочем, не отметить, что погребения северян в Курской и Харьковской губерниях существенно отличаются от славянских погребений на Оке, не только от типично вятических погребений с семилопастными привесками, но и от того типа погребений, характеризуемого массивными серьгами с филигранью, который распространен от нынешней Рязани к югу до Старой Рязани и отчасти повторяется около Мурома. Если бы будущее изучение славянских погребений по среднему Дону могло установить связь их с вторым типом приокских рязанских курганов, тогда мы были бы близки к решению археологическим путем вопроса, обоснованного Шахматовым посредством исторических и филологических данных.

Оглядываясь на раннее движение восточных славян из первоначальных их пределов, мы можем признать, что оно началось очень рано, вероятно, в связи с какими-то неизвестными и малопонятными для нас явлениями эпохи великого переселения народов. Оно началось одновременно или почти одновременно с таким же движением западных и южных славян, более близких к своим восточным сородичам. Движение восточных славян, которых греки в первые времена своего знакомства с ними называют антами, развилось в широкое колонизационное расселение и привело в течение 2—3 веков к занятию громадных пространств, соответствующих тому расселению славянских племен, какое отмечено на первых страницах нашей летописи. Особенно успешно развивалось оно на севере и северо-востоке; на юге и юго-востоке оно несколько раз сталкивалось с натиском степняков и каждый раз должно было отступать перед ними. Изучение археологических памятников не дает оснований думать, чтобы в своем колонизационном движении отдельные племена перебивали одно другое или сталкивались бы друг с другом. В частности археологические памятники ничем не укрепляют сообщаемой летописью легенды о ближайшем родстве радимичей и вятичей с западными славянами.

Примерно полвека назад В. О. Ключевский в своих университетских лекциях впервые высказал оригинальную мысль о большом значении, какое имели торговые города в процессе возникновения первого русского государства. Приведем это мнение в наиболее краткой его формулировке. «Следствием успехов торговли восточных славян было возникновение древнейших торговых городов на Руси. Повесть о начале русской земли не помнит, когда возникли эти города: Киев, Чернигов, Смоленск, Любеч, Новгород и др. В ту минуту, с которой она начинает свой рассказ о Руси, эти города являются уже значительными поселениями. Но довольно беглого взгляда на географическое размещение этих городов, чтобы видеть, что они были созданы успехами внешней торговли Руси: большин-

ство их вытянулось длинной цепью по главной речной дороге Днепр-Волхов. Возникновение этих больших торговых городов *было завершением сложного экономического процесса*, завязавшегося среди славян на новых местах жительства. С развитием торговли возникали сборные пункты, места промышленного обмена, куда сходились звероловы и бортники для торговли, для гостьбы, как говорили в старину. Такие сборные пункты получили название погостов. Мелкие сельские рынки тянули к более крупным, возникавшим на особенно бойких торговых путях. Из этих крупных рынков, служивших посредниками между туземными промышленниками и иностранными рынками, и выросли наши древнейшие города по Днепру и его притокам. Города эти служили торговыми центрами и главными складочными пунктами для образовавшихся вокруг них промышленных округов. Варяги-скандинавы вошли в состав вооруженного класса, который стал складываться по больших торговым городам Руси под влиянием внешних опасностей. Взявши на себя защиту торгового движения, эти города скоро подчинили себе свои торговые округа. Первая политическая форма, возникшая на Руси около половины IX в.,—это городовая область, т. е. торговый округ, управляемый укрепленным городом, который вместе с тем служил и промышленным центром для этого округа»[1]. Ключевский мало занимался русской археологией и мало знал ее, но он очень верно подошел к определению того значения древнего русского города, какое получается из непосредственного допроса археологических источников.

Совсем недавно, в последние годы, к тому же вопросу подошел М. И. Ростовцев, исходя из изучения археологии южных областей и их истории и значения в греко-римскую эпоху. Мнение Ростовцева сводится к следующему. «В IX в., когда русские летописи начинают сообщать нам данные о русских князьях и русском народе, Россия предстает перед нами в совершенно готовом, сформированном виде, с особым политическим, экономическим, социальным и культурным укладом. Перед нами комплекс торговых городов, владеющих значительными территориями, на которых расселены различные славянские племена. В истории образования русского государства все своеобразно». Оно непохоже на аналогичные процессы в Западной Европе, «история России гораздо старше истории славянского племени. Результатом существования скифского государства было то, что культурная жизнь, основанная главным образом на торговле, пышно расцвела по всей южной России и двигалась все дальше и дальше на север; археологические исследования Поднепровья и Придонья показали, что и на среднем их течении старые доисторические поселения развились в большие города, очевидно, большие торговые центры для местного населения. Сосредоточились эти города там, где позднее был центр Киевской Руси—в Киевской, Полтавской, Черниговской губерниях, по Днепру, Десне, Суле и Пслу. Весьма вероятно, что большие города Киевской Руси стоят на местах этих ранних поселений. Ни одно из них система-

[1] Цитирую по «Краткому пособию по русской истории», М. 1889, 19, 21, 22.

тически не исследовано, но их огромные некрополи, богатые золотом, серебром и художественными вещами, говорят об обширной торговле, которую вело местное население. Смена скифов сарматами не изменила уклада жизни юга России». Нет никакого основания думать, что и готы «разрушили городскую жизнь на Днепре. Для них города нужны были не меньше, чем для их предшественников». Затем уже становится на Днепре хозяевами славяне и упрочивают за собой старые города [1].

Для ясного освещения интересующего нас вопроса древняя письменность дает очень мало. Птолемей говорит очень определенно о существовании городов на Борисфене и на его притоках выше Ольвии. Он не только называет их, но и дает точное географическое определение их. Это — города Азагарий, Амадока, Сар, Серим, Метрополь, Леви или Лиан, Сарбак и Наосс. Во всех воспроизведениях карты Птолемея можно видеть эти города [2]. Однако все попытки, которые делались, чтобы приурочить их к древнерусским городам или же определить их археологическими исследованиями, не были удачными. Из этих городов особенно посчастливилось Метрополю — «матери городов», в котором некоторые исследователи хотели видеть Киев—будущую «мать городов русских». Однако никаких твердых оснований для отождествления Киева с птолемеевым Метрополем до сих пор не приведено: очень противоречит этому и географическое определение Птолемея; руководясь им, надо искать Метрополь где-то ближе к Днепровским порогам.

Очень интересный вариант названия Киева сообщает Константин Багрянородный: «крепость Киова, называемая Самвата» [3]. Слово Самвата пытались объяснить из скифского и сарматского языков; в самое последнее время сделана попытка найти объяснение названию Самвата из финских языков, посредством сближения его со словами Sampatasa, что значит «пограничный камень» или «пограничная равнина» [4]. Не вдаваясь в лингвистический разбор этой гипотезы, можно признать за ней некоторое вероятие применительно к очень раннему времени, когда финны жили в земле радимичей и вятичей и их юго-западные границы доходили до средней Десны и до среднего Днепра. Этого уже не было, вероятно, в VII в., а в таком случае «пограничным камнем» Киев для финнов мог быть примерно до времени великого переселения. Если предположение о финском происхождении названия Самвата верно, то оно косвенно доказывает существование Киева, как города, в первые века хр. эры.

Северные саги передали нам известие о славном «Днепровском городе»—«Danparstadir» или «Danpstadir». В одной из скандинавских саг «Гервараросаге», в которую вошли обрывки очень древних, недошедших до нас песен, говорится, что во время гуннов Danpstadir — Днепровский город—был главным городом страны готов, западные

[1] Современные записки, 1921, № 3, 144—147.

[2] См., например, у *Hadeje* Slovanské Starožitnosti, II, 376 и у Ю. Кулаковского, Европейская Сарматия по карте Птолемея, Киев 1911.

[3] *Константин*, Об управлении империей, гл. 9.

[4] *В. Егоров*, Два финских имени, в «Сборнике статей по русской истории, посв. С. Ф. Платонову», II. 1922.

пределы которых доходили до Harvadhafyöll, т. е. Карпатских гор. В отрывках других очень древних скандинавских песен, кропотливо собранных и исследованных современными учеными, упоминаются «днепровские места и знаменитый лес, который мужи зовут темной дубровой; темная дуброва, священная могила, которая стоит в земле готов, и знаменитая скала, которая стоит в днепровских местах». Очень естественно, что глухие и краткие известия северных саг внушили мысль, принятую многими учеными авторитетами в России и в Европе, что «Днепровским городом», столицей знаменитого готского короля Эрманариха, должна была быть будущая столица Руси — Киев. В доказательство выдвигались соображения о древности поселений под Киевом, о горе, на которой он расположен, о древних пещерных жилищах и могилах, ставших в конце концов чьими-то катакомбами. Приурочение легенды о Днепровском городе к Киеву вызывает, однако, очень много возражений. Одно из них и, может быть, самое основательное, заключается в том, что приведенные места саг могут быть позднейшими вставками, навеянными непосредственным знакомством скандинавов с Поднепровьем и Киевом в IX — XI вв. Противники легенды указывают также, что если бы Киев был действительно столицей готов, то материальных остатков от этого времени и на его территории, столь богатой находками, и в его ближайших окрестностях должно было остаться значительно более. Но если даже в основе известий саг и лежит зерно истины, если эти известия в самом деле восходят ко времени готов, то их городом мог быть не только Киев. Вспомним хотя бы городища на устье Роси, служащие, вероятно, остатками древнего русского города Родни. И у этого города были все данные, с которыми в сагах выступает легендарный Днепровский город.

Все известия древней письменности позволяют сделать один только вывод: города по среднему течению Днепра, примерно от Киева до порогов, существовали задолго до возникновения Киевской державы, но приурочивать их к определенным местам и тем более к позднейшим городам, известным из русских летописей, нет и быть никаких оснований. А между тем эти города действительно существовали. Некоторые из них, вроде Киева, продолжают жить и до нашего времени; память о других дошла до нас в виде городищ, которых в одной только Киевской губернии обнаружено свыше 400. Нам уже случалось останавливаться на городищах б. Киевской и Полтавской губерний [1]. Остается лишь повторить, что в среднем Поднепровьи было много городов, просуществовавших, может быть, целые тысячелетия, которые пережили и влияние скифо-сарматско-греческой культуры, которые видели кратковременное владычество готов, не переставая в то же время служить для средоточия и защиты местного славянского населения. В частности обращает на себя внимание побережье Днепра, особенно его правый высокий берег. Один взгляд на археологическую карту Киевской губернии [2] убеж-

1. См. главы I и V.

2 *Антонович*, Археологическая карта Киевской губернии, М. 1895, Древности, Труды Московского археологического о-ва, XV, и отдельно.

дает, что весь берег от Киева вниз увязан городищами, между которыми есть действительно замечательные вроде уже известной нам Княжей Горы на устье Роси: их не менее 25 до южной границы губернии, тогда как вверх от Киева до северной границы губернии их всего 3.

Уже это обстоятельство показывает, что местность Киева, расположенного против устья Десны и неподалеку от устья Припяти — двух самых больших притоков Днепра, должна была с очень далекого времени получить особенно важное значение. Археология Киева до известной степени это подтверждает. На самой территории города и около него жили и в палеолитическую и в неолитическую эпоху и позднее; если до сих пор в Киеве сделано мало находок за тот период, который непосредственно предшествовал возникновению Киевской державы, то и эти редкие находки сами по себе очень важны. Назову, например, богатый монетный клад, в котором самыми поздними являются монеты императора Констанция (337—361). Клад найден был в 1876 г. в самом Киеве. Кроме этого клада на территории Киева были найдены еще три клада с римскими монетами, один с греческими и несколько кладов с византийскими монетами, начиная с VI в.

Независимо от этого ряд костяных доказательств убеждает, что и в эти века Киев действительно существовал. Тут был центр племени, когда они платили дань хазарам и входили в состав их державы. Сухопутную караванную дорогу от Киева на восток, направление которой указывают клады восточных монет, должны были проложить уже при хазарах, если только это не случилось еще раньше в эпоху скифов, Танаиса и Боспорского царства. Мы ведь знаем, как устойчивы такие караванные пути, раз они намечены и проложены. От хазарских центров караванный путь выходил на Дон; от него караваны поднимались по Дону мимо древних жилищ аланов у Салтова и выше до тех мест, где верхний Донец сближается с Пслом, Сулой и Сеймом. Долинами этих рек выходили на Днепр ниже Киева или даже прямо к нему. Одно из южных направлений этого караванного пути в пределах притоков Днепра носило в русскую эпоху название «залозного» пути. Так, арабские географы, которыми до нашего времени остался усвоенным этот путь, помогают воссоздать явления, которые были, может быть, жизнью еще до христианской эры. Очень возможно, что столь же древним был и «славянский» путь великокняжеской киевской эпохи, — сухой путь, отделявшийся от Днепра у порогов и ведший к местам добычи соли у Крымского полуострова. Он шел и далее, служа торговым путем для сношений византийского Херсонеса с внутренними областями. Им наряду с водным путем по Днепру и далее вдоль берегов Крыма пользовались русские князья X в. в тот короткий период, когда их влияние давало себя чувствовать в византийских владениях в Крыму.

Вели в Киев пути и с запада, из исконной территории славян, для которой Киев и окрестные городки служили днепровскими гаванями. Самым главным путем всегда оставался, конечно, путь по Днепру. Если в IX—XII вв. умели преодолевать пороги, то, вероят-

но, их также преодолевали и в эпоху существования «Гавани Борисфенитов»—древней Ольвии. Быть может, в глубь страны не ездили сами греки, но несомненно кто-то приезжал из внутренних областей и увозил туда не греческие предметы, которых так много найдено в среднем Поднепровьи.

Далее Киева, на север, торговый путь был проложен много позднее. У этого поселения, долгое время расположенного у восточной границы славянского племени, торговые пути, ведшие с юга и юго-востока, заканчивались, вернее, распадались, на мелкие местные пути, частью речные вверх по Десне, Днепру и Припяти, частью сухопутные, ведшие на территорию полей погребальных урн на запад, к Карпатам. Последние были, вероятно, главными каналами распределения товаров, ибо до VII в. очень скоро к северу от Киева должны были начинаться глухие дебри с редким финским и литовским населением.

Торговый путь по Днепру на север до верховьев этой реки должен был установиться тогда, когда эта река стала стержнем восточно-славянских племен, т. е. не ранее как в VI—VII вв. хр. эры. Что это было именно так, можно подтвердить доказательствами. Большинство крупных русских городов, основания которых не помнит русская история,—Чернигов, Смоленск, Полоцк, Новгород, не говоря уже о Ростове и Суздале,—все расположены севернее Киева. Все они неизмеримо моложе Киева и окружавших его древних славянских поселений. Если о Новгороде есть некоторые основания думать, что он возник гораздо ранее IX в., то об остальных мы не имеем и этих оснований. Большие Черниговские курганы и огромный и драгоценный в научном отношении Гнездовский могильник дают вещи не ранее IX в.; то же можно сказать об археологических древностях Полоцкого, Псковского и Ростово-суздальского края, не исключая из этого правила городских центров называемых сейчас областей.

То же самое говорят нам и монетные клады. Несколько кладов восточных монет найдено в бассейне Припяти; древнейшие монеты относятся к началу IX в. Край радимичей дал единичные находки восточных монет за исключением только берегов самого Днепра. Здесь в Старо-Быховском уезде был найден дирхем Гаруна-Аль-Рашида (786—809); близ Могилева найдены и отдельные монеты и клады с восточными монетами VII—X вв.; такие же находки были сделаны и севернее, например в Витебске; недалеко от него в с. Лучесах на реке того же имени и еще в двух местах Витебского уезда были открыты четыре больших клада с восточными монетами, начиная с VIII в. Монетные находки в земле смоленских кривичей дают дирхемы только начиная с IX в. Эти находки мало показательны, потому что с IX в. начинаются разъезды норманнов, избороздивших все большие русские реки. Предположительные выводы можно строить только на монетах более раннего времени. Не выходя из границ осторожности, можно сказать, что в допорманское время, по мере того как славяне подвигались по Днепру на север, устанавливались и торговые сношения по нему; восточные монеты показывают, что, повидимому, еще до IX в. установились пути с Днепра в бассейн Двины, причем в это раннее время пути пролегали не через Смоленск, получивший значение не ранее IX в., а примерно от Орши прямо на север по Лучесе

к Витебску или же вверх по Друти, через Лукомль, на р. Усвячу, а из нее Уллой в Двину ниже Витебска.

В земле северных кривичей — изборско-псковских и ильменских словен — также было сделано несколько монетных находок, которые можно отнести к допорманнскому времени. Сюда можно отнести уже известную нам находку диргема VII в. в сопке под Псковом, затем клад из с. Буланева в 10 *км* от Пскова и в 25 *км* от Изборска с диргемом омаядского халифа Гишама 725—726 гг. и другими монетами не позднее начала IX в., клад, вырытый близ г. Демянска Новгородской губернии, с монетами 697—824 гг. и единичную находку серебряного Сассанидского диргема Хосроя II 622 г. Эти находки дают возможность в лучшем случае сказать, что под Псковом, может быть, завязывались в VIII в. какие-то торговые сношения; но они не дают нам права думать, что сквозной торговый «речной путь из варяг в греки» существовал до прихода норманнов. Против этого говорит не только малочисленность находок, но и полное отсутствие находок монет ранее IX в. по Волхову, Ловати и в ближайших окрестностях Новгорода.

Если до прихода норманнов восточные монеты медленно ползут от Киева вверх по Днепру и доползают до Западной Двины, то византийские монеты по мере удаления от Киева становятся все реже и реже. На территории Киева и Киевской губернии византийские монеты, не принадлежа к находкам особенно частым, тем не менее встречались неоднократно. Выше, например по Припяти, они найдены в единичных экземплярах; в Гнездове едва ли не единственной находкой такого рода является византийская бронзовая монета VI в.; севернее Смоленска находки византийских монет еще реже.

Все это довольно ясные показатели того, что путь вверх по Днепру, получивший, несомненно, очень большое значение при раннем расселении славян, равно как и составляющие его продолжение на севере пути по Ловати и Великой, продолжали оставаться до IX в. путями чисто местными. Как большая европейская торговая дорога Днепр оканчивался у Киева. Так было в глубокую древность, так оставалось и в эпоху первого продвижения славян на север. Сквозной великий путь «из варяг в греки», ставший главной дорогой русской державы IX — XII вв., появляется не ранее IX в. Так как мы хорошо знаем, что именно в этом столетии начинаются разъезды норманнов по Европе и в частности по Восточной Европе, то не приходится сомневаться, что именно им принадлежит заслуга открытия этого сквозного пути, получившего громадное историческое значение.

Если можно считать установленным, что южно-русские города неизмеримо древнее северных, то сцепление отдельных речных дорог в один великий путь «из варяг в греки» способствовало очень быстрому обращению молодых, вероятно, небольших северных городков и погостов, занимавших особенно выгодное положение на днепро-волховском пути в большие торговые центры. Во всяком случае в конце IX и начале X в. Новгород, Изборск, предшественник Пскова, и Полоцк были крупными городами с большим политическим значением. Особенно поучительна в этом отношении судьба Смоленска,

который расположен как раз в том месте, где смыкаются северная и южная половины пути, и который должен был возникнуть только тогда, когда обе половины действительно соединились в один сквозной путь. Знакомство с ранними судьбами Смоленска стало для нас доступно благодаря раскопкам огромного Гнездовского могильника, расположенного в 10 *км* к западу от современного Смоленска и представляющего некрополь первоначального городского поселения, которое затем переместилось несколько к востоку.

Выше уже была дана краткая характеристика Гнездовского могильника и было подчеркнуто, что он даст отражение богатого городского поселения, процветавшего уже в X в. За Гнездовским некрополем чувствуется сплоченное городское население, живущее торговыми интересами и состоящее из туземного элемента, к которому в высших его слоях примешивается немногочисленный, но материально мощный и потому влиятельный, варяжский, скандинавский элемент.

Совершенно такое же впечатление производят уже описанные большие Черниговские курганы; они тоже убеждают, что в этом древнем городе, державшем в своих руках выходы из бассейна Десны, уже в X в. существовало городское население, которое, как и в Гнездове, экономически, успело резко отделиться от сельского населения, окружавшего город. Разница между Гнездовом и Черниговом заключается только в том, что в Чернигове нет никаких явных признаков инородного характера этого населения. Можно, пожалуй, отметить отдельные предметы, схожие с предметами норманнского обихода, но все же нет никаких оснований приписывать большие Черниговские курганы непременно каким-нибудь норманнам. Еще в гораздо большей степени, чем в Чернигове, наличность зажиточного городского класса заметна в Киеве. В отношении Киева впечатление создается не столько погребениями, сколько богатейшими предметными кладами и отдельными ценными находками, которыми территория города Киева подарила русскую археологию.

Общая характеристика киевских кладов нами уже дана; этому предмету посвящено специальное исследование академика Н. П. Кондакова [1], дающее подробное описание важнейших Киевских кладов и их компетентную оценку. Мы ограничимся здесь лишь несколькими замечаниями. Прежде всего нужно сказать, что самые ценные Киевские клады относятся ко времени, несколько более позднему, чем та эпоха, которой мы преимущественно интересуемся. Предметы, их составляющие, светские драгоценности, вещи византийской работы, предметы церковного обихода говорят об XI—XII вв. и начале XIII в., о времени, когда Киев был столичным городом первого русского государства (рис. 40). Но такое накопление богатств не могло быть быстрым и внезапным, и если драгоценные предметные клады, найденные в Киеве, сопоставить с многочисленными кладами монет восточных, других монет IX—X вв. и более раннего времени и слитков серебряных и золотых, так называемых гривен (рис. 41), которые были

[1] Русские клады. Исследование древностей великокняжеского периода, I, II. 1896.

выраты в том же Киеве, то будет ясно, что накопление богатств в Киеве шло издавна, а в великокняжескую эпоху достигло только своего наибольшего расцвета. Оно не могло возникнуть только благодаря князьям норманнского происхождения. Ведь и то, что сообщают наши летописи о жизни в Киеве в X в., рисует князей в виде первых купцов Киева, за которыми стоит целый класс купцов, ведущих торговлю вместе с князьями. Те «городские старцы», о которых несколько раз мимоходом говорит летопись, подчеркивая их значение на вече и в княжеской думе, и были старшими, почетными представителями торгового класса, существование которого далеко предшествовало появлению в Киеве норманнских викингов. Они, эти купцы, копили диргемы, византийские монеты и серебряные гривны-слитки, они потом, наряду с князьями, собирали драгоценности и делали богатые вклады в монастыри.

Рис. 41. *Серьги из Киевского клада 1885 г.*

Очень интересно, что богатые предметные клады были находимы не только в Киеве. Такого же характера клад был открыт в 1883 г. на соборном погосте в Чернигове, хотя он содержал не церковные предметы, а предметы светского обихода—толстые серебряные цепи, золотые серьги и золотые сережные привески с эмалью (рис. 42).

Рис. 41. *Шейные и денежные гривны, найденные в Киеве.*

Подобные же клады были находимы в Каневском уезде, в различных приднепровских местах Черкасского уезда и в г. Переяславле. Наряду с кладами здесь еще раз уместно припомнить городище Княжу Гору, на месте города Родни, при впадении Роси в Днепр, и множество серебряных и золотых вещей, которые в нем найдены. Не только в Киеве, но и в других городах среднего Поднепровья, особенно расположенных вблизи самого Днепра, жила, торговала и накапливала богатства городская буржуазия. И нужно сказать, что сравнение северных и южных городов Руси XI—XII вв. в отношении богатства их торгового населения дает большой перевес в пользу юга.

На севере формирование городского торгового класса и превращение торговых городов в политические центры началось сравнительно поздно, когда там крепко осели славяне. Оно стало сильно развиваться в IX в. с появлением норманнов, проложивших сквозной путь «в греки». На юге этот процесс начался гораздо ранее, может быть, в очень древнее время; во всяком случае он развивался в VII—VIII вв., в эпоху хазарской власти и влияния, когда Киев был главным конечным пунктом торговых путей, ведших в него с юга и юго-востока. Открытие пути «из варяг в греки» дало лишь новый импульс давно длившемуся накоплению и обусловило дальнейший экономический рост городского населения, оборвавшийся лишь с временным падением Киева и среднего Поднепровья в XIII в.

Рис. 42. *Цепь и серьги из Киевских кладов.*

Принимая во внимание все сказанное выше, становится понятен тот особый характер экономически-правового уклада древнейшего русского государства, который давно уже отмечен и освещен русской исторической наукой и который ярче всего сказался в законодательных нормах Русской правды. «Русская правда есть по преимуществу уложение о капитале. Капитал служит предметом особого внимания для законодателя; самый труд, т. е. личность человека, рассматривается как орудие капитала; можно сказать, что капитал — это самая привилегированная особа в Русской правде. Им указываются важнейшие юридические отношения, которые формулирует закон; последний строже наказывает за деяния, направленные против собственности, чем за нарушение личной безопасности. Само лицо рассматривается в Русской правде не столько как член общества, сколько как владетель или производитель капитала. Легко заметить ту общественную среду, которая выработала право, послужившее основанием Русской правды: это был большой торговый город. Село в Русской правде остается в тени» [1]. «Не совместное преуспеяние деревни и города в условиях торгово-промышленного развития страны, а все растущий

[1] *Ключевский*, Курс русской истории, I, 300—302; см. также *М. Н. Покровский*, Русская история, I, гл. III, и *М. В. Довнар-Запольский*, История русского народного хозяйства, I, гл. XII, К. 1911.

вследствие быстрого роста города контраст между ним и деревней характерен для Киевской Руси. Само собой выступает непрочность строя, в котором для одних — все блага тогдашней культуры, другие — продолжают жить в первобытных условиях: для одних — богатые терема и храмы византийской и романской архитектуры, другие — ютятся в курных избах и землянках; у одних парчи и шелк с Востока и из Византии, для других одеждой служат плохо выделанные шкуры и грубый холст»[1]. Исследование возникновения и раннего быта древнерусских городов по археологическим памятникам подводит новые основания под своеобразную экономическую картину древне-русской жизни, открывающуюся из изучения памятников юридических и культурных.

До сих пор мы, однако, видели только одну сторону дела — богатство городов, мы еще не видели контраста между бытом города и деревни. Дают ли археологические памятники возможность ощутить этот контраст? Частично мы уже можем дать ответ на поставленный вопрос. Бедность предметов и почти полное отсутствие остатков жилья в мелких захолустных городищах, рассеянных по исконно славянским землям и унаследованных славянами от финнов в областях, занятых первыми в VII—X вв., почти полное отсутствие могильного инвентаря в древнейших новгородских сопках, однообразные, бесконечно повторяющиеся предметы в курганах кривичей, вятичей, радимичей, дреговичей, северян, погребения которых мы выше исследовали в связи с их расселением в доклассовую эпоху,— все это впечатления, оставляемые славянскими археологическими памятниками. Нельзя сказать, чтобы быт, вскрываемый археологическими памятниками северно-русских славянских племен, производил впечатление нищеты; нет, это быт первобытного земледельческого населения, не чуждого колонизаторской инициативы и простейших видов торгового обмена.

Но если сравнить быт не только отдаленных вятичей, но даже более близких к большим торговым путям кривичей или северян с золотыми и серебряными вещами кладов Киева и соседних местностей среднего Поднепровья или со сложным и ценным инвентарем Черниговских и Гнездовских курганов, то впечатление контраста устанавливается твердо и определенно. И с этой стороны археологические памятники учат нас, что город и деревня в древней Руси разошлись очень далеко, и что это расхождение должно было начаться ранее, чем возникло первое русское государство.

Для полной картины сельского быта русских славян нам необходимо ознакомиться с памятниками тех племен, о которых мы еще не говорили. К таким племенам относятся поляне, древляне и племена, занимавшие Волынь и носившие различные названия — волыняне, дулебов и бужан.

Курганы в ближайших окрестностях Киева, относящиеся к IX—X вв., дают исключительно трупосожжение. Мы уже имели случай дать их примерное описание при общей характеристике славянских погребальных памятников. Добавлю сюда несколько подробностей.

---

[1] *Любомиров*, Торговые связи древней Руси с Востоком в VIII—XI вв., М.

Курганы невелики. Сожжение совершалось и на месте кургана и отдельно. В некоторых курганах под кострищем заметны остатки вычищенного и убитого глиной тока, который был устроен на насыпи несколько выше уровня земли. Пережженные кости помещались в сосудах, причем иногда малые сосуды прикрывались большими, что как будто похоже на пережиток полей погребальных урн. Вместе с сосудами, содержащими пережженные кости, находят вещи, очень разнообразные по своему характеру; часто между ними попадаются золотые и серебряные поделки — серьги, бляшки типов, встречающихся в Киевских кладах и в находках на приднепровских городищах.

Очень характерна печь для сжигания покойников, найденная в самом Киеве, на глубине 3 м; при ней были найдены горшки с пеплом и пережженными человеческими костями и различные серебряные и золотые вещи, которые можно отнести к X в.

Такие курганы с трупосожжением и с инвентарем, говорящим о сравнительно зажиточном населении, можно считать погребениями полян. Их территория ограничивается на востоке Днепром, на юге Поросьем; впрочем погребения полян заходят, повидимому, и далее на юг. Курганы этого типа Бобринский раскапывал в окрестностях Смелы, в бывшем Черкасском уезде. На севере они заканчиваются очень близко от города Киева, где их границей служит реки Ирпень. Достигнув этой реки, мы вступаем в полосу распространения совсем иного погребального типа, соответствующего древлянской земле.

Определим прежде всего его территорию. На севере он немного не доходит до р. Припяти; здесь границу его можно примерно определить линией, проведенной от устья Припяти прямо на запад до нижнего течения р. Случи. Восточной границей древлянских погребений служит Днепр от устья Припяти до устья Ирпеня и течение этой последней реки до местечка Корнина. От этого местечка пограничная линия древлянского похоронного типа оставляет р. Ирпень и идет к югу и даже к югу-востоку до местечка Паволочи и с. Буки на р. Растовице, притоке Роси. Растовица течет по направлению с запада на восток и служит южной границей древлянских курганов до самого своего истока; отсюда ее продолжает не вполне ясная линия, соединяющая истоки Растовицы со Случью примерно около местечка Лобара. Р. Случь почти на всем своем протяжении является западной границей древлянских курганов.

В противоположность трупосожжению полян, в древлянской земле господствует исключительно погребение, которое совершалось или на поверхности земли или в неглубоких грунтовых ямах. (Курганы с трупосожжением встречены в западной части древлянской земли; они представляются наиболее древними.) Костяки лежат головой на запад в вытянутом положении, нередко на подстилке; часто попадаются следы деревянных гробов, сколоченных железными гвоздями. Поражает бедность инвентаря древлянских могил. Оружие встречено в единичных случаях. Очень мало глиняных сосудов, присутствие которых, очевидно, не требовалось погребальным ритуалом. Найденные горшки очень просты и лишены орнамента. Иногда попадаются остатки деревянных ведер. Три раза в раскопках обнаружены сосуды,

сделанные из человеческих черепов. Попадаются мелкие обиходные предметы — огниво, небольшие железные ножи, серпы современного нам типа, железные молотки, прислица. По очень скудным остаткам одежды можно судить, что она выделывалась из шерсти. Рубахи у женщин застегивались на вороте застежками в виде бронзовых пуговиц, бусин, серебряных или бронзовых колец. Кое-где встречены остатки поясов из ткани и ремня. Очень интересны остатки обуви, которые в нескольких погребениях сохранились настолько, что можно восстановить ее первоначальный вид: это были невысокие мягкие полусапожки с отворотами, спускавшимися очень низко. Очень бедны и примитивны украшения: перстни, серьги большею частью из бронзы или из плохого серебра (лишь в одном случае была найдена золотая тонкая проволока); были находимы браслеты; пожалуй, наиболее распространенным видом украшений являются бусы из пасты, сердоликовые и стеклянные с позолотой и без нее; стеклянных бус особенно много. В древлянских могильниках, доселе известных, насчитывается до семи с половиной тысяч курганов; хронологический период, ими обнимаемый, начинается с IX в. и доходит до XIII в.

Нам остается рассмотреть погребения обитателей западной Волыни. И здесь в эпоху, непосредственно предшествующую возникновению русского государства, и позднее, до исчезновения курганных могильников, самые поздние из которых не заходят далее конца XII или начала XIII в., господствует обряд погребения. Трупосожжение встречается реже и, повидимому, относится к более древнему времени. Курганы невысоки; некоторые из них имеют в основании сплошной круг валунов. В основании курганов почти всегда обнаруживаются остатки кострищ; костяки лежат на поверхности земли, чаще в грунтовых ямах, которые, как и на юге, в Подолии, нередко обложены кругом несплошным рядом камней. Как и у древлян, костяки в курганах Волыни лежат в очень тщательно сделанных гробах, сколоченных железными гвоздями, или в колодах, остатки которых обнаружены в большом количестве; в некоторых случаях гробы заменялись деревянными срубами-гробовищами, иногда увенчанными деревянной двускатной крышей. Вещей очень мало; около половины погребений вовсе без вещей. Общий их характер довольно близок к инвентарю древлянских могил: простые глиняные сосуды, деревянные ведра, простые и бедные украшения в виде бус, перстней и серег, отсутствие браслетов. Наоборот, отличие от древлянских курганов составляет наличность тонких височных колец у женских костяков. Драгоценных украшений особенно мало: сюда можно отнести единичные находки серебряных серег, близких по типу к киевским. Такие же сходства с древлянскими погребениями в остатках одежды и обуви (рис. 43).

Бедность волынских курганов—памятников племен, несомненно более зажиточных, нежели их восточные соседи древляне,— на первый взгляд представляется загадочной. Такой особенности можно, однако, подыскать некоторое объяснение. Здесь славяне сидели на своей исконной земле, а мы знаем, что и древнейший известный нам ритуал славянских погребений—сожжение праха и погребение его в урне на бескурганном поле—был также беден предметами обихода и укра-

шений. Может быть, эта основная черта сохранилась на старых местах жительства, несмотря на внешние изменения в обряде.

Если сопоставить сельский быт русских славянских племен с бытом городов, поскольку тот и другой открываются из археологических памятников, то впечатление контраста между городом и деревней еще усилится. Деревня продолжала жить почти в первоначальных условиях и почти не поднимаясь в своем развитии за все время, которое можно охватить изучением археологических памятников последнего доисторического и раннего исторического периода; города же, особенно самые богатые из них, города среднего Поднепровья, успели далеко уйти вперед благодаря тому, что рано стали оживленными торговыми центрами; они накопили большие богатства и создали более утонченный культурный класс, который был столь же далек от деревенского жителя-смерда, как интеллигент XIX в.—от крестьянина.

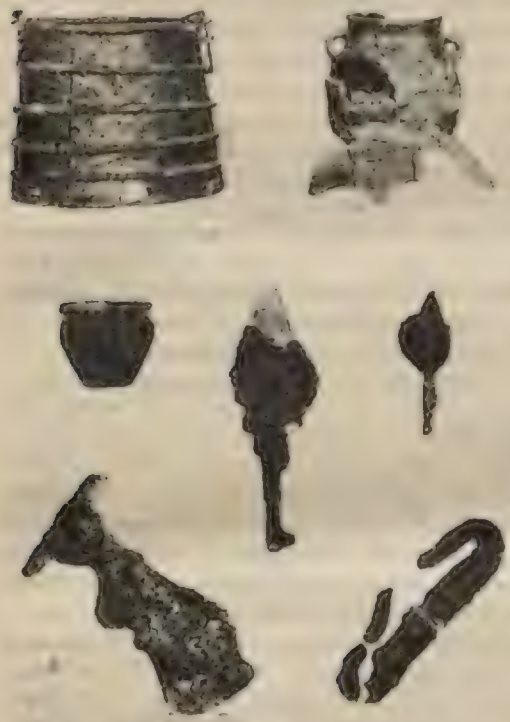


Рис. 43. *Инвентарь Волынских курганов.*

Изучение быта различных восточно-славянских племен по памятникам их жилья и погребений дает возможность установить и некоторые различия между отдельными племенами. Сравнивая курганы древлян с курганами полян, понимаешь презрительное отношение киевского летописца к близким лесным соседям, которые своим простым и бедным бытом так отличались от жителей ближайших окрестностей самого большого и богатого из городов — Киева. С большой отчетливостью выступает сила одних племен и слабость других. Мы думаем, что именно такой силе и сравнительной многочисленности надо приписывать колонизационный размах кривичей и северян, и, напротив, слабости внутренней или малочисленности — инертность радимичей и дреговичей. Судя по территории и по погребениям, малочисленны были и поляне. Первенствующее значение Киева было создано не ими, а торговлей; сами поляне были только придатком при «матери городов русских». Все эти явления ясно сказались потом в истории Руси X—XIII вв. Поляне ступеньками перед родью Киева; о них почти ничего не слышно; между тем именно кривичи и северяне, обнаруживши уже с VII—VIII вв. как-

большую колонизаторскую инициативу, успевают создать княжества, ставшие противовесом Киеву. Вспомним, что Черниговское княжение выбрало в себя и радимичей и вятичей, что кривичи были первыми строителями суздальской земли задолго до знаменитых князей XII в. и что их родные братья, ильменские словене, свои набеги на Волгу должны были начать задолго до крещения Владимира.

Очень характерны сравнительные тишина и застой, которые как будто обнаруживаются в ранием быте вольшян. В нем не чувствуется никаких движений, никаких перемен, которые хотят внести в их ранние судьбы некоторые новейшие исследователи, например А. А. Шахматов[1]; напротив, кажется, что в этой земле, где славяне обитали из глубины веков, ничто не менялось, что здесь дольше всего сохранялись древнейшие, незыблемые и в то же время скромные формы быта, сохранялись до тех пор, пока развитие торговых путей на запад и исторические события XII в. не сделали Волынь соперницей Киева.

Глубоким внутренним отличиям между отдельными славянскими племенами соответствуют и некоторые внешние отличия. Если мы возьмем инвентарь славянских могил в его целом и сравним его с инвентарем финских могил, то он покажется нам довольно однообразным. Мы придем к совсем другому заключению, если остановимся хотя бы на украшениях, бывших в ходу у различных восточнославянских племен. Как упорно держались за свои семилопастные привески вятичи и радимичи, и как несхожи эти привески у тех и других. Или возьмем височные кольца, которые были в моде одновременно у северян, кривичей и волынян и в то же время отсутствовали совершенно у древлян, поляп, радимичей и вятичей. Свидетельствуя о вкусах и модах далеких предков русского народа, они в то же время помогают исследователям разобраться в тех широких передвижениях и переселениях, которые имели место за несколько веков до образования Киевской державы.

Подводя итоги сельскому быту восточных славян, мы должны, как нам думается, сделать еще одно наблюдение. О том, что все восточно-славянские племена были знакомы с земледелием и скотоводством говорить не приходится: и то и другое было в полном ходу даже у тех самых древлян, которых летописец корит «скотским и звериным обычаем». Общее впечатление от этого народа, в могилах которого оружие попадается в виде редких исключений, то, что это — мирный народ-земледелец, который любит землю и вольный простор, стремится к ним и захватывает их, где может. А земли и простора было ведь так много и в юго-восточных степях и в северных лесных дебрях. Однако даже в своей экспансии он невоинственен. Он дерется по нужде и умеет и сражаться и умирать в борьбе, но лишь под влиянием особых условий в нем вырабатывается своеобразная воинственность и особая удаль, которые заметны и в степных «бродниках» и в «берладниках», уходивших на Дунай, — этих предтечах

[1] «Древнейшие судьбы русского племени», 23—25. В этой книге высказывается предположение об уходе дулебов на Западную Двину и Великую под натиском аваров, гонимых Карлом Великим.

позднейшего казачества, и в новгородцах, пролагавших в VIII—IX вв. путь на Волгу, предках ушкуйников и еще более поздних завоевателей Урала и Сибири. Расселяясь по рекам, понемногу охватывая весь бассейн Днепра, проникая в Озерный край и на верхнюю Волгу, он устраивается, распахивает землю, собирает ее плоды, ловит зверя и добытые излишки продает проходящему купцу или сам везет их в торговый город, если последний не слишком отдален. В обмен он получал несложные продукты обрабатывающей промышленности, с которыми нас знакомят славянские городища и курганы.

В мирном настроении, в недостатке воинственности крылась, однако, и самая большая опасность для восточного славянина, тем большая, чем ближе он жил к большим торговым путям или к степи. Проходящий купец легко превращался в разбойника, а степные кочевники, — в VI—VII вв. — болгары и авары, в IX—XII вв. — угры, печенеги и половцы были всегда разбойниками по отношению к оседлым жителям предстепья. И славянин постоянно бывал жертвой купеческих и степных разбоев. Недаром все восточные авторы неизменно повторяют рассказы о славянских рабах и рабынях, которых привозили и продавали и купцы «русы» в Булгаре и в Итиле и угры и печенеги в городах Черного моря. Отсутствие воинственного натиска, недостаток сплоченности и врожденная анархичность, столь метко схваченные византийским историком Прокопием еще в VI в., делали этого земледельца-колонизатора постоянной жертвой более слабых численно, но лучше организованных шаек купцов-разбойников и отрядов степняков. Все это давно и хорошо известно, поскольку дело идет о Руси X—XIII вв. и более позднего времени, но те же явления были, повидимому, широко распространены и долгие века, предшествовавшие началу русского государства.

Все те немногие сведения, которые древняя письменность и народная поэзия сохранили нам о духовной культуре и о верованиях русских славян до появления христианства и в первые века после принятия христианства высшими кругами древне-русского общества, давно подверглись усиленной обработке[1]. Нам приходится поставить только один вопрос: что может дать для изучения идей и верований русских славян исследование их погребальных памятников? Наперед можно сказать, что из этого источника мы получим не особенно много и что славянские городища и могилы дадут нам относительно меньше, чем могилы и городища их северо-восточных соседей финнов. В самом деле археологические памятники славян ничего не говорят о их культе; не найдено ни одного идола или какого-нибудь изображения, имеющего религиозный характер. Городища лишь косвенно подтверждают то, что мы знаем из других источников, т. е. что у славян не было храмов; не было у них даже и таких жерт-

[1] См. старые работы *А. Н. Афанасьева* «О поэтических воззрениях славян на природу», 3 тома. М. 1865—1869, *А. А. Котляр-евского* «О погребальных обычаях языческих славян», М. 1868. В новейшее время появились исследования *Д. К. Зеленина* «Очерки русской мифологии», II. 1916; *Е. В. Аничкова* «Язычество и древняя Русь», П. 1914 и *Л. Нидерле* «Slovanské Starožitnosti».

ческих мест, какими эти финны служили некоторые из городищ Дьякова типа. Самое большее, что можно почерпнуть из инвентаря славянских могил для составления некоторого представления об их верованиях — это различные амулеты, примером которых может служить амулет-привеска, выкопанная нами в Елизаровском могильнике Волоколамского уезда Московской губернии, содержащем остатки славян-кривичей [1]. К такого же рода предметам можно отнести и кресты, которые в большом числе добыты при раскопках курганов переходного времени от язычества к христианству в Ростово-суздальском крае — у вятичей, радимичей и северян. Можно думать, что этот символ христианства проник в языческую среду ранее новой религии и мог служить предметом суеверного поклонения, если только не был простым украшением.

Общее значение обоих обрядов похорон — сожжения и погребения — для загробных верований уже неоднократно было нами выяснено. У славян мы встречаем оба обряда. При этом очень характерно, что еще в языческую эпоху погребение начинает вытеснять более древнее сожжение. Сожжение, которое от славян успело частично перейти к финнам, как это показывают прикские могильники, у них самих уже вытеснялось погребением. Процесс этот позднее мог быть ускорен введением христианства. Но он начался ранее: это доказывается хотя бы тем, что у вятичей, которые стали христианами только в XII в., сожжение является пережитком уже в X в.; то же самое дают погребения древлян и волынян. Наша летопись помнит и знает обычай сожжения трупов, но описывает его уже не совсем правильно ни по отношению к обряду, ни по отношению к племенам, у которых, по словам летописца, этот обычай существовал. Летопись приписывает его кривичам, вятичам, радимичам и северянам. «Аще кто умряше, творяху тризну над ним и посем творяху кладу велику, и возложахуть и на кладу, мертвеца сожжаху, а посем, собравше кости, вложаху в судину малу и поставляху на столпе на путех, еже творят вятичи и ныне»[2], т. е. в XI в. Мы знаем, что вятичи в это время уже видимо, давно, перешли к погребению. Естественно, что археологические памятники не могли сохранить и передать нам следы обычая выставлять урны на дорогах, если этот обычай действительно существовал. Курганы с сожжением очень часто содержат урны; возможно, что в некоторых местностях их зарывали в курганы спустя некоторое время после сожжения и тризны, выставив их предварительно на столбах «на путях». Это, впрочем, только предположение, никакими данными археологии не подтверждаемое. В общем могилы славян оставляют впечатление, что религиозные верования не были ни особенно сильны, ни ярки. Впечатление это подкрепляется памятниками письменными, говорящими о языческих верованиях восточных славян.

Археологические памятники в полном согласии с письменными источниками ставят нас лицом к лицу с племенным бытом и с тор-

---

[1] *Богоявленский и Гетье*, Елизаровский могильник, «Древности» XIX, вып. 2, стр. 60.

[2] Полное собрание русских летописей, 1, 6.

говыми городами. Как управлялось племя, рассказывают нам известия о древлянских князьях «иже распасли суть деревскую землю», и отрывочные сведения о вятичах, позднее всех подчинившихся власти князей Рюриковичей. Можно представить себе обычную картину племенного быта, которую нам уже приходилось описывать применительно к финнам и литве. Племя распадалось на отдельные ветви и родовые деления; и, может быть, многие из маленьких городищ, сохранившихся до нашего времени, служили и для славянских князьков и родовладык своего рода крепостями или замками, предназначенными не только для того, чтобы защищать окрестные населения, но и для того, чтобы над ним властвовать в процессе развивающейся феодализации.

Городовая область на юге по среднему Днепру установилась, надо думать, очень рано, может быть еще во времена великого переселения или вскоре после него. На севере она стала формироваться несколько позднее, когда славяне осели у Ильменя, у Псковского озера и на Двине. Позднее всего она образовалась в средней части пути «из варяг в греки», и не случайность, что древности Смоленска-Гнездова не восходят далее IX в. Здесь городовая область должна была появиться только с открытием сквозного торгового пути, а мы знаем, что он был проложен не ранее начала IX в. Торговый город с непрерывно усиливавшимся и богатевшим классом купцов предпринимал вооруженные экспедиции не только в даль по речным путям, но и в ближайшие области, подчиненные племенным и родовым вождям, безразлично, были ли то славяне или финны. Этим город постепенно притягивал к себе окрестные области, которые, кроме того, тянулись к нему как к своему центральному рынку. Но город в доисторический период не успел осилить племенного строя. Страна оставалась разъединенной и потому частично подпадала под власть завоевателей.

После готов восточными славянами в VI и VII вв. владели авары. Мы знаем, что они «примучивали» дулебов; власть их, следовательно, во всяком случае простиралась на племена, жившие к западу от Днепра. К сожалению, кроме одного переданного летописью предания, мы ничего не знаем об отношениях авар к восточным славянам. Поэтому нельзя определить и времени, когда власть авар простиралась на их землю. Можно утверждать только, что это могло быть между началом VII и началом IX в. О характере аварской власти можно судить только по тяжелой памяти, которую она оставила. Смутно помнили также, что не все восточные славяне ей подчинялись. В VII — X вв. часть восточных славян платила дань хазарам. Наша летопись помнит, что когда-то такую дань платили поляне, иначе сказать Киев, т. е. древнейшая торговая городская область. Ее платили северяне, радимичи и вятичи «по беле и веверице от дыма» и по «шьлягу от рала». Письмо царя Иосифа к Хаздаи-бен-Шапруту подтверждает, что хазарам платят дань «север, вентит (т. е. вятичи) и славиун»[1]. От подчинения хазарам славянские племена освобож-

[1] Полное собрание русских летописей, 1, 7, 8, 10, 27; Еврейская библиотека, VII, 160.

дается в IX в. норманскими вождями и их преемниками русскими князьями X в. Еще ранее варяги-норманны успели подчинить себе ильменских словен и обширное племя кривичей, до тех пор, кажется, не знавших иноземной власти. В IX—X вв. весь путь «из варяг в грек» оказывается во власти выходцев из Скандинавии, которым принадлежит первенствующее значение в сплочении восточных славян в одно государство. К материальным памятникам их пребывания среди восточных славян нам и надлежит обратиться.

ГЛАВА X.

НОРМАННЫ.

Приступая к посильному освещению роли норманнов, т. е. скандинавов или, как их у нас называли, варягов, в последнем периоде доисторической жизни нашей страны, мы совершенно не предполагаем не только разрешать, но даже и ставить так называемый «норманнский вопрос», по которому было пролито так много чернил в русской историографии. Вопрос этот решен в пользу норманнов, и если мы теперь не совсем так представляем участие норманнов в начале исторической жизни нашей страны, как его рисовали первые норманнисты в XVIII в., то несомненно многими из поправок и разъяснений мы обязаны их противникам. К этим поправкам и разъяснениям и свелась вся энергичная и неутомимая деятельность антинорманнистов, которая теперь вся принадлежит прошлому. В настоящее время не приходится сомневаться ни в том, что норманны разъезжали в самых различных направлениях по Восточной Европе, ни в том, что они приняли очень видное и деятельное участие в создании первого русского государства, объединившего дотоле разрозненные племена и торговые города. Вопрос, подлежащий нашему рассмотрению и изучению, гораздо уже, — он состоит в выяснении, насколько археологические памятники могут помочь определить действительное участие норманнов в судьбах восточно-европейской равнины в VIII — XI вв., и только. Как раз в таком разрезе трактует норманский вопрос вышедшая в 1914 г. чрезвычайно ценная и интересная работа шведского ученого Т. Арне. Для русской археологической и исторической науки книга Арне имеет особый интерес еще потому, что выводы Арне были целиком и без критики приняты покойным А. А. Шахматовым в его блестящем предсмертном труде о древнейших судьбах русского племени [1].

Арне с большой добросовестностью и тщательностью перечисляет и подвергает анализу все находки предметов скандинавского происхождения, сделанные в России, и приходит к выводу, что сношения скандинавов, в которых он видит исключительно шведов, с Восточной Европой начались в самом конце VIII в. или, вероятнее, в самом начале IX в. и шли первоначально только через волжский путь;

---

[1] *T. J. Arne*, La Suède et l'Orient. Etudes archéologiques sur les relations de la Suède et de l'Orient pendant l'âge des vikings, Upsal 1914; *Шахматов*, Древнейшие судьбы русского племени, 44 и сл.

к концу IX в., когда был проложен волхово-днепровский путь, сношения эти оживились настолько, что «в X в. шведские колонии процветали в России — в позднейших губерниях Петербургской, Новгородской, Владимирской, Ярославской, Смоленской, Черниговской и Киевской»[1]. С таким выводом, который допускает существование в России X в. цветущих и притом многочисленных скандинавских колоний, едва ли можно согласиться безоговорочно, как это делает А. А. Шахматов.

Рассмотрим прежде всего самые предметы, за которыми следует признать скандинавское происхождение, ибо именно на Скандинавском полуострове их найдено более всего и именно там был центр их производства. Наиболее типичными из них являются прежде всего фибулы двух видов: во-первых, овальные скорлупообразные или черепахообразные с пятью шишками или репейками; они сделаны из очень хорошей бронзы и покрыты рисунком отчасти стилизованно-звериного типа, отчасти напоминающим вязь (рис. 44); во-вторых, фибулы круглые, плоские, щитовидные, также сделанные из бронзы и украшенные рисунком или звериного типа, или же в виде переплетающейся ленты (рис. 45). Кроме фибул скандинавского же происхождения пряжки, иголки, подвески, браслеты и другие предметы украшения, снабженные рисунком, в котором есть элементы стилизованных зверей и птиц, хотя иного, чем на востоке России, характера, и элементы

Рис. 44. *Большая скандинавская фибула.*

Рис. 45. *Скандинавская фибула.*

[1] *Арне*, цит. соч., 225.

переплетающихся лент и шнурков. Не менее своеобразным и типичным является оружие норманских викингов, особенно их оригинальные боевые топоры, железные обоюдоострые мечи с прямым или же с дугообразным эфесом и с рукояткою, увенчанной набалдашником. Вся рукоять и эфес украшены тем же своеобразным и типичным рисунком, который уже описан выше (рис. 46).

Все подобные предметы были находимы в пределах СССР или одиночно или группами, в более или менее значительном количестве. На одиночных находках, тонущих в массе предметов иного характера и происхождения, нельзя построить доказательств длительного существования в данном месте скандинавского поселения. Попадаясь в определенном направлении, например вдоль речного пути, такие одиночные находки могут определять путь, по которому ездили варяги. Совершенно отдельные случайные находки скандинавских вещей доказывают еще меньше: отдельные предметы могли тем или иным способом попасть и в руки не-варягов; отсюда можно вывести, что скандинавские предметы попадали в нашу страну, и только. Для того чтобы признать возможность существования норманских колоний в России, надо, чтобы скандинавские вещи в данной местности были находимы в достаточно большой количестве, чтобы находки эти имели не случайный, а компактный и систематический характер и чтобы они были сделаны в определенных и точно установленных археологических памятниках, т. е. в городищах или курганах. Наконец необходимо еще одно последнее условие. Соотношение скандинавских предметов, находимых в городищах или могильниках, и предметов иного, туземного, допустим славянского или финского, происхождения должно быть таково, чтобы скандинавские вещи в комплексе вещей, вырытых в данном могильнике или городище, занимали достаточно определенное и количественно внушительное место.

Рис. 46. *Скандинавское оружие.*

Совокупности перечисленных условий отвечают очень немногие местности в СССР. Из них наиболее интересны окрестности г. Ста-

рой Ладоги на нижнем Волхове и низовья рек Сяси, Паши и Ояти, впадающих в Ладожское озеро восточнее Волхова и в р. Свирь. По внешнему своему виду приладожские курганы схожи с новгородскими сопками; на низовьях Волхова они доходят до нескольких метров высоты. Остатки погребений расположены нередко выше материка; в подошве насыпи почти всегда замечен слой пепла, как бы устилавшего площадь кургана; в средине подошвы большей частью помещается род огнища или очага из слоя крупного угля на подстилке из гравия. Оба обряда — сожжение и погребение — распространены здесь более или менее одинаково. При первом остатки костей встречаются в виде мелких обломков, сложенных в нескольких местах насыпи; наряду с человеческими встречается много костей животных: это следы жертвоприношения или тризны. Среди костей лежат различные предметы бытовой обстановки. Общий характер обряда сожжения к востоку от Волхова ближе всего схож с обрядом, наблюдаемым в некоторых курганах южной Скандинавии и острова Борнгольма. У Ладоги, где пережженные кости сложены в урне, обряд ближе всего напоминает обстановку славянских курганов, например северянских или кривичских. При погребениях в одном кургане иногда встречаются по нескольку костяков на одном или на разных уровнях; обычно около костяков находятся вещи. В курганах Приладожья были находимы монеты — восточные VIII, IX и X вв., западные — X и XI вв. и одна византийская X в., Иоанна Цимисхия. Этим определяется приблизительно время насыпки курганов. Характерно, что большинство предметов скандинавского происхождения **были найдены в курганах с сожжением.**

Касаясь вопроса о том, кому принадлежали курганы, раскопанные на Волхове, Сяси, Паше и Ояти, их исследователь Н. Е. Бранденбург выделяет группу курганов на Волхове с трупосожжением и урнами, приписывая им славянское происхождение. За большинством остальных групп он склонен признать принадлежность их финнам; однако и на Волхове и в других приладожских местностях, по его мнению, «заключается еще посторонний элемент, именно могилы варяжские, элемент, хотя и слабый, но который нельзя оставлять совершенно без внимания»[1]. В особенности он выделяет один курган, в котором найдены были следы погребения в ладье, что было в обычае у норманнов. Такой вывод очень осторожного исследователя, который склонен скорее преуменьшить, чем преувеличить значение **скандинавского элемента.**

Отметим еще, что большинство норманских предметов найдено на реках Паше и Ояти; что именно только там найдены на северной русской территории варяжские фибулы; остальные северные находки их относятся к Финляндии и Балтийскому краю. Здесь же, к юго-востоку от Ладожского озера, фибул обоих типов, овального и круглого, найдено более 20. Все эти соображения позволяют допустить возможность существования варяжских могил на Паше и Ояти, а следовательно, и варяжской оседлости там в IX — XI вв. Косвенно возможность существования варяжских поселений на Сяси, Паше и Ояти

[1] *Бранденбург*, Курганы Южного Приладожья, 91.

подтверждается одним соображением, которое приводит Шахматов. Именно в этой стороне, в частности в Тихвинском уезде, есть несколько селений с прозвищем «в Колбягах» или «Колбяги» (например погост Климецкой в Колбягах). Колбяги—Kylfingar, греч. Koulpiggoi—одно из названий скандинавов, имеющее одинаковое значение с терминами варяги, норманны. Kylfingaland, т. е. земля кильфингов-колбягов — название, которое наряду с названием Гардарики дается Восточной Европе. В Русской Правде колбяги упоминаются рядом с варягами; термин этот предполагает какой-то обособленный вид населения, вероятнее всего иностранцев.

Можно поставить еще один вопрос, почему норманны избрали такую неблагодарную и уединенную местность для оседлого поселения? Уединенность ее относительная. Водный путь Сясь — Тихвинка — Чагода — Молога существует до сих пор под именем Тихвинской системы; рядом с ним идет сухопутный торговый тракт от Новой Ладоги через Тихвин и Сомино на Устюжну, т. е. к приволжским областям. С верховьев Паши столь же легко перебраться волоком на Тихвинку, как и на верховья Суды, притока Шексны. Истоки последней в свою очередь сближаются с истоками Ояти. Расположившись близ устьев всех трех рек ладожского бассейна, равно как и на Воронеге, текущей между Сясью и Пашей, скандинавы занимали подступы к кратчайшим путям, ведшим на Волгу, на которой они появились ранее, чем на Днепре. Остальные предметы скандинавского происхождения, найденные близ Тихвина, на верхнем течении Паши, в б. Бежецком уезде, по реке Мологе и по реке Свири, могут косвенно подтвердить такое предположение. Монетных кладов в этой стороне найдено пока немного; можно упомянуть о двух кладах по реке Свири, одном кладе в Череповецком уезде и одном кладе близ Кириллова монастыря. Самым древним был клад Череповецкий, содержавший восточные монеты конца VIII и первой половины IX вв.; в одном из свирских кладов большинство составляли западные монеты XI в. Если вспомнить об этих путях от Ладожского озера на Волгу, то понятнее становится и летописное предание о княжении Синеуса на Белоозере.

Посмотрим теперь, как обстоит дело с низовьями Волхова. Древняя Ладога, теперь захолустный городок Старая Ладога, километрах в шестнадцати от впадения Волхова в Ладожское озеро, была очень хорошо известна норманнам, которые называли ее Альдегаборг или Алдейгьюборг. Этот город не раз упоминается и в сагах и в определенных исторических известиях, как место остановки на рубеже речных путей и пути озерно-морского. В некоторых списках нашей начальной летописи передается очень интересное известие об особенном значении Ладоги для норманнов. «Сице бо звахуся тыи варяги-Русь, иже придоша в сию землю княжити. И седоша, во-первых, во словенех и срубиша, во-первых, город Ладогу и седе ту старейший брат Рюрик». Только по смерти братьев Рюрик «пришед ко Ильмерю озеру во Словене и сруби там над рекою Волховом город» [1].

[1] Полное собрание русских летописей, I, 8, II. 235.

Письменные источники устанавливают тесную связь Ладоги с норманнами. Тем интереснее подтвердить эту связь материальными находками. Исследования больших курганов близ города и Староладожского «каменного» городища, произведенные Н. Е. Бранденбургом в 1878—1885 и 1893 гг., не привели его к положительным выводам относительно варяжского элемента в археологических памятниках этой местности. Однако Бранденбургом археологический материал Старой Ладоги далеко не был исчерпан. В частности он совершенно не тронул малых курганов, обратив внимание только на большие сопки; не исследовал он также и «земляного» городища, находящегося южнее каменного, или так называемой «Рюриковой крепости». Пробел только частично восполнен новыми исследованиями Н. Н. Репникова, который в 1909 г. сделал пробные раскопки земляного городища, где случайными находками были еще ранее обнаружены вещи норманского типа, например боевой топор. По заключению Н. Н. Репникова, норманской культуре на городище соответствует определенный слой почвы. В нем и были обнаружены новые предметы, которые новый исследователь без колебания относит к варягам,— это фибула, железные заклепки, обломки костяного гребня. Предметов, правда, очень немного, но и сами раскопки носили разведочный характер. Они обратили внимание на до тех пор забытое Ладожское земляное городище, которое в будущем должно стать предметом особого внимания археологов. Пока раскопки все же частично подкрепляют письменные известия о Ладоге, как о норманской твердыне при входе в Волхов. Здесь могло быть поселение варягов, и притом поселение очень раннее, предшествующее державе Рюрика. Добавим, что, в Старой Ладоге и в ее окрестностях найдено несколько очень богатых кладов серебряных слитков и восточных монет, большая часть которых падает на IX и X вв.; из них самая молодая — 1002 г.

Считая древнейший Смоленск, как он представляется по Гнездовскому могильнику, большой скандинавской колонией, куда варяги иммигрировали в IX в., Арне опирается на мнение А. А. Спицына, кратко изложенное им в обзоре раскопок, произведенных в Гнездове С. И. Сергеевым в 1898—1901 гг. По мнению А. А. Спицына, Гнездово было вторичным местом расположения города; сюда перенес его Олег, «обратив его в более значительную крепость. Второй Смоленск обилует русским населением, но господами в нем являются многочисленные норманны. Это и властители и носители новых исторических задач и представители блестящей для того времени внешней культуры. Норманны производят могущественный переворот в жизни кривичей, что, между прочим, отражается и на обрядах погребения. Наблюдаемый у кривичей в VIII—IX вв. на всем обширном пространстве их расселения обряд погребения — трупосожжение в низких удлиненных курганах. Обряд погребения русских норманнов IX в.— трупосожжение в высоких куполообразных курганах. В Смоленске X в. (Гнездове) оба эти обряда под взаимным влиянием видоизменяются и смешиваются как в важных особенностях, так и в подробностях. Кривичские курганы обратились в плоские насыпи разной величины, почти круглой формы, норманские — в куполообразные насыпи сравнительно малой величины с утратой в устройстве их многих

прежних особенностей. К началу XI в. гнездовские курганы вырождаются в общий, весьма простой тип, приближающийся к норманскому, переходящий в XI в. до исчезновения самого обычая погребения в курганах» [1].

В Гнездове, действительно, найдено сравнительно очень много вещей норманского типа. Есть и отдельные погребения, которые по обряду и по вещам имеют скандинавский характер. Приведем описание одного из таких погребений. Окружность кургана 36 арш., высота 4 арш. Сожженные кости в трех горшках, с одной стороны одного горшка вонзен в землю меч железный, ручка в серебряной оправе, с другой — копье; во втором горшке железная скобка, щипчики, булавка с медной ручкою, ножик и кусочек кости с резьбою; на третьем горшке положено железное ожерелье. Горшки стояли на камнях на твердой земле; между горшками железные ножницы наподобие употребляемых для стрижки овец и кож» [2]. В этом погребении норманскому обряду несколько противоречит только нахождение пережженных костей в урнах. Во всяком случае имеющийся в нашем распоряжении археологический материал дает полное основание предполагать варягов в числе покойников Гнездовского могильника. Но ведь главная часть его относится к X в., когда Смоленск с открытием сквозного пути «из варяг в греки» сделался крупным торговым и политическим центром Руси. X в. время, когда норманнов было более, чем когда-либо в русских городах. Вспомним все имена, стоящие во главе договоров Олега и Игоря с греками: «от рода русского» Карла, Инегельда, Фарлофа, Веремуда, Гулава и других «под рукою русского князя светлых бояр» или тех «проворных данов», которыми, по словам Дитмара Мерзебургского, полон был Киев еще в начале XI в. [3]. Такие же проворные даны, т. е. норманны, такие же Карлы, Инегельды и Фарлофы жили и разгуливали и в Смоленске, как они были и в других больших русских городах в это время. Нельзя, однако, думать, чтобы в Смоленске они появились ранее половины IX в.; нельзя также быть уверенным, чтобы в Смоленске они составляли часть постоянного оседлого населения, а не были главным образом прохожим торгово-авантюристическим, а при первых князьях административным элементом.

В известных уже нам больших Черниговских курганах можно при желании видеть варяжские мотивы; Арне поэтому смело приписывает их скандинавам. Однако все, что там найдено, могло с успехом принадлежать и туземцам, в чем согласны русские археологи. Если бы даже эти курганы были могилами варягов, то самое большее, что можно было бы из них заключить,— это то, что в Чернигове в X в. спорадически появлялись могущественные и знатные норманны, что вполне согласуется с данными письменности. Приходится сожалеть, что ровно ничего нельзя сказать о Полоцке, где до сих пор не обна-

---

[1] *Спицин*, Гнездовские курганы в раскопках С. И. Сергеева, «Известия археологической комиссии», вып. XV, 7—8.

[2] *Сизов*, Курганы Смоленской губернии, «Материалы по археологии России», № 28, 81.

[3] In magna hac civitate... populi ignota manus... maxime ex velocibus Danis... Pecinegis resistebat (Mon. Germ. hist., Scriptores, III, 87).

ружено норманских находок, хотя Полоцк несомненно был одним из пунктов нашей страны, в котором норманны должны были утвердиться в очень раннее время.

Из всех местностей с варяжскими находками, которые Арне так старательно перечисляет в своей работе, только одна еще заслуживает того, чтобы на ней остановиться: это большой Михайловский могильник, Ярославской губернии, в котором раскопки производились в разное время Тихомировым, Городцовым и самим Арне. Там были найдены норманские овальные фибулы, железные заклепки, остатки щитов скандинавского типа. Между прочим, В. А. Городцовым был найден в одном из курганов перетянутый норманский меч с бронзовой инкрустированной рукояткой, ряд мелких предметов и черепки посуды форм и рисунков, встречающихся на Скандинавском полуострове. Находка перетянутого меча, подобно такой же находке в Гнездове, является прямым указанием на норманский характер погребения. В этом могильнике встречены оба обряда; и перезжженные кости и целые костяки лежат на очаге из мелких камней. Характер предметов позволяет относить их к X и началу XI в. Арне указывает еще на Тимиревский могильник к югу от Ярославля, где разведочными раскопками были также обнаружены фибулы и другие предметы скандинавского типа. Основываясь на этих разведках, Арне склонен считать Тимиревский могильник чисто скандинавским.

Откинув в сторону несомненное стремление шведского ученого видеть на русской территории как можно больше чисто скандинавских археологических памятников, что ему необходимо для оправдания его теории о скандинавских колониях в Восточной Европе, и вспомнив, в виде оговорки, что отдельные предметы норманского типа были находимы также и в раскопках Уварова, в так называемых мерянских курганах, мы можем сказать, что только курганы юго-восточного Приладожья, Старая Ладога, Гнездово и, может быть, местность около Ярославля дают материал, позволяющий заключить о длительном пребывании в этих местах варягов. О характере этого пребывания в Смоленске мы уже говорили выше. Пребывание их у устьев рек, впадающих в Ладогу, понятно, как занятие выходов путей, ведших к Волге и Днепру; судя по монетам, найденным в Приладожье, здесь варяги появились ранее всего, и здесь, действительно, их пребывание могло привести к основанию отдельных поселений или укрепленных станций, какой несомненно была некоторое время Ладога. Остается окрестности Ярославля. Чтобы окончательно пойти вслед за Арне и видеть здесь норманскую «колонию», археологического материала собрано еще довольно мало; надо ждать дальнейшего его накопления, и тогда решение вопроса наметится само собой.

Пока приходится ставить лишь вопрос о том, были ли причины, которые могли привести к возникновению норманского поселения около Ярославля или даже на месте этого города? Об обстоятельствах, сопровождавших его основание, мы ничего не знаем. По преданию, он основан Ярославом Владимировичем. Однако он стоит на таком месте, которое могло обратить на себя внимание и раньше.

Пути, которые от Ладожского озера и от Новгорода ведут на Волгу: Мста — Медведица, Мста — Молога, Сясь — Тихвинка — Молога, Паша или Оять — Суда — Шексна, Свирь — Онего — Белоозеро — Шексна, — все выходят на Волгу выше Ярославля. Сам Ярославль стоит на устье Которосли, по которой шел кратчайший путь от Волги к Ростовскому озеру, где еще задолго до норманнов создался славянский колонизационный центр. Ярославль стоит, следовательно, на перекрестке или точнее, на разделении двух путей. Место, где ранние кривичские колонисты свертывали на юг, не должно было остаться незамеченным; на нем очень рано должно было возникнуть поселение. Когда на Волге появились ладьи новгородских словен, а затем в IX в. и ладьи норманнов, то и они не могли пройти, не обратив внимания на поселки у впадения Которосли. Здесь сходились все пути, ведшие на Волгу. Отсюда ответвлялся путь к югу и начинались колонии кривичей в финском крае. Далее по Волге тянулся глухой край, обитаемый только редким финским населением, но через этот глухой край великая река вела плывущих по ней в Великий Булгар, в Итиль, — в сказочный «Серкланд» норманнов. Естественно, что именно здесь могло очень рано возникнуть такое поселение, которое, будучи ключом к ростово-суздальской земле, в то же время служило базой для дальнейших путешествий вниз по Волге. Сюда должны были доходить и болгарские купцы в поездках на верхнюю Волгу в землю, «вису» — веси. Если такое предположение верно, то с появлением на Волге норманнов и они стали смотреть на местность будущего Ярославля как на такую базу, где удобнее всего было подготовиться в дальнейшее плавание до далекого Булгара, или, наоборот, отдохнуть перед утомительным плаванием вверх к волжско-балтийским волокам. Вот почему нам кажется, что мысль о возможности найти около Ярославля если не колонию, то промежуточную базу норманнов нельзя считать неправдоподобной.

Перебирая все местности, где можно, по его мнению, предполагать временные норманские стоянки и постоянные оседлости в нашей стране, Арне ничего не говорит о низовьях Ловати и о местности около Старой Руссы. Это случилось потому, что к югу от Ильменя в большом районе вокруг Старой Руссы не найдено до сих пор не только ни одного погребения, которое можно было бы признать норманским, но и ни одного клада восточных монет, который свидетельствовал бы хоть о некотором торговом оживлении этой местности. Да и весь Старо-русский край отличается особенно малым количеством археологических памятников. Мы затронули этот вопрос потому, что А. А. Шахматов, опираясь главным образом на самое название Руссы, созвучное с именем Руси, как норманского племени, осевшего в Восточной Европе, усматривает в Руссе и ее болотистых окрестностях тот остров, на котором поселилась Русь, по свидетельствам восточных писателей. «Что касается до Русси, то находится она на острове, окруженном озером. Остров этот, на котором живут они, занимает пространство трех дней пути; покрыт он лесами и болотами; нездоров он и сыр до того, что стоит наступить ногою на землю, и она уже трясется по причине обилия в ней воды. Они имеют царя, который зовется хакан-русс. Они производят набеги на

славян, подъезжают к ним на кораблях, высаживаются, забирают их в плен, отвозят в Хозран и Булгар и продают там» [1].

Название «Русса» не только как города, но целой местности вокруг него, было в употреблении еще в XV в. [2]. Это обстоятельство как бы подкрепляет мнение Шахматова; но при всей заманчивости шахматовского построения, при всей его стройности, у него совершенно отсутствует археологическое основание. Из этого не следует, конечно, что его нужно отвергнуть, лучше подождать, ибо соответственные археологические памятники еще могут быть обнаружены при систематическом обследовании всей местности около Старой Руссы. Только отрицательный результат таких обследований приведет к падению остроумной и тонкой гипотезы Шахматова. Пока вся местность, называвшаяся еще в XV в. Руссой, не будет освещена археологическим исследованием, гипотеза Шахматова будет иметь опорой только это название и его близкое созвучие с именем русского народа и государства. Если же опереться на археологические источники, то «остров», на котором еще до основания русского государства жили повелевавшие над славянами скандинавы, естественнее всего искать где-нибудь на южных берегах Ладожского озера. Там норманны были в одинаковом расстоянии и от Днепра и от Волги, там местность столь же болотиста и водяниста, как и по южному берегу Ильменя, и там есть основания предполагать поселения норманнов более ранние, чем половина IX в. Впрочем и такое предположение не более как рабочая гипотеза, которая не в состоянии объяснить и примирить всех одиноких, смутных и сбивчивых письменных известий о первых шагах деятельности норманнов в речных бассейнах Восточной Европы.

Наиболее древними предметами скандинавского происхождения в Восточной Европе следует считать некоторые находки в Балтийском крае. Так, в Гробинском и Бауском уездах Курляндии были найдены в качестве единичных находок фибулы VI и VII вв. Более поздние предметы обнаружены во всем крае, в том числе и в больших финских могильниках Лифонии — Ашераденском, Загевольдском и других; такие же явления дает Эстония. Скандинавский меч и фибула были обнаружены среди вещей Люцинского могильника. Мы знаем, что в 853 г. произошла экспедиция шведов на Апуле в землю корси и летьголы, т. е. латышей. Во второй половине IX в. начались поездки норманских викингов в Биармию, т. е. в Белое море и на Северную Двину, где, впрочем, до сих пор неизвестны какие-либо их материальные остатки. В курганах южного и юго-восточного Приладожья древнейшие восточные монеты восходят к VIII в.; надо думать, что в начале IX в. первые крепостцы, а может быть, и маленькие станции-поселения варягов в этой местности уже существовали. Древнейшую руническую надпись в Швеции, говорящую о походе на восток, шведские ученые по характеру начертаний от-

---

[1] *Хвольсон*, Известия Ибн-Даста, 34—35, 146—154; *Горкавч*, Сказания мусульманских писателей о славянах и русских, 260—270. *Шахматов*, Древнейшие судьбы русского племени, 54—56.

[2] *Платонов*, Русса, «Дела и дни», I, 1920.

носят к самому началу IX в. Византийские жития Георгия Амастридского и Стефана Сурожского показывают, что уже в первой половине IX в. шайки норманнов появлялись на Черном море и опустошали малоазиатские берега. Таковы хронологические даты, которые устанавливают начальные моменты разъездов норманнов по Восточной Европе. О причинах норманской экспансии мы не считаем нужным распространяться подробнее, так как вопрос этот в настоящее время достаточно выяснен. Постепенный рост населения при скудных ресурсах страны, а главное почти одновременное усиление центральной королевской власти во всех скандинавских государствах, наблюдавшееся в IX в., заставили недовольных домашними порядками искать счастия на чужбине. Недовольные элементы, как это часто наблюдается, были и самыми предприимчивыми. Смелые мореходы, скандинавы стали в погоне за богатством и счастьем пускаться в отважные экспедиции, разнесшие их грозное имя по всей Западной и Восточной Европе.

Если в экспедициях на запад преимущественное участие принадлежало датчанам и норвежцам, то на восток, повидимому, более всего ездили шведы и жители острова Готланда. Это подтверждается и материальными находками. В Швеции, кроме многочисленных находок отдельных предметов, привезенных из Восточной Европы, найдено 137 кладов восточных монет. На Готланде — 233 клада, тогда как в Норвегии их всего 14, а в Дании—19.

Нам уже неоднократно приходилось указывать, что сквозной путь от Балтийского моря через Восточную Европу был проложен сначала на Волгу и Каспийское море, потом, несколько позднее, по Днепру к Черному морю. Что так именно и должно было быть, можно доказать прежде всего одним общим соображением: привлекал богатый, блестящий Восток, передовыми постами которого были Булгар и Итиль на Волге. С ними, по крайней мере первое время, не мог сравниться богатый местный торговый центр на Днепре, каким был Киев с окружающей его областью. Что же касается Царьграда, то он стал объектом действий варягов только тогда, когда они твердой ногой стали на днепровском пути. Что сквозной днепровский путь был проложен не ранее IX в., может быть, второй его четверти, доказывает, как мы знаем, изучение археологических памятников славянства и в частности изучение древностей Смоленска-Гнездова.

Волжским путем норманны начали ездить, вероятно, несколько ранее. Повидимому, оба пути, ведущие от Швеции и острова Готланда в глубь России,— путь двинский и путь невско-ладожский— были использованы одновременно. Об этом свидетельствуют клады восточных монет вдоль обоих путей: древнейшие монеты в Двинских кладах (их всего около 20) восходят к первой половине VIII в.; в кладах Приладожья (близ Ладоги и на низовьях Сяси, Воронеги, Паши и Ояти их найдено до 11, между ними есть очень богатые) есть даже монеты VI и VII вв. Однако большинство монет в кладах той и другой местности падает на IX и X вв.

Что заставило варягов обратить внимание на Днепровский путь, которым они в первые годы своих разъездов интересовались менее, чем волжским? А. А. Шахматов думает, что на Днепр их привела

тяга к более хлебородным местностям [1]. Хотя А. А. Шахматову такое предположение и нужно было сделать для подкрепления его гипотезы о возникновении первого норманского политического центра около Руссы, но это предположение вполне возможно. Однако едва ли не более вероятным будет допустить, что норманны, быстро освоившись на новых путях, куда закинули их отвага и предприимчивость, не замедлили узнать о существовании богатой торговой Киевской области, что привело их к открытию и более короткого пути к Черному морю. Так как археологические памятники не позволяют пока принять гипотезу о первоначальном обосновании норманнов у Руссы, лежавшей на соединительном пути между путем ладожско-волжским и двинско-волжским, то мы склонны думать, что на Днепр их привела не нужда в захвате хлебородных местностей, а те же торгово-разбойничьи разъезды, какие заставили их прежде всего броситься на Волгу.

Общий характер Гнездовских древностей и клады восточных монет IX и X вв., более многочисленные по Днепру, нежели клады более ранних веков, должны во всяком случае служить окончательным доказательством, что великий путь «из варяг в греки», сыгравший столь выдающуюся роль в истории первого русского государства, был проложен самими варягами. С этого времени их влияние распространилось на всю территорию, занятую славянскими племенами; а вместе с тем определилось и их участие в дальнейшем развитии городских торговых областей. Еще раз подчеркнем, однако, различие между северными и южными славянскими областями. На севере городовая область до появления норманнов почти только намечалась. С появлением их она быстро стала складываться вокруг Новгорода, Изборска или Пскова, Полоцка, Смоленска. Может быть, городовая область стала уже складываться и на верхней Волге, вокруг Ростова, Суздаля и Ярославля, и под Ростовской мерей, и Белозерской весью, которые, по словам нашей летописи, приняли участие в призвании варяжских князей, надо разуметь новые торговые пункты, которые возникли под воздействием норманнов на путях от Ладожского озера к Волге, и в особенности тот славяно-финско-варяжский центр, который составился из соединения ранних кривичских поселений между Волгой и Ростовским и Переяславским озерами с варяжской базой, расположенной на Волге у выхода в нее всех речных путей, идущих от Балтийского моря.

На юге городовая область сложилась гораздо ранее, может быть, в очень далекие времена. Она успела окрепнуть в эпоху хазарского владычества, которое в VII—VIII и до половины IX в. обеспечивало ей мир и спокойствие, необходимые для развития торговых отношений. В образовании южных городовых областей хазары имели какое-то значение; но учесть его и объяснить мы, за недостатком источников, к сожалению, не можем. Норманны только докончили то, что начали их предшественники.

С половины IX в. норманны разъезжали по всем славянским областям. Они их грабили, нападая на хуже вооруженное, более мирное

[1] *Шахматов*, Древнейшие судьбы русского племени, 57.

и инертное население; они похищали его и уводили в рабство. Известиями о славянских рабах и рабынях, которых продают «руссы», т. е. норманны, полны все сказания восточных писателей. Но этим не исчерпывались взаимные отношения обоих народов.

Прежде всего городовые области начали свое существование еще до норманнов. Еще до норманнов богатые и предприимчивые купцы из этих городов делали приблизительно то же самое, что делали норманны. Они также вели с сельским населением, живущим в племенном быту, не только мирные сношения по обмену товарами, но совершали экспедиции, захватывали людей и продавали их в рабство. Политически городовые области подчинились норманнам, но подчинение это не было полным. Власть и ее экономическая подпочва как-то были разделены между пришельцами и теми туземцами, которые были на них похожи. Повидимому, довольно скоро образовался один экономический класс, в который вошли и норманны и славяне, тот самый, который, видоизменяясь в своем национальном составе, сохранил экономическое и политическое господство вплоть до упадка Киевской Руси в XIII в., а на севере, в Новгороде, продержался до XV в.

Мы думаем, что в IX и X вв. на русских речных путях можно было встретить не только скандинавских, но и славянских купцов, разумея понятие «купец» в тогдашнем его смысле. Это заставляет нас коснуться известного рассказа Ибн-Фадлана о встрече их купцов-руссов в Булгаре и похоронах одного из них. Рассказ этот хорошо известен; он много раз приводился в изречениях и излагался в подробностях. Повторять его здесь не представляется необходимым. Обычное преобладающее мнение то, что руссы, описанные Ибн-Фадланом—норманны. Несомненно, что восточные писатели отделяют славян—«сакалиб»—от руссов и что под руссами они обычно разумеют норманнов. Мы отнюдь не имеем намерения утверждать, что те руссы, которых видел Ибн-Фадлан, не были норманнами, а были славянами. Их быт—быт купцов-рабовладельцев, торговцев главным образом живым товаром, их внешний вид («я не видел людей более совершенных членами, как будто они пальмовые деревья», говорит Ибн-Фадлан), «рыжий» цвет их волос, их вооружение, состоящее из меча и секиры, наконец весь обряд погребения с умерщвлением наложницы и сожжением в ладье, — все это действительно создает облик норманна.

Посмотрим, однако, с другой стороны, что в облике этого «русса» противоречит понятию о славянине? Внешний облик?- Нет. Бытовая сторона?—Нет. Вооружение? И тут нет противоречия, так как вооружение купцов-разбойников должно было быть более или менее одинаковым, независимо от их национальности. Похоронный обряд также не противоречит, поскольку дело идет об убийстве женщины. Вот свидетельство Ибн-Даста о славянах: «если у покойника было три жены, то та из них, которая утверждает, что она особенно любила его, приносит к трупу его два столба и вбивает их в землю, потом кладет третий столб поперек, привязывает посреди этой перекладины веревку, становится на скамью и конец этой веревки завязывает вокруг шеи; тогда скамью вытаскивают из-под нее, и женщина остается

повинению, пока не задохнется и не умрет. После этого труп ее бросают в огонь, где он и сгорает» [1]. И здесь и в рассказе Ибн-Фадлана смерть жены является актом внешне добровольным. Разница только в способе смерти. Единственно, кажется, что в рассказе Ибн-Фадлана свойственно именно норманнам, — это сожжение покойника в ладье.

Снова повторяем, что мы вовсе не имеем в виду доказывать, что русс, описанный Ибн-Фадланом, был славянином, мы хотим только сказать, что среди купцов, приезжавших с живым и другим товаром с верхней Волги в Булгар, должны были быть не только норманны, но и славяне. И тех и других общее ремесло делало внешне похожими; для восточных людей тип белокурого славянина и белокурого норманна представлялся одинаково удивительным; в языке арабы не разбирались и по этому признаку едва ли могли разобрать, кто находится перед ними. Норманны, пробыв много лет среди славян, несомненно усваивали себе и славянскую речь и некоторые привычки, которые приближали их к туземному населению. С местными людьми, работавшими рядом с норманнами, — с какими-нибудь ильменскими словенами, предшественниками новгородских ушкуйников, — совершался аналогичный процесс сближения. Даже такой энергичный поборник норманского влияния в восточной Европе, как Арне, признает существование в IX и X вв. «обрусевших шведов» [2]. База торговых экспедиций по Волге на месте теперешнего Ярославля была и славянским и варяжским центром; ее интернациональный характер мог оказывать свое определенное влияние на обе стороны, которые в одинаковой мере ею пользовались.

Археологические памятники, на которых основана наша работа, не могут дать материала для пересмотра и объяснения происхождения названия «русь», которое потом сделалось именем объединенных восточных славян. Много усилий, много ученого остроумия было употреблено на его разъяснение, и все-таки оно не вполне объяснено и кое-что в нем остается загадочным. Нам думается, что в основном и наиболее древнем своем смысле оно обозначало одно из норманских племен, обитавших в Швеции на Балтийском побережьи. Вероятно, как думает А. А. Шахматов, «русью» называли себя и сами норманны, осевшие в России. Не имея, однако, нового материала для суждения по этому вопросу, мы не находим возможным его разбирать подробно, — и на этом остановимся.

Норманны расположились ранее всего у речных входов в Восточную Европу. Это наверное можно сказать о южном побережьи Ладожского озера. Затем в течение нескольких десятков лет они разъезжали по всей стране, заселенной славянами и финнами, как бы опутывая ее своими сетями. Найдя среди славян торговые городовые области, частью в состоянии зачатков, частью в периоде развития, они содействовали их дальнейшему росту и укреплению и победе их над племенным бытом. Укрепляя и сети, наброшенные норманнами на славян и финнов; они превратились в железный остов, на котором

---

[1] *Хвольсон*, Известия Ибн-Даста, 30.
[2] «Suédois russifiés. *Arne*, La Suède et l'Orient, 222.

установились основы первого русского государства, великого княжения Киевского и Новгородского. Для инертного и пассивного славянского населения норманны были тем возбуждающим и вызывающим брожение элементом, который был необходимо привить ему для перехода от разрозненного городского и племенного строя к более развитым общественным формам. Если вчитаться в первые страницы нашей летописи, то станет ясно, что ее первые составители, книжники XI в., именно такую роль и отводили норманнам, потому что они были ближе к описываемым ими событиям, и народная память еще хранила многое такое, что потом было забыто и что не всегда удается вновь понять и объяснить даже путем самых глубокомысленных и остроумных ученых построений.

УКАЗАТЕЛЬ ВАЖНЕЙШИХ ИСТОЧНИКОВ И ПОСОБИЙ.

К ГЛАВАМ I и II.

В. В. Хвойко. Древние обитатели среднего Поднепровья и их культура в доисторические времена, Киев 1913.

Его же. Поля погребений в среднем Поднепровьи, Спб. 1901 (также в «Записках русского археологического о-ва»).

Его же. Городища среднего Поднепровья, «Труды XII археологического съезда», I. М. 1905.

М. С. Грушевский. Похоронное поле в с. Чехах, «Записки научного товарищества им. Шевченко», XXXI—XXXII, Львов 1899.

Его же. Киевская Русь, I, Спб. 1911.

Его же. Історія України—Руси, I, Львов 1904.

И. И. Ревников. Партенитская базилика, «Известия археологической комиссии, в. 32, II. 1909.

Его же. Некоторые могильники области крымских готов, «Известия археологической комиссии», вып. 19, Спб. 1906.

Его же. Некоторые могильники области крымских готов, «Известия Одесского о-ва истории и древностей», XXVII, Одесса 1907.

А. Н. Харузин. Древние могилы Гурзуфа и Гугуша. «Известия о-ва любителей естествознания», LXIV, М. 1890.

Гр. А. А. Бобринский. Перещепинский клад. «Материалы по археологии России» № 34, II. 1914.

П. И. Шафарик. Славянские древности, русск. пер. О. М. Бодянского, 3 тома, М. 1848.

Л. Нидерле. Человечество в доисторические времена, русск. перевод Д. Н. Анучина, Спб. 1898.

А. Л. Погодин. Из истории славянских передвижений, II. 1904.

А. А. Спицын. Курганы скифов-пахарей, «Известия археологической комиссии», вып. 65, II. 1918.

Ф. А. Браун. Разыскания в области гото-славянских отношений, II. 1889.

И. И. Толстой и Н. П. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства, III, «Древности времен переселения народов», Спб. 1890.

Ф. К. Брун. Черноморские готы и следы долгого пребывания их в России, сборник статей «Черноморье», II. Од. 1880.

Ю. А. Кулаковский. Прошлое Тавриды, Киев 1906.

В. Г. Васильевский. Житие Иоанна Готского, Византийские отрывки, VII, Одесса 1880. Труды Васильевского, т. II., II. 1912.

А. А. Васильев. Готы в Крыму, «Известия российской академии истории материальной культуры», I и V. Л. 1921, 1927.

А. А. Шахматов. Древнейшие судьбы русского племени, II. 1919.

F. Braun. Die letzten Schicksale der Krimgoten. P. 1890.

A. Brückner. Wpływ kultur obczych (Początki kultury słowiańskiej, Encieclopedia Polska, t. IV. Krakow 1912.

Kiesling. Hunni (Pauly-Wissowa, Real-Encyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft, Bd. II).

K. Müllenhof. Deutsche Altertumskunde, Bd. III. Leipzig 1892.

K. Much. Deutsche Stammeskunde, Leipzig 1905.

K. F. Neumann. Die Volker des Südrusslands in ihrer geschichtlichen Entwicklung. Leipzig 1855.

L. Niederle. Slówanske Starožitnosti, 4 Vols. Praha 1902—1924.

M. Rostovtseff. Iranians and Greeks in Southern Russia, Oxford 1922.

W. Demetykiewicz. Vorgeschichte Galiziens. (Oesterr.-Ungarische Monarchie in Wort und Bild. Bd. XIX. Wien, 1898.)

К ГЛАВАМ III и IV.

П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа. Материалы по археологии Кавказа, VIII, М. 1900.

А. М. Покровский. Верхне-Салтовский могильник, «Труды XII Археологического съезда», I, 1905.

В. А. Бабенко. Древне-Салтовские Придонецкие окраины, «Труды XII Археологического съезда», I, 1905.

Его же. Что дали нового последние раскопки в Верхнем Салтове, «Труды XIII Археологического съезда», I, 1907.

Его же. Новые систематические исследования Верхне-Салтовского могильника. «Труды XIV Археологического съезда», III, 1911.

Его же. Древние памятники хазарской культуры в селе Верхнем Салтове.

Его же. Каменный город.

Его же. Дневник раскопок 1912 г. Три последних статьи в «Трудах XV Археологического съезда», I, М. 1914.

Н. Е. Макаренко. Отчет об археологических исследованиях в Харьковской и Воронежской губерниях в 1905 г., «Известия Археологической комиссии» вып. 19, II. 1906.

Его же. Археологические исследования 1907 — 1909 гг. «Известия Археологической комиссии», вып. 43, II. 1911.

В. И. Сизов. Раскопки в двух городищах близ Цымлянской станицы на Дону, «Труды IV Археологического съезда», IV, 1884.

Х. И. Попов. Где находилась хазарская крепость Саркел, «Труды IX Археологического съезда», I, 1895.

А. Я. Гаркави. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских, Спб. 1870.

Его же. Сказания еврейских писателей о хазарах, II. 1874.

Его же. Хазарские письма «Еврейская библиотека», VII, II. 1879.

Его же. Ответ Хазарского царя Иосифа испанскому еврею Рабби Хасдаи. «Чтения общества истории и древностей российских», № 6, 1847.

П. К. Коковцев. Новый еврейский документ о хазарах и хазаро-русско-византийских отношениях в X в. «Журнал министерства народного просвещения», 11, 1913.

Ю. Д. Брунсус. Письмо хазарского еврея от X в. Берлин, 1924.

В. В. Григорьев. «Россия и Азия», Сборник, Спб. 1876.

Д. И. Языков. Опыт в истории хазар, «Труды российской академии», I, 1840.

Дорн. Известия о хазарах Табари, «Журнал министерства народного просвещения», 1844, кн. 7.

Д. А. Хвольсон. Известия о хазарах, буртасах, болгарах, мадьярах, славянах и руссах Абу-Али Ахмеда Ибн Даста, II. 1869.

Гр. И. И. Толстой и Н. П. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства, вып. III, Древности времен переселения народов. II. 1899.

Соловьев. История России, кн. I, т. I.

К. Я. Грот. Моравия и мадьяры с половины IX до начала X в., Спб. 1881.

П. В. Голубовский. Болгары и хазары — восточные соседи Руси при Владимире святом, «Киевская старина», 1888 и отдельно.

А. А. Шахматов. Древнейшие судьбы русского племени, II. 1919.

Вестберг. К анализу восточных источников о Восточной Европе, «Журнал министерства народного просвещения», 1908, кн. 2 и 3.

C. D'Ohsson. Les peuples du Caucase. Paris 1828.

K. F. Neumann. Die Völker des südlichen Russlands in ihrer geschichtlichen Entwicklung. Leipzig 1855.

P. Cassel Der Chazarische Königsbrief aus dem X Jahrhundert, Berlin 1877.
Klaproth. Mémoires sur les Khazars. «Journal Asiatique», I—III.
J. Marquart. Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. Leipzig 1903.
H. Rosenthal. Chazars. Jewisch encyclopedia, IV, 1903.
Fraehn. Vetere- memoriae Chazarorum, Mém. de l'Académie de Sciences à St. Pét., 18 Février 1822, t. VIII.
Thunmann. Untersuchungen über die Geschichte der östeuropäischen Volker. Leipzig 1774.
A. Harkavy. Ein Briefwechsel zwischen Cordowa und Astrachan, «Russische Revue», 1875.
Tomaschek. Alani (Pauly-Wissowa, Real Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft, I.
A. Vambéry. Ursprung der Magyaren, Leipzig 1882.

К ГЛАВЕ V.

И. И. Толстой и Н. П. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства, вып. III и V. П. 1890, 1897.
Обозрение некоторых губерний и областей России в археологическом отношении в «Записках русского археологического о-ва», Новая серия, VIII, IX и XI. П. 1895—1899.
В. А. Городцов. Бытовая археология, Москва 1909.
А. А. Спицын. Городища Дьякова типа. «Записки русск. отд. русского археологического о-ва», V, 1909.
Его же. Древности бассейна рек Оки и Камы, «Материалы по археологии России», № 25. П. 1901.
В. В. Хвойко. Городища Среднего Поднепровья», Труды XII археологического съезда, I. М. 1905.
С. М. Шпилевский. Древние города и другие болгарско-татарские памятники в Казанской губернии, Казань 1877.
Ф. В. Баллод. Приволжские Помпеи, М. 1923.
Его же. Старый и Новый Сарай, столицы Золотой Орды. Казань 1900.
А. И. Черенин. О рязанских курганных могильниках «Труды X археологического съезда», I. М. 1899.
Н. Е. Бранденбург. Какому племени могут быть приписаны те из языческих могил Киевской губернии, в которых вместе с покойниками погребены остовы убитых лошадей, «Труды X археологического съезда», I, 1899.
Д. Я. Самоквасов. Могилы русской земли. Москва 1908.
С. К. Беговалевский. Раскопки в Лифляндской и Курляндской губерниях в 1896 г., «Труды X археологического съезда», т. III, М. 1900.
В. И. Сизов. Гнёздовский могильник, «Материалы по археологии России», № 28. 1902.
Н. П. Кондаков. Русские клады, П. 1898.
А. Марков. Топография монетных кладов, П. 1910.
А. А. Ильин. Топография кладов серебряных и золотых слитков, П. 1921.
Материалы по археологии восточных губерний, 3 тома, М. 1893—1898.

К ГЛАВЕ VI.

А. А. Спицын. Древности бассейна рек Оки и Камы, «Материалы по археологии России», № 25, П. 1901.
Его же. Древности Камской Чуди по коллекции Теплоуховых, «Материалы по археологии России», № 26, П. 1902.
Его же. Шаманские изображения, «Записки отделения русской и славянской археологии русского археологического о-ва», VIII, в. I, 1906.
Его же. Люцинский могильник, «Материалы по археологии России», № 14, П. 1893.
Н. В. Ястребов. Лядинский и Томниковский могильники Тамбовской губернии, «Материалы по археологии России», № 10, П. 1893.
Ф. А. Уваров. Курманский могильник. «Древности. Труды Московского археологического о-ва», XIV. М. 1890.
П. П. Ефименко. Рязанские могильники, Государственный русский музей, «Материалы по этнографии», III, Л. 1926.

А. И. Черепнин. О рязанско окских могильниках, «Труды X археологического съезда», I, Москва 1930.

Л. К. Ивановский. Курганы Петербургской губернии, «Материалы по археологии России», № 20, 1896.

«Материалы по археологии восточных губерний», 3 тома, изд. Московского археологического о-ва, 1893—1898.

Обозрение некоторых губ. ний и областей России в археологическом отношении, «Записки русского археологического о-ва», новая серия, VIII, IX, XI, II. 1895—1899.

В. Н. Поливанов. Археологическая карта Симбирской губернии, Симбирск 1900.

А. С. Уваров. Меряне и их быт по курганным раскопкам, М. 1871.

Д. А. Корсаков. Меря и ростовское княжество, Казань 1872.

В. А. Городцов. Бытовая археология, М. 1909.

Г. К. Гейкель. Из финской археологической литературы, «Известия археологической комиссии», в. 38, 1911.

И. И. Толстой и Н. П. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства, вып. III и V, П. 1890 и 1897.

А. Марков. Топография кладов восточных монет, П. 1910.

П. С. Савельев. Мухаммеданская нумизматика, П. 1846.

А. А. Ильин. Топография кладов серебряных и золотых слитков, П. 1921.

С. К. Кузнецов. Русская историческая география, М. 1910.

Н. П. Барсов. Очерки русской исторической географии, Варшава 1885.

С. М. Середонин. Русская историческая география, П. 1916.

К. Тиандер. Поездки скандинавов в Белое море, П. 1906.

М. А. Веске. Славяно-финские культурные отношения по данным языка, Киев 1890.

И. Н. Смирнов. Финны, Книга для чтения по русской истории, ред. проф. М. В. Довнар-Запольского, I, М., 1910.

Его же. Мордва, Казань 1895.

Его же Черемисы, Казань 1899.

Его же. Вотяки, Казань 1890.

Его же. Пермяки, Казань 1891.

Н. И. Мельников. Очерки мордвы. «Русский Вестник», 1867, № 6, 9, 10.

М. М. Хомяков. Этнографическая история Поволжья по новейшим литературным данным, «Известия о-ва археологии, истории и этнографии при Казанском университете», XVII, 1911.

Aspelin. Antiquités du Nord finno-ougrien, 5 vols, 1877—1884.

Kruse. Necrolivonica, Dorpat, 1842.

Haussman. Prähistorische Archäologie von Estland, Livland, Kurland, Dorpat 1910.

A. Sjögren. Ueber die älteren Wohnsitzen der Jemen, Mémoires de l'Académie des Sciences, t. VII.

Idem. Historisch-ethnographische Abhandlungen über den finnisch-russischen Norden P. 1861.

Jakobsohn. Arier und Ugrofinnen, 1922.

A. V. Schmidt. Kaćka, Beiträge zur Erforschung der Kulturen Ostrusslands in der Zeit der Völkerwanderung (Eurasia Septentrionalis Antiqua II) Hels., 1927.

U. T. Sirelius. Die Herkunft der Finnen, Helsingfors, 1924.

A. M. Tallgren, Les provinces culturelles finnoises de l'âge récent de fer dans la Russie du nord. «Eurasia Septentrionalis antiqua, III. Helsingfors 1928.

К ГЛАВЕ VII.

А. А. Спицын. Приуральский край. Археологические разыскания о древнейших обитателях Вятской губернии, гл. IV. Собственно болгарские древности и Камские елабужские городища, Материалы по археологии восточных губерний, I, М. 1893.

В. Н. Поливанов. Мурманский могильник, Москва 1896.

Его же. Археологическая карта Симбирской губернии, Симбирск 1900.

С. М. Шпилевский. Древние города и другие булгарско-татарские памятники в Казанской губернии, Казань 1877.

К. И. Невоструев. О городищах древнего Волжско-Болгарского и Казанского царств, «Труды I археологического съезда», II, Москва 1871.

В. Ф. Смолин. По развалинам древнего Булгара, Казань 1926.

Его же. К вопросу о происхождении народности Камско-Волжских болгар, Казань, 1921.

Его же. Археологический очерк Татреспублики, Казань 1925.

А. С. Башкиров. Памятники болгаро-татарской культуры на Волге, Казань 1929.

И. И. Толстой и Н. П. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства, вып. V, П. 1897.

А. Я. Гаркави. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских, П. 1870.

Д. А. Хвольсон. Сказания Ибн-Даста о хазарах, буртасах, болгарах, мадьярах, славянах и руссах, П. 1869.

В. Р. Розен и А. А. Куник. Известия Аль-Бекри и других авторов о Руси и славянах, 2 тома, П. 1878—1903.

П. С. Савельев. Мухаммеданская нумизматика, П. 1846.

А. Марков. Топография вкладов восточных монет, П. 1910.

А. А. Ильин. Топография кладов серебряных и золотых слитков, П. 1921.

Р. Р. Фасмер. О монетах волжских болгар, X в., «Известия о-ва археологии, XXXIII», в. I, Казань 1925.

И. Березин. Булгар на Волге, «Ученые записки Казанского университета», кн. 3, 1852.

А. Ф. Лихачев. Бытовые памятники Великой Болгарии, «Труды II археологического съезда», I, Спб. 1876.

П. В. Голубовский. Болгары и хазары — восточные соседи Руси при Владимире Святом, «Киевская старина», 1888 и отдельно.

И. Н. Смирнов. Чуваши, Энциклопедический словарь Брокгауз-Ефрона, 76.

Его же. Волжские болгары, Русская история в очерках и статьях, под ред. проф. Довнар-Запольского, I, М. 1910.

Н. И. Ашмарин. Болгары и чуваши, «Известия о-ва археологии, истории и этнографии при Казанском университете», XVIII, 1912 и отдельно.

Г. Комиссаров. Чуваши Казанского Заволжья, «Известия о-ва археологии, истории и этнографии», XXVII, 1911 и отдельно.

Н. В. Никольский. Краткий конспект по этнографии чуваш, «Известия о-ва археологии, истории и этнографии, XXVIII, 1912 и отдельно.

Кроме того и отдельные статьи в «Известиях о-ва археологии, истории и этнографии при Казанском университете», тт. I—XXXIII и в «Казанском музейном вестнике», с обеими № 1—2, Казань 1921.

C. D'Ohsson. Les peuples du Caucase, Paris 1828.

C. M. Frähn. Ibn-Foszlan's und anderer Araber Berichte über die Russen älterer Zeit, St.-Petersbourg 1823.

Mem. Die ältesten arabischen Nachrichten über die Wolga-Bulgharen, Mémoires de l'Académie de St.-Petersbourg, VI-e série.

К ГЛАВЕ VIII.

Ф. В. Покровский. Курганы на границе современной Литвы и Белоруссии, «Труды IX археологического съезда», I. 1895.

Его же. К исследованию курганов и городищ на восточной окраине современной Литвы, «Труды IX археологического съезда», II. 1897.

Его же. К исследованию бассейна Вилии в археологическом отношении, «Труды X археологического съезда», I. 1899.

Его же. Археологическая карта Гродненской губернии, «Труды IX археологического съезда», I. 1895.

Его же. Археологическая карта Виленской губернии, «Труды Виленского отделения предварительного комитета IX съезда», Вильна 1893 и отдельно.

Его же. Археологическая карта Ковенской губернии, Вильна 1899.

В. А. Шукевич. Об археологических местностях в Лидском и Троокском уездах, «Труды Виленского отделения предварительного комитета IX съезда», 1893.

А. А. Спицын. Предполагаемые литовские курганы, «Записки русского археологического о-ва», VIII, вып. I, II, II. 1896.

Его же. Обозрение некоторых губерний и областей России в археологическом отношении, «Записки русского археологического о-ва», XI, вып. I—II, II. 1899.

Н. И. Авенариус. Дрогичин Надбужский и его древности, «Материалы по археологии России», № 4, II. 1895.

Н. И. Булычев. «Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра», Москва 1899.

В. И. Сизов. Насеньяский могильник, «Археологические известия и заметки», 1896, № 3.

С. К. Богоявленский. Раскопки в Лифляндской и Курляндской губерниях летом 1896 г., «Труды X археологического съезда», III, 1900.

А. Марков. Топография кладов восточных монет, II. 1910.

А. А. Кочубинский. Территория доисторической Литвы, «Журнал министерства народного просвещения», 1897, № 1.

А. Л. Погодин. Древние литовцы, Русская история в очерках и статьях, под ред. проф. Довнар-Запольского, I. 1910.

Его же. Из древнейшей истории литовского племени, «Сборник статей по археологии и этнографии», II. 1902.

Теобальд. Литовско-языческие очерки, Вильна 1890.

A. Bezzenberger. Ueber die prähistorische Kultur in Litauer, «Mitteilungen der livländischen litterarischen Gesellschaft», № 24, 1899.

Idem. Das Gräbefeld bei Rominten.

E. Bielenstein. Die lettischen Burgberge. «Труды X археологического съезда», III. 1900.

Idem. Le village d'Apoule dans le gouvernement de Kowno et la ville finnoise Apulia, «Труды IX археологического съезда», I, 1895.

Idem. Die Grenzen des lettischen Volksstammes. St.-Petersbourg 1892.

P. Hausmann. Prähistorische Archäologie von Estland, Livland, Kurland, Dorpat, 1910. Эта же работа в «Baltische Lande-kunde», Riga 1911.

R. Virchow. Der Stand der Archaologischen Forschung in West- und Ostpreussen, «Zeitschrift für Ethnologie», 1891, 746—767.

Idem. Die altpreussische Bevölkerung, namentlich Letten und Litauer sowie deren Häuser, «Zeitschrift für Ethnologie», 1891, 767—836.

T. Dowgird. Pamigtki z czasów przedhistoryczuych na Zmudzi, Warszawa 1889 и др. работы, помещенные, как и эта, в «Pamiatek fizyograficznych», VI—X.

Статья «O-preussen» в «Reallexikon der Vorgeschichte», herausgegeb. von Max Ebert, Bd. 9, Berlin 1927.

A. Brückner. Starożytna Litwa. Ludy i Bogi, Warszawa 1904.

A. Mirzynski. Zródla do mytologii litewskiej, 2 vol., Warszawa, 1892—1896.

К ГЛАВЕ IX.

А. А. Спицын. Распределение славянских племен по археологическим данным, «Журнал министерства народного просвещения», 1899.

Его же. Обозрение некоторых губерний и областей России в археологическом отношении, «Записки русского археологического о-ва», VIII, IX, XI, 1895—1899.

Его же. Сопки и жальники, «Записки русского археологического о-ва», XI, 1894.

Его же. Владимирские курганы, «Известия археологической комиссии», в. XV, 1905.

Его же. Тмутараканский камень, «Записки русского отд. русского археологического о-ва». XI, 1915.

Л. К. Ивановский. Материалы для изучения курганов и жальников на юго-западе Новгородской губернии, «Труды II археологического съезда», I, II. 1876.

Его же. Курганы Петербургской губернии, «Материалы по археологии России», № 20, 1896.

А. П. Вольценштейн. Антропология жальников Валдайского уезда, «Труды II археологического съезда», I, II. 1876.

В. И. Сизов. Гнездовский могильник близ Смоленска, «Материалы по археологии России», № 28. 1902.

В. А. Горбачов. Отчеты об археологических исследованиях в долине Оки в 1897 и 1898 г. Древности, «Труды Московского археологического о-ва», XVII и XVIII. 1900—1901.

И. И. Булычев. Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра, М. 1899.

Его же. Журнал раскопок 1898 г. по берегам Оки, М. 1899.

Его же. Раскопки по части водораздела верхних притоков Днепра и Волги 1903 г., М. 1903.

А. В. Арциховский. Курганы вятичей. М. 1930.

Е. Р. Романов. Раскопки в Могилевской губернии в 1888 г. Древности, «Труды Московского археологического о-ва», XIII. Вып. I. 1889.

П. М. Еременко и А. А. Спицын. Радимичские курганы, «Записки русского археологического о-ва», VIII, 1895.

П. Рыков. Юго-восточные границы радимичей, «Ученые записки Саратовского университета», I, вып. IV, 1923.

В. В. Завитневич. Формы погребальных обрядов в курганах Минской губернии, «Труды IX археологического съезда», II. 1897.

Его же. Раскопки в Минской губернии, Отчет археологической комиссии за 1892 г.

Его же. Погребения дреговичей как предмет исследования, «Труды Киевской духовной академии», VIII, 1886.

Г. Х. Татур. Очерк археологических памятников на пространстве Минской губернии и их археологическое значение, Минск 1892.

А. С. Уваров. Меряне и их быт по курганным раскопкам, Москва 1871, также в «Трудах I археологического съезда», II.

Ф. Д. Нефедов. Раскопка курганов в Костромской губернии в 1895—1896 гг., Материалы по археологии восточных губерний, III, Москва 1898.

Д. Н. Анучин. О культуре костромских курганов, Материалы по археологии восточных губерний, III, Москва 1898.

Е. И. Сецинский. Археологическая карта Подольской губернии, «Труды XI археологического съезда», I. 1902.

Д. Я. Самоквасов. Могилы русской земли, М. 1908.

Его же. Северянские курганы «Труды III археологического съезда», I.

Д. И. Багалей. Археологическая карта Харьковской губернии, «Труды XII археологического съезда», I. 1905.

Е. И. Мельник. Раскопки в Харьковской губернии. Могильник при С. Ницахе, «Труды XII археологического съезда», I. 1905.

Его же. Раскопки в земле лучан, «Труды XI археологического съезда», I.

В. Б. Антонович. Археологическая карта Киевской губернии, М. 1895.

Его же. Археологическая карта Волынской губернии, «Труды XI археологического съезда», I. 1902.

Его же. Раскопки курганов в Западной Волыни, «Труды XI археологического съезда», I. 1902.

Его же. Раскопки в стране древлян, Материалы по археологии России, № 11, 1893.

С. С. Гамченко. Раскопки в бассейне реки Случи, «Труды XI археологического съезда, I. 1902.

П. Г. Любомиров. Торговые связи древней Руси с Востоком в VIII—XI вв. «Ученые записки Саратовского университета», вып. III, 1923.

И. П. Линниченко. Поднепровье по некоторым северным памятникам, «Ученые записки Киевского университета», № 11, 1886.

Н. П. Кондаков. Русские клады, II. 1898.

И. И. Толстой и Н. П. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства, вып. IV и V, II. 1891, 1897.

И. П. Забелин. Русские водные пути и судовое дело в допетровской Руси, Казань 1909.

М. С. Грушевский. История України — Руси, I, изд. 2-е, 1904.

Его же. Киевская Русь, II., 1911.

И. П. Барсов. Очерки русской исторической географии, Варшава 1885.

С. М. Середонин. Русская историческая география, II. 1916.
Д. А. Корсаков. Меря и Ростовское княжество, Казань 1872.
М. К. Любавский-Западский. История русского народного хозяйства, I, Киев 1911.
А. А. Шахматов. Древнейшие судьбы русского племени, II. 1919.
А. Марков. Топография кладов восточных монет, II. 1910.
А. А. Ильин. Топография кладов серебряных и золотых слитков, II. 1921.
Л. Нидерле. Человечество в доисторические времена, русск. пер., М., 1898.
L. Niederle. Slovanske Starožitnosti. D. IV. Původ a počatki slovanu vychodnich, Praha 1924.

К ГЛАВЕ X.

И. Е. Брашенбург. Курганы Южного Приладожья, «Материалы по археологии России», № 18, II. 1895.
Его же. О признаках курганных могил языческих славян в северной полосе России, «Труды VII археологического съезда», I. 1890.
Его же. Старая Ладога, II. 1896.
Н. И. Репников. Раскопки 1909 г. в Старой Ладоге, «Сборник Новгородского о-ва любителей древности», вып. IV, 1911.
В. И. Сизов. Курганы Смоленской губернии, I, Гнездовский могильник близ Смоленска, «Материалы по археологии России», № 28, II. 1902.
А. А. Спицын. Гнездовские курганы в раскопках С. И. Сергеева, «Известия археологической комиссии», вып. 15, 1905.
Его же. Обозрение некоторых губерний и областей России в археологическом отношении, «Записки русского археологического о-ва», XI, 1899.
Д. Я. Самоквасов. Могилы русской земли, М. 1908.
Н. К. Рерих. Некоторые древности Шелонской пятины, «Записки русского археологического о-ва», новая серия, VIII. 1906.
А. Марков. Топография кладов восточных монет, II. 1910.
А. А. Ильин. Топография кладов серебряных и золотых слитков, II. 1921.
П. Г. Любомиров. Торговые связи древней Руси с Востоком, в VIII—XI вв. «Ученые записки Саратовского университета», I, вып. III, 1923.
А. А. Шахматов. Древнейшие судьбы русского племени, II. 1919.
В. Г. Васильевский. Жития Георгия Амастридского и Стефана Сурожского, Труды В. Г. Васильевского, III, II. 1915.
Н. П. Загоскин. Русские водные пути и судовое дело в допетровской Руси, Казань 1909.
И. П. Барсов. Очерки русской исторической географии, Варшава 1885.
Antiquités russes d'après les monuments historiques des Islandais et des anciens Scandinaves, ed. par la Société royale des antiquaires du Nord, 2 vols., Copenhague, 1850—1852.
O. Montelius. Les temps préhistoriques en Suède, 1895
Idem. Antiquités suédoises. 21. 1873—1875.
T. J. Arne. La Suède et l'Orient. Etudes archéologiques sur les relations de la Suède et de l'Orient pendant l'âge des Vikings, Upsal, 1914. (Archives d'Etudes Orientales, vol. 8.)

В приведенном списке из работ по специальным вопросам названы только очень немногие. При изучении отдельных проблем более узкого и специального характера следует обращаться к изданиям Археологической комиссии, Русского и Московского археологических о-в, к «Трудам археологических съездов», «Известиям Казанского о-ва истории, археологии и этнографии», «Чтениям в обществе Нестора Летописца», «Трудам б. ученых архивных комиссий», «Известиям и сообщениям Государственной академии истории материальной культуры», «Трудам Института археологии и искусствознания РАНИОН» и изданиям ныне действующих краеведческих обществ и организаций.

ИМЕННОЙ И ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

Аа Ливонская 186
Аарон (хазарский царь) 83, 85
Абава 186
Абдуррахман III 67
Абоба-Плиска 158, 183
Абхазцы 90
Авары 22, 23, 41, 70, 71, 75, 83, 156, 204, 218, 219, 221, 225, 244
Аварская держава 38
Авраамий (ростовский епископ) 152
Аврелиан 35
Австрия 42
Агафирсы 30
Адрам 31
Адриатическое море 42, 43
Азагарий 39, 231
Азербайджан 72
Азовское море 28, 37, 38, 43, 49, 50, 71 — 73, 89
Ай Даниль 17
Алазоны 26
Аланские ворота 85
Аланы 29, 34, 36 — 38, 68, 83 — 90, 94, 228, 233
Александр Великий 35
Алле 187, 196
Аллеманны 20
Алленштейн 187
Алтай 155
Алустон 46, 47
Алушта 17, 18, 47, 48
Аль Баладури 87, 88
Аль Бекри 159
Альдейгаборг 252
Альмуш 167, 168, 178, 181
Аль-Фазари 166
Альфред Великий 195
Амадока 39, 231
Амадоки 28
Амаксобии 29
Амастрида 84
Аммиан Марцеллин 36
Амморейская династия 72
Анапа 46
Анастасий I 22, 57
Андалуси 176
Андрей Боголюбский 169
Андрофаги 27, 122 — 125
Анимизм 39, 153 — 155
Анскарий 195
Антонин 31
Антонович В. Г. 57, 104
Анты 35, 39, 42 — 44, 204, 205, 223, 224, 229
Анучин 145
Анциан 31
Апуле 196, 257
Арабы 67, 71, 72, 76, 85, 160, 181, 228, 261
Аральское море 173
Аргиппен 123
Аргос 34
Аримаспы 123
Арису 127, 147
Армения 66, 67
Армяне 70
Арпе 248, 253 — 256, 261
Артек 17
Арциховский 98
Арчеда 130
Аскольд 71, 224
Аспарух 38
Атель-Куза 135
Атилла 36, 37
Афины 34
Ахмед 168
Аюдаг 47

Багдад 168
Багдадский халифат 143
Балаклава 47
Баламер 36
Бал-Гота 17
Балканы 37, 41, 42, 181, 201, 218, 225
Балта 55
Балтийский край 134, 251, 257
Балтийское море 29, 92, 113, 120, 128, 130, 132, 133, 146, 173, 177, 187, 206, 258, 259
Бартения 187
Бартенштейн 187, 196
Барты 192, 196
Басра 215
Бастарны 28 — 32, 33, 35
Бася 131
Батбай 156
Батый 37, 169, 170
Бахчисарай 17, 47
Башкирия 166
Башкиры 135, 159, 166
Бежецк 222
Белая 173, 180
Белая Вежа (Саркел) 63, 65, 66, 72, 74, 75, 79, 84, 87, 88, 92
Беленджер 62 — 63
Беловежская пуща 191
Белое море 128, 257
Белоозеро 157, 252, 256
Белоруссы 191
Белосток 191
Березина 95
Берих 33
Берлад (Бырлат) 225
Берсула 181
Бессарабия 42, 223, 225
Биармия 152, 153, 257
Билярка 163
Билярск 163
Бобр 191
Бобринский 240
Богемия 31
Богоявленский 113
Болва 130
Болгария 38, 100, 146, 156 — 159, 162, 163, 166 — 168, 143, 144, 169, 170, 173, 174, 176 — 185
Болгарские фактории 167
Болгары 22, 37, 38, 43, 53, 71, 72, 78, 79, 89, 100, 135, 143, 144, 147, 156 — 185, 224, 225, 244
Боникола 130
Борисфен 26, 39, 122, 231
Боригольм 251
Бортничи 13
Босфор 31, 35, 51, 52, 170, 181

Босфорское царство 8, 18, 20, 24, 34, 45, 50, 52, 58, 71, 72, 76, 77, 80, 233
Бранденбург 15, 16, 251, 253
Браслав 186
Браун Ф. А. 28
Брест 14, 15
«Бродники» («берладники») 243
Бронзовый век 5, 12, 55, 56, 110, 112, 128, 139, 187, 226
Брянск 13, 215
Брахимов 165
Буг (зап.) 12 — 15, 28, 33, 191, 204, 205, 217, 224
Буг (южн.) 27, 75, 115
Будины 27, 32, 123 — 125, 127
Бужане 239
Букарешт 21
Буковина 29
Булак-Темир 170
Булан 81, 82
Булгар 78, 162, 163, 168 — 170, 173 — 175, 177, 179, 182, 244, 256 — 258, 260, 261
Булычев Н. И. 118
Буляр (Биляр) 163, 164, 170
Бургас 160, 161
Бургасы 159 — 162, 166, 175
Бы трая Сосна 228
Быт литовцев 197, 199
Быт славянского города и деревни 239, 242, 244
Быт финнов 142, 149
Бюрократия 182

Вага 130
Вазуза 130, 222
Вайделоты 213
Валахия 43
Вармия 187, 196
Вартенбург 196
Василий II 66, 73, 75, 107
Васильев А. А. 46
Василько 199
Велеса 131
Великая [illegible] 208, 215, 245
Великое переселение народов 5, 8, 15 — 16, 21, 23, 40 — 42, 44 — 6[illegible], 75, 84, 86, 92, 101, 135, 188, 2[illegible]4, 2[illegible]9, 224, 229, 2[illegible], 24[illegible]
Великоруссы 228
Венгрия 21, 42, 67, 156
Венды 31
Венедский залив 29
Венеды 29, 30, 32, 35, 38 — 42, 125, 204
Вереза 131
Верестово 222
Вержа 131
Верования болгар 183
Верования литовцев 202, 203
Верования русских славян 244, 245
Верования финнов 149, 151, 153, 154
Верования хазар 80, 81
Вестберг 83
Вестготы 20, 33, 35 — 37
Весь 135, 136, 147, 167, 177, 256, 259
Ветлуга 99, 134, 168
Ветма 130
Вече 237
Видзы 198
Византия 34, 37, 43, 48, 50, 66, 68, 72, 73, 78, 80, 85, 143, 223, 239, 258
Византийские хроники 85
Викинги 195, 196, 223, 237, 250, 257
Виленский край 193
Вилия 186, 189, 190, 194, 217
Вильна 188, 189, 191, 196
Виндава (Вента) 186, 190, 197
Вирхов Р. 187
Висла 12, 15, 26, 28 — 30, 33, 35, 40, 42, 126, 187, 196, 200, 204, 205, 218
Вистицы 13
Витебск 216, 235
Витовт 201
Вихра 130, 131
Вишенка 13
Владикавказ 54
Владимир (гор.) 169
Владимир Святославич 75, 81, 119, 169, 191, 243
Вогулы 135, 142, 153
Водь 136, 208
Военно-грузинская дорога 54, 55
Возникновение литовского княжества 200, 201
Волга 38, 53, 65, 70 — 73, 75, 76, 78, 80, 94 — 96, 98 — 100, 110, 112 — 114, 120, 122, 125, 127, 128, 130, 132, 135, 136, 143, 144, 146, 156, 158, 159, 161, 163, 165 — 170, 172 — 174, 176 — 179, 181 — 183, 195, 208, 209, 211, 212, 214, 215, 218, 220, 222, 223, 242, 252, 255 — 259, 261
Волок Ламский 210, 211 — 212
Волоки 216, 222
Волоста 130
Волхов 120, 206, 207, 230, 235, 251 — 253
Волынине 239, 243, 245
Волынь 16, 33, 243
Воровская балка 54
Воронега 252, 258
Воронеж 205, 228
Ворскла 130, 226
Воря 139
Восточная Пруссия 116, 117, 186 — 189, 193, 194, 196
Вотяки 134, 136 — 138, 145, 153, 154, 181, 184
Всеволод Большое Гнездо 169
Вульфстан 195
Вымкла 130
Высоцкое 13
Вытебеть 130
Вязьма 130, 131
Вятичи 71, 74, 209, 211 — 219, 223, 227, 229, 231, 239, 243, 245, 246
Вятка 99, 100, 144, 166, 174

Габа 131
Гадарих 33
Галаты 32
Галап 21
Галерий 32
Галия 86
Галиндия 187, 193
Галинды 30, 192, 194
Галиция 10, 14 — 16, 28, 32
Галицко-волынские князья 201, 225
Галицкое княжество 134
Галлия 37
Ганза 200
Ганзейские купцы 196
Гардарики 252
Гаркави 88
Гарунь-аль-рашид 72, 80 — 82, 234
Гевонд 67
Гедимин 201
Гейлигенбейль 196
Геленджик 17, 46
Гелон 124, 124
Гелоны 30, 123, 124
Георгий Амастридский 258
Гераклея 49
Германия 31, 37, 92, 125
Германцы 5, 8, 24, 29 — 32, 33, 36, 42, 45, 125, 132, 177, 202
Геродот 5, 17, 26 — 28, 30, 32, 121 — 126, 143
Герулы 33
Гетеризм 149
Гжать 130
Гипанис 26
Гифоны 125
Гижам 235
Глеб 89
Глубокое 99
Гобена 139
Гобза 131
Говоры 13
Голубовский 87
Голядь 192 — 194, 209
Горзувиты 46, 47
Города Болгарии 182
Городец-Радилов 168
Городища:
Белгородское 62; Билярское 163, 164; Богуцишское 199, 200; Бородинское 98, 129; Вадан-

ское 187; Великие Булгары 100; Великобудановское 8; Водяновское 100; Волокитинское 91; Волчанское 62; Городецкое 98; Городищенское 129; Граханское 100; Гремяченское 129; [illegible]нецкое 62, 94; Дуна 129; Дьяково 95—99; [illegible]абужское 100, 183; Княжа-гора 93, 232, 233, 237; «Костеносные» 127; Котловское 100; Лапинское 129; Лохновское 8; Маяцкое 62; Мечетное 101; Мотронинское 6—8, 92; Мо[illegible]инское 118, 129, 188, 190; Нежегольское 62; Нинахское 94; Нугринское 129; Огубское 98, 129, 146; Пасторское 6—8, 92; Песчанское; 8 Пижемское 96, 99, 100; Поречьенское 129; Рашское 94; Салтавское 62, 64; Сережское 129; Старо-Ладожское 233, 235; Тулицкое 129; Увек 104; Федяшевские 97, 98, 129; Хазарское 104, 227; Хмельницкое 7—8; Царевское 100; Цимлянское 63—65; Чугуевское 62; Шаргород 92.
Городовые области 230, 246, 259—261
Городские старцы 237
Городцов 98, 128, 255
Готы 47, 49, 50, 81
Готланд 33, 196, 259
Готские климаты 47, 81
[illegible] 8, 20, 21, 30, 33—38, 40—42, 44—49, 52, 126, 132, 189, 194, 208, 219, 231, 232, 246
Гребенская линия 88
Грейтунги 20
Греки 75, 87, 123—125, 202, 228, 229, 231, 254
Греческие колонии 6, 8, 23, 176
[illegible]
[illegible] 196
[illegible] 191
[illegible] 70
[illegible] 66, 67, 85
Гр[illegible]ский М. С. 10
[illegible] 20
[illegible] 17
[illegible]
Гуры 17, 18, 47, 48
[illegible] 53

Дагестан 62
Дахи 80
Дакия 29, 34, 35
Даниил Романович 190
Дания 152, 258
Danprstadir 40, 231, 232
Дарий 27, 32
Дарьяльское ущелье 61, 84, 85
[illegible] 133, 258
[illegible] 184, 188, 205
Дербент 72
Десна 14, 71, 94, 104, 115, 129—131, 146, 205, 206, 209, 214—216, 220, 221, 233, 234, 236
[illegible] 31
[illegible]-тау 165
Диар 71, 224
[illegible] 196
Дитмар Мерзебургский 224
Днепр 8, 12, 14, 15, 26 [illegible]
[illegible] 230—233, 235, 237, 240, 244, 246, 252, [illegible], 257—259
Днепровские пороги 231, 232
Днестр 16, 27, 32, 33, 36, 42, 43, 115, 135, 156, 204, 227
Добруджа 181
Дон 21, 29, 36, 38, 40, 50, 62, 63, 65, 70—73, 75, 86—89, 94, 95, 101, 105, 109, 118, 120, 122, 135, 146, 156, 205, 206, 211, 216, 223, 226—229, 233, 246
Донец 53, 60, 61, 62, 71, 86, 87, 89, 94—95, 109, 205, 226—228, 233
Донской бассейн 205, 228
Дори 47
Дорос 84
Древляне 83, 217, 239, 242, 243, 245
Древлянская земля 240
Древлянские князья 246
Дреговичи 216—219, 239, 242
Дрангиана 186, 190
Дрогичин 191, 199
Друть 235
Друя 186, 205
Дукла 43
Дулебы 218, 225, 239, 246
Дунай 22, 23, 29, 31—38, 42, 43, 63, 135, 156, 181, 223—225, 243
Духовная культура русских славян 241

Евреи 80, 183
Екатеринослав 226
Елабуга 166, 173
Ельня 131
Емь 136
Еременко 216
Ефименко 134

«Жальники» 109, 206—208, 222
Жарна 131
Железный век 5, 8, 53, 56, 101, 106, 109, 110, 127, 139, 166, 187, 206, 218
Жижалова 130
Жиздра 130
Жилища болгар 170, 171
Жилища литовцев 197
Жилища финнов 136, 137
«Житие Иоанна Готского» 18, 49, 81
Жмудины 187, 191, 196, 201, 202
Жукотин 165
Жукотинские князья 183

Заальфельд 196
Закавказье 70, 72, 80, 81, 183
Залесье 13
Занятия болгар 171
Занятия литовцев 197, 198
Занятия финнов 142, 143
Занятия хазар 77
Западная Двина 100, 106, 108, 109, 112, 116, 128, 129, 131, 132, 188—190, 192, 193, 195—197, 200—201, 205—207, 216, 218, 235
Зарубинцы 13
Збруч 13
Зельбург 196
[illegible] 216
[illegible] 77
Зонара 66
Зубцов 211
Зуша 130
Зыряне 135, 147, 152, 153

Ибн-Даста 67, 76, 77, 87, 89, 166, 170, 172, 173, 178, 260
Ибн-Фадлан 67, 71, 83, 156, 166—168, 173, 174, 176, 181, 182, 184, 260, 261
Ибн-Хаукаль 67, 74, 76, 77, 83, 167, 173, 174, 182
Ибн-Эль-Эсир-Джезери 67
Иван III 47
Иваново-Вознесенск 221
Ивановский Л. К. 207
Иволь 180
Игорь 73, 74, 224, 225, 254
Изборск 235, 236, 239
Изяслав Ярославович 192
Иламанта 130
Иловля 130
Ильменские славяне 209, 216, 243, 247, 261
Ильмень 108, 110, 146, 206, 207, 218, 246, 252, 256, 257
[illegible] 75
[illegible] 144
Инкерман 50
Иоанн Готский 50, 84
Иоанн Цимисхий 251
Иомала 153
Иордан 33, 35, 36, 42, 43, 46, 126, 147, 204
Иосиф (хаз. царь) 67—71, 80—83, 127, 147, 166, 246
[illegible] 190, 200, 216
[illegible] 33, 66, 71, 72
Иран 77, [illegible], 18[illegible]
Ирпах 37

Ирна 130
Ирпень 16, 240
Исаак Акриш 68
Исаия (ростовский епископ) 152
Исакчи 42
Искона 211
Ислам 66, 80 — 82, 85, 86, 158, 168, 171, 175, 180, 183, 184
Испания 20, 37
Исседоны 123
История хазарской державы 71 — 76
Истр 26
Италия 47
Италики 202
Итиль 62, 72, 74, 76 — 79, 83, 88, 147, 174 — 176, 244, 256, 258
Иудейство 80 — 83

Кабарда 86
Кабардинцы 158
Кавказ 27, 38, 50, 53, 58 — 61, 65, 70, 85, 86, 158, 159, 190
Кавказские горы 53, 71, 72, 84
Кавказское побережье 17, 34
Казанка 166
Казань 147, 170, 173, 175, 180
Казачество 244
Каллипиды 26
Калуга 130
Калугино 131
Калужский край 193
Кама 99, 100, 113, 118, 120, 124, 125, 127, 143, 144, 156, 158—161, 163, 165, 166, 168, 169, 172, 173—175, 180, 182
Каменный век 5, 15, 39, 40, 52, 92, 98, 143, 195
Каракалла 34
Карасубазар 47
Карл Великий 38, 218, 219
Карпаты 14 — 16, 21, 26 — 32, 34, 35, 38, 40, 43, 51, 204, 205, 232, 234
Карпиловка 13
Карх 87
Каспийское море 39, 50, 53, 72, 73, 76 — 78, 80, 84, 159, 168, 173, 174, 176, 258
Касиля 131
Кассиодор 33
Каськово 131
Кахетия 87
Кашинка 222
Кедрин 66, 73
Кейстут 201
Кекения 17, 18
Келагаст 224
Кельты 30 — 32, 45
Кенигсберг 187, 196
Керкинитида 28
Керменчук 165
Керченский пролив 46, 50, 51, 73, 80, 90
Керчь 17, 45, 89
Киев 6, 26, 33, 40, 78, 95, 102, 103, 109, 131, 208, 226, 227, 229, 231, 233 — 240, 242, 243, 246, 254, 258
Киевская Русь 8, 43, 51 — 53, 66 — 68, 73, 78, 89, 92, 119, 168, 169, 178, 191, 200, 204 — 206, 213, 227, 229 — 232, 238, 239, 244, 254, 259, 260, 262
Киевские князья 227
Кизляр 62
Киликия 34
Киммерийский Босфор 50
Киоава 231
Кирелка 165
Китай 144
Клавдий 34, 35
Клады:
Бородинский 117; Булаевский 235; Витебские 234; Владимирские 119; Галицкий 128; Гробинский 196; Двинские 258; Деминский 235; Дисненский 196; Жукотинский 179; Зельбургский 196; Каневские 237; Киевские 119, 206, 236, 237, 239, 240; Кирилловский 252; Могилевские 234; Мошинский 118, 146, 193; Неймокенский 197; Новочеркасский 20, 21, 117; Переяславские 237; Перещепинский 21, 44, 50, 117; Петросский 21; Приладожские 258; Припятские 234; Рязанский 119; Сассанидские блюда 118; Свирские 252; «Сокровище Атиллы» 21; Туровский 117; Череповский 252; Черкасские 237; Черниговские 119, 237
Классовое расслоение рус. славян 119, 206
Классовое расслоение финнов 148
Клевень 130
Клещели 222
Клютома 130
Ключевский 229, 230
Княжеская дума 237
Койлово 13
Кокота 130
«Колбяги» 252
Коломна 213
Кондаков 189, 236
Константин (Кирилл) 66, 72, 81, 82
Константин Багрянородный 63, 66, 72, 75, 79, 82, 83, 135, 224, 231
Константин IV 23, 38
Константин V 49, 66, 72, 84
Константин VIII 107
Констанца 22
Констанций 233
Корфова 67
Корфиз 17, 47
Коринф 34
Коринн 240
Корокондама 90
Коротояк 105
Корсаков Д. А. 220
Косоги 74, 87, 90
Костромская арх. комиссия 117 — 118
Которосль 222
Котраг 156, 158
Крестоносцы 200
Криве-Кривейт 203
Кривичи 209 — 211, 213 — 216, 218, 219, 222, 223, 227, 234, 235, 239, 242, 243, 245, 247, 253, 256
Криничка 13
Круча 13
Крым 17, 18, 20, 37, 40, 45 — 50, 71, 73, 76, 84, 233
Крымские горы 52
Кубань 37
Куврат (Курт.) 38, 156, 158
Кудесники 151, 152, 154, 155, 184, 203
Кузнечиха 164
Культура:
Аланская 86; Ананьинская 99, 100, 128, 144, 159, 173; Болгарская 167, 170, 184; Бронзовая 16, 53, 58, 127, 159; Гальштадская 15, 16; Германская 16; Готская 21, 49; Днепровская 116; Иранская 34; Классическая 34; Кобанская 53, 54; Латенская 16; Литовская 194, 195, 202, 205, 217; Люцинская 113; Неолитическая 194; Норманская 253; Сейминская 128; Северо-Кавказская 54; Скифо-Греческая 8; Скифо-Сарматская 5, 17; Скифская 6, 11, 16, 23, 24, 26, 99; Славянская 44, 205; Трипольская 6 — 9, 26; Фатьяновская 128, 143; Финская 127 — 129, 145, 184, 205, 213, 220; Хазарская 79, 184; Чудская 166; Эллинистическая 34
Курасанты 47
Куришгаф 187, 190, 195, 196, 202
Курляндия 186, 189, 190, 196, 202, 257
Курский край 226
Куры 195, 196

Ладога 251 — 253, 258
Ладожское озеро 108, 113, 190, 205, 206, 251, 252, 256, 257, 259, 261
Лакнова 130
Лама 210, 212
Латвия 112, 188
Латыши 187, 191, 194, 196, 200 — 202, 258
Лахва 131
Лебедия 75, 87, 135
Лев IV 72
Лев VI 18, 72
Ледовитый океан 168
Леонтий (ростовский епископ) 152
Лепель 217
Лепесовка 13

Летопись! 26, 67, 74, 81, 83, 85, 87, 120, 122, 127, 147, 151 — 155, 165, 166, 168, 169, 172, 181, 183, 192, 193, 199, 203, 208, 212, 214, 216, 218 — 220, 224, 225, 229, 230, 232, 237, 242, 245, 246, 252, 262
Летцен 196
Либава 196
Либь 136
Ливония 134, 189, 196, 257
Ливы 151, 191, 194
Литовские князья 199
Литовско-русское княжество 191
Литовцы 30, 31, 35, 132, 134, 151, 186 — 203, 209, 216, 217, 219, 234, 246
Лобжа 131
Ловать 120, 206, 207, 215, 218, 235, 256
Луга 207
Лужицы 15
Лукомль 235
Луцк 13
Лучеса 235
Любар 240
Любеч 104, 229
Люцин 112

Маврикий 18, 54
Мадьяры (угры) 36, 37, 71, 73, 75, 76, 79, 80, 85, 86, 133 — 135, 159, 224, 225, 227, 228, 244
Мазовецкие князья 200
Мазурские озера 187, 191
Македония 34
Малые Буды 13
Малый Галещ (Галещ) 225
Мангуп 47
Марийская автономная область 134
Марин Тирский 29
Марош 30
Массагеты 44
Масуди 67, 73, 74, 80, 81, 83, 87, 89, 173
Матриархат 149
Медведица 222, 256
Межа 131
Мезамир 223
Меланхлены 27, 30, 123 — 125
Мельников 153
Меотида 29
Меотийское море 34, 45, 46, 123, 156
Меречанка 186, 190
Меруан 87, 88
Мери 35, 40, 135, 146, 147, 177, 212, 220, 222, 259
Месопотамия 77, 80
Метрополь 39, 231
Мещера 136, 151
Мизия 23, 34, 37
Миндовг 201, 203
Минис 28
Минский край 114
Митава 196
Михаил I 57
Михаил III 72
Могилев 131, 219
Могильники:
Ананьинский 127, 139, 183; Армеевский 119, 119; «Атамановы кости» 110; Антессорский 198; Аткарский 110; Ашераденский 113, 189, 257; Валтский 55, 60, 61; Борисовский 46; Борковский 111, 134, 145, 149; Боровский 198; Браславский 186; Броварский 103, 105, 203; Валуйский 105; Владимирские 220, 221; Волосовский 127, 139; Гердауэнский 187; Гнездовский 107, 108, 209, 210, 222, 234 — 236, 239, 253 — 255, 258, 259; Гульбище 106, 107; Джуневисский 18; Дзившизский 61; Дривятский 186; Дивьи горы 105; Еленовский 102; Елизаровский 210, 245; Ефаевский 111, Зимландский 187; Зарубинцевский 12; Зеговольдский 186, 257; Зливщинский 62; Комунтский 56, 57, 60, 64; Кобанский 53, 56, 58, 60, 85; Котловский 110; Кошибеевский 111, 145, 149; Крымские 20; Кузьминский 111, 134, 145, 149; Кумбултовский 55 — 57; Куришгафские 187; Курианский 111, 134, 145; Лабиауский 187; Линтунские 189; Люцинский 112, 117, 138 146, 149, 150, 189, 257; Лядинский 111, 138, 145, 149; Максимовский 111, 149; Маткульнский 186 Махческий 85; Межанские 188, 198; Михайловский 255; Могилевский 215; Мордовкинский 45; Моршанский 145; Муранский 110, 129, 149, 162, 180; Муромские 111, 223; Нальчикский 86; Нарочские 186; Опсинский 186; Оскольский 105; Пальновский 111; Покровский 113; Поповкинский 15; Приладожские 251; Прусский 11; Пьяноборский 110, 159; Радамичские 216; Роминтенский 187; Саатовский 58 — 62, 86, 94; Свенцянский 186; Сергачский 110, 149; Солечниковский 187; Старорязанский (Шатрищейский) 111, 145, 149, 150; Тавров 17; Тимиревский 255; Томниковский 111, 145; Тырновский 111; Урвановский 111; Фистеленский 7 — 8; Хейдскругский 187; Холуйский 111, 113, 149; Черная могила 107, 109; Черниговские 234, 236, 239, 254; Черняховский 12; Чми 54 — 57, 59, 60, 85; Чехинский 10, 11, 16; Штангенвальдский 187; Ягнятинский 102
Мокша 99, 111, 113, 130, 145, 213
Молдавия 29, 42 43, 223
Молога 146, 222, 252, 256
«Моляны» 154
Монастыри 237
Монг 73
Монголия 155
Мономах 86
Моравия 14, 15
Мордва 35, 40, 71, 134, 136, 138, 146, 147, 151, 153, 154, 160 — 162, 166 — 169, 171, 174
Мордовка 45
Москва 96, 115, 128, 148, 209, 211 — 214
Московская Русь 219
Московский историч. музей 117
Мотыкалы 12
Мохаммед-эль-Табари 66 — 67
Моча 130
Мраморное море 34
Мста 206, 208, 222, 256
Мстислав Владимирович 75
Мукадесси 163, 176, 178, 180, 183
Муктедир 166, 168
Мумин 168
Муранка 161
Муром 168, 223, 229
Мурома 134, 151
Мурсианское озеро 12

Навары 28, 29
Навля 130
Надеждин 130
Надровия 187, 202
Надь-сент-Миклош 21
Нальчик 86
Нарев 33, 191
Нароч 190
Натангия 187, 196
Нева 134
Невры 26 — 28, 30, 32, 39, 40, 122, 124, 125, 204
Нейзидльское озеро 42
Неимокан 197
Неман 31, 100, 116, 186 — 190, 192 — 194, 217
Неолит 8, 128, 233
Неро 222
Неруса 130
Несса 130
Нефедов 221
Нидерле Л. 12, 28, 42
Нижегородская ярмарка 175
Нижний-Новгород 168
Никифор (патриарх) 66
Ниосс 39, 231
Ниш 34
Новгород 119, 208, 218, 229, 234 — 236, 256, 259, 260, 262
Новгород-Северский 215
Новгородок 201
Новгородский край 206, 207
Новгородцы 175, 222 — 224
Новиетунум 42
Новороссийск 17
Норвегия 255

Норманы (варяги) 147, 177, 181, 204, 234 — 236, 238, 247 — 262
Норманские колонии 249 — 251, 253, 255, 256
Норманские саги 40, 122, 152, 153, 231, 232
Норманский вопрос 248
Нугра 130
«Нурская земля» 26
Няньга 130

Обадия 68, 81, 82
Обезы 90
Обша 131
Обь 135
Огубь 98
Одежда болгар 171
Одежда литовцев 198, 199
Одежда финнов 137 — 141
Одер 15, 39, 204
Озерный край 120, 207, 244
Ока 71, 73, 94 — 99, 101, 110, 112 — 114, 118, 120, 128, 129, 132, 135, 136, 145, 146, 168, 169, 171, 177, 178, 190, 192, 193, 205, 206, 208, 209, 213 — 216, 218, 220, 223, 228, 229
Олаф 195
Олег 71, 73, 74, 224, 253, 254
Ольвия 26, 32, 34, 123, 143, 231
Ольгерд 201
Омортаг 157
Онего 256
Орда 169
Ореанда 17
Орел 139
Оружие болгар 172
Оружие литовцев 199
Оружие финнов 141, 142
Орша 214, 216, 235
Осетины 85, 158
Осетия 53, 55, 57, 61, 62, 64, 65, 86, 97
Осетр 213
Осман 72
Основные археологические культуры 122
Остготы 29, 33 — 38, 46
Острог 16
Остяки 135, 148, 153
Осьма 131
Ошел 165
Оять 251, 252, 256, 258

Паволочь 240
Палеолит 233
Пам 152
Паннония 21, 34, 36 — 38, 43, 89, 156
Пантикапея 45
Партенит 47, 50
Патери 22
Паша 251, 252, 256, 258
Пенкины 29, 32, 125
Перекша 139
Пересечен 224, 225
Переяславль 104, 220, 221
Переяславское княжество 227
Переяславское озеро 220, 221, 259
Пермяки 136, 145, 153, 154, 181, 184
Персей 31
Персия 50, 72, 78, 143, 177
Персы 71, 72, 76, 85
Песах 73
Петрона Каматер 72
Печенеги 37, 71, 73, 75, 76, 86, 87, 89, 90, 116, 135, 160, 224 — 228, 244
Пижма 99
Питиунт 34
Писса 196
Племенной быт славян 246
Плесниска 13
Плиний 28
Погосты 230
Погребы 13
Подолия 225
Познань 14 — 16
Покровский Ф. В. 186
Полесье 14, 15, 26, 28, 29, 31, 33, 38, 101, 201, 217, 218
Поливанов 161
Политическое могущество хазар 71
Половцы 36, 37, 90, 227, 244
Полоцк 106, 108, 216, 234, 236, 254, 255, 259
Полоцкая земля 208, 234
Полоцкие князья 193
Полоцкое княжество 201
Полочане 209, 216
Полтава 21
Поля погребальных урн 9, 10, 12, 13, 15, 26, 27, 39, 40, 101, 110, 202, 206, 208, 217, 234, 240
Поляки (ляхи) 43, 218, 219
Поляне 71, 225, 233, 239, 240, 242, 243, 246
Польша 17, 92, 188, 191, 200
Померания 16, 187
Понебель 130
Понт 42
Поросье 240
Поход болгар на Суздальскую Русь 169
Походы русских на Болгарию 169
Прегель 33, 187, 190, 195
Прейсиш-Голланд 196
Прейсиш-Эйлау 196
Прибалтийский край 146
Припять 14, 31, 95, 132, 216, 217, 233, 234, 240
Проб 32, 35
Прокопий Кессарийский 42 — 44, 46, 47, 49, 50, 244
Промышленность болгар 176, 178 — 180, 183
Пронск 213
Проня 213, 214
Пр[illegible] 34
Протва 192, 193
Протоген 32
Пруссы 187, 191, 192, 194, 201, 203
Прут 38, 135, 225
Псел 130, 216, 226, 231, 233
Псков 188, 206 — 208, 218, 219, 235, 236, 259
Псковская земля 208, 234
Псковское озеро 208, 246
Птолемей 28 — 30, 33, 39 — 41, 126, 192, 194, 231
Пуховка 13

Раковый Кут 13
Радимичи 171, 209, 211, 214 — 219, 226, 227, 229, 231, 239, 242, 243, 245, 246
Растовица 240
Реккесвинт 20, 176
Репников Н. И. 253
Ржев 211, 222
Ржевский край 211
Ржищево 13
Рига 196
Рижский залив 110, 197
Рим 31, 35, 126
Римберт 195
Римляне 34
Римская империя 32, 34, 36, 47, 48, 77, 78
Рогачи 13
Родия 232, 237
Роксоланы 28, 29, 34
Роман II 64
Роман Ликапен 78
Романов Торг (Роман) 225
Ромашка 13
Ромен 130
Ростислав Мстиславич 211
Ростов 152, 220, 221, 234, 259
Ростовское озеро 220 — 222, 256, 259
Ростовско-Суздальская земля 151, 168
Ростовцев М. И. 41, 239
Рось 14, 227, 237, 240
Рудаково 13
Руза 210, 211, 213
«Русская Правда» 120, 238, 252
Рыков Н. С. 110, 129, 132, 162, 216
Рюрик 252
Рязанская земля 87, 89, 205, 228
Рязань 88, 114, 205, 212, 218, 223, 228, 229

Савельев 219 — 221
Савриил 80, 82
Савроматы 27, 123 — 125
Саксон Грамматик 133, 152
Салово 131

Саттовч 228, 233
Самарская лука 100, 110, 113, 129, 149, 159, 160, 161, 166, 175
Самара 130, 173
Сампата 231
Самоквасов Д. Я. 104, 106, 216
Сан 15, 205
Сапор II 22
Сар 89, 231
Сарай 100
Саратовский край 159
Сарбак 89, 231
Сарматия 29, 30, 126
Сарматы 5, 8, 20, 21, 23, 29, 30, 33, 34, 36, 38, 40, [illegible], 52, 68, 85, 115, 125, 231
Сассанидское царство 77, 85
Сассаниды 22, 50, 72, 80
Свата 130
Свияга 161, 168
Свислочь 95
Сворь 251, 252, 256
Святополк 75
Святослав 72, 74, 87, 110, 168
Святослав Ольгович 192
Святослав Ярославич 151
Северная Двина 109, 152, 167, 220, 257
Северяне 71, 104, 215, 216, 226, 227, 229, 242, 243, 24[illegible], 246
Сегедин 21
Седмиградия 31
Сежа 130
Сейм 94, 104, 129, 130, 205, 215, 216, 226, 233
Семигор 99, 222
Сембия 187, 195, 196
Семендер 62, 72, 74, 77, 78, 88
Сепявы 13
Сербо-Хорваты 43
Серебряник 163
Сергеев С. И. 253
Серена 130
Сореть 217
Серкланд 256
Серим 39, 231
Сестра 212
Сетунь 148
Сибирь 123, 128, 144, 145, 148, 155, 159, 244
Сизов В. И. 63 — 65
Силезия 14, 16
Сильха Балтавар 168
Синеус 252
Сить 222
Скандинавия 33, 107, 132, 181, 247, 249, 251, 255
Скимн Хиосский 32
Скифия 6, 8, 24, 27, 33, 40, 183, 230
Скифы 6, 23, 24, 26, 27, 29, 36, 37, 40, 46, 51, 52, 66, 115, 122 — 124, 132, 231, 233
Склавены 35, 39, 42 — 44, 204, 224
Склавы 39
Скорбичи 13
Славяне 5, 22 — 25, 27 — 32, 33, 38 — 45, 67, 71, 72, 74, 78, 79, 83, 87 — 90, 101, 106, 121, 125, 128, 132, 134, 146, 151, 156, 157, 188, 193, 194, 202 — 247, 259, 262
Славянская колонизация 206, 208, 209, 211, 212, 214 — 216, 218 — 220, 222, 225 — 227, 229, 242, 243, 256
Славянская прародина 217 — 219
Сл[illegible] 42
Случь 95, 210
С[illegible] 210
С[illegible] И. Н. 148 — 172
Смоленск 95, 101, 108, 109, 119, 208, 209, 222, 229, 234 — 236, 246, 253 — 255, 259
Смоленский край 193, 206, 209, 211, 222
Смоленское княжество 192
Снова 130, 215
Сож 94, 130, 131, 209, 211, 214 — 216
Солечь 186, 190
«Содяной» путь 233
«Сопки» 108, 109, 206 — 209, 211, 222, 235, 239, 251, 253
Социально-политич. строй Болгарии 181 — 183
Спарта 31
Спафарий Петрона 63
Спицын А. А. 12, 99, 110, 131, 220, 221, 253
Сполы 33
Старая Русса 256, 257, 259
Старая Рязань 119, 209, 213, 229
Старо-русский край 256
Старый Крым 47
Стефан Пермский 147, 152
Стефан Сурожский 258
Страбон 29, 32, 46, 125
Страва 131
Сувар 164, 166, 182
Сугдея 47
Сугров 86
Судь 252, 256
Судавия 187, 191, 196
Судак 47
Судины 80, 194
Судость 130
Суздаль 151, 220, 234, 259
Суздальская Русь 174, 219, 221 — 223, 234, 243, 245, 256
Сула 130, 226, 231, 233
Сулак 63
Сулоны 126
Сумь 186
Сура 99, 161, 166, 168
Сук-Су 17, 18
Сухой-Ташлык 6
С[illegible]сь 251, 252, 256, 258

Табари 88
Тавроскифы 46
Тавры 17, 46
Талиб 168
Тальсен 197
Танаис 27, 63 123, 156, 233
Татамарха 90
Татарское нашествие 163, 169, 170, 172, 228
Татары 36, 79 85, 116, 119, 161, 166, 168, 169, 170, 172, 173
Татищев 169
Тацит [illegible]
Т[illegible] орден [illegible]
Т[illegible]
Т[illegible] В[illegible] [illegible], 47
Терек [illegible], 86
Т[illegible]ская линия [illegible]
Т[illegible] 1[illegible]
Тиберий II 84
Тибет 155
Тиверцы 224, 225, 227
Тимур 170
Тирас 26
Тисса 34
Тиссагеты 123, 125
Титва 130
Тихая сосна 62, 216
Тихвин 252
Тихвинка 252, 256
Тихвинская система 252
Тихомиров 255
Тмутаракань 51, 73, 75, 89, 90
Тмутарканский камень 89
Толстой 189
Томашек 28
Томи 22, 23
Торговые города на Руси 229, 230, 246
Торговля болгар 167, 172 — 178, 183
Торговля литовцев 195 — 197
Торговля финнов 143, 144, 147
Торговля хазар 77 — 79
Торговые пути 9, 112, 118, 120, 125, 143 — 147, 159, 166, 168, 173 — 175, 183, 185, 195 — 197, 206, 230, 233 — 236, 238, 243, 244, 246, 248, 249, 252, [illegible] — 260
Торговый класс [illegible], 246
Торецкий [illegible]
Торки 37, [illegible]
Трансильванские Альпы [illegible]
Трансильвания [illegible]
Трапезунд [illegible], 46
Триполье 13
Тростинцы 13
Трудо 195

Туркестан 175
Турки 48, 71, 175
Турово-пинское княжество 201
Туруны 181, 183
Тускорь 130
Тухчин 165
Тюрки 24, 138, 182, 184
Тюша 139

Уваров 137, 138, 219 — 221, 255
Увисло 13
«Угол» 38, 223, 224
Угра 130, 135, 193, 211
Угра (Югра) 134, 148, 177
Удай 130
Уза 130
Узы 75, 76, 160, 227
Украина 15
Уличи (Угличи) 224, 225, 227
Улла 217, 235
Ульмеруги 33
Ульфила 25
Упа 129, 193, 213
Урал 71, 92, 99, 113, 115, 123, 125, 128, 135, 145, 155, 159, 166, 168, 173, 179, 180, 244
Улица 235
Успенское-Булгары 162
Усса 130
Уставная грамота Ростислава Мстиславовича 211, 222
Устюг Великий 167
Устюжна 252
Утка 164

Фанагория 90
Фазис 34
Федор Ростиславович 169
Феодализм 147, 148, 182, 199, 246
Феодоро 47
Феофан 38, 66, 156, 158
Феофиль 63, 72, 82
Филимер 33
Финляндия 134, 251
Финны 29, 31, 71, 121, 122 — 155, 159, 161, 162, 167, 171, 172, 176, 178, 179, 184, 193, 194, 203, 207 — 209, 213, 214, 216, 220 — 223, 231, 234, 239, 244 — 246, 251, 256, 261
Финский залив 113, 207
Финские языки 131
Фирдоуси 70
Фракия 34
Франки 20, 218
Фрашгаф 195, 196
Фругундионы 126
Фуллы 47, 48

Хазария 53, 58, 62, 63, 66 — 90, 146, 156, 16[illegible], 168, 183
Хазары 21, 38, 48, 53, 63, 65 — 90, 135, 146, 158, 160, 166, 168, 173 — 177, 181, 182, 184, 225, 233, 246, 247, 259
Хакам II 67
Халифат 66, 77, 80
Халкедонский собор 22
Харьков 205
Хаздан-Ибн-Шапрут 67, 68, 82, 87, 147, 246
Хвойко В. В. 6, 14, 103
Херсон 46
Херсонес 34, 45, 47, 63, 71, 72, 78, 84, 233
Ходаковский 92
Хозран 257
Хозрой I 54
Хозрой II 54, 207, 235
Хорваты 32, 43, 225
Хорезм (Хива) 168, 173, 175, 176
Хорол 130
Христианство 34, 48, 66, 80 — 82, 85, 86, 93, 103, 152, 203, 206, 207, 210, 212, 213, 215, 244, 245
Хроника Генриха Латыша 200
Хроника Дусбурга 203
Хроника Михаила Сирина 224
Хуны 26

Царство польское 14 — 16, 18
Цна 99, 113, 130, 145, 213, 222

Чагода 252
Чаталар 157
Чатырдаг 46
Челмат 165
Чембар 130
Ченца 144, 166, 174
Черемисы 71, 127, 134, 136, 138, 147, 151, 153, 154, 161, 166, 171, 184
Черемшан Большой 166, 182
Черемшан Малый 163
Черепеть 130
Черепнин А. И. 213 — 214
Черкесы 90
Чернигов 104, 106, 119, 229, 234, 236, 254
Черниговское княжество 243
Черное море 20 — 22, 29, 34, 40, 50, 51, 79, 90, 146, 204, 206, 225, 244, 258, 259
Черняхово 18
Чехи (селение) 10, 11, 13
Чехия 14, 15, 31, 37
Чешуев 86
Чистополь 165
Чуваши 38, 158, 161, 162, 170, 179, 181, 184
Чудское озеро 108, 110, 205 — 208
«Чудские древности» 144, 145, 173
Чудь 136, 144, 146, 147, 152, 153, 167

Шалания 187
Шаманизм 154, 155, 160
Шара 217
Шараневич 10
Шафарик 27, 28
Шахматов 42, 43, 87, 89, 218, 219, 228, 229, 243, 248, 249, 252, 256 — 259, 261
Шведы 195, 196, 248, 258, 261
Швеция 188, 195, 196, 257, 258, 261
Шексна 114, 146, 222, 252, 256
Шелонь 206, 208
Шиппенбейль 196
Шуршун 73

Щигры 130

Эгейское море 34
Эльба 15, 31, 218
Эль-Балха 170, 175, 182
Эльбинг 195
Эпоха пермско-чудских древностей 159
Эрзя 127, 147, 166, 167
Эрманарих 35, 36, 126, 146, 147
Эрмитаж 32, 118, 144
Эсегель 181
Эски-Кермин 48
Эстония 220, 257
Эсты 31, 35, 131, 136, 151

Юмала 154
Юрий Суздальский 174, 192, 222
Юстиниан Великий 18, 22 — 23, 46, 48, 84
Юстиниан II 66, 72, 83

Яблунков 43
Ягич 42
Языги 29, 33, 34, 37
Яик 71, 75, 84, 166, 168, 169, 173, 175
Ялта 17, 47
Ян Вымятич 151
Ярополк Владимирович 86
Ярослав Владимирович 255
Ярослав Святославович 168
Ярославль 151, 222, 256, 259, 261
Ясенево 13
Ясы 74, 85 — 87, 90
Ятвяги 191, 192, 194, 196
Яуза 130

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

Предисловие 3

Глава I. *Юго-запад от Геродота до великого переселения народов* . . 5—25

Общие соображения. Оседлое население к северо-западу от Скифии. Городища Поднепровья. Курганы переходного типа. Поля погребальных урн. Хронология погребальных полей. Территория погребальных полей. Выводы. Могилы в каменных ящиках с сожжением. Готские могилы. Перещепинский клад. Письменные источники. Лингвистические данные.

Глава II. *Движения народов до великого переселения и в связи с ним.* 26—52

Невры. Венеды. Общие выводы о славянской прародине. Бастарны. Ранние миграции готов. Готы и империя. Держава Эрманариха. Гунны. Болгары и авары. Судьбы славян во время переселения народов. Готы в Крыму. Культура крымских готов. Общее значение готов в культурной истории Восточной Европы.

Глава III. *Юго-восток в VI—X вв. Источники* . . . . . 53—69

Поздняя археологическая культура Северного Кавказа. Чми. Рутха. Кумбулта. Камунта. Верхний Салтов. Цымлянские городища. Письменные источники.

Глава IV. *Хазарская держава и ее культура* . . . . . 70—90

Происхождение и древнейшие судьбы хазар. Территория. Отношения к Востоку. Отношения к Византии. Отношения к Руси. Отношения к кочевникам. Торговля. Языческая культура. Принятие иудейства. Политическое устройство Хазарии. Отношение к покоренным народам. Аланская культура и ее судьбы. Что такое верхне-салтовская культура. Вопрос о славянском населении по р. Дону и в Хазарии.

Глава V. *Источники для изучения средне- и северорусских областей до времени возникновения русского государства* . . . . . 91—121

Общие замечания. Городища. Погребальные памятники. Клады. Письменные источники.

Глава VI. *Финны* . . . . . 122—155

Известия древних писателей о жителях северной и восточной части нынешнего СССР. Геродот. Тацит. Птолемей. Иордан. Хазарский царь Иосиф. Данные археологии. Галичский клад. Первоначальные границы расселения финских племен. Данные археологии. Данные географии. Данные языка. Передвижения финских племен. Культура финнов. Жилища. Одежда. Оружие и утварь. Занятия: звероловство, скотоводство и земледелие.

Стр.

Торговля. Общественный строй. Верования. Ритуал погребения. Остатки жертвенных мест. Свидетельства письменности. Данные этнографии. Общий характер религии древних финнов.

Глава VII. *Волжские болгары* . . . . . 156—185

Происхождение волжских болгар. Древние болгары и современные чуваши. Ближайшие соседи болгар. Вопрос о буртасах. Основная территория болгарского ханства и его города. Сфера влияния Болгарии. Очерк внешней истории Болгарии. Болгарская культура. Города, жилища, одежда и утварь. Военный быт. Торговля. Археологические традиции. Торговые пути. Предметы торговли. Характер торговли. Промышленность. Общественный строй. Верования. Общее значение болгарской культуры.

Глава VIII. *Литва* . . . . . 186—203

Территория литовской культуры. Время, обнимаемое ею. Признаки ее единства. Ее определение как культуры литовского племени. Вопрос о ятвягах и их древностях. Голядь и следы Литвы в средней России. Передвижения Литвы. Общий характер литовской культуры. Торговля. Домашний быт, занятия. Общественный строй. Происхождение литовского государства. Погребальные обычаи. Верования.

Глава IX. *Славяне в VII—XII вв.* . . . . . 204—247

Выводы из предыдущего. Движение славян на север, на Западную Двину и в Озерный край. Движение на северо-восток. Кривичи. Вятичи. Радимичи. Дреговичи. Оттеснение Литвы на северо-запад. Вопрос о происхождении радимичей и вятичей. Заселение Суздальского края до XII в. Движение славян к югу. Последние известия об антах. Уличи и тиверцы. Движение славян к юго-востоку и востоку. Северяне. Последствия нашествий угров и печенегов. Вопрос о колонизации Рязани северянами. Возникновение древне-русских городов. Ученые гипотезы. Данные письменности. Данные археологии. Торговые пути от Киева на юг и юго-восток. Торговый путь по Днепру. Русские города и торговля в X в. Городской торговый класс. Значение капитала. Сельский быт. Поляне. Древляне. Дулебы. Бужане. Волыняне. Экономический контраст между городским и сельским бытом. Различия между отдельными племенами. Выводы о быте сельского населения. Верования. Общественный строй.

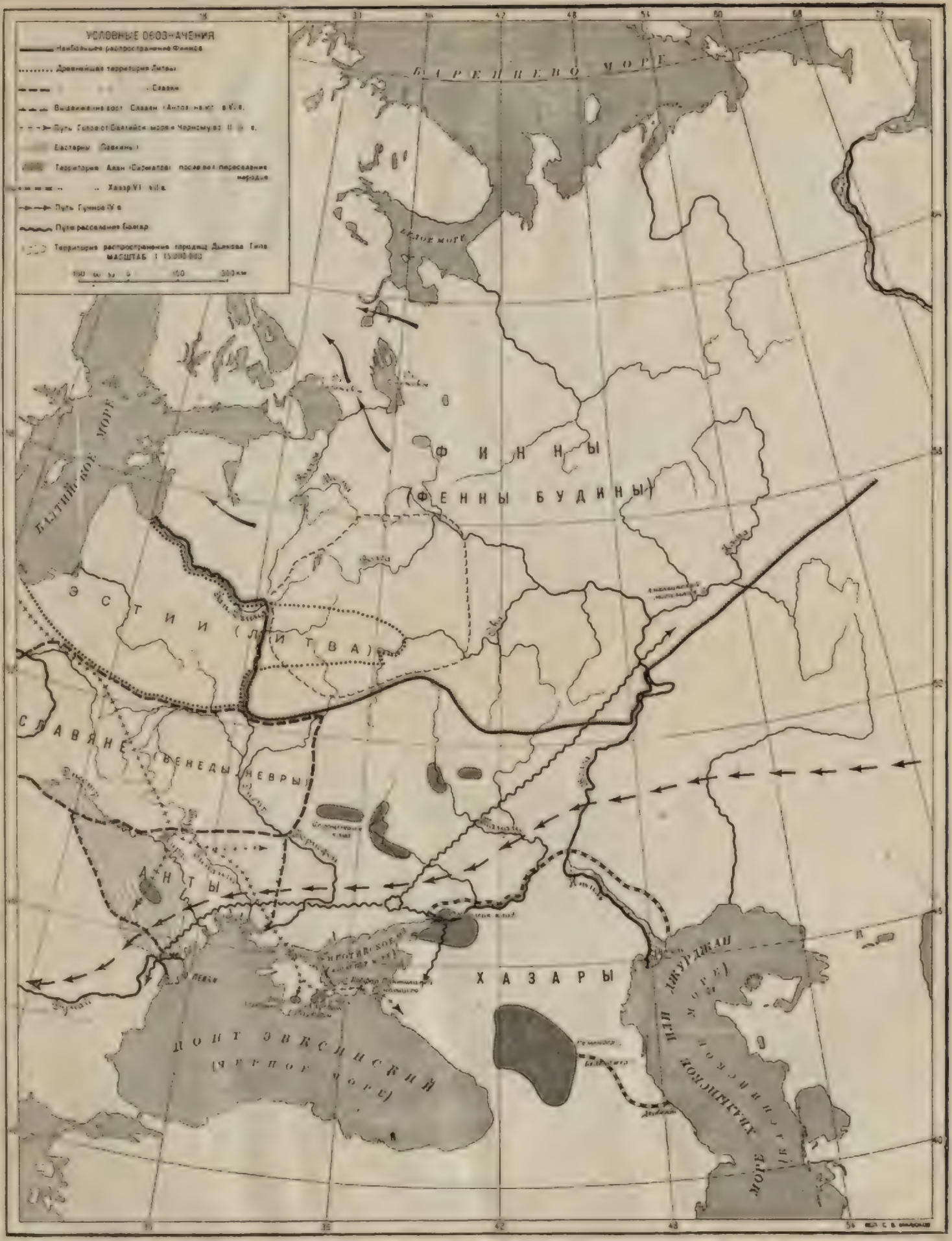
Глава X. *Норманны* . . . . . 248—262

Постановка вопроса. Находки скандинавских вещей. Следы норманских поселений. Юго-восточное побережье Ладожского озера. Старая Ладога. Гнездово. Чернигов. Окрестности Ярославля. Вопрос о норманских поселениях у Старой Руссы. Время появления норманнов в Восточной Европе. Волжский и днепровский пути. Взаимные отношения норманнов и славян. Значение норманнов в происхождении русского государства.

Указатель источников и пособий . . . . . 263—270

Именной и предметный указатель . . . . . 271—278

Приложения: 1. Карта к главам I—VI. 2. Карта к главам III, IV, VI—X.



I. КАРТА К ГЛАВАМ I — VI и VIII.

Готье. Железный век.

II. КАРТА К ГЛАВАМ IV, V—X.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА—ЛЕНИНГРАД

БОАС, Ф.

УМ ПЕРВОБЫТНОГО ЧЕЛОВЕКА

Стр. 154. Ц. 50 к

ДЬЯКОНОВ, М.

ОЧЕРКИ ОБЩЕСТВЕННОГО и ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОЯ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Стр. 402. 1926. Изд. 4-е, исправл. и дополн. Ц. 1 р.

МАКСИМОВ, А. Н.

МАТЕРИНСКОЕ ПРАВО В АВСТРАЛИИ

Стр. 86. Ц. 80 к.

ПОКРОВСКИЙ, М. Н.

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

ЧАСТЬ I

Стр. 202. Изд. 4-е, дополн. Ц. 60 к.

ПУТИЛОВ, В.

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ ТАБЛИЦЫ ПО ИСТОРИИ РОССИИ и СССР

(1800—1925)

Стр. 125. 1929 Ц. 3 р.

ПРОДАЖА ВО ВСЕХ МАГАЗИНАХ ГОСИЗДАТА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА—ЛЕНИНГРАД

КУЛЬТУРА ДРЕВНЕГО ВОСТОКА

В. АВДИЕВ

ДРЕВНЕ-ЕГИПЕТСКАЯ РЕФОРМАЦИЯ

Под ред. и с предисл. И. Н. Бороздина

Стр. 16. С 17 иллюстрациями. Ц. 30 к.

СОДЕРЖАНИЕ: Предисловие И. Бороздина. Введение. Глава I. Корни эхнатоновской реформы. Глава II. Эхнатон и его реформа. Глава III. Реакция и последствия реформы. Библиография. Примечания. Список иллюстраций.

ГОРОДЦОВ, В. А.

АРХЕОЛОГИЯ

Том I.

Стр. 397. КАМЕННЫЙ ПЕРИОД Ц. 80 к.

Б. БОГАЕВСКИЙ

КРИТ и МИКЕНЫ

Стр. 56. (ЭГЕЙСКАЯ КУЛЬТУРА) Ц. 60 к.

СОДЕРЖАНИЕ: Введение. Неолит Греции. Неолит Крита. Кикладская культура. Энеолит Греции. Периоды минойской культуры. Древне-минойский период. Средне-минойский период. Позднe-минойский период. Микенская культура. Итоги. Список главнейших работ по эгейской культуре. Список иллюстраций.

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ В СЕКТОР КНИГОРАСПРОСТРАНЕНИЯ ГОСИЗДАТА: МОСКВА, Ильинка, Богоявленский пер., 4, тел. 2-65-31 и 5-50-80. ЛЕНИНГРАД, ЛЕНОТГИЗ, Проспект 25 Октября, 28, тел. 5-34-18 и 150. ВСЕ ОТДЕЛЕНИЯ и МАГАЗИНЫ ГОСИЗДАТА РСФСР. МОСКВА, 61 ГОСИЗДАТ „КНИГА ПОЧТОЙ" или ЛЕНИНГРАД, ГОСИЗДАТ „КНИГА-ПОЧТОЙ" или КАЗАНЬ, ГОСИЗДАТ „КНИГА-ПОЧТОЙ" или РОСТОВ н Д ГОСИЗДАТ „КНИГА-ПОЧТОЙ", САРАТОВ, ГОСИЗДАТ „КНИГА-ПОЧТОЙ", САМАРА, ГОСИЗДАТ „КНИГА-ПОЧТОЙ-КОЛХОЗАМ", а в ПРЕДЕЛАХ УКРАИНЫ ХАРЬКОВ, ГОСИЗДАТ РСФСР „КНИГА ПОЧТОЙ" высылают книги всех издательств, имеющиеся на книжном рынке, немедленно по получении заказа почтовыми посылками или бандеролью наложенным платежом. При высылке всей стоимости вперед — ПЕРЕСЫЛКА БЕСПЛАТНО

2022513710